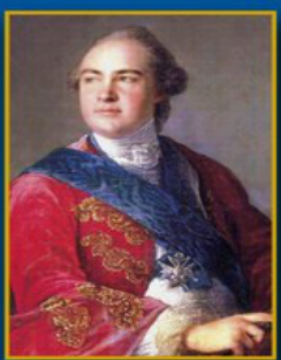
Т.Г. ТАИРОВА-ЯКОВЛЕВА

ГЕТМАНЫ УКРАИНЫ

ИСТОРИИ О СЛАВЕ, ТРАГЕДИЯХ И МУЖЕСТВЕ



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге представлены одиннадцать биографий гетманов, являвшихся военными и политическими лидерами Украины XVII – XVIII вв. Знакомясь с их судьбой, российский читатель сможет открыть для себя малоизвестные и забытые страницы украинской истории. Слава и трагедия, мужество и вероломство, выдающийся талант и покровительство фортуны удивительным образом смешались в жизни этих людей. Они были очень разными, и каждому из них довелось оставить свой след в истории Украинского гетманства. Однако, вспоминая о них, мы лучше понимаем то сложное, противоречивое, но героическое время, окутанное ореолом романтики.

- Татьяна Таирова-Яковлева
  -
  - ОТ АВТОРА
    -
    - Примечания
  - Глава 1
    -
    - Примечания
  - Глава 2
    -
    - Примечания
  - Глава 3
    -
    - Примечания
  - Глава 4
    -
    - Примечания
  - Глава 5
    -
    - Примечания
  - Глава 6
    -
    - Примечания
  - Глава 7
    -
    - Примечания
  - Глава 8
    -
    - Примечания

- Глава 9
  -
  - Примечания
- Глава 10
  -
  - Примечания
- Глава 11
  -
  - Примечания
- НАИБОЛЕЕ ЧАСТО УПОМИНАЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИХ СОКРАЩЕНИЯ:

Татьяна Таирова-Яковлева Гетманы Украины. Истории о славе, трагедиях и мужестве

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

В книге использованы архивные фотографии, предоставленные автором

Книга подготовлена на базе исследований, выполненных автором при поддержке фонда Gerda Henkel

ОТ АВТОРА

К началу IX века в районе Приднепровья формируется территория Древней Руси, объединившая земли многих славянских племен. Ее столицей становится Киев. Тесную связь с Киевом имела и Новгородская земля, и другие восточнославянские княжества. Своеобразная и высокоразвитая культура восточного древнеславянского государства послужила базой для дальнейшего развития Украины, России и Белоруссии. Татаро-монгольское нашествие уничтожило тесные связи и изменило дальнейший ход истории. Более всего пострадали земли центрального Приднепровья. В наиболее выгодной ситуации оказалась западная Галицко-Волынская Русь. На фоне разрушения старых восточных центров начинается возвышение Москвы.

В XIV веке центральные приднепровские княжества освобождаются от татаро-монгольского ига и входят в состав Литвы. С прекращением династии Романовичей она объединяется с Галицко-Волынским княжеством и образуется Великое княжество Литовское. Долгое время литовские князья опирались на традиции Киевской Руси, принимали православие, внедряли в делопроизводство старославянский язык. Но уже в 1385 году заключается Кревская уния и начинается долгий, но неуклонный процесс объединения Великого княжества Литовского с Польшей. В 1569 году он завершается Люблинской унией и созданием единого государства Речь Посполитая.

Практически сразу же после Люблинской унии начинается административное, юридическое и экономическое перекраивание украинских земель на польский лад. Проводником этой политики становится польская шляхта, которая с энтузиазмом двинулась в богатые новые восточные земли, получив право приобретать владения в любых территориях Речи Посполитой. Главным отличием польской шляхты[1] от литовской аристократии были воинствующий католицизм и открытое презрение, с коим они относились к населению украинских земель и его исконной культуре. Активная политика польской шляхты, насаждавшей свои экономические законы (прежде всего, неизвестную до тех времен в Украине панщину[2]), захватывавшей лучшие украинские земли, притеснявшей православие и пренебрежительно обращавшейся с украинской шляхтой, стала одной из главных причин массового протеста населения. Чаще всего протест принимал форму ухода в «вольные края». Географическое и геополитическое положение Украины, граничившей с

бескрайними и незаселенными в те времена просторами Дикого поля[3], создавали для этого самые благоприятные условия.

Украинское гетманство. Административное деление по И. Крипякевичу

Нарастание конфликтов в религиозной, культурной и экономической сферах стимулирует на украинских землях в конце XVI – начале XVII веков процесс духовного возрождения и формирования национальной идентичности. Борьба за сохранение православия проходила на фоне формирования новой политической элиты Украины, тесно связанной с казачеством. Стремление управлять собственным краем, жить по своим правам и свободам приводит к ряду кровавых столкновений с властями Речи Посполитой.

В результате восстания Богдана Хмельницкого, начавшегося в 1648 году, большая территория Украины становится свободной, формируется Украинское гетманство с собственной административной, судебной и налоговой системой. Тяжелая военная ситуация заставляет Б. Хмельницкого в 1654 году принять подданство Русского государства, однако, автономное положение гетманства было сохранено. Процесс «притирания» проходил болезненно, часто доходя до кровавых конфликтов. Украинское гетманство скатилось в пучину Руины, гетманы менялись очень часто, искали различные внешние комбинации, Украина пустела, на ней хозяйничали вражеские армии. Только к 80-м годам XVII века наметился выход из кризиса.

В настоящем издании представлены биографии одиннадцати украинских гетманов, начиная от Петра Сагайдачного и заканчивая Кириллом Разумовским. Их власть и влияние были различными. При выборе персоналий я руководствовалась прежде всего вкладом того или иного гетмана в историю Украины и возможностью наиболее полно и подробно воссоздать хронологию событий. Биография Ивана Мазепы изложена мной в отдельном издании и поэтому не включена в данную книгу. Так как в книге излагаются биографии людей, живших в близкий временной период, а зачастую – участвовавших в одних и тех же событиях, неизбежными являются некоторые повторения.

Из выбранных мною исторических фигур Иван Богун и Остафий Гоголь не вполне соответствуют заявленной теме: первый собственно гетманом никогда не был, но неоднократно становился наказным гетманом (т. е. командующим походом) и вообще являлся столь яркой личностью в истории Украины, что не рассказать о нем нельзя. Имя потомка Остафия Гоголя, Николая Васильевича Гоголя, так много значит для отечественной и мировой литературы, что читателю будет небезынтересно узнать о его пра-пра-пра-прадеде – человеке весьма примечательном и своеобразном, хотя и остававшемся гетманом лишь небольшой промежуток времени на совсем маленькой территории.

Для более легкой ориентации в тексте предлагаю читателю кратко ознакомиться с основными понятиями и реалиями, связанными с украинским казачеством.

Украинское казачество[4] возникло в конце XV века и сформировалось к середине XVI века. Разделялось казачество на «запорожское» (они же: запорожцы, сечевики, низовики) и «реестровое» (они же: реестровые, городовые). Запорожское казачество – вольница, селившаяся за порогами в низовье Днепра (отсюда название – Запорожье, Низ). Средства к существованию запорожцы получали от «промыслов» (рыбалка, охота и т. д.) и от набегов на татар, в которых они, собственно, и прославились. Запорожцы жили по собственным законам, придерживаясь своеобразной демократии, и не подчинялись ни польскому королю, ни русскому царю, даже когда это предписывалось международными отношениями. Женщинам было категорически запрещено посещать Запорожье. Возглавляли запорожцев выбранные кошевые атаманы (от слова «кош»[5]). Вплоть до восстания Богдана Хмельницкого Запорожье олицетворяло собой центр украинского казачества и именно там принимались все важнейшие решения, касавшиеся заключения военных союзов, предстоящих походов, раздела добычи и т. д.

Совершенно иным было реестровое казачество (от слова «реестр», т. е. включенные в список и получавшие согласно ему жалованье). Польские короли пытались использовать в собственных целях растущее влияние казачества на Украине. Еще в 1558 году король Польши Сигизмунд II издал указ, призывавший казаков пойти к нему на службу за денежное вознаграждение. В результате собралось примерно триста казаков, которые получали из королевской казны жалованье деньгами и сукном. Но окончательно реформа была завершена при польском короле Стефане Батории, давшем реестровым казакам особые привилегии: они были освобождены от уплаты налогов и не подлежали никакому суду, кроме суда своего старшего. Таким образом, реестровые казаки стали привилегированной частью украинского общества. В реестровые мечтали попасть все казаки, а сами реестровые стремились расширить свои привилегии на всю территорию Украины. Поэтому сразу после возникновения реестрового казачества по Речи Посполитой прокатилась волна казацких восстаний, продолжавшихся с небольшими перерывами вплоть до восстания Б. Хмельницкого.

Слово «гетман» (нем. «hauptmann» – «главный человек») на Украине означало лидера украинского реестрового казачества. Позднее (начиная с Б. Хмельницкого) гетманами называли

правителей Украинского гетманства[6]. Гетманы избирались на всеобщей (генеральной) раде[7] казаков и обладали всей полнотой военной и гражданской власти: они возглавляли армию, административную и судебную систему Украины (в отличие от Польши и Литвы, где гетман – великий коронный и польный – только командующий войском).

Впервые гетманом украинских казаков польский король назвал в 1576 году командира реестровых Богдана Ружинского и пожаловал ему знаки гетманской власти (клейноды). Они включали знамя, бунчук, булаву, печать, литавры и каламар.

Традиция клейнодов имеет восточное происхождение. Бунчук (крымско-татарское слово) использовался в Османской империи как знак сана и власти паши, оттуда он был заимствован в Польше, а затем – на Украине. Бунчук представлял собой длинный деревянный шест с металлическим шаром на конце, из-под которого свисали конские хвосты. Булава (лат. Bulla) – ударное оружие, служившее на Украине символом гетманской власти. Булаву вручали гетману после его избрания. Получал булаву и наказной гетман, которого назначали исполнять обязанности гетмана во время похода или битвы. Наказных (от слова «наказ», назначенные) обычно назначали сами гетманы или в чрезвычайных случаях их избирали на казацкой раде. Печать Войска Запорожского скрепляла все важнейшие документы, издаваемые гетманами. Литавры – род барабанов, железных или серебряных, обтянутых кожей. Их также использовали на официальных мероприятиях в присутствии гетмана. Каламар – чернильница, бывшая клейнодом писарей Войска Запорожского. Символом власти полковников были перначи (шестигранная разновидность булавы).

В административном плане Украинское гетманство делилось на полки, занимавшие определенную (фиксированную) территорию Украины. Полковые города являлись резиденцией полковников, обладавших высшей административной, военной и судебной властью на территории своих полков. Полки, в свою очередь, делились на сотни (с сотенными городами, резиденциями сотников).

Высшим органом власти Украинского гетманства была Генеральная рада, на которой представители всех полков избирали гетмана и решали другие основополагающие вопросы (заключение иностранных договоров и т. д.). Гетман управлял всеми делами, советуясь со Старшинской[8] радой, чьи властные полномочия с течением времени претерпели некоторую эволюцию. Изначально вся старшина избиралась казаками на радах. Впоследствии старшину стали назначать гетманы, а в XVIII

веке – российские власти. В состав Старшинской рады входили полковники и генеральная старшина: обозный, писарь, судья, подскарбий, есаул и хорунжий. Генеральный обозный считался важнейшим после гетмана, он отвечал за артиллерию, участвовал в Генеральном суде, а в Генеральной канцелярии заведовал всеми войсковыми делами. Генеральный писарь, по сути, играл роль канцлера. Он был хранителем печати и заведовал Генеральной канцелярией, вел всю гетманскую переписку, включая дипломатическую, участвовал в заседаниях Генерального суда. Генеральный судья (обычно их было два) возглавлял Генеральный суд и заведовал всеми земельными тяжбами. Генеральный подскарбий заведовал налогами, определял их размеры и возглавлял Генеральную канцелярию казны (Скарбовая канцелярия). Генеральный есаул (их тоже обычно было двое) отвечал за порядок в полках, ведение реестра, подготовкой к походам. Генеральный хорунжий оберегал гетманскую хоругвь (знамя), возглавлял личную охрану гетмана.

Высшим административным (исполнительным) органом Украинского гетманства была Генеральная канцелярия. В канцелярии осуществлялся контроль над всеми денежными операциями и земельными делами, велось все делопроизводство. Там же хранился архив. Генеральная канцелярия исполняла функции одновременно министерства иностранных и внутренних дел. Высшим судебным органом Украинского гетманства был Генеральный суд. Все доходы шли в Войсковую Казну.

Разумеется, характер и особенности гетманской власти на протяжении веков менялись. Каждая эпоха вносила свои коррективы. Но гетманы оставались лидерами казачества, государства и народа, будучи при этом очень разными людьми, со своими талантами, достоинствами и человеческими слабостями.

В заключение хотелось бы отметить, что данная книга рассчитана, прежде всего, на российского читателя и не является сугубо научным исследованием. Но при составлении биографий автором были учтены все новейшие данные по истории Украины. Кроме того, занимаясь украинским казачеством более четверти века, автор берет на себя смелость представить собственные концепции и видение происшедших событий. Надеюсь, что и специалисты найдут для себя в этой книге что-то новое и небезынтересное.

Примечания

[1] Шляхта – польское дворянство.

[2] Панщина – то же, что барщина, т. е. рабочая повинность крестьян по отношению к владельцу, обязательные работы.

[3] Дикое поле – степи Южной Украины, незаселенные оседлым населением. Представляло собой плодородные земли с богатой флорой и фауной, но любые промыслы там были весьма опасны из-за постоянного кочевья татар. Дикое поле занимало территории современных Кировоградской, Николаевской, Донецкой, частично Днепропетровской и Харьковской областей.

[4] Казак – слово тюркского происхождения и означает отважный, вольный человек. Казачество образуется на пограничьях Великого княжества Литовского, Речи Посполитой и России, но только на украинских землях в силу ряда факторов и политической ситуации казачество начинает добиваться участия в управлении страной и превращается в политическую элиту общества, которая возглавляет национальную и религиозную борьбу Украины.

[5] Кош – от татарского «кхогп», большая отара овец. Кош у запорожцев означал центр, столицу Запорожской Сечи, а также все товарищество и администрацию Сечи.

[5] Украинское гетманство – это наиболее распространенный в настоящее время в российской исторической науке термин, обозначающий то государственное образование, а затем – автономию, которое было создано при Б. Хмельницком и существовало вплоть до 1781 года. В украинской литературе принят термин «Гетманщина». Самоназвание было «Войско Запорожское», обозначавшее не войско, а территориально-политическое образование (с городами, народом и т. д.) – и не должно вводить в заблуждение современного читателя.

[7] Рада (укр.) – совет, общее собрание казаков.

[8] Старшина – офицерские чины украинского казачества.

Глава 1
ПЕТР КОНАШЕВИЧ-САГАЙДАЧНЫЙ

Петр Конашевич (Сагайдачный) стал первым украинским гетманом в полном смысле этого слова. То есть он был не просто вождем реестрового казачества, но и играл видную роль в политической жизни Украины. Он отстаивал общенациональные и религиозные интересы в условиях жесткого противодействия со стороны Речи Посполитой, а зачастую выступал, как совершенно самостоятельный лидер. Петр Сагайдачный мало известен в России, как и вся эпоха до Богдана Хмельницкого. Между тем он был одной из самых выдающихся, ярких и знаковых фигур в истории Украины XVII века.

Не случайно звание гетмана приобрело важное политическое значение именно при Сагайдачном. Он получил прекрасное для своего времени образование, позволявшее ему обсуждать серьезные философские и гуманистические темы и задумываться о проблемах Речи Посполитой и Украины начала XVII века. Сагайдачный не довольствовался военными походами (хотя и преуспел в них), не ограничивался получением богатой добычи, а тянулся к философскому осмыслению современных ему реалий. А может быть, как раз эпоха украинского духовного возрождения выдвинула такого лидера казачества, который смог приобрести общенациональное значение.

Родился будущий гетман примерно в 1570 году в селе Кульчица Самборского повета воеводства Руського в Галиции[1]. Сагайдачный (это его прозвище) происходил из семьи украинского шляхтича[2] Конона из рода Конашевичей-Попелей герба «Побуг»[3] и Пелагеи[4]. Прозвище свое он получил позже, уже на Запорожье: «сагайдаком» татары называли колчан для лука и стрел.

Гетман П. Конашевич-Сагайдачный. Портрет XVII в.

После обычного в те времена домашнего образования юноша поступил в знаменитый Острожский коллегиум, основанный на собственные средства князем К. Острожским. В годы обучения Сагайдачного это был крупнейший в Украине научно-образовательный православный центр, собравший лучших педагогов и богословов. Школа создавалась на основе заимствованного из античных времен и модного тогда в Европе принципа «семи искусств»: «тривиум» (грамматика, риторика, диалектика) и «квадривиум» (арифметика, геометрия, музыка, астрономия). При этом в отличие от западноевропейских и польских школ в Остроге преподавание базировалось на активном использовании греко-византийской традиции. В школе преподавали церковнославянский, греческий и латинский языки, что давало студентам возможность знакомиться с античными подлинниками.

Именно в Острожской школе Сагайдачный встретился со своим соратником и будущим Киевским митрополитом Иовом Борецким.

Конашевич-Сагайдачный оказался талантливым студентом. Он окончил полный курс коллегиума и даже написал в свои студенческие годы полемический труд «Пояснения про унию»,

вызвавший большой отклик. В частности, о нем упоминал литовский канцлер Лев Сапега в своем письме к Полоцкому архиепископу Иосифу Кунцевичу.

Из Острога Сагайдачный переехал в Киев, где некоторое время работал домашним учителем у городского судьи Яна Аксака. Затем по не известным нам обстоятельствам Петр бросил свою работу и уехал в Запорожье, навсегда связав свою судьбу с казачеством. Произошло это примерно в 1601 году[5].

Надо сказать, что начало XVII века было тревожным временем для Украины. Брестская церковная уния 1696 года юридически поставила православную церковь вне закона на территории Речи Посполитой. Началось повсеместное наступление на православие со стороны униатов и католиков при серьезной поддержке Ватикана и фанатичного католика польского короля Сигизмунда III (знаковой фигуры времен русской Смуты). Казачество, выступившее под руководством Северина Наливайко в 1695 году против унии и польских порядков, потерпело поражение. Наливайко был казнен, а реестровые были резко ограничены в своих правах и численности. В рядах казаков начались разброд и шатание. На протяжении десяти лет сменилось пятнадцать различных «гетманов», что никак не способствовало объединению и сплочению казаков.

Гетман П. Конашевич-Сагайдачный. Гравюра XVII в.

Король Сигизмунд III Ваза. Портрет XVII в.

Ослабление казачества сделало положение униатов и поляков на Украине еще более вольготным. Часть казаков ушла в Запорожье, другие разбрелись по городам. Именно к тем, кто, не желая покоряться, жил в вольной Сечи, и примкнул Сагайдачный.

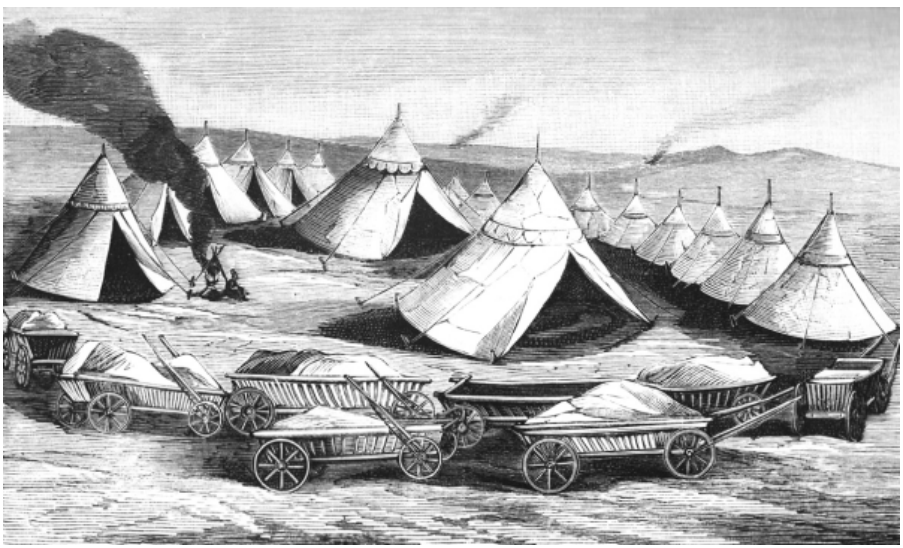
Зимовник, то есть постоянный лагерь запорожцев, в то время располагался в устье речки Чортомлык (старая Базавлуцкая Сечь). Добираться туда приходилось через тринадцать коварных порогов Днепра. Быт запорожцев в лагере был неприхотливым, жильем служили шалаши, сделанные из хвороста и покрытые от дождя лошадиными кожами[6]. Запорожский край до сих пор хранит память о знаменитом гетмане в названиях «Попелище Сагайдака» и «Кресла Сагайдака»[7].

Первое боевое крещение Сагайдачный получил во время походов в Молдавию (1600 год), а затем – против шведов в Ливонию. В этих предприятиях, организованных поляками, казаками командовал Самойло Кишко, в Ливонии и погибший[8].

Примерно в 1606 году казаки избирают Сагайдачного гетманом. Надо заметить, что он значительно выделялся из казацкой среды. Образованный, по всей вероятности знакомый с античными образцами военной тактики, имевший в своих планах

гораздо более широкие горизонты помимо сиюминутной добычи, он сумел увлечь и повести за собой казаков. Как писал современник событий Якоб Собеский, «вообще этот человек великого духа, который искал опасность, не дорожил жизнью, в бой шел первым, выходил последним, всегда расторопный, всегда деятельный. В таборе был настороже, мало спал и не напивался, как оно водилось у казаков. На советах был осторожный и во всяких разговорах малословный»[9].

Это удивительное сочетание интеллектуала и гибкого политика, с одной стороны, и дерзости смелого воина и полководца – с другой, сделали Сагайдачного выдающейся фигурой своего времени, перед которой преклонялись даже враги.



Казацкий табор. Гравюра XVII в.

Понимая, что в противостоянии польскому правительству нужно иметь весомые аргументы, и в то же время осознавая необходимость занять казаков войной, Сагайдачный активно организует походы на юг[10]. Борьба с «неверными» всегда была одним из главных занятий запорожцев. Эти походы приносили добычу, славу, укрепляли авторитет и увеличивали роль казачества в глазах польского правительства. Росла популярность казаков и среди украинского населения.

Хотя подлинных свидетельств о ранних морских походах сохранилось немного, они характеризуют гетмана как талантливого и дерзкого полководца, значительно опередившего свое время.

Еще в 1606 году гетман по просьбе поляков совершил поход в

Молдавию. Вернувшись, Сагайдачный разместил свои войска в королевских имениях Брацлавщины, претендуя на административную власть на данной территории. Дальнейшие походы он осуществлял без всякого разрешения или координации со стороны польских властей.

В 1607 году Сагайдачный опустошил турецкие крепости Очаков и Перекоп. В 1609 году его казаки сожгли Измаил и Килию[11]. В 1613 году гетман со своими казаками дважды ходил на Черное море, где опустошил ряд населенных пунктов на полуострове Таврия. Против казаков турецкий султан направил эскадру, состоявшую из галер и чаек[12]. Однако казаки не только не испугались, но, наоборот, ночью напали на турок, стоявших в Очаковском порту, и разгромили их, захватив много чаек и шесть больших галер.

Сагайдачный не преминул послать сообщение о своей славной победе польскому сейму и лично коронному гетману Станиславу Жолкевскому. Это был не жест верного подданного, а скорее дерзкий вызов казака, желавшего жить по собственным законам. Ведь Речь Посполитая категорически запрещала такие походы.

В том же 1613 году Сагайдачный напал на вторгшихся в Запорожье татар и одержал блестящую победу над ними на берегу реки Самары[13].

1614 год начался для казаков неудачно. Выйдя очередной раз в море, они попали в сильную бурю. Чайки разметало в разные стороны. Многие казаки утонули, других выбросило на берег, где их перебили турки.

Это не смутило Сагайдачного, и в конце августа он во главе двух тысяч казаков снова вышел в море. В качестве лоцманов выступали турецкие пленные («рабы-отступники», под страхом смерти принявшие мусульманство, но сумевшие вырваться из неволи). Они прекрасно знали все подходы к прибрежным турецким городам, особенности их укреплений, типографию местности и т. д. Казаки вышли в открытые воды на сорока чайках, пересекли Черное море, достигли Малой Азии и неожиданно пристали к Синопу – хорошо укрепленной, многолюдной и сказочно богатой гавани.

Это было как гром среди ясного неба, ибо до Синопа никто из врагов не добирался более 250 лет – «с тех пор, как турки Азией завладели, никогда там не было тревоги и опасности». К тому же «город любовников», как называли Синоп за прекрасное местоположение, прелестные окрестности и великолепный климат, охраняла неприступная крепость, построенная из камня, с железными двухстворчатыми воротами, имевшая 6100 бойниц и

цитадель с несколькими башнями. Синоп был мощной военно-морской базой в Османской империи, крупнейшей черноморской верфью.

Нападение на Синоп было спланировано и исполнено совершено блестяще. Его предприняли ночью, и оно стало полной неожиданностью для турок. Внезапное появление отрядов Сагайдачного вызвало панику среди солдат местного гарнизона, экипажей судов и населения. С помощью приставных лестниц казаки ворвались в крепость, захватили цитадель, верфь, галеры и город, разрушили синопский замок и сожгли его цейхгауз, нанеся туркам огромный материальный урон. Они их именно сожгли! Сгорело также несколько мечетей и частных домов. Гарнизон был почти полностью уничтожен, захвачены большие запасы оружия, корабли, освобождены многочисленные христиане-невольники, чья радость не поддавалась описанию. Добыча казаков, по оценке современников, достигала сорока миллионов злотых. Погрузив трофеи и освобожденных пленников на чайки, запорожцы вышли из Синопской гавани и скрылись из виду.

Гетман С. Жолкевский. Портрет XVII в.

Как писал известный историк XIX века И. Каманин о набегах

Сагайдачного, «смелость, быстрота и разрушительность... набегов превосходят всякие описания; такой силы они не имели ни до, ни после Сагайдачного и должны быть приписаны его военному гению. Они подняли на ноги всю Турцию».

Реакция турецкого правительства на такую дерзость со стороны казаков была предсказуемой. Султан избил буздыханом[15] своего великого визиря, а затем приказал его повесить. Визиря спасло только заступничество жены и дочери[16]. После этого султан отправил в море своего наместника Ахмет-пашу с приказом вешать всех встретившихся на его пути казаков. Кроме того, было принято решение построить крепости в устье Днепра на Черном море для предотвращения подобных нападений.

Ахмет-паша собрал до четырех тысяч янычар, посадил их на галеры и направился в устье Днепра, поджидая возвращавшихся из похода казаков. Одновременно он приступил к строительству новых крепостей. При этом Ахмет-паша потребовал от польского короля, чтобы тот во время этой работы снабжал его войско продовольствием и необходимыми строительными материалами. Стоит отметить, что поляки сочли такие действия турок угрожающими безопасности Речи Посполитой. Вместо исполнения требований Ахмет-паши коронный гетман Станислав Жолкевский выступил на южную границу Польши, силой давая таким образом понять, что Речь Посполитая вполне способна защитить свои рубежи.

Возвращение казаков домой из Синопа было печальным. Узнав о поджидающей их в устье Днепра турецкой эскадре, Сагайдачный приказал пристать к берегу, не доходя до засады. Там они вытащили чайки на сушу и намеревались волоком миновать турок по берегу, а затем снова спустить свои суда на воду. Но турки настигли их, в жестоком бою убили около двухсот человек и захватили в плен двадцать казаков. Остальные, кинув в воду часть добычи, все-таки успели спустить чайки и уплыть с наиболее ценным добром. Попавшие в плен казаки были казнены в Царьграде[17].

Из этого печального случая Сагайдачный сделал правильные выводы и в дальнейших походах не позволял туркам заставать себя врасплох на обратном пути.

Намерения турок выступить войной в казацкие земли и покончить с этой вольницей, приносящей столько неприятностей султану, натолкнулись на твердую позицию польского правительства, обещавшего лично разобраться с казаками, но выступавшего категорически против вторжения турок в пределы Речи Посполитой.

Не обращая внимания на угрозы со стороны Османской

империи и Речи Посполитой, Сагайдачный весной 1615 года напал на восьмидесяти чайках на Константинополь. Там он сжег в окрестностях турецкой столицы порты Мизевна и Архиока, опустошил местность, полную дворцов османских сановников, торговых лавок и складов, и ушел с богатейшей добычей, перепугав самого султана, охотившегося поблизости и видевшего «из своих покоев дымы».

Опомнившись, турецкий флот погнался за казаками, догнал их возле устья Дуная, но казаки под прикрытием темноты бросились в атаку и в лучших традициях настоящих пиратов взяли галеры на абордаж Произошел ожесточенный и кровавый рукопашный бой. Но уже с того момента, как казаки ворвались на палубы турецких судов, их победа была предопределена. Часть турецких кораблей потопили. Другие галеры казаки отвели под Очаков и там «в насмешку» сожгли их на глазах у турецкого гарнизона (увести их в Запорожье не представлялось возможным). Во время боя у Дуная попал в плен командующий турецким флотом. Победители на этот раз благополучно вернулись в Запорожье с богатой добычей и славой.

Не меньшую удачу в том же году принесла и сухопутная акция запорожцев. Большими силами они напали на окрестности Очакова, добрались до самого городского замка, увели много скота и успешно вернулись домой[18].

Походы 1615 года казались безумной дерзостью, осуществленной практически под носом у самого султана. Но все было исполнено столь филигранно и профессионально, что их успех стал скорее закономерностью, чем простой удачей.

В следующем году Сагайдачный опять одержал победу на Днепровском лимане, напав на нового турецкого начальника флота Али-пашу. Эту флотилию выслал султан в отместку за Босфорский поход 1615 года. Не испугавшись, Сагайдачный вышел навстречу флоту и полностью уничтожил его. Были захвачены десятки галер и около сотни мелких судов. После этого гетман, не встречая на своем пути препятствий, напал и сжег Корфу – один из крупнейших невольничьих рынков Черноморья. Все пленники были освобождены и присоединились к казацкой флотилии. Константинополь пребывал в смятении и бешенстве.

Не остановившись на достигнутом, осенью 1616 года Сагайдачный направился к Минеру и Трапезунду, взяв приступом оба города и получив бесценную добычу. Против него была выслана турецкая эскадра, состоявшая из шести больших галер и множества мелких судов. Но казаки разбили и ее, потопив при этом три галеры.

На обратном пути турки во главе с Ибрагим-пашой по своему

обыкновению поджидали казаков в устье Днепра, но гетман обманул их, пройдя устьем Дона, и затем, перетащив суда по суше, успешно вернулся в Запорожье[19].

Там его ожидало неприятное известие: во время его отсутствия, не дождавшись казаков в устье Днепра, Ибрагим-паша ворвался в Запорожскую Сечь. Она была почти пустой, так как запорожцы большей частью находились в походе или разошлись ввиду осеннего времени по городам. Гарнизон, состоявший из нескольких сотен казаков, отступил, а Ибрагим-паша довольствовался тем, что сжег зимовники, захватил пушки, лодки и взял в плен часть казаков.

Сагайдачный немедленно предпринял молниеносный маневр, у речки Конские воды догнал турок, перебил их и освободил всех пленных. Весьма характерный для гетмана эпизод!

Блестящие победы Сагайдачного на Черном море не имели себе равных практически на протяжении всей остальной истории Запорожья. Казацкое имя стяжало славу во всей Европе. Нанести столь ощутимые удары Порте казалось невероятным.

Турецкая угроза в начале XVII века имела для Европы первостепенное значение. Взятие Константинополя сделало Оттоманскую Порту могущественной державой. Это была уже не орда, а государство, способное выставить армию в 250 000 человек. В 1459 году ею была завоевана и обращена в турецкий пашалык (область, подвластная паше. – Т. Т.) вся Сербия. В 1460 году турки покорили Афинское герцогство и вслед за ним почти всю Грецию, за исключением некоторых приморских городов, оставшихся во власти Венеции. В 1462 году были завоеваны остров Лесбос и Валахия, в 1463 году – Босния. Затем турки опустошили Молдавию и поставили ее в вассальную зависимость. К XVI веку Порте принадлежал весь Балканский полуостров до Дуная и Савы, почти все острова архипелага и Малая Азия до Трапезунда, а также Валахия и Молдавия. Везде управляли или непосредственно турецкие чиновники, или местные правители, утверждавшиеся султаном и находившиеся у него в полном подчинении. В 1521 году турецкие войска взяли Белград, на следующий год захватили остров Родос. По перемирию 1547 года вся южная часть Венгрии обратилась в турецкую провинцию. В войне с Персией Порта заняла в 1536 году Багдад, в 1553 году – Грузию. После этого был захвачен Кипр, а в 1574 году – Тунис. Алжир и Триполи уже ранее признали свою зависимость от султана. Этим Порта достигла апогея своего политического могущества. Турецкий флот свободно курсировал по всему Средиземному морю вплоть до Гибралтара, а на Индийском океане нередко грабил португальские колонии. Галеры турок

появлялись даже на Темзе.

К борьбе Венеции против Оттоманской Порты подключились другие мощные европейские державы. Сам христианский цесарь возглавлял борьбу против турок. В течение 1593 – 1606 годов шла война между Портой и Священной Римской империей (в ней принимали участие и запорожские казаки). Война закончилась перемирием, но никто не питал иллюзий в отношении дальнейших планов турок.

На фоне побед европейского масштаба влияние казаков в Речи Посполитой резко возросло. Они все больше превращались в силу, с которой приходилось считаться даже королю. Польский сейм неоднократно с тревогой отмечал, что казаки сами устанавливают себе законы, сами избирают командиров, сами управляют подвластными себе территориями и практически создают в рамках Речи Посполитой собственную республику.

Главным противником казачества выступал великий коронный канцлер и гетман Станислав Жолкевский (участник русской Смуты). Собрав в Житомире осенью 1614 года представителей магнатов и шляхты, он настоял на принятии «Ординации», практически ликвидировавшей все казацкие свободы и привилегии. Казацкого гетмана должен был назначать сам Жолкевский с согласия короля, располагаться казаки должны были исключительно в Запорожье и не селиться в украинских городах, не предпринимать походов на Османскую империю, подчиняться юрисдикции государственных, духовных и частных судов, а не собственному войсковому и т. д.[20]

Казаки эту «Ординацию» проигнорировали, и, как мы уже отмечали, Сагайдачный продолжил свои успешные морские походы.

Однако следует заметить, что негативное отношение к казачеству со стороны польских властей не было беспочвенным. Нельзя идеализировать запорожцев и представлять их всех благородными борцами за православную веру. Среди казачества были и те, кто мало интересовался борьбой с унией и защитой православия, а тем более идеями национальной идентичности и просвещения. Грабежи и добыча – вот что привлекало многих авантюристов в казацком звании, и им было совершенно безразлично, кого грабить – турок, поляков, русских или своих же украинцев.

В условиях наступления польских властей на казацкие вольности именно такие авантюры на некоторое время стали популярными среди казаков. Они отстранили Сагайдачного (после его возвращения из похода) и избрали гетманом Дмитрия Барабаша. Конфликт с поляками вследствие этого только

обострился. В конце 1616 года Жолкевский снова запретил походы на турок. В Запорожье нельзя было отправлять запасы из городов и местечек Украины.

Но весной 1617 года Речь Посполитую потряс слух о планировавшемся походе Алимазор-баши на пограничные города и замки. Спешно собирая войска, Жолкевский требовал присоединения казаков к польским отрядам для обороны страны, заявляя, что они «сами это пиво наварили». Казаки не пришли, дав злой и категоричный ответ. Моральные ценности, необходимость защищать родной край – все это было чуждо авантюристам.

Правда, и поход турок не состоялся. Более того, полякам удалось заключить под Яругою договор с Османской империей о мире. Первым пунктом стоял запрет «разбойникам-казакам» ходить на Черное море. Покончив с турецкой угрозой, Жолкевский намеревался расправиться и с казачеством. Но внешнее положение Речи Посполитой и ограниченные военные силы поляков делали такую задачу весьма проблематичной. Поэтому Жолкевский, узнав о разногласиях между казаками, решил воспользоваться ситуацией[21].

Противостояние в среде казаков между старшиной и чернью уже тогда набирало силу. Это был не просто конфликт социальных слоев – богатые, бедные. «Бедными» запорожцы становились обычно по причине пьянства, азартных игр или трусости, не позволявшей им претендовать на добычу. Зато их голоса громко и яростно звучали на радах. Не признавая никаких ценностей, кроме «вольности», трактуемой в данном случае как свобода от всякой власти и порядка, они представляли собой страшную и темную силу. Что касается старшины, то она была озабочена юридическим статусом казачества, получением уступок от короля, расширением своего влияния на Украине, защитой православия и т. д. – вещами совершенно чуждыми, непонятными и лишними в представлении «черни».

Учитывая разногласия в казацкой среде, Жолкевский отправил в сентябре 1617 года письмо казакам, предлагая прислать комиссаров на переговоры. Вместо этого все казацкое войско выступило навстречу полякам. К Жолкевскому подоспели личные отряды магнатов Волыни, и они вместе приблизились к Белой Церкви. Непросто было объяснить буйным головам выгоды политики компромисса вместо открытой войны. В итоге казаки прислали своих депутатов, объявивших, что они не хотят воевать с Жолкевским. Гетманом снова избрали Сагайдачного.

Готовясь к переговорам, поляки составили еще более суровую декларацию, чем в 1614 году. По ее условиям число реестровых

ограничивалось до тысячи, а всех непослушных предлагалось карать смертью. Этот абсурд постеснялись озвучить даже сами польские комиссары. Только для обороны границ требовалось гораздо большее число казаков. Что касается ежегодного жалованья и подтверждения казакам их вольностей, «данных прежними королями», то решили, что после ближайшего сейма казаки вышлют делегатов с этими просьбами к королю, причем комиссары обещали поддержать эти просьбы. В результате толком ничего не решили, и все соглашения имели расплывчатые формулировки.

Из числа реестровых должны были исключить разных отщепенцев, примкнувших к казачеству за последние годы. «Ремесленников, купцов, шинкарей, войтов, бурмистров, кафанников, болтунов, скотобойцев, портных и других неприкаянных от себя выгнать и исключить из реестров („выписать"), а также и всех новоприбывших мещан, которые в последние годы, выйдя из урядовой юрисдикции, пристали к нашему войску – чтобы уже больше казаками не назывались и на будущее без воли короля его милости и пана гетмана коронного таких в войско принимать не будем». Это положение, по сути очищавшее и укреплявшее ряды казачества, очень устраивало Сагайдачного. Отныне реестровым казаком мог стать только земельный собственник[23]. Кроме того, казаки упорно настаивали на том, чтобы гетмана сперва избирало все войско на раде («свободными голосами»), а уже потом утверждал король.

Тайные мечты поляков заключались в превращении казаков в сторожевую охрану числом до тысячи человек, живущую к тому же за пределами Речи Посполитой, в Запорожье. Такая упрямая и негибкая позиция польского правительства остро ставила перед казаками вечный вопрос: «Что делать?» Не предавать значения планам поляков, надеясь, что это «как-нибудь уляжется»? Активно участвовать во внешних походах польской короны и стараться перетянуть на свою сторону сильных мира сего? Или же сразу пойти на открытый конфликт и потребовать от правительства признания вольностей? К последнему были не готовы – слишком неравны еще силы, чтобы противостоять военной и экономической мощи польско-литовского государства. Но не приходилось надеяться и на добровольный отказ польских кругов от основных идей Речи Посполитой. Даже спустя полвека, в гораздо более тяжелые для себя времена, идя на уступки казачеству, польская шляхта все равно надеялась на реванш и жестокую расплату. В конечном счете такая негибкость и привела Речь Посполитую к гибели. Но тогда еще до этого было далеко.

Для развития казачества, усиления его влияния, требовалась

большая и успешная война в интересах Польши. А для расширения влияния казачества среди населения следовало не допускать «выписчиков» до погромов. В этом смысле казачество было заинтересовано, чтобы поляки постоянно участвовали в военных конфликтах, а значит, испытывали потребность в казаках.

Понимая, что только сильная профессиональная армия, свободная от авантюристов и анархистов, станет серьезной силой в глазах поляков, Сагайдачный уделял огромное внимание реорганизации реестрового казачества.

Это был непростой процесс. Еще в 1604 – 1612 годах украинские казаки принимали самое активное участие в событиях русской Смуты, только с Дмитрием Самозванцем в 1604 году на Москву ходило двенадцать тысяч казаков. Эти походы имели и обратную сторону. В войне приняли участие десятки тысяч «показаченных», а включить их по возвращении из похода в реестр, понятно, не представлялось возможным. В результате по окончании военных действий все они остались без доходов и средств к существованию. Начались грабежи и разбои, не приносившие славы казацкому имени. Сагайдачному предстояло прекратить анархию в казацкой среде и создать регулярную армию, которая стала бы грозной военной и политической силой в Речи Посполитой.

Начал Сагайдачный свою деятельность по реорганизации войска с того, что использовал некоторые положения соглашения с поляками 1617 года, постаравшись избавиться от всех «приблудных». Он включил в экипировку реестровых ружье, заменив им луки, требовал наличия у каждого казака коня. Начинаются регулярные смотры войска. Поддерживалась строгая дисциплина, виновных наказывали вплоть до смертной казни. Поляки отмечали, что, укрепляя дисциплину, гетман пролил немало крови. Но результата он добился[24].

В результате реформы вместо пятидесяти-шестидесяти тысяч своевольников, согласно реестру 1619 года, осталось десять тысяч шестьсот человек регулярного войска. По мере надобности Сагайдачный мог увеличивать это число. Так, в Московском походе 1618 года принимало участие двадцать тысяч казаков, а в Хотинском 1621 года – сорок одна тысяча пятьсот. Но ядро отныне составляли реестровые полки – дисциплинированные, обученные. Они задавали тон всему войску и не позволяли своевольству возобладать над порядком.

Усиление роли казачества стало решающим фактором в решении религиозного вопроса, а именно – в юридическом восстановлении православия, лишенного после Брестской унии

всех прав.

Понимая значение казачества для своих внешнеполитических планов, польское правительство было вынуждено пойти на некоторые уступки в отношении православия. Еще в 1607 году на съезде под Сандомиром украинская шляхта постановила просить короля об уничтожении унии, лишении униатов епископских должностей и замещении их православными. Король обещал, но своего обещания не исполнил. Однако в конституцию варшавского сейма 1607 года была внесена особая статья «о религии греческой», в ней давалось обещание не нарушать прав украинского народа в отношении веры и не запрещать ему свободное отправление церковных обрядов. Этим послаблением не замедлили воспользоваться сторонники православия.

Центром борьбы против унии становится Киев. Именно там объединяются усилия гетмана Петра Сагайдачного и архимандрита Киево-Печерской лавры Елисея Плетеницкого, видного ученого богослова-полемиста, одного из лидеров украинского духовного возрождения. Сочетание военной силы казаков и материальных возможностей лавры, крупнейшего и богатейшего монастыря Украины, дало прекрасные плоды. Плетеницкий купил старую киевскую типографию, переоборудовал ее и в 1616 году выпустил там первую книгу. В Киев приезжают и другие известные православные полемисты – Захарий Копистенский, Иосиф Курцевич-Булига. Вместе они организуют кружок просвещенных борцов за православие.

В 1615 году вдова Мозырского маршала Гальшка Гулевич подарила «правоверным и благочестивым христианам» воеводств Киевского, Волынского и Брацлавского участок в Киеве. На дарованных Гальшкой землях планировалось построить монастырь, гостиницу для духовных странников, а также школу для шляхетских и мещанских детей. В конце 1615 года было учреждено Киевское братство, в которое вступили местное духовенство, мещане и шляхта, а также весь кружок Плетеницкого. В братство вступил и Сагайдачный со всем своим войском. Так у Киевского братства появился могущественный покровитель и защитник.

Основанный на земле Гулевич Богоявленский монастырь превратился в патрональный монастырь братства, а первым ректором начавшей работу в 1617 году братской школы стал однокурсник Сагайдачного по Острожской школе Иов Борецкий. В школе обучали греческому, латинскому, польскому, церковнославянскому и украинскому[25] языкам, а также грамматике, риторике, философии, арифметике, истории, музыке, геометрии и астрономии. Для преподавания этих

предметов Борецкий приглашал выдающихся ученых, писателей, общественных деятелей. Учениками школы были дети киевских мещан, духовных лиц и украинской шляхты.

Братский Богоявленский монастырь в Киеве. Изображение XIX в.

Интересно, что именно с Киевской братской школой времен Сагайдачного связывают возникновение одного из наиболее ярких театральных действий Украины – вертепа Так назывался походный театр, в котором разыгрывалось Рождество Христово. Устраивали его студенты Киевской школы, они либо пользовались куклами, либо сами становились артистами[26]. Текст пьесы был написан кем-то из православных иерархов и был направлен на поддержание в простом народе православной веры. В вертепе наряду с библейскими персонажами действовали ангелы, сатана, смерть и пр. Представление сопровождалось звуковыми эффектами, дымом и огнем.

Киевское братство постепенно крепло, разрасталось. Православные под защитой казаков все более уверенно чувствовали себя в Киеве, что не могло не вызвать неудовольствия со стороны униатов. Их митрополит Иосиф Рутский считал новое Киевское братство наибольшим препятствием для распространения унии в Киеве. Однако попытки начать наступление на православие в Киеве закончились провалом. Когда в 1618 году униатский игумен Выдубицкого монастыря А Грекович начал чинить препятствия православному духовенству, к нему ворвались казаки, схватили его и утопили в

Днепре.

Внешнеполитическая ситуация тоже не благоприятствовала униатской церкви, так как польские власти все больше нуждались в услугах казачества и соответственно шли им на уступки в религиозном вопросе.

Сейм должен был собраться осенью 1618 года и рассмотреть, в частности, вопросы о православии и о реестровом казачестве. Но пока Рутской боролся с Киевским братством, а Жолкевский вел переговоры с казаками под Росью, королевич Владислав шел с небольшим войском на Смоленск, подтверждая свои претензии на московский престол. Польско-литовское войско, которому не заплатили, взбунтовалось, объявило конфедерацию[27], и Владиславу пришлось зазимовать в Вязьме. Возникала объективная необходимость привлечь к походу казаков, причем в значительном количестве (уж явно не «тысячу»).

Поляки оказались перед дилеммой: обидеть казаков, на которых была единственная надежда в связи с походом на Москву, или уступить им в каком-нибудь серьезном пункте. И того, и другого делать не хотелось. В конечном счете было решено создать новую комиссию для переговоров с казаками. А пока потребовали от запорожцев сжечь челны и даже постановили заплатить им за это компенсацию в шесть тысяч злотых.

Сейм по инициативе Льва Сапеги ассигновал казакам двадцать тысяч злотых, и в Украине началась вербовка казацких полков. Собрав двадцатитысячное войско, Сагайдачный выступил в поход.

Московский поход – это малоизвестная в России страница истории украинского казачества. Прежде всего, Сагайдачный осадил и взял города Путивль и Ливны, пленив в последнем воеводу князя Никиту Черкасского. Затем хитростью взял Елец. Во время битвы погиб воевода Андрей Полев, а его жена попала в плен. Там же казаки взяли в плен и московское посольство, направляемое в Крым, со Степаном Хрущевым и подьячим Семеном Бредихиным.

Второй отряд казаков прошел через рязанские и тамбовские земли, взяв Данков, Скопин и Ряжск, вырезав в них немало жителей, включая женщин, детей и даже младенцев.

Единственный город, где войско Сагайдачного встретило упорное сопротивление, был Михайлов. Осада города продолжалась два дня и две ночи. Несмотря на то что гетман был крайне раздосадован неудачей, он не мог более задерживаться под небольшим местечком, так как надо было спешить на соединение с Владиславом[28].

К тому же навстречу Сагайдачному царь Михаил Романов

направил из Пафнутьего монастыря освободителя Москвы князя Дмитрия Пожарского и Григория Волконского. Но в русском войске произошел разлад, солдаты занялись грабежом. Донские казаки, бывшие в войске, разбежались. Князь Пожарский серьезно заболел и по приказу царя возвратился в Москву, а Сагайдачный при переправе через Оку одержал победу над московским войском князя Волконского и беспрепятственно шел к Москве по Каширской дороге. 17 сентября он был уже в Бронницах. Оттуда передовые отряды казаков достигли Донского монастыря и появились под самой Москвой[29].

Двадцатого сентября Сагайдачный под Тушино соединился с остатками польского войска, находившимся в семи верстах от Москвы[30]. Сын польского короля был спасен. Владислав осыпал подарками казацких послов, сообщивших о приближении гетмана, а Сагайдачному послал щедрые дары, булаву, знамя и литавры. На следующий день, «на утренней заре», поляки к своей радости увидели густо движущийся лес копий. Это были казаки. Во время торжественной аудиенции гетман передал королевичу взятых в плен московских комендантов Ельца и Ливен и перехваченных по дороге московских послов, направлявшихся с письмами в Крым. Возможно, именно с этого момента Владислав на всю жизнь сохранил теплые чувства к украинским казакам.

Осаду Москвы поручили Сагайдачному. Генеральный штурм назначили на 1 октября, в ночь перед Покровом Пресвятой Богородицы. Положение царя и его столицы было крайне тяжелым. Войск не хватало, измены бояр в годы Смуты стали делом обычным, а молодость и неопытность самого Михаила Романова не позволяли ему контролировать ситуацию.

В полночь Сагайдачный подошел к Москве и остановился возле Арбатских ворот. Уже прозвучал приказ о штурме, были выломаны Острожские ворота, но неожиданно гетман прекратил всякие действия и отступил[31].

В историографии существует много различных объяснений этого события, в том числе вполне идиллических: мол, религиозные казаки, услышав церковный звон в честь праздника Покрова, прекратили кровопролитие православных[32]. Скорее всего, истина была прозаичнее. Сагайдачный, равно как и его казаки, считал себя подданным польского короля (которому они присягали). Московское государство, несмотря на единство веры, было им весьма чуждым. Но, с другой стороны, гетман опасался чрезмерного усиления Речи Посполитой в случае падения Москвы. Он хорошо знал чванство польских панов и мог предвидеть их реакцию в случае столь значительной победы – прежде всего, пострадали бы сами казаки, точнее их вольности и

церковь. Православное Московское государство являлось хорошим сдерживающим фактором непомерных амбиций католической Польши, хотя возможности такой защиты со стороны Москвы тогда, в 1618 году, были еще весьма призрачны. Это политические причины отступления. С военной точки зрения отступление тоже выглядело логично. Быстро овладеть Москвой было невозможно, а длительная осада города не входила в планы украинского гетмана[33].

Сагайдачный предпочел status quo. Он отступил на Калугу и завладел ею, равно как и Серпуховым[34].

Владислав тоже отступил от Москвы и начал мирные переговоры с царем. В результате Московский поход поляков закончился Деулинским перемирием, заключенным 1 декабря 1618 года на четырнадцать лет и шесть месяцев. По этому перемирию Владислав отказывался от притязаний на московский престол, должен был возвратить из плена митрополита Филарета (отца царя Михаила Федоровича), Шеина и других пленных русских дворян. За это Польша получала украинские города Чернигов, Стародуб, Новгород-Северский, а также Смоленск, Дорогобуж, Рославль и др.

По окончании Московского похода казачество потребовало от польского правительства выполнения обещаний. Переговоры проходили с большим трудом. Как уже не раз бывало, после успешного завершения войны поляки поспешили отказаться от своих посулов. С большим трудом казаки получили в виде компенсации тридцать тысяч злотых и семьсот свертков сукна. Что касается всех остальных условий, они выполнены не были. Наоборот, выражая на словах благодарность гетману за его участие в походе и за политику сдерживания в отношении «своевольцев», на деле Жолкевский вынашивал план расправы с казачеством. Тайное недолго оставалось таковым: казаки перехватили письма Жолкевского в Османскую империю и узнали о его планах репрессий.

Сагайдачный собрал под Белой Церковью почти десятитысячное войско, угрожая полякам с оружием в руках защищать казацкие вольности. В ответ коронное войско подошло к Паволочи. До столкновения дело не дошло. Начались непростые переговоры, тянувшиеся целую неделю. Соглашение, заключенное между сторонами, явно не могло удовлетворить гетмана: оно предусматривало запрет морских походов и уничтожение челнов. Зато значительным достижением стало получение права проживать в «королевских владениях», где казаки могли пользоваться своими «вольностями», т. е. не подчиняться ничьей юрисдикции. Таким образом, они на законном основании могли

находиться на Украине, а не быть отрезанными в Запорожье. Жить в духовных и частных владениях казакам запрещалось. Всех, примкнувших к казакам за последние пять лет, надлежало вычеркнуть из списка. Но точная цифра реестра не называлась – ее должен был позже объявить сам король. Жолкевский получал право назначать гетмана (этот пункт в реальности не исполнялся). Годовой заработок увеличивали в четыре раза, до сорока тысяч злотых помимо сукна[35].

Желая произвести соответствующее впечатление на поляков, Сагайдачный пригласил польских комиссаров к себе и на их глазах провел смотр войска. Одиннадцать полков, все с ружьями, с собственной артиллерией и обслуживавшей ее пехотой. Всего десять тысяч шестьсот человек.

Многие казаки были недовольны политикой компромисса. В конце 1619 года гетманом реестровых был избран соперник Сагайдачного, лидер анархичного крыла и «выписчиков» Яков Бородавка. Впрочем, у власти он продержался недолго.

Дальнейшие события показали, что и сам Сагайдачный не собирался придерживаться условий соглашений с поляками. Уже в конце 1619 года пять тысяч казаков совершили набег на Крым и разбили татар под самой стеной Перекопа. Они уничтожили и увели в плен до пяти тысяч человек. Оттуда запорожцы добрались до европейского побережья Порты и опустошили город Варну[36].

Воспользовавшись этим предлогом, Сагайдачный, снова став гетманом, отправил в конце февраля 1620 года своего атамана Петра Одинца в Москву. Посольство должно было сообщить царю об удачных действиях казаков против турок и предложить служить ему против общего врага христианства[37]. Казацкие послы приехали в Москву с гетманской грамотой и двумя татарскими языками. Двадцать шестого февраля казаков торжественно приняли глава Посольского приказа думный дьяк Иван Грамотин и дьяк Савва Романчуков. На приеме казаки объявили о своем желании «служить великому государю». Одинец напомнил, что запорожцы и раньше служили московским царям, и рассказал о недавнем походе казаков против крымских татар. Выслушав послов, Грамотин похвалил их за стремление служить государю и обещал доложить о результатах встречи Боярской думе. Спустя некоторое время запорожцев приняли в Боярской думе, где их приветствовали князь Дмитрий Пожарский, а также думный посольский дьяк Иван Курбатов и Савва Романчуков. Правда, к царю казаки не попали. Им объяснили, что на дворе Масленица, скоро пост, а во время поста царь не принимает послов и иноземцев. Казаков одарили деньгами, тафтой, сукном, шапками и дали небольшое жалованье в триста рублей на Войско

Запорожское. Соглашение заключено не было, более того, путивльские воеводы, пропустившие посольство в Москву, получили строгий выговор и приказ «впредь таких великих дел без указу не дерзать» и «так не глупить»[38].

Отношение царского двора к украинским казакам вообще и к Сагайдачному в частности после Московского похода было однозначно отрицательным. Идеи защиты христиан и православного единства в то время еще совершенно не вписывались во внешнеполитическую доктрину Московского государства. Недавние события Смуты не позволяли рисковать нарушением Деулинского соглашения.

Наоборот, патриарх Филарет на соборе 1620 года установил практику перекрещивания украинцев, выходящих из Польши и Литвы, не считая их истинно православными[39]. В 1627 году начались гонения на украинские книги, обращавшиеся в русских церквах.

Но, возможно, Сагайдачный, посылая посольство, и не рассчитывал на многое. Ему было достаточно того, что его посланцев приняли и наградили в Москве. Этим он повышал собственный авторитет среди казаков, а что еще более важно – давал полякам недвусмысленный сигнал, куда он пойдет, если репрессии станут чрезмерными.

Оставив на время борьбу за казацкие вольности, гетман сосредоточился на проблемах православной церкви[40].

Учитывая, что после Брестской унии король раздавал высшие духовные должности только униатам, православное духовенство редело, епископов не было, для рукоположения священников приходилось обращаться к Львовскому епископу Иосифу Тиссаровскому. Постепенно у лидеров Киевского братства созревает идея восстановления православной иерархии.

Сагайдачный и Борецкий разработали смелый и дерзкий план. Они решили воспользоваться приездом в Москву иерусалимского патриарха Феофана по случаю посвящения митрополита Филарета в сан Московского патриарха. Из Москвы Иов Борецкий пригласил Феофана в Киев. В феврале 1620 года патриарх пересек границу Московского государства и доехал до Густинского монастыря вблизи Прилук, где его встретил Сагайдачный с полком казаков[41].

Двадцать второго марта 1620 года патриарх прибыл в Киев и был поселен в Братском Богоявленском монастыре, где его тоже охраняли казаки «как пчелы матку свою»? по выражению Густинской летописи. Такие меры предосторожности объяснялись подозрительным отношением к Феофану в польских кругах. У поляков были даже намерения арестовать патриарха.

Со всех концов Украины и Белоруссии, от церквей, монастырей и братств прибывали делегаты, которым патриарх раздавал благословения и грамоты. Гетман объявил патриарху о своем желании посвятить митрополита и епископов. Сначала Феофан отказывался, опасаясь гнева польского короля, но казаки пообещали предоставить ему полную безопасность. Гарантии, данные казачеством и шляхтой, стали решающими. 13 августа патриарх обратился к православным Речи Посполитой, прося их выбрать себе епископов[42]. Затем начался процесс посвящения избранных иерархов.

Шестого октября 1620 года в Богоявленской церкви был посвящен на Перемышльское и Самборское епископство игумен Братского Богоявленского монастыря Исая Копинский. 9 октября посвятили в Киевские митрополиты Иова Борецкого. Совершалось это с большими предосторожностями, ночью. Окна церкви были заколочены досками и завешены, чтобы свет не привлек чьего-либо внимания, а снаружи здание окружали казаки. Затем на Туровское и Пинское епископство был поставлен грек Авраамий, прибывший в Киев вместе с Феофаном. Архиепископом Полоцким, Витебским и Мстиславским стал Мелентий Смотрицкий[43].

Патриарх Феофан. Гравюра XVII в.

В конце своего пребывания в Украине патриарх посетил церкви и монастыри Киева, побывал в Белой Церкви (там состоялось посвящение Исаака Борискевича в епископы Луцкие и Острожские), в казацком монастыре в Терехтемирове (где посвятил князя Курцевича в епископы Владимирские и Брестские). Епископом Холмским и Вельским стал Паисий Ипполитович. Особой грамотой Феофан дал Киевскому братству права ставропигии[44] и подтвердил создание братской школы для «наук эллино-славянского и латино-польского письма».

Восстановление православной иерархии было встречено польскими и униатскими властями с крайним негодованием. Феофан был объявлен турецким шпионом. Двадцать второго марта 1621 года Сигизмунд III подписал универсалы к властям Великого княжества Литовского с повелением переловить и предать суду посвященных Иерусалимским патриархом епископов.

Однако воплощение в жизнь этих универсалов столкнулось с большими сложностями. Лев Сапега, канцлер Великого княжества Литовского, долго колебался, прежде чем поставить государственные печати на упомянутые универсалы. Свое промедление канцлер мотивировал перед королем опасением «поголовного возмущения и большого кровопролития, которое могут произвести в Польше и на Литве православные обыватели, а в особенности казаки, у которых сила много значит»[45].

Правда, и сам Сигизмунд III вынужден был изменить свое враждебное отношение к восстановленной православной иерархии ввиду грядущей войны с Османской империей, в которой ему, как никогда, требовалась помощь казаков. Это понимал и Сагайдачный и спокойно выжидал удобное время для обращения к королю. Его не смущал даже тот факт, что к власти среди казаков опять пришло анархическое крыло, избравшее гетманом Бородавку.

Предположение Сагайдачного, что польскому правительству скоро понадобятся услуги казаков, оказались верными. Султан начал военные действия против Речи Посполитой. Гетман великий коронный С. Жолкевский, по-прежнему непримиримый к казакам и мечтавший поймать Феофана, возвращавшегося с Украины, не желал идти ни на какие уступки, несмотря на предупреждения со стороны Сагайдачного. В результате Жолкевский был вынужден выступить против турок с небольшим польским войском и маленьким отрядом казаков. Седьмого октября 1620 года он был разбит в битве под Цецорой и погиб. В этой же битве был убит отец Богдана Хмельницкого, а сам

будущий великий гетман попал в турецкий плен.

Разгром польского войска и гибель прославленного полководца вызвали в Польше панику. Татарские загоны появились в Подолии, Галиции и Волыни. Крайняя ситуация снова заставила короля обратиться к казакам. Сигизмунд обратился к патриарху Феофану (которого ранее называл шпионом и самозванцем) с просьбой повлиять на казаков, чтобы те помогли Польше. Он даже был готов назначить православного иерарха на пустующую кафедру епископа Луцкого!

Удерживая казаков от участия в походе, Сагайдачный созвал 15 июня 1621 года большую раду в урочище Сухая Дуброва. Туда направились Сагайдачный и Иов Борецкий в сопровождении трехсот священников и пятидесяти монахов. Рада продолжалась три дня. Борецкий произнес пламенную речь о насилии и издевательствах, творимых польским правительством над верой и православным духовенством. Митрополит зачитал сообщение о погроме православных, учиненном униатами в Вильно. Речь вызвала огромное воодушевление со стороны казаков. Они обещали защищать веру, не жалея жизни. Было решено направить Сагайдачного и епископа Курцевича (выпускника Падуанского университета) к королю, чтобы просить о признании прав духовенства, посвященного Феофаном[46].

Посланцы прибыли в Варшаву и на сейме заявили свои условия. Многие выступавшие на сейме поляки призывали решить религиозный вопрос, дабы обеспечить военную поддержку казаков. Сагайдачный имел и личную встречу с королем. Помимо требования признать посвященных митрополита и епископов, он настаивал на распространении власти казацкого гетмана на всю Украину, на получении населением свободы вероисповедания и т. д. Только когда Сигизмунд пообещал выполнить эти условия, Сагайдачный вернулся в Киев.

Однако, не дождавшись Сагайдачного, казаки под начальством Бородавки выступили на войну. Головорезов-авантюристов не занимали духовные проблемы и задачи восстановления церковной иерархии. Перспектива большого военного похода под флагом короля привлекала их гораздо больше. Это, безусловно, ослабило позицию Сагайдачного в переговорах с Сигизмундом. Не теряя времени, он сам выехал к войску.

Султан Осман II угрожал разграбить Краков, древнюю столицу польских королей, уничтожить католическую веру и растоптать конскими копытами их святых. Огромная армия султана состояла из ста пятидесяти тысяч турок (с учетом всех слуг эта цифра удваивалась) и нескольких десятков тысяч татар.

Поляки смогли противопоставить этому только тридцать пять тысяч человек, поэтому участие казаков становилось решающим.

Официально возглавлял Хотинский поход королевич Владислав, которого казаки уже однажды спасли под Москвой. Его помощником был новый коронный гетман Карл Ходкевич, сменивший Жолкевского. Двадцать второго июля поляки перешли Днестр и расположились недалеко от Хотина. С Бородавкой пришло более сорока тысяч казаков (сорок одна тысяча пятьсот двадцать человек согласно сохранившемуся реестру). Артиллерия состояла из двадцати двух орудий.

Когда Сагайдачный прибыл в польский лагерь, он обнаружил, что казаков там еще нет. Поляки встретили его с радостью, наградили подарками и отправили с двумя отрядами навстречу казакам. По дороге в табор Сагайдачный ошибочно принял турецкий лагерь за запорожский. С простреленной рукой, потеряв много крови, он чудом ушел от погони, укрылся в ближайшем лесу и уже ночью добрался до казацкого стана.

Его прибытие сразу изменило расстановку сил. Сообщение о переговорах с королем, о полученных обещаниях сильно ослабили позицию Бородавки, против которого и без того росло недовольство.

В конечном счете 8 сентября Бородавка был арестован, а затем по приказу Сагайдачного казнен. Так Сагайдачный снова стал гетманом. Заметим, что этот эпизод неоднозначно трактуется историками. Все современники высказывались о Бородавке как о беззастенчивом авантюристе, стремившемся только к грабежам и добыче. Тем не менее сам Сагайдачный, хотя и прославился своими крутыми мерами по отношению к нарушителям дисциплины, видимо, переживал казнь Бородавки. Об этом свидетельствует тот факт, что, умирая, он оставил в своем завещании распоряжение о поминальных службах по Бородавке[47].

Ю. Бранд. Битва под Хотином. XIX в.

Не теряя времени, Сагайдачный принял на себя командование и выступил маршем через турецкие позиции. Первого сентября казаки достигли польского лагеря и встали на расстоянии «выстрела из лука», построив боевой табор. Это была их обычная тактика, которая, как считается, пришла к ним от гуннов и прочих кочевников. Нечто подобное использовали и дружины киевских князей. Для укрепления своего табора казаки использовали обоз. Обычно в поход брали из расчета один воз фуража, провианта и боезапасов на каждые пять – десять человек. Для маневренности возы делались таким образом, чтобы в них можно было запрягать лошадей с любой стороны. При создании табора возы ставили в несколько рядов, сцепляя их цепями. Все это обносилось валом и сетью соединенных окопов. На подступах рыли волчьи ямы и другие ловушки. При долгой обороне в возы насыпали землю, а колеса закапывали. Возы прекрасно предохраняли от турецко-татарских стрел и к тому же создавали безопасную позицию для ответной стрельбы по противнику.

Начались жестокие схватки под Хотином. Султан вознамерился покончить с польско-казацким войском. Он поклялся ничего не есть, «пока не отправит в пекло на ужин всех поляков до последнего». Не дав отдыха своим людям, он сразу с марша бросился в бой. Основной удар пришелся на казацкие отряды, укрепившиеся в таборе. Сагайдачный предпринял смелый маневр, практически оголив центральные позиции, по которым пришелся огонь артиллерии, и расставив казацкую пехоту с обоих флангов. В результате турки не смогли нанести противнику серьезного урона артиллерийским обстрелом, но сами попали под шквальный оружейный огонь с флангов.

Во главе казаков постоянно был Сагайдачный. Проявляя

чудеса храбрости и героизма, он врывался в табор врага. В подарок Ходкевичу он прислал пленного пашу.

Лишь вечером бой приостановился. Казаки добыли богатые трофеи – коней со сбруей, одежду, оружие, боеприпасы. У турок было много убитых, ими овладела паника, многие готовы были бежать. Поговаривали, что султан плакал от злости.

На рассвете 8 сентября янычары вновь бросились в атаку. Казаки в окопах выжидали, когда враг приблизится, и лишь тогда по команде открыли ответный огонь. В результате во рву перед табором погибло более трех тысяч янычар, а потери казаков были незначительными.

Сагайдачный не только успешно организовывал оборону, но и постоянно досаждал туркам вылазками. Особенно успешной была казацкая вылазка в ночь на 12 сентября, когда казаки ворвались в турецкий обоз. Они забили пушки, собрали добычу и захватили пленных. В рядах турецкого войска началась паника, погибло более шестисот янычар. Сам султан с мурзами бежал. Однако развить успех не удалось, так как Ходкевич не прислал вовремя подкрепления.

После этой ночи деморализованные турки прекратили бои и перешли к осаде табора. Но в польско-казацком лагере тоже было неспокойно. Казаки открыто заявляли свое возмущение действиями поляков, не поддержавших их во время атаки. Владислав приказал провести расследование, успокоившее казаков. Однако беды на этом не закончились. Тяжело заболели лихорадкой королевич Владислав и Ходкевич. Коронный гетман скончался 24 сентября.

Поднимая настроение казаков, Сагайдачный предпринял очередную вылазку. Они побили турок, пленили нескольких пашей. Бывший визирь Гусейн-паша тоже чуть было не попал в плен, но он бежал в лес и, умирая от страха, всю ночь пролежал в яме. Его соболью шубу казаки с триумфом принесли в лагерь.

Польский шляхтич-современник И. Ерлич писал о Хотинской войне, что Сагайдачный «взвалил все военные тягости на себя и во всем руководил. А как он советовал, так их милости паны гетманы и королевич его милость и поступали».

Турки некоторое время не предпринимали никаких действий. Только 28 сентября, после прибытия подкрепления, Осман II дал новый бой, продолжавшийся целый день. И снова все дело решил Сагайдачный, который, ударив с тыла, вынудил турок бежать.

Долгое военное противостояние, продолжавшееся тридцать девять дней, завершилось 8 октября 1621 года заключением мира между Османской империей и Речью Посполитой[48].

На блестящем банкете в честь победы Владислав выставил

для казаков сорок восемь бочек меда, двадцать четыре куфы (одна куфа – сорок ведер) горилки и двадцать пять бутылок молдавского вина. Лично Сагайдачный получил от королевича яства, сласти, семь анталов (один антал – пять ведер) лучшего венгерского вина, бочку рейнского вина, бутылку катнарского и дюжину золочено-серебряных фляжек с лекарственными горилками. Но Сагайдачный смог воспользоваться только одним подарком Владислава – прекрасным шатром кармазинового сукна. Гетман лежал тяжело больной, страдая от полученных ран.

Восемь дней длился банкет, а затем есаулы ударили в казаны, и войско стало собираться домой. Перед отъездом Владислав зашел к Сагайдачному. Гетман с трудом встал на ноги, и королевич повесил ему на шею золотое украшение с королевским портретом, украшенным рубинами, и польский герб с орлом, усыпанным сапфирами. Увидев приготовленную для Сагайдачного простую повозку, Владислав приказал подать свою коляску с балдахином. Прислал он и собственного врача-француза.

Король послал гетману драгоценную булаву и знамя, четыре тысячи червонцев и золотую цепь, а также сорок тысяч битых талеров (один талер – один серебряный рубль).

Польское правительство не могло не понимать, что казаки спасли страну от тяжелой войны. Казаки вернулись героями, получили награды. Их подвиги воспевали, сам папа Римский заказал торжественную мессу в честь Хотинской победы. Но выполнить главное условие казаков – восстановить православную церковь – поляки не желали. Что касается Сагайдачного, то он приехал в Киев смертельно больным[49].

На примере Сагайдачного – человека, многого раз спасавшего Речь Посполитую в прямом смысле этого слова, достигшего вершин славы и богатства, – особенно ярко заметна бездна пренебрежения, отделявшая польскую шляхту от украинской шляхты и казачества. Якуб Собеский, прекрасно знавший гетмана по Московскому и Хотинскому походам и искренне восхищавшийся им, все равно пишет о «простом происхождении» Конашевича. Между тем сам Собеский был польским шляхтичем, хотя и занимавшим высокие посты в Речи Посполитой (это только много позже его сын, Ян Собеский, благодаря воинским заслугам станет польским королем). Но, несмотря на «шляхетскую демократию», Якуб все равно считал православного украинского шляхтича человеком, стоящим много ниже себя на социальной лестнице. А другой современник Хотинской эпопеи, хронист Петрций вообще высказывал удивление, как Сагайдачный мог давать столь ценные военные советы, когда был «в науках

неученый»[50]. Это про выпускника-то Острожской школы, публиковавшего полемические труды! Как же должны были тогда надменные паны смотреть на обычных казаков или православную шляхту?

В начале 1622 года в Варшаву отправилось казацкое посольство, просившее о ликвидации унии и об «успокоении православных». Тяжело больной Сагайдачный лично отправил к королю письма, прося прекратить преследования казаков и распространение униатства в украинских землях.

Оставалась нерешенной и вторая проблема – что делать с участниками похода. Сагайдачный предложил демобилизационный план, по которому Речь Посполитая должна была выплачивать сто тысяч злотых в год на содержание двадцати тысяч реестровых казаков, то есть почти половины участников Хотинского похода. С целью предотвращения стычек и насилия гетман предлагал назначить места для расположения казаков. План предусматривал также увеличение сумм на содержание госпиталя и разрешение казакам наниматься на иностранную службу, что в условиях Тридцатилетней войны в Европе было особенно актуально.

Взятие Кафы. Гравюра XVII в.

Разочарованный Сагайдачный не дождался последнего удара – провала казацкого посольства и умер от полученных под Хотином ран 10 апреля 1622 года. За несколько дней до смерти, находясь еще «при доброй памяти и здравом уме», в присутствии митрополита Иова Борецкого и своего преемника по гетманскому званию Олифера Голуба Сагайдачный завещал пятнадцать тысяч злотых Львовской братской школе, а также крупные суммы Киевскому братству, церквям, монастырям и школам.

Условия его последней воли, согласно которой он оставил лишь небольшую часть своего состояния жене (она встречала его в Киеве по возвращении из Хотинского похода), дают основания полагать, что семейная жизнь не принесла славному гетману счастья. История не сохранила нам имя его супруги. Детей у него, видимо, не было. Казацкая песня донесла нам из глубины веков упоминание, что Сагайдачный «промінял жінку на тютюн та люльку[51]». Вероятно, он действительно любил свободу и опасность больше жены[52].

Хоронили гетмана на кладбище Богоявленского братства «с великим плачем Войска Запорожского и всех людей православных». Могила его просуществовала до 30-х годов XX века, до уничтожения Братского монастыря и церкви большевиками.

На смерть Сагайдачного ректор Киевской братской школы Касьян Сакович написал знаменитый панегирик, ставший образцом украинского поэтического барокко. Панегирик был украшен первой украинской гравюрой гражданского содержания с портретом гетмана и изображением взятия Кафы. На похоронах Сагайдачного панегирик читали двадцать студентов Киевской школы. «И умер боронячи мира ойчистого…» («И умер, защищая отечество…». – *Т. Т.*).

Примечания

[1] Історія України в особах. Литовсько-польска доба. К, 1997. С. 231.

[2] Даже современные польские исследования высказывают некоторые сомнения в шляхетском происхождении Конашевича (Hetmani zaporoscy w służbie króla i Ryeczypospolitej. Warszawa, 2010. S. 130.). Между тем портрет гетмана, сделанный его современником, изображает Конашевича-Сагайдачного с гербом «Побуг», что, безусловно, свидетельствует о его шляхетском происхождении.

[3] Герб «Побуг»: в красном поле серебряная опрокинутая подкова, увенчанная кавалерским крестом.

[4] *Аукомский В.К., Модзалевский В.А.* Малороссийский гербовник. К, 1993. С. 159.

[5] *Яворнгщький Д.І.* Гетьман Петро Конашевич Сагайдачний. Днепропетровьск, 1991. С. 27.

[6] *Лассота Э.* Путевые записки. СПб., 1873. С. 167.

[7] *Яворницький Д.І.* Гетьман Петро Конашевич Сагайдачний. С. 28.

[8] Історія українського війська. Львів, 1936. С. 179.

[9] *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. К, 1995. Т. VII. С. 371–372.

[10] Предположения, высказанные современными польскими исследователями, что Сагайдачный участвовал в походах Самозванцев, не подтверждены источниками.

[11] Історія України в особах. С. 232.

[12] Галера – весельно-парусное военное судно, имела в длину от 40 до 50 м, ширину 6 м и осадку 2 м. Имела от 26 до 30 весел, по три гребца на каждом. Экипаж состоял из 450 человек. Чайка – легкое весельно-парусное военное судно, длинной 60 м, шириной 10–12 м. Экипаж 40–50 человек.

[13] *Яворницький Д.І.* Гетьман Петро Конашевич Сагайдачний. С. 29.

[14] *Королев В.Н.* Босфорская война. Ростов-на-Дону, 2002. С. 167–169.

[15] Род булавы.

[16] *Королев В.Н.* Босфорская война. С. 171.

[17] *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. VII. С. 347.

[18] *Королев В.Н.* Босфорская война. С. 174–181.

[19] Там же. С. 182–187.

[20] *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. VII. С. 351.

[21] Там же. С. 358–359.

[22] Под «вольностями» в данном случае подразумевалось освобождение от налогов, а также от любого судебного преследования кроме суда казацкого гетмана.

[23] *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. VII. С. 363–365.

[24] Історія українського війська. С. 181–183.

[25] имеется в виду «проста мова», на которой велась вся переписка украинской шляхты и старшины, делопроизводство Войска Запорожского, а также создавались поэтические и драматические произведения украинского барокко.

[26] *Маркевич Н.А.* Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян // Українці: народні вірування, повирія, демонологія. К., 1992. Вид. 2.

[27] В Речи Посполитой: союз с целью выражения протеста.

[28] Повесть об осаде г. Михайлова гетманом Сагайдачным в 1618 г. // Киевская старина, 1885. № XII. С. 685.

[29] *Максимович М.* Сказание о запорожском гетмане Петре Конашевиче Сагайдачном. М., 1850. С. 5.

[30] *Печегина Е.* Московский поход П. Сагайдачного // Ucrainica Petropolitana. Вып. 2. СПб., 2008. С. 31–37.

[31] *Муханов П.А.* Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши. М., 1834. С. 66.

[32] *Максимович М.А.* Сказание о запорожском гетмане Петре Конашевиче Сагайдачном // Максимович М.А. Собрание сочинений. К., 1876. Т. I. С. 6.

[33] *Сас П.* Гетман Петро Сагайдачний // Володарі гетманськоі булави. К., 1994. С. 107.

[34] *Печегина Е.* Московский поход П. Сагайдачного // Ucrainica Petropolitana. СПб., 2008. Вып. 2. С. 31-37.

[35] *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. VII. С. 380–387.

[36] *Яворницький Д.І.* Гетьман Петро Конашевич Сагайдачний. С. 43.

[37] Речь шла именно о наемной службе, а не о подданстве.

[38] ВУсР. М., 1953. Т. I. № 1. С. 4–15.

[39] Православных в Украине крестили обливанием, в то время как в Московском государстве – окунанием.

[40] В современных польских исследованиях этой стороне деятельности Сагайдачного уделяется удивительно мало внимания. История Киевского братства практически вообще ими не освещается.

[41] Участие запорожских казаков в восстановлении (иерусалимским патриархом Феофаном) православной южно-русской церковной иерархии в 1620 году // Киевская старина. К., 1905 г. Октябрь. С. 136.

[42] По традиции, сложившейся в Украине и Белоруссии, в

избрании церковных иерархов принимали участие и миряне.

[43] *Максимович М.А.* Собрание сочинений. Сказание о гетмане Петре Сагайдачном. К., 1876. С. 367.

[44] То есть братство, впрямую подчиняющееся патриарху.

[45] Участие запорожских казаков в восстановлении… С. 139.

[46] *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. VII. С. 459–461.

[47] *Яворницький Д.І.* Гетьман Петро Конашевич Сагайдачний. С. 49–50 и др.

[48] *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. VII. С. 469–479.

[49] «На том пляцу тот наш гетман постреленій
Пріихал до Кіева наполі умерлій.
Где розмаитіх лекарств довгій час заживал,
На докторі от кроля самого кошт метал».
Панегирик К. Саковича.

[50] Оба источника цитированы нами по: *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. К., 1995. Т. VII. С. 371–372.

[51] То есть на табак и трубку.

[52] Правда, поляки приписывали Конашевичу «чрезмерное служение Венере».

Глава 2
БОГДАН ЗИНОВИЙ ХМЕЛЬНИЦКИЙ[1]

Богдан Хмельницкий происходил из семьи украинской православной шляхты (скорее всего, с Западной Украины), тесно связанной с судьбой казачества.

Его отец Михаил служил при дворе великого коронного гетмана[2] Станислава Жолкевского, прославившегося борьбой с турками и участием в русской Смуте. Молодой энергичный шляхтич, видимо, принял участие в одном из «наездов» (т. е. нападении на соседей), столь распространенных в те времена и, не имея особых покровителей, был осужден на изгнание («инфамию»[3])[4]. Ему не оставалось ничего другого, как податься в вольные казацкие края. Так получилось, что как раз в это время приятель С. Жолкевского, Ян Данилович (впоследствии в 1605 году женившийся на дочери Жолкевского Софье[5]), получил должность Корсунско-чигиринского старосты. Он и взял (вероятно, по протекции Жолкевского) Михаила Хмельницкого с собой в эти приграничные края[6]. Произошло это в 1594 году[7].

Даниловичи – это старинный галицкий род, который вел свою родословную от Даниила Галицкого. Они были ярким примером старинных украинских фамилий, сильно ополячившихся к началу XVII века, однако сохранявших дружественные отношения с казаками. Другим таким магнатом был князь Константин Острожский, основатель православной академии, противник унии и союзник казаков. В этом ряду можно вспомнить и Дмитрия Вишневецкого – еще одного представителя старинного княжеского рода, ставшего основателем Запорожья и посвятившего всю свою жизнь казачеству.

И. Вишневецкий. Портрет XVII в.

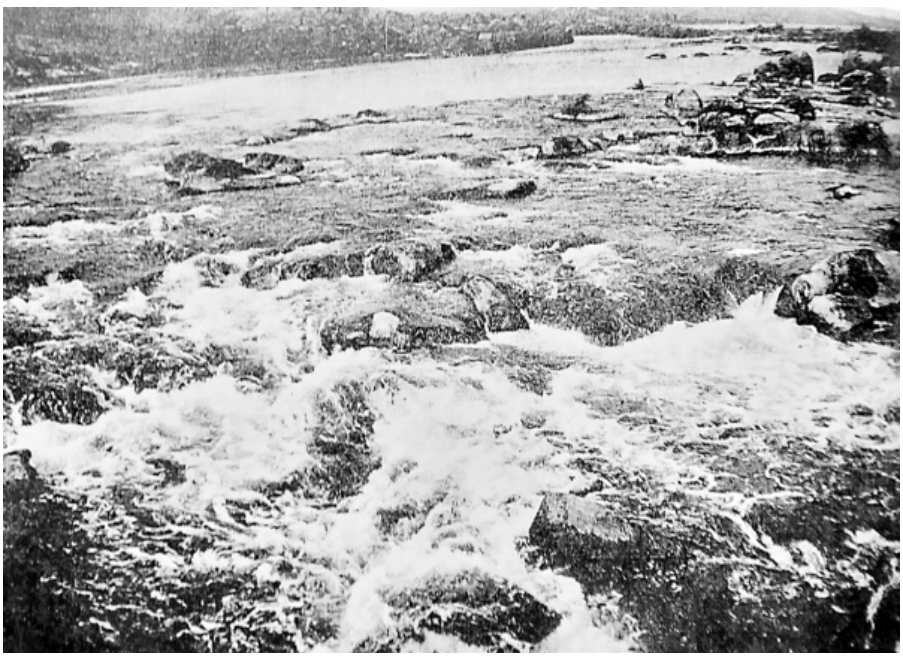
К началу XVII века тесная связь представителей магнатских и шляхетских родов с казачеством становится нормой. Князья набирали отряды казаков, устраивали походы на татар и в Молдавию. Особенности пограничной жизни, необходимость постоянно быть готовым к опасности (это относилось не только к казакам, но и к мещанам, крестьянам, шляхте) создавали совершенно особый менталитет и сглаживали все различия между шляхетской элитой и простыми казаками. В конечном счете на Киевщине трудно было найти шляхетскую семью, которая так или иначе не была бы связана с казачеством – напрямую или через родственников[8].

Все это было особенно верно для Чигиринщины, представлявшей собой в конце XVI века безлюдный пограничный край, постоянно подвергавшийся татарским набегам и находившийся в тревожной близости от Дикого поля. Хотя именно эта близость к вольным местам и делала Чигиринщину центром казачества.

Михаил Хмельницкий получил от Даниловича должность «осадчего», т. е. устроителя новых поселений. Он должен был расчищать и измерять участки под поселения, привлекать переселенцев, обустраивать их. Обычно в новых слободках жили

беглые крестьяне, которые не вынесли гнета в западных областях Украины и искали новой жизни в «вольных краях». Михаил, впрочем, как и местные магнаты, смотрел на это сквозь пальцы.

Хмельницкий-старший проявил себя талантливым организатором и в награду вскоре был назначен подстаростой новосозданного Чигиринского староства. Это была высокая должность, так как в отсутствие старосты (редко посещавшего свои владения) подстароста управлял замком, возглавлял суд, командовал войском и т. д. С помощью Хмельницкого Ян Данилович основал местечки Крылов (1616 год) и Лысянку (1622 год).



Днепровские пороги. Начало XX в.

Став влиятельным и состоятельным человеком, Михаил построил собственный хутор Субботов под Чигирином, а также слободку Новосельцы.

Заведя хозяйство, Михаил женился на казачке Анастасии, еще теснее связав себя с казацкой судьбой. Примерно 30 октября 1595 года (ст. ст.) у них родился сын, названный Богданом (народная форма церковного имени Федор – Богом данный). По традиции того времени ему дали и второе имя – Зиновий[9].

Начальное образование Богдан предположительно получил в какой-то украинской школе – о чем свидетельствует его почерк. Затем он поступил в иезуитский коллегиум во Львове, которому покровительствовал С. Жолкевский. Там он закончил классы

грамматики, риторики и поэтики и таким образом получил хорошее по тем временам образование. Он свободно владел польским и латынью, а в будущем к этим языкам добавились турецкий и татарский.

Иезуиты, безусловно, старались привить своим ученикам любовь к католической вере, но в случае с Хмельницким данное ему образование впоследствии обернулось для них только крупными неприятностями. Наука иезуитов очень многое дала Богдану и легла на благодатную почву природных способностей будущего дипломата и политика. Без этих знаний он не смог бы с легкостью общаться с иностранными государями, вмешиваться в европейскую политику и строить собственную политическую игру.

А еще иезуиты научили Хмельницкого разбираться в людях и владеть психологией толпы. Ни одному из его преемников (даже П. Дорошенко) не удавалось так искусно управлять казацкой массой, как это делал Богдан. Когда было нужно, он превращался в «доброго батька», в других ситуациях – представал грозным и жестким вождем. Его речи увлекали и захватывали. Безусловно, человек, перекроивший всю политическую карту Восточной Европы и сумевший заставить повиноваться сотни тысяч восставших крестьян, обладал незаурядными способностями.

После коллегиума Богдан вернулся домой и с головой окунулся в атмосферу тревожной, но вольной жизни приграничья.

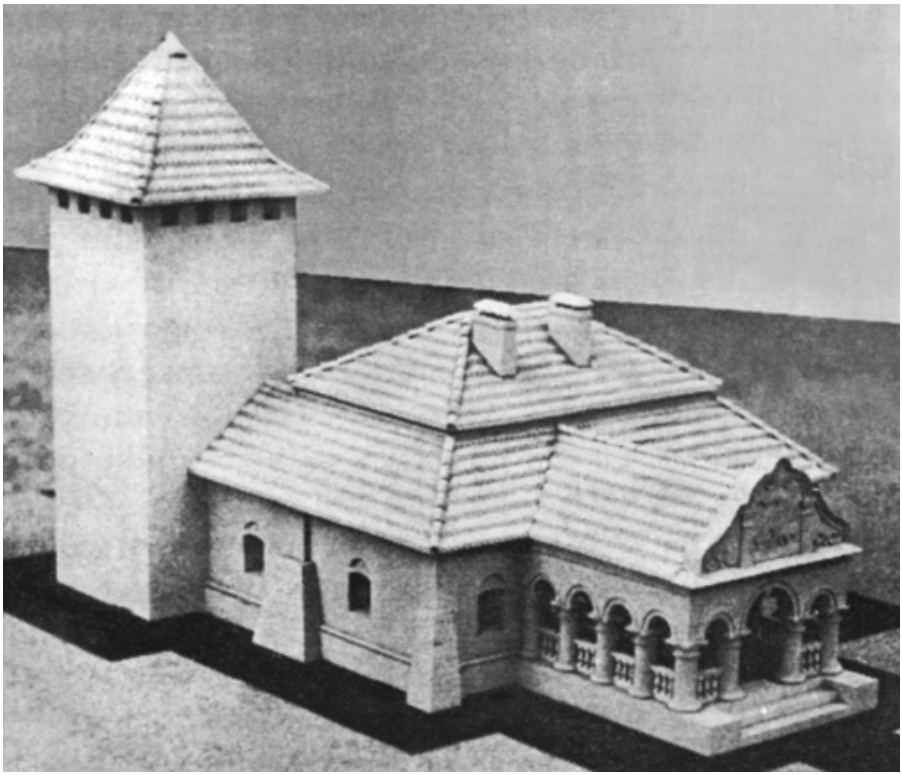
Не стоит удивляться приятельски-патронажным[10] отношениям его отца с украинскими и польскими магнатами. Это был недолгий период, когда многие лидеры казацкого движения (такие, как П. Сагайдачный) выступали за компромисс и сотрудничество с польской королевской властью. Во времена Сагайдачного даже борьба за православие практически не выходила за легитимные рамки. Организуя посвящение православных иерархов иерусалимским патриархом вопреки воле Сигизмунда III, Сагайдачный все равно оставался верным королевским подданным. Именно в этом духе воспитывался и Богдан, для которого приятельские отношения с магнатами и даже королем были явлением естественным, а положение казака казалось ничуть не менее достойным, чем статус польского шляхтича. Долгие годы он будет считать Речь Посполитую своей отчизной, а себя – королевским подданным.

В 1620 году отец и сын Хмельницкие приняли участие в походе С. Жолкевского против турок. В трагичной для поляков битве под Цицорой Михаил был убит, а Богдан попал в плен[11].

Турецкий плен коренным образом изменил жизнь Богдана. Ему повезло, он не попал на галеры, но два года провел в

Константинополе у одного из офицеров султанского флота. За это время он сумел завести знакомства среди многих влиятельных пашей, близких к султану. Тем не менее он вспоминал это время, как «лютую неволю». Из плена его выкупила мать.

Субботов. Реконструкция XX в.



Усадьба Б. Хмельницкого в Субботове. Реконструкция XX в.

Вернувшись домой, Богдан поселился в отцовском имении Субботове, но избрал себе казацкую карьеру, а не должность администратора на службе у магнатов. Он вступает в только что созданный Чигиринский реестровый полк.

Для Богдана служба в регулярной армии была прекрасной школой. Никаких точных данных об этих годах жизни Богдана не сохранилось. Но доподлинно можно сказать, что он был известным и уважаемым казаком, храбрым и умелым воином. Правда, никакой выдающейся роли в войске он в эти годы не играл.

Но времена менялись. В войне с турками погиб С. Жолкевский, от ран умер П. Сагайдачный, в 1628 году скончался Ян Данилович. Старые обычаи панибратских отношений казаков с украинскими магнатами тоже отходили в прошлое. Угасали украинские княжеские рода, на вольную Восточную Украину все больше проникали польские магнаты. Старинные отношения, представлявшие из себя смесь патроната и противостояния, заменялись открытой национальной и социальной враждой[12].

Польские магнаты не понимали и не желали понимать особенностей приграничного края. В казаках они видели только бунтовщиков, зазнавшихся «холопов», к тому же схизматиков, упорно придерживавшихся своей религии. В сенате и сейме тоже все большую силу набирали сторонники «жесткого» обращения с казаками. В 1635 году на Правом берегу Днепра возле первого порога по решению польского правительства была построена крепость Кодак. Ее главной функцией являлся контроль над Запорожьем. Такое положение дел в конечном счете не могло не привести к взрыву.

Но пока Богдан пытался вести старый образ жизни. Он во многом был человеком своей эпохи, с огромным, но еще не реализованным потенциалом. Его можно считать последователем Сагайдачного (с которым он наверняка встречался), т. е., имея свои идеалы и принципы, он оставался сторонником компромисса. Неизвестно, как сложилась бы жизнь Хмельницкого, не вмешайся в нее сильный личный фактор. Впрочем, его судьба стала отражением всей ситуации в Украине, а личный толчок, заставивший начать восстание, ничуть не принижает его заслуги.

Овдовевшая мать Богдана вышла замуж за шляхтича Василия Ставецкого (у них родился сын Григорий)[13] и оставила все хозяйство в Субботове на попечение сына. Он вскоре женился на Ганне Сомко, сестре переяславского мещанина Якима Сомко

(впоследствии претендента на гетманскую булаву)[14]. Сам по себе выбор невесты говорит о том, что Хмельницкий не слишком ценил «шляхетство». От этого брака родились четыре дочери (известны две старшие – Елена[15] и Степанида) и два сына – Тимош (род. около 1634 года) и Юрий (около 1642 года)[16].

Унаследовав от отца недюжинные организаторские и хозяйственные способности, Богдан расширял свое хозяйство, одновременно активно участвуя в делах казачества. Не смог он остаться в стороне и в 1637 году, когда Чигиринщину охватило очередное казацкое восстание под руководством Павла Бута (Павлюка)[17]. Казаки добивались от поляков соблюдения своих вольностей и привилегий, расширения реестра (т. е. увеличения числа признанных правительством и обладающих привилегиями казаков[18]), принятия в него «выписчиков» (т. е. исключенных из списка).

Генеральное сражение восставших с поляками произошло под Кумейками 6 декабря 1637 года. Полякам удалось пробить брешь в таборе, Павлюк отступил и не предпринимал никаких усилий, чтобы организовать оборону. Казаки свергли его с гетманства и начали переговоры, с польской стороны их вел украинский православный магнат Адам Кисель. Он дал письменное заверение сохранить жизнь всем, кто сложит оружие.

После капитуляции Павел Бут и его четыре соратника были выданы, а на казацкой раде казаки сдали знамя, гетманскую булаву и бунчук, присягнули на верность королю и назначили новых реестровых старшин. Писарем был избран Богдан Хмельницкий. Ему пришлось подписать акт капитуляции Войска Запорожского.

Но, к великому огорчению Хмельницкого, никакие уступки не помогли казакам[19]. Польская армия огнем и мечом прошла по Украине, зверски казня восставших (их сажали на кол). Казакам была навязана унизительная «Ординация Войска Запорожского», по ее условиям реестр сократили до шести тысяч, вместо гетмана главой реестровых теперь становился комиссар, которого назначали польские власти, а места полковников получали польские офицеры. Казакам разрешалось жить только в пределах Черкасского, Корсунского и Чигиринского староств. Возобновленный Кодак преграждал путь в Запорожье, куда казаки не могли ездить без специальных паспортов от начальства. На Украине расквартировали польские войска, следившие за «благополучием» в крае.

Король Владислав IV. Портрет XVII в.

На фоне этих трагических событий и апатии, овладевшей многими, авторитет Богдана растет. Его избирают Чигиринским сотником – высшая должность, на которую могли назначить «не поляка». Он входит в состав казацкой делегации на переговорах с королем Владиславом IV. Встреча произошла в Вильно в начале 1639 года[20]. Хотя король и отказался удовлетворить просьбы казаков о послаблении условий Ординации, но личное знакомство с Владиславом стало весьма важным в жизни Богдана.

Казаки снова включают его в состав делегации, отправляющейся на сей раз для участия в сейме. В течение осени 1639 года Хмельницкий находился в Варшаве и опять встречался с королем. Знакомство с польским двором, сенаторами и наблюдение за работой сейма в дальнейшем очень пригодились Богдану.

Между тем начинался «золотой век польской шляхты», которая после подавления казацких восстаний поверила в свою вседозволенность. Католицизм наступал по всем фронтам. Анна Ходкевич, в девичестве Острожская, перенесла прах своего отца, последнего православного Острожского, в иезуитский монастырь

и там перекрестила останки по католическому обряду. Это вызвало в среде православного населения массовые выступления протеста, жестоко подавленные поляками. В 1640 году по решению воеводского суда был казнен студент Киевского коллегиума – по несправедливому обвинению, с единственной целью запугать его соучеников. Не меньшим репрессиям подвергалось и казачество, все руководство которого было теперь поляками и католиками.

Похоже, что в этих условиях Богдан на некоторое время дистанцировался от политики. У него родился второй сын. В январе 1644 года вместе с четырьмя тысячами казаков Хмельницкий принял участие в битве с татарами под Охматовым. Это был совместный поход с польской армией, возглавлял ее коронный гетман Станислав Конецпольский. Любопытный факт: татарами командовал перекопский мурза Тугай-бей, будущий друг и соратник Богдана.

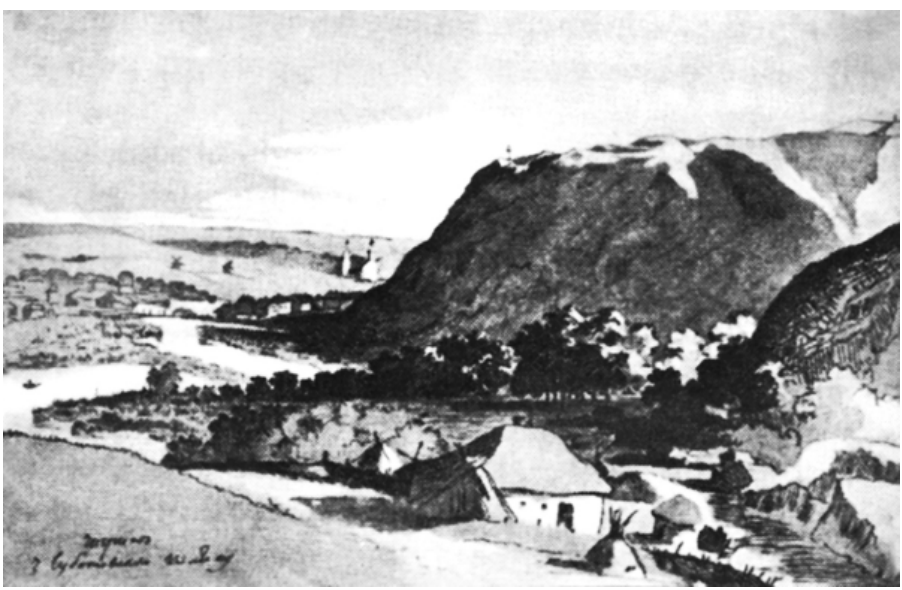
Весной того же года было принято решение нанять запорожских казаков на службу к французскому королю. Переговоры по приказу кардинала Мазарини в Варшаве вел французский посол де Брежи. Он встречался с Хмельницким и записал в своем отчете, что «это человек образованный, разумный, силен в латинском языке»[21]. Именно Богдан вместе с двумя другими казацкими старшинами был отправлен в 1645 году во Францию, и там в Фонтенбло вел переговоры о найме двух тысяч казаков[22]. Путешествие по Европе не могло не расширить кругозор нашего героя.

Вернувшись домой, Хмельницкий, разумеется, стал еще более уважаемым и влиятельным человеком в среде казаков. Между тем в Речи Посполитой вынашивали далеко идущие планы войны с Османской империей. Активным сторонником этих планов являлись сам король Владислав IV, а также канцлер Ежи Оссолинский и гетман великий коронный Станислав Конецпольский. Было решено использовать поддержку венецианцев и папского двора, а также привлечь казаков. С этой целью организовали приезд в Варшаву делегации старшин, в ее состав вошел и Хмельницкий. В начале марта 1646 года ночью состоялась тайная встреча казаков с королем. Владислав обещал увеличить реестр до двадцати тысяч, вернуть старые «вольности» и даже выделить на Украине «казацкую территорию». В свою очередь, казакам надлежало готовиться к походу на Порту. Для изготовления шестидесяти челнов им выдали шесть тысяч талеров. Правда пока все эти планы следовало держать в тайне[23].

Дальше все пошло совсем не по плану. Умер Станислав Конецпольский, и Владислав лишился своего основного

союзника. Возникла сильная магнатская оппозиция, которая боялась любых послаблений казакам, опасаясь, что король использует их в борьбе за абсолютную власть.

Эти масштабные события наложились на значительно более мелкие, произошедшие с Хмельницким, но на самом деле явившиеся их следствием. Экспансия польских магнатов на Восточную Украину достигла Чигиринщины. Огромные владения в этом издавна казацком и вольном регионе получили Конецпольские. Сын покойного Станислава, Александр, стал Корсунским и Чигиринским старостой, что облегчило реализацию его территориальных претензий. Конецпольский стал активно присоединять к своим и без того огромным владениям все соседние слободки. В частности, дело коснулось и Субботова, находившегося по соседству. Предлогом послужило полное отсутствие у Богдана бумаг, подтверждавших права наследования этого имения.



Чигирин. Рисунок Т. Шевченко

Вероятно, чванливый молодой магнат Александр Конецпольский, презиравший казаков и ненавидевший Украину, не стал бы особенно возиться из-за маленького Субботова. Но нашлись люди, начавшие активно претворять в жизнь волю своего пана. Не бескорыстно, разумеется. Таковым был подстароста Чигиринский, поляк Даниил Чаплинский (занимавший такую же должность, как в свое время отец Хмельницкого).

Теперь, по прошествии трех с половиной веков, трудно сказать, что в большей степени подталкивало Чаплинского:

желание самому завладеть Субботовым, стремление выслужиться перед Конецпольским или зависть к благополучию Хмельницкого. В любом случае, исключительное благополучие православного казака – шляхетного, состоятельного, счастливого, встречающегося с самим королем – страшно раздражало поляка.

Примерно в начале 1646 года Чаплинский выпросил у Конецпольского грамоту на Субботов. Не желая сдаваться, Богдан отправился в Варшаву и после личной встречи с королем получил от Владислава жалованную грамоту на Субботов с лесами, сенокосами и мельницами («шляхетному Богдану Хмельницкому, сотнику чигиринскому»)[24]. Казалось, можно на этом деле поставить точку. Но не тут-то было! Конфликт за маленький Субботов стал символом противостояния за влияние в Украине польских магнатов с одной стороны и казаков с украинской шляхтой – с другой. То, что король покровительствовал вторым, еще больше подливало масла в огонь.

В ноябре 1646 года магнаты в борьбе за власть одержали на сейме полную победу над Владиславом. После этого коронный гетман Николай Потоцкий обратился с универсалом к казацкой старшине, приказывая отменить планы турецкого похода и уничтожить приготовленные челны. Ни о каких уступках казачеству речь уже не шла. Большинство реестровых старшин решило покориться.

Челядь Конецпольского сочла эти события сигналом к действию. В конце того же года татары предприняли набег на Чигирин. Когда Хмельницкий участвовал в ответном рейде и ехал возле своего полковника, некто Дашевский, поляк, подъехал к нему сзади и ударил его саблей по голове. Он размозжил бы ему череп, если бы не железный шлем. Потрясенному этим поступком Богдану поляк издевательски ответил: «А я думал, брат, что ты татарин». Когда Хмельницкий повез в резиденцию к Н. Потоцкому пленных татар, то в его отсутствие по приказу Чаплинского забрали его лучшего серого боевого коня. Чаплинский объяснял, что это сделано в счет уплаты налога, так называемой «поволовщины», но казаки были освобождены от этого налога[25]. Наверняка имелись и другие, не дошедшие до нас случаи притеснения.

Наконец, примерно в марте 1647 года с благословения Конецпольского Чаплинский совершил наезд на Субботов. Наняв «шайку голодных людей» и пользуясь отсутствием Богдана, они завладели гумном, где хранились большие запасы зерна, сожгли хатки поселенцев, вытоптали посевы. Увез Чаплинский и «прекрасную Елену».

Эта загадочная женщина сыграла, безусловно, значительную

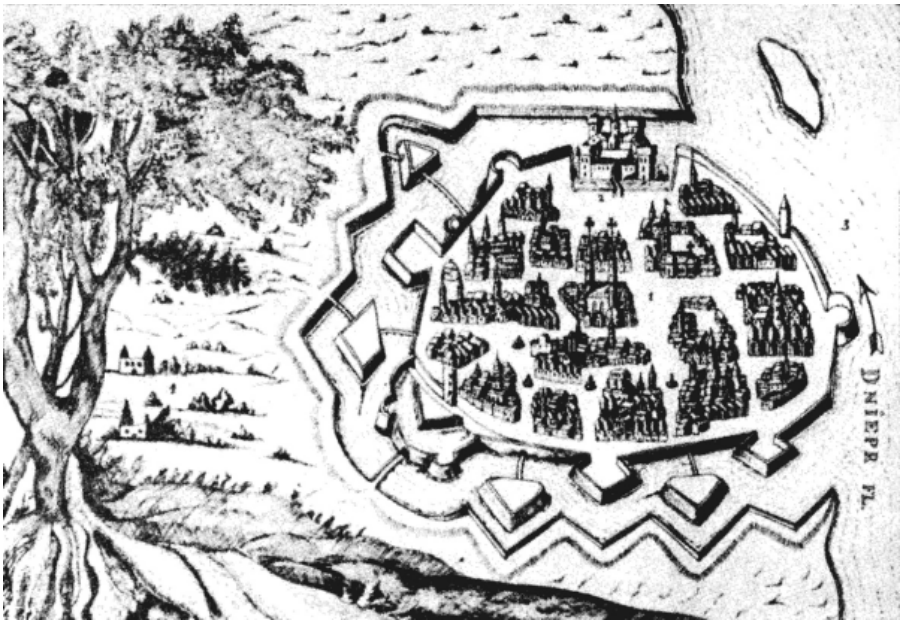
роль в жизни Богдана и, скорее всего, была единственной его любовью. К моменту наезда на Субботов первая жена Хмельницкого умерла, и он взял в дом некую «сироту», она жила на правах воспитанницы и была немногим старше Тимоша[26]. Когда после нападения на Субботов Богдан обратился в суд и к королю, Чаплинский женился на Елене по католическому обряду. Был ли он тоже влюблен, или просто спасал себя от неприятностей – неизвестно.

Пристроив семью в Чигирине, Хмельницкий отправился к Н. Потоцкому просить управы на А. Конецпольского, а затем уехал в Варшаву. Но в сенате магнаты посмеялись над Богданом. Видимо, на его примере они хотели указать всем казакам на их реальное место в иерархии Речи Посполитой. Так на обвинения в похищение возлюбленной, ему отвечали: «Охота тебе, пане Хмельницкий, жалеть о такой женщине! На белом свете много красавиц получше. Поищи себе другую, а эта пусть останется с тем, к кому привязалась» (т. е. с Чаплинским)[27].

Там же в Варшаве в мае 1647 года состоялась последняя встреча Хмельницкого с королем. Владислав признал, что своеволие сенаторов перешло всякую меру, но лично вмешиваться в спор за Субботов не стал. Согласно легенде, король намекнул Богдану на возможность решить вопрос силой: «Ты казак, и у тебя есть сабля». Владислав думал отвлечь стороны от конфликта, вернувшись к проекту турецкого похода, и предложил Хмельницкому возглавить его. Король написал и письмо к Конецпольскому, призывая его сдерживать своеволие своих наместников[28].

Но это только озлобило магнатов. Хмельницкого, не таясь, спрашивали: «Да разве вам поможет король, такой-растакой сын?»[29]. Чаплинский поймал на Чигиринском рынке сына Богдана и приказал высечь его плетьми. А зять Чаплинского, напившись в корчме, божился принародно, что если им не удастся засудить Богдана, то они непременно сами убьют его или прикажут убить[30].

На Украину выехал канцлер Е. Оссолинский и в июне 1647 года тайно встретился с Хмельницким. Речь шла все о том же плане похода на турок, но на этот раз Богдану передали грамоту и булаву, назначив его старшим на время этого похода.



Киев. Гравюра XVII в.

Но было уже поздно: поляки перешли черту. Своеволие магнатов загнало Хмельницкого в угол. Из верного и трудолюбивого подданного он уже превратился в бунтаря. Полученные королевские клейноды он и не собирался использовать по назначению. Богдан проводит серию тайных совещаний, в которых участвуют многие из старшин. На встречах с казаками Хмельницкий горячо и страстно говорил о бесправии в собственной стране, о своеволии магнатов («Урядники берут все, что им понравится в доме казака. Жены, дочери казацкие принуждены плясать, когда они заиграют»). Вот когда стал проявляться его выдающийся талант оратора!

В считанные месяцы имя Богдана было на устах всей Украины. И те истины, которые были известны всем, те обиды, которые случались ежедневно, наполнились новой болью и гневом отозвались в казацких сердцах.

Осенью 1647 года напряжение достигло апогея, но когда восстание уже было готово вспыхнуть, на Украину напали татары. Казаки и поляки выступили для отражения противника. И в это время Чигиринский есаул Роман Пешта написал на Богдана донос. Чаплинскому этого только и надо было. Он приказал арестовать Хмельницкого и бросить в чигиринскую тюрьму. Пешта выгнал семью Богдана из Чигирина и в истерике кричал: «Уж если и теперь Хмельницкий живым останется, то тогда можно будет поверить, что люди воскресают».

Гетман Б. Хмельницкий. Рисунок XX в.

Но случилось то, чего никто не ожидал. Богдана спасла его «прекрасная Елена». В своем письме к Потоцкому Богдан писал, что Чаплинский, «пьяница и безрассудный человек, тяжко обесчестил меня четырехдневным содержанием в тюрьме между заключенными злодеями, и если бы Чаплинская, добродетельная и милосердная к гибнущим людям Естер, не помогла мне в той тюремной неволе своими просьбами, не знаю чтобы стало с моей головой от вражеских науськиваний Чаплинского»[31].

Все-таки далеко не простые отношения объединяли Елену и Богдана еще до восстания, раз она решилась защищать его от собственного мужа, всем известного своей жестокостью. Судьба Чигиринского сотника была Елене явно не безразлична. С другой стороны, слова Богдана весьма напоминают пылкие выражения влюбленного.

Хмельницкого выпустили, а затем его кум, Чигиринский полковник Станислав Кричевский, взял его на поруки и поселил у себя в доме. Больше искушать судьбу Богдан не стал: взяв с собой Тимоша, он бежал в Запорожье. Вместе с ним уехало примерно пятьсот реестровых казаков. На дворе стоял декабрь 1647 года. В истории Украины начиналась новая эра.

Вначале Богдан с друзьями поселился ниже Сечи, на острове Буцке. Очевидец событий, польский шляхтич, писал в эти дни своему приятелю из Подолии: «Хмельницкий сильно укрепляется на неприступном острове Буцке. Провианту у него в изобилии, есть и пороховой завод. Вот что наделала жадность шляхты и тиранское обращение с казаками! Прибавлю, что по всему видно – будет продолжительная и трудная война».

Богдан занимался агитацией, принимал в свою армию всех желающих – в основном это были вольные казаки, занимавшиеся промыслом[32], и беглые крестьяне. Хмельницкий не преминул воспользоваться и врученными ему королем клейнодами. Фактически начинавшееся с ведома Владислава восстание поднималось против своевольных магнатов.

К концу января 1648 года у Хмельницкого уже имелось достаточно сил, чтобы двинуться на Запорожскую Сечь, находившуюся под контролем поляков. Охранявший ее польский полковник Гурский бежал. Был разбит и присланный на подмогу Чигиринский полк, причем многие реестровые перешли на сторону восставших.

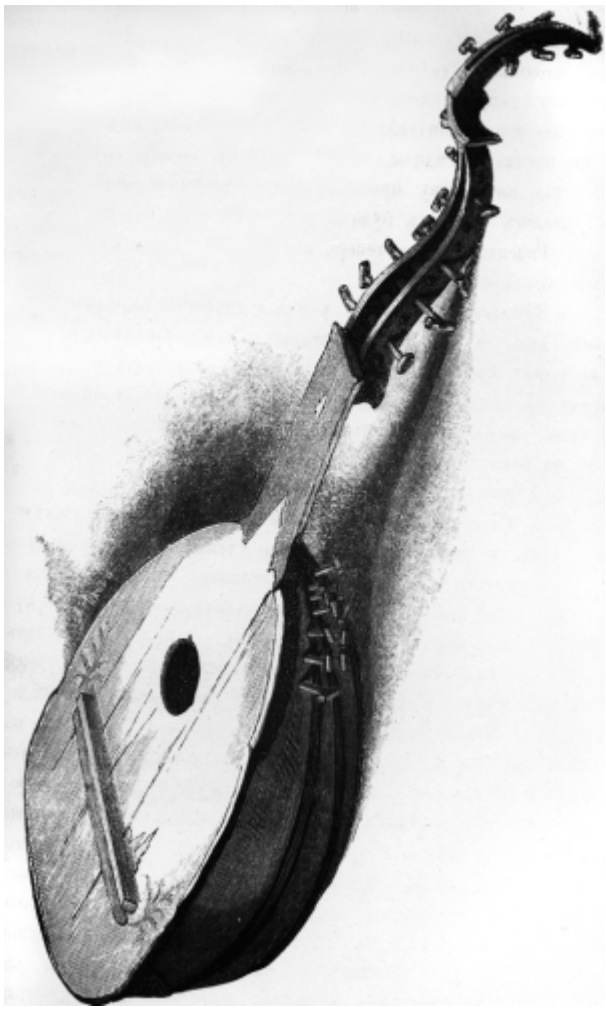
После этого Богдан Хмельницкий был избран казаками гетманом. Начался новый этап борьбы. Его посланцы отправлялись в Киевщину и Брацлавщину готовить восстание. Призыв бороться против поляков находил живой отклик у тысяч казаков и крестьян. Последнее десятилетия «золотого века польской шляхты» накалило страсти до предела, достаточно было искры, чтобы вспыхнул настоящий пожар.

Маленькая трагедия маленького человека получила такой эффект, потому что почти у каждого жителя Украины в своей семье, семье друга или соседа тоже случилось нечто подобное. И в трагедии Хмельницкого, как в капле воды, все видели собственную судьбу.

Началась массовая подготовка к восстанию. По селам ходили кобзари, в своих песнях воспевавшие казацкую вольность, в церквях священники говорили о бесчинствах униатов и католиков, о необходимости с оружием в руках защищать православие. Попытки поляков конфисковывать оружие только еще больше накаляли ситуацию.

Но дальнейшие события не стали развиваться по знакомому сценарию казацких восстаний. Богдан был по натуре скорее искусным дипломатом, прошедшим прекрасную иезуитскую школу, нежели шальным казацким атаманом. Прекрасно понимая всю силу военной машины Речи Посполитой, он не довольствовался сбором добровольцев, а решил заручиться союзниками, и прежде всего военной поддержкой Крыма.

Опереться на татар казацкие лидеры пробовали и до Богдана, но только ему, во многом благодаря знаниям и контактам, приобретенным в годы плена, удалось добиться от хана реальной помощи. Привлечение на свою сторону татар стало совершенно нестандартным шагом гетмана, адекватного ответа которому поляки долго не могли найти.



Кобза. XVII в.

В феврале были отправлены посольства к турецкому султану и к крымскому хану. Тогда же отослали письма и к донским казакам. Судьба благоприятствовала Богдану. Голод и массовый падеж скота в Крыму подтолкнули хана Ислам-Гирея к союзу с казаками. В конце февраля был заключен союз, а в марте прибыли первые татарские чамбулы (отряды)[33]. После прихода войска перекопского мурзы Тугай-бея (того самого, с которым еще

недавно воевал Богдан) должен был прибыть и сам хан. Татары обещали грабить и убивать только поляков, не трогая украинские города и села. Заложником в Крыму остался Тимош Хмельницкий.

В это же время Полторакожух по приказу Богдана вел пропаганду среди реестровых казаков.

Богдан настаивал на возвращении старых «вольностей», на отставке поляков с должностей полковников, на автономии казацкого края. Но польские власти еще не до конца осознали всю серьезность ситуации. Войско, предназначенное для похода на Запорожье, собиралось медленно, раздавались голоса, чтобы разрешить морские походы и этим успокоить казаков. Об этом, в частности, в марте 1648 года писал король. Именно запрет походов считали корнем всех проблем канцлер Е. Оссолинский и брацлавский воевода А. Кисель. И только коронный гетман Н. Потоцкий настаивал на немедленных военных действиях. Он практически блокировал все попытки мирных переговоров с казаками, и в гневе писал Хмельницкому: «Скорее попадете на кол, чем дождетесь вольностей». На это Богдан отвечал философски: «Будет, пан гетман, так, как Бог даст».

Хан Ислам-Гирей. Гравюра XVII в.

Потоцкий не собирался ждать. Он не знал, что король издал указ, запрещавший поход на Запорожье. Впрочем, он вряд ли бы ему подчинился. Двадцать первого апреля Потоцкий отправил в поход своего сына Стефана с отрядом в четыре с половиной тысячи человек (вместе с вооруженной челядью, которую польская шляхта всегда брала с собой в поход, силы достигали семи тысяч[34]) и десятью пушками. В составе отряда были реестровые казаки Переяславского и Белоцерковского полков, а также польские хоругви (т. е. полки). В их задачу входил захват Запорожья. Через некоторое время с главными силами должен выступить и сам Потоцкий.

План был хорош. Поляк знал – казаки чаще всего прибегали к обороне в таборе (в чем были очень сильны). Ему и в голову не приходило, что Хмельницкий может выйти из Запорожья и броситься в лобовую атаку. Это противоречило всей логике казацких действий. Но в этом и была сила Богдана: он не

собирался оглядываться назад. Не ожидая подхода поляков, он выступил им навстречу.

Вечером 28 апреля отряд сына Потоцкого расположился в урочище Княжие Байраки (около Желтых Вод). Хмельницкий, имея около пяти тысяч казаков и пяти тысяч татар, выступил из Запорожья и 29 апреля осадил лагерь поляков. В это время второй отряд, отправленный Н. Потоцким, состоявший из реестровых казаков, на челнах подошел к Запорожью. Сторонники Хмельницкого подняли среди реестровых мятеж, казнили пропольски настроенных старшин и избрали старшим Ф. Джалалию. Двенадцатого мая они подошли к Княжим Байракам, после чего реестровые казаки Белоцерковского и Переяславского полков тоже перешли на сторону восставших. Оказавшись перед лицом многократно превосходящего противника, С. Потоцкий попробовал отступать под прикрытием табора, но 16 мая казаки и татары прорвали оборону и разгромили поляков. В плен попало около трех тысяч человек, Стефан Потоцкий умер от полученных ран.

Одержав первую блестящую победу под Желтыми Водами, Хмельницкий предпринял быстрый марш, чтобы не допустить объединения Н. Потоцкого с силами Левобережных магнатов, и прежде всего – с И. Вишневецким. Правда, личное соперничество поляков играло ему на руку: Иеремия не спешил к Потоцкому, желая ослабления своих соперников.

Двадцать четвертого мая Хмельницкий уже переправился через реку Тясмин, направляясь к Корсуни. Н. Потоцкий, получив страшное известие о разгроме, пытался отступить к Белой Церкви. В его распоряжении было пять с половиной тысяч конницы и одна тысяча шестьсот пехоты (вместе с вооруженной челядью – почти четырнадцать тысяч). Однако Потоцкий задержался, позволив своим солдатам разграбить Корсунь. Утром 25 мая появилась украинская конница и татары. Хмельницкий приказал перекрыть (и даже перекопать) все дороги, отрезая тем самым путь полякам к отступлению. Потоцкий решил отступать, но в глубокой балке попал в засаду. После четырех часов страшной битвы польское войско прекратило существование. Н. Потоцкий и польный гетман М. Калиновский попали в плен.

Ф. Задорожный. Б. Хмельницкий оставляет сына Тимоша в заложники хану. XX в.

В эти же дни от приступа мочекаменной болезни умер король Владислав IV. Смерть совпала с крушением всех его надежд на союз и мир с казачеством. Речь Посполитая, еще совсем недавно казавшаяся могучей европейской державой, вдруг оказалась на грани краха. Поляков охватил такой ужас, что, как отмечал современник событий, казаки, если бы захотели, могли бы захватить Варшаву и Краков безо всякого сопротивления.

Огромный военный успех первых дней восстания стал сигналом для всеобщего выступления. К тому же Хмельницкий разослал универсалы, извещая об одержанных победах и призывая подниматься на борьбу. На территории Украины началось массовое изгнание поляков. Отряды под руководством новоявленных атаманов брали штурмом города и замки.

В этих трагических событиях погибло немало невинных. Поляки, католические ксендзы и евреи стали для крестьян олицетворением всех жестоких несправедливостей, которые обрушивались на них в последние десятилетия. Польская шляхта, не успевшая бежать, подвергалась безжалостному истреблению. По словам очевидца, «такой ужас охватил всех, что все живое бежит, утикает и едва кто сотый остается». Восставшие не щадили женщин и детей, разрушали костелы и убивали ксендзов. Не меньшим объектом мести стали евреи, они, будучи арендаторами и шинкарями, в глазах украинцев являлись исполнителями политики польских властей. Историки разнятся в оценке жертв еврейских погромов, но, в любом случае, речь шла о тысячах человек.

Восставшие крестьяне объявляли себя казаками и,

расправившись с местными панами, присоединялись к армии Хмельницкого. Уже в конце мая подчаший коронный (сенаторское звание в Речи Посполитой. – *Т. Т.*) в письме к коронному канцлеру в ужасе восклицал: «…и с нашим воеводством Руським Бог знает, что станет, так как тут что ни холоп – тот казак…» и добавлял, что к войску казаков «все живое присоединяется»[35]. В июне поляки писали: «Восстала целиком Заднепровская Украина, Киевская и Брацлавская; там не пашут, не сеют, только ходят вооруженные…»[36].

За глобальными социальными изменениями в Украине со страхом и недоверием следили русские воеводы: «…а которые де их были крестьяне Потоцкого и Вишневецкого и Киселевы, и те де с ними стали в казаки ж…»[37]. Причем все современники отмечали, что в казацкие полки стали объединяться и те, «кто никогда казачества не знал»[38].

Единственный, кто организовал сопротивление восставшим, был князь иеремия Вишневецкий, представитель известного украинского рода[39], принявший католичество. Собрав шляхту и собственных вооруженных слуг, летом 1648 года он выступил походом из Левобережья по пути Лубны – Переяслав – Чернигов – Погребыще – Староконстантинов, «огнем и мечом» уничтожая всех, заподозренных в сочувствии восставшим. Вишневецкий сотнями сажал на кол, жег и убивал. Чтобы противостоять ему, Хмельницкий отправил в Подолию и Волынь Максима Кривоноса, крестьянского вождя, отличавшегося непримиримостью и яростью по отношению к полякам (видимо, у него на то были личные причины). При участии Кривоноса восстание перекинулось на Правобережье. В июне запылали Уманщина и Брацлавщина. Были захвачены Винница, Брацлав, Немиров. 10 августа был взят Бар – резиденция коронных гетманов в Украине.

Незадолго до этого, в середине июня, Богдан прибыл в Чигирин, где ему была устроена восторженная встреча. Среди тех, кто радовался прибытию Хмельницкого, находилась и красавица Елена. Ее муж Чаплинский заблаговременно бежал из Чигирина.

Соперничество за Елену между казаком и поляком, в какой бы форме оно не выражалось, явно имело место. И теперь одним из первых шагов Хмельницкого, после одержанных им побед под Желтыми Водами и Корсунем, становится его романтический брак с Еленой.

Современники сообщали, что Хмельницкий «женился на некой Чаплицкой (Чаплинской. – *Т. Т.*), шляхтянке, которая потеряла мужа в этой нынешней заварухе»[40]. Под свадьбой подразумевался гражданский обряд, распространенный тогда в Украине. При этом Елена формально оставалась женой

Чаплинского, с ним она была обвенчана по католическому обряду. Как мы увидим далее, церковный брак с Еленой Хмельницкий оформит позже.

Личное счастье на фоне военных триумфов – лишь внешняя сторона весьма сложной ситуации, в которой на самом деле оказался Хмельницкий. Он был в положении человека, зажегшего страшный пожар и теперь не знавший, что с ним делать. Поднимая восстание, он руководствовался прежде всего эмоциями, желанием мести и ненавистью к магнатам и их приспешникам. Совершенно по-другому относился он королю и к самой Речи Посполитой. Не сразу и не вдруг вырабатывался план глобальных социальных и политических перемен, в конечном счете осуществленный Богданом. Вплоть до зимы 1649 года он оставался верным подданным, желавшим лишь добиться уступок. Да и не осознавал он всей своей власти, не мог поверить в слабость Речи Посполитой.

Но самой главной бедой оказался кардинальный раскол самого украинского общества. С одной стороны – «показаченные», не желавшие никаких переговоров и рвавшиеся вперед – до конечного уничтожения «ляхов». С другой – позиция верхушки реестровых, усиленная требованиями хана приступить к переговорам и выставить Варшаве определенные условия. Но была еще и третья сила – это православная шляхта и духовенство Украины. Пожалуй, самый трагичный раскол происходит во время восстания Хмельницкого именно в этой части общества. Кто не с нами, тот против нас. Никогда раньше эта формула не звучала так актуально.

Следовало быть настоящим политическим гением, чтобы, оказавшись между трех огней, не только выжить, удержать власть, но и сплотить все передовые силы общества и повести их за собой. Именно эта сверхзадача стояла перед Хмельницким летом 1648 года. И с этой задачей он справился. Он успокоил «чернь», выступив с убедительной речью на раде. Он начал переговоры с Варшавой. Он написал Киевскому митрополиту Сильвестру Косову с просьбой о поддержке, а встретив недоверие и даже враждебность, добился союза с православной церковью, издав целый ряд универсалов, защищавших ее собственность от грабежей и посягательств «показаченных». Такие же «охранные грамоты» получили и многие монастыри.

А. Кисель. Портрет XVII в.

Воевода А. Кисель писал: «…хлопство гору берет. Чего же другого ожидать, как ни страшного бунта и начала войны с рабами?»[41]. И активно вел переписку с пограничными русскими воеводами, чтобы те ввели в Левобережную Украину войска в поддержку польской администрации[42]. Возможность вторжения русских было главной угрозой для Украины. Летом 1648 года Богдан предпринимает смелый дипломатический шаг. Вместо того чтобы уговаривать Алексея Михайловича не нападать на Украину, он пишет ему письмо, в котором предлагает воспользоваться «бескоролевьем» и на саблях казаков занять польский престол.

Под влиянием сообщений о победе под Желтыми Водами и Корсунью отношение к восставшим в Москве стало меняться. Способствовало этому и известие о том, что союзные с Хмельницким татары не собираются нападать на российские территории. К этому добавились домашние смуты – крестьянские восстания, они еще больше отбили у русских воевод охоту воевать

с казаками.

Призывая русских на войну с Речью Посполитой, Хмельницкий не прерывал и своих переговоров с Варшавой. Трудно сказать, насколько он верил в возможность их благополучного завершения. Бои с Вишневецким оставляли мало надежд на мирный исход.

Богдан занимается сбором припасов. В конце июля он выступает на Запад. Он еще разыгрывал верного подданного, желающего мира. И даже приказал приковать Кривоноса к пушке, демонстрируя свое негативное отношение к радикально настроенным элементам. Но на самом деле, для того что сохранять контроль над шальными головами, Богдан должен был плыть по течению, не останавливаясь и не ведя никаких переговоров с поляками.

Впрочем, и вести переговоры было не с кем. Магнаты во главе с Вишневецким выступали решительно против любых уступок «черни», а те, кто высказывался за перемирие (тот же Кисель), предлагали такие условия, на которые ни за что не согласились бы «показаченные». Богдан уже начинал понимать, что компромисса и возврата к старому быть не могло. Рубикон давно уже перейден. Слишком много крови пролилось, и слишком пьянило чувство свободы.

В сентябре 1648 года происходит третье генеральное сражение, на этот раз под Пилявой. В Речи Посполитой для спасения отечества было объявлено посполитное рушение[43]. Командующими этого ополчения назначили нерешительного Д. Заславского, известного своей ученостью Н. Осторорога и запальчивого молодого А. Конецпольского. Хмельницкий прозвал их «периной», «латиной» и «детиной». Войско насчитывало сорок тысяч шляхетского ополчения, восемь тысяч немецкой пехоты. Вместе с челядью силы поляков достигали девяноста тысяч[44]. В их распоряжении имелись около ста пушек и огромный обоз, насчитывавший пятьдесят тысяч возов.

Шляхта, в большинстве своем в глаза не видавшая казаков, бахвалилась, обещала разогнать «чернь» нагайками. У Хмельницкого общая численность войска тоже достигала почти ста тысяч, но из них только чуть более половины были должным образом вооружены. Остальные – «крестьяне от плуга».

Сильной стороной казаков была их пехота, под защитой обоза не знавшая себе равной в Европе. У поляков, наоборот, славилась конница, прежде всего тяжелые гусары и легкие драгуны. Противостоять им в открытом поле казаки не могли, поэтому Хмельницкий решил сразу занять такую позицию, которая нейтрализовала бы преимущество польской конницы. Болотистая

местность под Пилявой на берегу реки иквы как раз соответствовала этим требованиям.

Лагерь поляков растянулся на восемь километров, его никто не укреплял. Единоначалие у них отсутствовало, распоряжения не выполнялись, план действий так и не был разработан. Двадцать первого сентября начались бои за переправу. На следующий день казаки укрепляли табор, а к вечеру подошел отряд татар около шести тысяч человек. Двадцать третьего сентября казакам удалось захватить переправу и оттеснить поляков к их лагерю. К вечеру в польском войске все больше проявлялись панические настроения, особенно подогретые слухом о приходе всей орды. Поздно вечером военоначальники тайно покинули лагерь вместе с конницей. Попытки организовать отход ни к чему не привели. Тысячи обезумевших от ужаса людей бросали оружие и бежали куда глаза глядят. На долгие десятилетия презрительное прозвище «пилявчики» стало синонимом трусости и позора. Казакам достался весь обоз с артиллерией, огромным запасом пороха, десятки тысяч возов и прочая добыча. Путь за Запад был открыт.

Шляхта убегала за Вислу. Еще никогда в истории казакам не удавалось поставить под свой контроль столь огромную территорию. Появляется идея распространения казацкой власти не только на узкую территорию вокруг Чигиринщины, но и на все украинские территории.

На казацкой раде обсуждали дальнейшие шаги. Во многом подчиняясь мнению большинства, Хмельницкий принимает решение идти дальше, на Запад. Об этом говорил и Тугай-бей: либо до полной победы, либо до устраивающего всех мира. Главной надеждой был начинавшийся элекционный сейм (сейм, на котором избирали короля. – *Т. Т.*). Богдан собирался поддержать того претендента на польский престол, который изъявит готовность пойти на перемирие с Войском Запорожским.

Хмельницкий не спешил воспользоваться выигрышной ситуацией. Шестого октября войска казаков подошли ко Львову, но гетман умышленно затягивал осаду города. Многие объясняют это сентиментальными чувствами по отношению городу, где он учился и где прошла его юность. Действительно, есть свидетельства, что Богдан прослезился, слушая, какие трудности испытывает город во время осады[45]. Но это не мешало ему твердо настаивать на контрибуции, а в ответ на все просьбы «отцов города» отсылать их к Тугай-бею.

Именно в обозе подо Львовом Хмельницкий через своего бывшего учителя иезуита Андрея Мокрского начинает переговоры с королевичем Казимиром, недвусмысленно высказавшись в

пользу его кандидатуры на выборах короля. Правда, и другому кандидату, трансильванскому князю Юрию I Ракочи (Георгий, Дьердь, Дарий. – *Т. Т.*), Богдан давал ясные сигналы поддержки. Но венгр в разгар элекционной кампании умер.

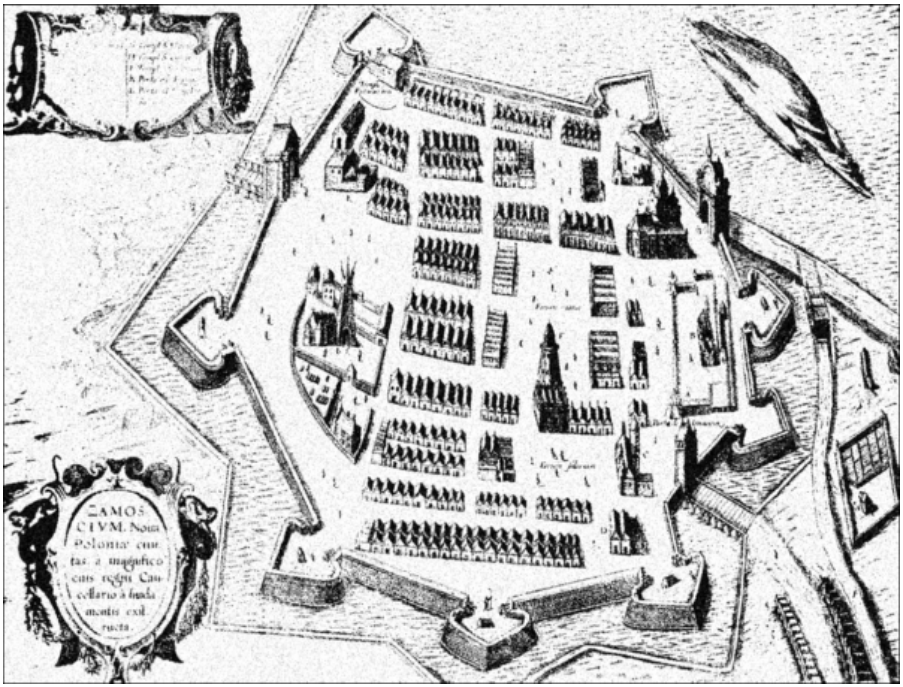
Удовлетворившись небольшим выкупом в двести двадцать тысяч злотых, Хмельницкий оставил Львов. Некоторые историки считают это серьезным промахом Богдана, недооценившего значение города как центра западно-украинских земель и не оставившего там гарнизона[46].

Между тем военные успехи по-прежнему были на стороне казаков. В октябре капитулировал гарнизон крепости Кодак – символа польского владычества над Запорожьем. Возы с захваченной в Кодаке утварью и имуществом офицеров «передали гетманше», т. е. Елене[47]. Саму крепость разрушили.

В ноябре уже на польской территории Хмельницкий начинает явно безнадежную осаду прекрасно укрепленной крепости З амостье. Правда, в этой крепости укрылись многие его враги, а разосланные отряды казаков тем временем приводили к повиновению западные территории, выбивая последние гарнизоны поляков. Казацкие полки действовали в Каменец-Подольском, Луцком и Владимирском уездах. К осени восстание охватило Теребовлянский повет Руського воеводства, староства Галицкой земли.

Тем не менее, вместо того чтобы идти на Варшаву, как требовал Кривонос, Хмельницкий предпочтет дожидаться результатов элекционного сейма. Единственной уступкой радикальному крылу стал генеральный штурм Замостья 28 октября, в котором казаки (в основном «показаченные») понесли тяжелые потери, а генеральный обозный Чарнота (один из лидеров «радикалов») был серьезно ранен.

Продолжение военной кампании в условиях начинавшейся зимы на территории противника было бы не только рискованным, но и опрометчивым, тем более при острой нехватке коней, осадной артиллерии, боеприпасов. К этим проблемам добавилась чума. Потому-то Хмельницкий благосклонно встретил известие об избрании Яна Казимира и охотно выполнил первый приказ короля – распустить войска и отступить в Украину. Это происходит 24 ноября 1648 года. Правда, не обошлось и без инцидентов. Радикальное крыло отказывалось верить королевскому письму, обвиняло посла в измене и т. д. Богдану пришлось использовать все свое умение уговаривать толпу, чтобы успокоить всех и спасти жизнь польского посла Я. Смяровского.



Крепость Замостье. Гравюра XVII в.

Сохранились подробные описания переговоров, в которых Хмельницкий предстает любезным хозяином и верным подданным (во время обеда, каждый раз, когда пили за здоровье короля, по его приказу стреляли из пушек). Поляк передает речь гетмана: «Как предки мои самоотверженно и с пролитием крови служили королям польским, так и я, не изменяя им, с подчиненным мне рыцарством, хочу верно служить его величеству королю, моему милостивому государю, и Речи Посполитой и по приказу его королевского величества сейчас же отступлю с войском на Украину»[48]. Наступает перемирие.

Казацкие войска возвращаются в Украину. В начале января 1649 года перед самым Рождеством Хмельницкий победоносно въехал в Киев. Жители древнего города устроили ему триумфальную встречу. Казаки, мещане, духовенство – все поджидали победителя. Гетманский кортеж Волынским шляхом приблизился под вечер к Киеву. Современники писали, что собрались огромные толпы людей, «весь Киев». Гостивший в Киеве иерусалимский патриарх Паисий вместе с Киевским митрополитом встретил Хмельницкого с тысячью всадников и приветствовал напыщенной речью, величая его «пресветлым государем»[49]. Жители Киева приветствовали гетмана и старшину, в замке и городе стреляли из пушек. Студенты Киево-Могилянской академии встречали Хмельницкого стихами,

приветственными речами и кантами, прославляя как Моисея – спасителя и избавителя от польского рабства. В самом имени «Богдан» видели хорошее предзнаменование, полагая, что он Богом дан Украине[50].

Король Ян-Казимир. Гравюра XVII в.

Небывалый триумф не мог не поразить Хмельницкого, заставить его задуматься о достигнутом, той власти и влиянии, которое он теперь имел в Украине. В декабре 1648 года от эпидемии чумы умер Максим Кривонос, и теперь у Хмельницкого не было серьезных соперников. Большое значение для формирования новых взглядов Богдана имела и встреча с Паисием. Этот греческий патриарх видел в украинском гетмане борца против засилия католической церкви. Он открыто именовал Богдана «светлейшим князем», оказывал ему всевозможные почести и предлагал помощь в переговорах с Москвой, куда направлялся патриарх.

Видимо, именно беседы с Паисием, триумфальная встреча на Украине казацких войск и, наконец, мирная передышка, позволившая осмыслить происшедшие события, кардинально меняют позицию Богдана. Он начинает понимать, что может

выступать не с позиции просящего подданного, а как самовластный правитель.

Безусловно, сильным ударом, развеявшим последние иллюзии о возможности компромисса, стало коварное нарушение поляками перемирия. В Подолии и Киевском воеводстве начались расправы возвращавшихся поляков над мирными жителями, которых обвиняли в пособничестве казакам. Пленных казаков сажали на кол, не щадили ни мещан, ни крестьян. Польские и литовские войска доходили до Бара.

Польские комиссары еще не успели прибыть в Переяслав, где были назначены переговоры, а Хмельницкий уже отправил С. Мужиловского вместе с Паисием в Москву и второе посольство – к трансильванскому князю Ракочи.

Поляки были ошеломлены переменой, произошедшей с Хмельницким. На переговорах он впервые назвал себя «единовладцем и самодержцем руським», заявив: «Теперь достаточно земли в княжестве моем по Львов, Холм и Галич». Совершенно неожиданно для польских послов Богдан предстал не послушным вассалом короля, а главой независимой державы.

Комиссары оставили злые и негодующие записки о своих переговорах с Хмельницким. Они называли его «зверем», обвиняли в пьянстве[51]. У них не укладывалось в голове, что трезвый казак мог вести себя таким образом. Богдан отклонил статьи договора, значительно превосходившие его собственные требования еще лета 1648 года. Он прямо сказал, что теперь уже поздно договариваться: «Теперь уже нет времени, уже доказал, о чем никогда и не мыслил, докажу и дальше, что надумаю: выбью с ляшской неволи народ весь украинский»[52]. А на предложение включить в реестр десять – двенадцать тысяч казаков, отрезал: «Зачем их так мало писать, когда их может быть сто тысяч. Столько их будет, сколько я захочу»[53]. А. Кисель, православный деятель либерального толка, оказался на этих переговорах очень далеким от идей, уже овладевших Украиной. Единственное, чего смогли добиться оскорбленные комиссары, это заключение перемирия и установления разделительной линии между казацкой Украиной и Речью Посполитой: на Волыни по реке Горынь и на Подолии по Каменец-Подольск[54].

Любопытно, что Богдан, прекрасно знавший польский и латынь, нарочно говорил с комиссарами по-украински. Что это было? Опьянение свободой и властью или нарочитая игра на устрашение? Очевидно одно: Хмельницкий больше не тешил себя иллюзиями о возможном мирном разрешении конфликта. Он собирал армию, искал новых союзников.

Большие изменения произошли и в личной жизни Богдана.

Патриарх Паисий обвенчал его с Чаплинской, «заочно, так как она была в то время в Чигирине». Почему бракосочетание состоялось в такой спешке? Вероятно, на это, в первую очередь, настоял Паисий, желавший превратить Хмельницкого в лидера православного движения, чей нравственный облик должен был соответствовать этому высокому призванию. Отказ Киевского митрополита венчать Богдана и необходимость скорейшего отъезда Паисия в Москву, видимо, не позволяли ждать, когда невеста приедет из Чигирина.

Этот брак породил еще одну семейную проблему: старший сын Богдана Тимош явно был настроен враждебно к мачехе. Весть о законном браке Богдана стала неожиданным и весьма неприятным сюрпризом для молодого человека. Паисий послал в Чигирин своего монаха, передав с ним для Елены «разрешение грехов» и акт бракосочетания... Его посланец, монах, был дурно принят. Сын Хмельницкого Тимош, сущий разбойник, напоив его водкой, спалил ему бороду»[55]. Факт этот тем более интересен, что именно Тимош стал в дальнейшем виновником гибели Елены.

В условиях тревожного перемирия и сохранения казацкого контроля над огромными территориями Левобережной и Правобережной Украины актуальной становилась задача формирования новой системы власти. Именно в этот период создаются основы государственного устройства, получившего в научной литературе название Украинское гетманство. Созданное Б. Хмельницким и его соратниками казацкое государство из-за особенностей внутренней и внешней ситуации, в которой оказалась Украина, представляло собой военизированное образование. При его формировании сотенно-полковая система казацкой армии была механически перенесена на административно-территориальную. В принципе, формирование полков по административному принципу было введено еще в реестровом казачестве, а в 1649 году просто получило свое логическое завершение. На Правобережье появляются Чигиринский, Черкасский, Корсунский, Лисянский, Белоцерковский, Паволоцкий, Уманский, Кальницкий, Каневский, Брацлавский полки. На Левобережье – Переяславский, Нежинский, Черниговский, Прилуцкий, Лубенский, ирклеевский, Миргородский, Кропивенский, Гадячский, Полтавский и Зеньковский.

В Украинском гетманстве все политические институты власти выросли из аналогичных военных, а высшие и средние казацкие чины составили соответственно верхушку и привилегированную часть новой социальной структуры общества. Гетман из командующего реестровыми казаками превратился в лидера

государства, писарь из секретаря – в канцлера и т. д. Войсковая рада все больше играла роль парламента, решавшего все основополагающие вопросы существования Украинского гетманства.

В конце апреля 1649 года тайная рада приняла решение о начале мобилизации распущенной по домам армии. Речь шла уже об огромной силе. Как писал летописец, «Усе, що живо, поднялося в козацтво». К июню сторонники Хмельницкого, по его собственным словам, насчитывали триста шестьдесят тысяч[56] человек[57]. Ранее было направлено посольство в Крым с просьбой о присылке военной помощи. Тогда же в Чигирин прибыла первая русская делегация во главе с Г. Унковским. Речь шла уже о возможном принятие гетманом «высокой руки» царя.

На переговорах с русскими Хмельницкий объявил, что не считает себя подданным короля(!), они-де крест целовали Владиславу IV, а он умер: «Короля мы не обирали и не короновали и креста ему не целовали… и мы волею Божиею тем от них (поляков. – *Т. Т.*) стали свободны»[58]. На вопрос, какие задачи он ставит в грядущей войне, Хмельницкий отвечал, что хочет, чтобы поляки уступили ему Украину и Белоруссию по границам, «как владели благочестивые великие князи»[59]. Понятия очень расплывчатые, но крайне знаменательные.

Стороны ограничились первым знакомством, но царь через Унковского пообещал не предоставлять полякам военной помощи и объявил о разрешении украинским купцам беспошлинно торговать на территории Московского государства. Вскоре в Москву направилось очередное посольство, на этот раз во главе с полковником Ф. Вешняком.

Однако эти переговоры 1649 года не означали, что Хмельницкий выбрал курс на Москву. Не менее активно гетман добивался союза и с Трансильванией, при этом не собираясь порывать с Крымом. И вообще, он искал такую политическую комбинацию, при которой вассалитет к «далекому» суверену был бы как можно более номинальным, а автономия казацких областей – как можно более полной.

Гетман Б. Хмельницкий. Портрет XVII в.

В Варшаве от шпионов знали о переговорах Хмельницкого с русскими и с трансильванцами. В свою очередь, В. Кисель написал в Москву, убеждая русских прислать на помощь полякам войска. Богдан узнал об этом и очень сердился. Когда к нему прибыл польский посол Смяровский, он в гневе бросил королевскую грамоту через стол своему писарю, и та упала на пол. Кроме того, до него постоянно доходили известия о нарушениях перемирия на Подолии, где поляки предпринимали военные действия против казацких полков.

Кисель, видимо, считая невозможным договориться с гетманом, посылал секретные письма, подстрекая казацких полковников к бунту против Богдана. В таком направлении действовал и посланник Киселя – Смяровский, находившийся при гетмане в Чигирине. Он пробовал даже отравить гетмана. Когда открылась правда о действиях «резидента», у него был проведен обыск и в шкатулке нашли пятьдесят грамот на пожалования без вписанных имен. Старшина бросилась на него и зарубила саблями[60]. Сам Богдан был страшно разозлен коварными действиями поляков. Иезуитский монах отец иероним Ласка,

находившийся в Чигирине в тот момент, писал: «Все послы наши взяты к пушкам. Из челяди, которая была при конях, одних убили, других утопили. Моему товарищу пану Залесскому… досталось… булавой от гетмана, а напоследок били его обухами и потащили в посольский постоялый двор». Только заступничество молодой жены Хмельницкого («самой пани») спасло Ласка[61].

После расправы над Смяровским Богдан уехал в войско и выступил из-под Умани в поход. Вскоре к нему присоединилась белгородская орда, а затем и сам хан ислам-Гирей с сорокатысячной ордой. На совещании было решено наступать на Збараж, куда отступила армия иеремии Вишневецкого. Началась почти месячная осада Збаража.

Королева Мария Людовика. Гравюра XVII в.

В это же время против литовской армии Богдан выслал подольского полковника Станислава Кричевского (своего кума, перешедшего на сторону восставших).

Ситуация стала складываться не в пользу Богдана. Небольшая армия Вишневецкого, воодушевленная своим фанатичным вождем, оказывала в маленьком Збараже ожесточенное сопротивление. Татары, непривычные к штурмам, несли большие потери, хан злился. На выручку Вишневецкому двинулся сам

новый польский король Ян Казимир. Этот король, брат покойного Владислава IV, оказался неудачным выбором для казаков. Фанатичный католик, он до вступления своего на польский престол не только был монахом, но и носил звание кардинала. Для вступления на престол он получил личное разрешение папы снять с себя сан, после чего женился на вдове своего брата Владислава IV Марии Людовике. После неудачи мирных переговоров с Хмельницким Ян Казимир посчитал своей обязанностью покарать тех, кто восстал против католической церкви. Перед походом он получил благословение папского нунция Джованни де Торреса, освятившего ему меч и хоругвь.

В конце июля стало известно, что полк Кричевского был разгромлен великим литовским гетманом Я. Радзивиллом, а сам полковник попал в плен и вскоре скончался от ран. По требованию хана казаки предприняли генеральный штурм Збаража, но он был отбит. Между тем король Ян Казимир издал указ, согласно которому назначал казацким гетманом Семена Забусского и отстранял Хмельницкого. Кроме того, за голову Богдана была объявлена награда в десять тысяч злотых.

На самом деле это была нешуточная угроза. В истории казацких восстаний не раз бывали случаи, когда «чернь» выдавала вождей и заключала договор с поляками.

Хмельницкий с отрядом в сорок тысяч казаков и двадцать тысяч татар вместе с ханом вышел из табора под Збаражем и двинулся навстречу королю. Расположившись 14 августа под Зборовом, Ян Казимир начал переправу. В его распоряжении имелась двадцатитысячная армия, достигавшая вместе с челядью тридцати пяти тысяч человек[62]. Не догадываясь о приближении Хмельницкого с татарами, король выступил 15 августа к переправе. Поляк-современник сообщал, что Богдан лично выехал на разведку под Зборов, залез на высокий дуб и следил за переправой, подсчитав силы поляков и осмотрев поле боя[63].

Король был атакован казацкой конницей. Попытки дать отпор успеха не имели, началась паника, и поляки бежали к Зборову. Ян Казимир метался по лагерю, кричал, чтобы его не бросали, иначе погубят отечество. Но когда победа была в уже полушаге от казаков, битва остановилась, так как хан ислам-Гирей начал переговоры с поляками. Это не позволило казакам победоносно завершить сражение.

Скорее всего, хан не желал допустить падения королевской власти и чрезмерного усиления гетмана. Хмельницкий со своей стороны опасался, что сепаратный мир будет заключен в ущерб украинских интересов и тоже начал переговоры.

Несмотря на неблагоприятные для казаков обстоятельства,

Зборовский договор, заключенный 18 августа 1649 года, стал де-факто признанием нового государства – Украинского гетманства, с полной автономией казацкой территории в составе Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств, с официальной столицей в Чигирине и лишь номинальным подчинением короне. Польские войска не имели права располагаться на этих территориях. В областях Войска Запорожского привилегированное положение занимала православная религия, все должности в трех воеводствах могли получать только представители православной шляхты. Киевский митрополит получал право заседать в сенате и напрямую ставился вопрос о ликвидации унии. Иезуиты лишались права находиться в городах Украины, где имелись православные школы. В Украинское гетманство не допускались евреи. Страна делилась на шестнадцать полков, причем старшина в условиях де-факто ликвидации польской администрации получала не только военную власть, но и права высших гражданских чиновников. По условиям Зборовского договора реестр казаков был увеличен до небывалых размеров – сорок тысяч человек.

Магнат и польская шляхта. Рисунок XVIII в.

Заключение договора проходило в очень непростых для Хмельницкого условиях. По сути дела, он вынужден был соглашаться на то, о чем уже договорились хан с королем. Но даже в этих обстоятельствах он сумел сохранить достоинство, собственную власть и настоять на наиболее приемлемых условиях.

После того, как поляки прислали заложников, он и его сын Тимоша, роскошно одетые, верхом на белых арабских богато убранных лошадях в сопровождении ста казаков личной охраны прибыли к королю. Их сопровождал Адам Кисель в карете. Магнат напрасно уговаривал Богдана скакать не спереди, а сзади кареты согласно этикету.

Ян Казимир, изображая добродушного отца, сказал: «Хватит тебе уже быть нашим неприятелем, мы тебе даем нашу милость и все вины тебе и всему Войску Запорожскому отпускаем, а тебе приличествует нам и Речи Посполитой отплатить услугами своими»[64]. На эти речи Хмельницкий, как заметил современник, не вдаваясь в дипломатические любезности, с которыми он был, безусловно, знаком, лишь кратко отвечал: «Верно, король, говоришь!»[65].

Принимая Зборовский договор, стороны не питали особых иллюзий. Для Яна Казимира это был счастливый исход из катастрофической ситуации, для Хмельницкого – не худший компромисс в условиях измены хана. Поляки не возвращали имущество православных церквей, а паны спешили в свои имения, чем вызывали яростный протест оставшихся вне реестра «показаченных». Король называл Хмельницкого «заклятым врагом Речи Посполитой, который поклялся ее погубить»[66].

Исполнение статей Зборовского договора проходило непросто. Обе стороны не были готовы к новым реалиям. Многие казаки были недовольны границами, не желая отдавать полякам такие города, как Острог, Бар и др.

Но главная проблема была с тысячами «показаченных», которые явно не укладывались в рамки сорокатысячного реестра. Во многих поветах Подольского воеводства доходило до вооруженного сопротивления. Другие тысячами переселялись на территорию Украинского гетманства. Многие по решению старшинской рады остались при реестровых в качестве обозных и слуг.

Зборовский договор наглядно показал, что внутри самого казачества имелись совершенно разные представления об идеалах «казацкой вольности». Богдан и его единомышленники стремились к созданию жесткой административной системы нового государства. Для «показаченных» и ряда «вольных атаманов» Украинское гетманство представлялось ограничением вольностей и изменой казацкому делу. Эти настроения становились объективным тормозом на пути развития украинской государственности.

Таким образом, уже через год после начала восстания Богдан оказался в плену у собственных достижений. Освободившиеся благодаря ему массы, те самые «загоны» (загоны – отряды вольных казаков. – *Т. Т.*), принесшие ему славу и власть, теперь грозили превратиться в серьезное противодействие его государственным планам.

Перед Богданом стояла дилемма: или добиваться исполнения условий Зборовского договора и оттолкнуть от себя

«показаченных», или сознательно идти на новый конфликт с польскими властями. События под Зборовом, назначение Забусского гетманом, вероятно, убедили его, что при первой возможности польские власти поспешат с ним расправиться, видя в нем своего главного и самого опасного врага. Поэтому, видя именно в «показаченных» свою опору, Хмельницкий довольствовался изданием грозных универсалов, иногда казнил отдельных повстанцев, но избегал прибегать к массовым репрессиям[67]. Гетман понимал неизбежность новой войны, в которой ему снова понадобилась бы огромная армия. В результате Ян Казимир констатировал, что «выписчики и реестровые казаки имели равные свободы»[68].

Даже из сложностей Богдан умел извлекать для себя выгоду. В октябре 1649 года он распорядился о составлении реестра. В него были включены все лучшие, самые опытные и испытанные за время восстания старшины и казаки. Одновременно эта старшина становилась новой администрацией казацкого края.

В декабре произошли события, не оставлявшие сомнений в планах поляков. Ян Казимир вручил булаву коронного гетмана (т. е. командующего польской, коронной армией) заклятому врагу казачества иеремии Вишневецкому, а вслед за этим во время встречи с Киевским митрополитом Семеном Косовым отверг требование о ликвидации унии. Вскоре вернулись в Польшу выкупленные из плена польские гетманы Николай Потоцкий и Мартин Калиновский. Первому вернули звание великого коронного гетмана, и он приступил к своим обязанностям, пылая жаждой мщения. Потоцкий возглавил популярную среди польской верхушки партию войны и стал добиваться выведения казацких войск из Брацлавщины, что противоречило условиям Зборовского договора[69].

В январе 1650 года сейм утвердил Зборовский договор, и это стало сигналом к массовому возвращению поляков в Украину. Практически сразу же на Запорожье началось восстание низов, возглавленных Худолеем. Восставшие обвиняли Хмельницкого в измене. В этих условиях в марте Богдан собрал старшинскую раду, которая обсуждала шаги по исполнению Зборовского договора. Было решено разрешить возвращение только православной шляхты, а также запретить сбор подымного и иных налогов с крестьян.

Несмотря на все эти тревоги и проблемы «мирного года», он был самым счастливым в жизни Богдана. Тимош Хмельницкий руководил строительными работами в Субботове, превратившемся в укрепленную усадьбу гетмана, тогда как Чигирин стал его официальной столицей.

Все недолгие свободные дни Хмельницкий проводил в Субботове, где к тому же имелись пасеки, на которых гетман любил «гулять». Богдан очень любил черемуху, и шесть этих деревьев росло под окнами дома. Иностранцы отмечали простоту домашнего уклада гетмана, не желавшего отрываться от своих корней.

Воспользовавшись военной передышкой, полученной по Зборовскому договору, Хмельницкий занялся укреплением внешнеполитического авторитета и влияния Украинского гетманства. Он ведет усиленные переговоры с Москвой, Трансильванией, Молдавией, Валахией, Османской империей и Крымом.

Человек, контролировавший огромную территорию Киевского, Брацлавского и Черниговского воеводств, располагавший армией, превышавшей сто тысяч человек, автоматически превращался в крупную фигуру европейской политики. Но с другой стороны, имея в основе своего успеха союз с Крымом, он становился заложником этого альянса.

Польское правительство решило использовать казаков против Москвы в совместном с татарами походе. В свою очередь, хан требовал тысячу казаков для похода на Кавказ. Эти планы крайне встревожили донских казаков, и они прислали к гетману свои делегации. В Варшаву прибыли русские послы, обвинившие польскую сторону в нарушении написания титулов царя в официальных польских грамотах. Русские требовали казнить Потоцкого с Вишневецким, а также претендовали на Смоленск, Стародуб и Могилев. Поляки были потрясены такой переменой в позиции царя[70]. С большим трудом им удалось в июле добиться подтверждения условий Поляновского мирного договора[71].

В июне 1650 года в Чигирин прибыл венецианский посол Альберто Вимина, он пытался уговорить казаков принять участие в войне с Османской империей. Вимина оставил интересные описания жизни чигиринского двора. Про Хмельницкого он писал: «Роста он скорее высокого, нежели среднего, широк в кости и крепкого сложения. Речь его и способ управления показывают, что он обладает зрелым суждением и проницательным умом. Хотя и случается, что он чрезмерно предается напиткам, но тем не менее он не оставляет заботы о делах… В обращении он мягок и прост, чем привлекает к себе любовь воинов, но, с другой стороны, он держит их в дисциплине строгими взысканиями. Всем, кто входит в его комнату, он пожимает руку и всех просит садиться, если они казаки». Венецианца поражала простота обстановки гетманского дома. «В этой комнате нет никакой роскоши, стены лишены всяких

украшений, за исключением мест для сидения. В комнате находятся лишь грубые деревянные лавки, покрытые кожаными подушками… Стол отличается не большей роскошью, чем прочая сервировка и утварь, ибо едят без салфеток и не видно другого серебра, кроме ложек и бокалов… Однако гетманский стол не скуден добрыми и вкусными яствами и обычными в стране напитками: водкой, пивом, медом. Вино, которым мало запасаются и редко пьют, подается к столу лишь в присутствии важных иноземцев. Как я имел случай убедиться, за столом и при выпивке нет недостатка в веселости и остроумных выходках»[72].

Весьма интересно, что «прекрасная Елена» участвовала в официальных дипломатических приемах. В частности, Вимина упоминает следующий эпизод: «Хмельницкий произнес за столом некий тост, адресуя его к жене, понизив при этом голос, чтобы сидящие поодаль не услышали, а меня он в расчет не принял, думая, что я не понимаю его языка. „За здоровье великого короля!“ – слова вполне ясные, в которых звучит презренье. Жена отвернула взгляд и надулась, он же усмехнулся и выпил свой бокал»[73].

Летом 1650 года хан решает предпринять поход на российские территории и вынуждал Богдана принять в этом участие. Хмельницкий находился в крайне тяжелой ситуации, так как и отказать он не мог, и поссориться с Москвой не хотел. Судьба избавила его от тяжкого выбора. Потоцкий арестовал нескольких сотников в Брацлавском полку, Хмельницкий вмешался, начались ссоры, выяснения отношений. Поход был сорван. Чтобы не возвращаться без добычи, калга-султан решил напасть на соседнюю Молдавию, господарь которой Василий Лупу занимал в 1648–1649 годах пропольскую позицию.

Богдан решает принять участие в этом походе. Формально это было сделано по требованию хана. Но на самом деле это был уже не только акт своеволия по отношению к польскому королю, но и первый пример вмешательства в дела соседнего государства.

Официально казаки мстили за лояльное отношение молдаван к полякам и поддержку их в войне с гетманом. Для Богдана быстрый, успешный поход был прекрасной возможностью отвлечь казаков и особенно «показаченных», бунты которых постоянно вспыхивали в различных регионах Украинского гетманства. В условиях, когда поляки неприкрыто готовились к войне (канцлер Ежи Оссолинский – один из немногих в Варшаве сторонников мира с казаками к тому времени умер), Хмельницкому необходимо было сохранить свою армию. В результате в этой быстрой и внезапной операции помимо татар приняли участие около пятидесяти тысяч казаков, и в конце августа казацкие

полки под руководством полковника Данилы Нечая захватили столицу Молдавии Яссы.

При этом Богдан преследовал и династические планы. Посылая казацкие войска на Яссы, он добивался от молдавского господаря Лупу согласия на брак его дочери Розанды со своим старшим сыном Тимофеем. Таким образом он рассчитывал заручиться влиянием в этом регионе. В казацкой думе, написанной в этот период, подчеркивалось: «Так-то Хмельницкий хорошо сделал: Польшу победил, Волощину засмутил, Гетьманщину взвселил».

Поляки были взбешены молдавским походом. Они добивались от Богдана, чтобы он выслал несколько полков для подавления восстаний крестьян. В ответ в середине сентября он распорядился вписать в реестр часть «выписчиков», причем из Подольского воеводства, которое, согласно условиям Зборовского договора, не входило в состав Украинского гетманства[74].

Продолжал он принимать и русские посольства, что тоже возмущало поляков. Так, осенью 1650 года прибыл В. Унковский, в своих пространных речах он объяснял отказ царя оказать военную помощь казакам существующим Вечным миром с Речью Посполитой. Хмельницкий в ответ рассказывал, что не пошел с татарами в поход на «московские города», и обещал в будущем также удерживать татар от таких планов[75]. Унковский ничего не обещал, но зато щедро раздавал подарки, в том числе передал «гетманове жене» пару соболей[76].

Царя крайне беспокоило появление в Украине самозванца Т. Анкундинова[77], объявившего себя внуком Василия Шуйского. Унковский уговаривал Богдана выдать самозванца, но тот, сославшись на казацкий обычай, отказал.

Надо сказать, что Богдан был крайне рассержен на Москву за отказ в военной помощи. Сердили его и постоянные приезды русских лазутчиков. Но когда в ноябре прибыл московский архидьякон А. Суханов с Назаретским митрополитом, которые привезли письмо патриарха Паисия с просьбой выдать Анкундинова, Хмельницкий все-таки издал универсал, запрещавший самозванцу жить на территории Украины.

А. Суханов в своем донесении описывал обед у Хмельницкого, данный в честь посетившего Чигирин Коринфского митрополита: «Гетман велел сести всем за столом: по конец стола сел митрополит Коринфский, с левой руки у митр(ополита) сидела жена гетманская, в лавке сидел митрополит Назаретский (живший в Субботове), а против его сидел гетман в креслах; подле митрополита сидел в лавке строитель Арсений, а против его в скамье сидел посланец князя Доминика Григорей

Заруцкой»[78].

Понимая, что отношения с поляками накалены до предела и желая какой-то ясности в ситуации, Богдан направил на сейм депутацию с «Прошением», которое в том числе предусматривало ликвидацию унии и возвращение всего имущества православной церкви.

В ноябре 1650 года состоялась старшинская рада, обговорившая вопросы укрепления обороны и начала мобилизации. Ситуация накалялась. Сейм отклонил «Прошение», послы Лупу приехали с сообщением о перенесении даты свадьбы на более поздний период. Поляки выслали послов к императору Фердинанду III с просьбой предоставить военную помощь против Хмельницкого. В конце года король дал распоряжение своим гетманам в течение шести недель разгромить казаков.

То, что должно было произойти, свершилось. В феврале 1651 года, нарушив Зборовский договор, польские войска под командованием М. Калиновского и С. Лянцкорунского вторглись в Брацлавщину. Они сумели незамеченными перейти «линию», разделявшую казацкую и польскую территории согласно Зборовскому договору, и напали на мирные украинские местечки. Знаменитый Брацлавский полковник Д. Нечай оказался не готовым к военным действиям. Он слишком легкомысленно отнесся ко всем предупреждениям Хмельницкого. Возможно, годы сравнительно легких побед ослабили его бдительность. В результате Нечай погиб при обороне местечка Красное. После упорной обороны местечко было сожжено поляками, а все жители, включая женщин и детей, убиты.

После неожиданной и нелепой гибели любимого полковника жителями Брацлавщины овладел ужас. Поляки устроили настоящий террор, огнем и мечом проходя через непокорную территорию. Единственным способным организовать отпор оказался Иван Богун – один из самых знаменитых полководцев Украины периода Украинского гетманства. Ему удалось нанести психологический удар полякам. Сымитировав паническое бегство передового отряда, выставленного на льду Буга перед Винницей, Богун заманил поляков в прорубленные им заранее полыньи. Десятки солдат погибли, их командир едва выбрался из проруби[79]. Вся уверенность поляков в своих силах после победоносного похода куда-то улетучилась, а казаки, наоборот, воспрянули духом.

На фоне вяло текущих военных действий обе стороны готовились к генеральному сражению.

К тому же у Богдана начались домашние неприятности. Отношения его старшего сына Тимоша с мачехой давно не

складывались. А теперь, возможно, на фоне неясной перспективы женитьбы на молдавской княжне резко обостряются его отношения и с отцом. Поляк, бывший в Чигирине зимой 1651 года, писал, что Богдан приказал привязать Тимоша «к пушке и крепко бить, пока тот не поклялся ему, что будет хорошим, степенным и только тогда приказал отвязать его»[80].

Вероятно, Елена и ее все возраставшее влияние при чигиринском дворе играли не последнюю роль в обострении отношений между Хмельницкими. Что в конечном счете толкнуло Тимоша на убийство мачехи – ненависть к ней, ревность или желание досадить отцу, – мы уже никогда не узнаем. Однако его роковая роль в судьбе чигиринской красавицы бесспорна.

Трагедия случилась в момент, когда Богдан находился в таборе, готовясь к генеральному сражению весенней кампании 1651 года. Елену обвинили то ли в супружеской неверности, то ли в контактах с Чаплинским (были перехвачены какие-то его письма к ней[81]). Обо всем этом из Чигирина Богдану написал Тимош. Хмельницкий, поддавшись приступу ярости (они с ним случались), приказал повесить жену[82]. Поляки-современники считали, что произошло это из-за подстрекательства Тимоша[83]. Но когда к Хмельницкому пришла весть, «что не стало жены ево», «гетман зело был кручинен» и «впал в тоску». Такая реакция, безусловно, подтверждает, что Богдан был действительно влюблен в Елену. Тяжесть утраты была велика, и чтобы забыться Хмельницкий постоянно пил горькую на протяжении всего похода вплоть до самой битвы под Берестечко. Польские источники утверждали, что когда к казакам прибыл для соединения хан, Богдан лежал мертвецки пьяный и именно этот факт якобы сыграл свою негативную роль в отношении ислам-Гирея к походу вообще и к Хмельницкому в частности[84].

Тимош, прекрасно зная характер отца, избавился от ненавистной мачехи. А поляки, возможно, подстроившие всю эту ситуацию, были в восторге и открыто смеялись над горем своего врага. Так, имеются свидетельства, что историю гибели чигиринской красавицы, со множеством неприличных подробностей и злословия, рассказывал шляхтичам сам король Ян Казимир, «весьма потешаясь этим происшествием»[85].

Князь Януш Радзивилл. Портрет XVII в.

Как бы там ни было, Богдан очень любил Елену, и эта страшная трагедия на некоторое время деморализовала его. К тому же он потерял драгоценное время, ожидая подхода хана. Только в конце июня казацкие войска подошли к Берестечко. В распоряжении Хмельницкого имелось более ста тысяч казаков, но

из них не более половины составляли опытные и соответствующим образом вооруженные. У хана ислам-Гирея было около сорока тысяч.

В разгар сражения татары отступили и захватили с собой пытавшего их остановить Хмельницкого. Вместе со своим верным помощником, генеральным писарем и. Выговским он более десяти дней находился в плену у своих бывших союзников, и дальнейшие события битвы разворачивались уже без них.

В ночь на 10 июля во время очередной вылазки в казацком таборе началась паника, спровоцированная «показаченными». Они кричали, что старшины их бросили. Люди начали беспорядочно отступать через болото, построенные на нем плотины проломились, и множество казаков утонуло.

Страшные дни плена, когда имелась реальная угроза быть выданным польскому королю, не прошли для Хмельницкого даром. У него было время продумать свои дальнейшие шаги. Вероятно, он вспоминал прошлое, анализировал настоящее. В любом случае, он вырвался от татар полный энергии и жизненных сил. Правда, он еще не мог представить себе весь масштаб случившихся бед.

Поляк-современник описывал встречу Богдана с полковником Хмелецким. «А табор где?» – «Уже у дьявола табор! Бежали мы с табора». – «Почему?» – «Молодцы биться не захотели». – «А как же хоругви?» – «И хоругви пропали». – «А пушки?» – «И пушка». – «А шкатулка с золотыми червонцами?» – «Про нее не знаю»[86].

Неприятности сыпались со всех сторон. Хмельницкий не успел вернуться из плена, как пришло известие о вторжении литовского гетмана Я. Радзивилла в Черниговщину. Литовцы разгромили казацкий полк М. Небабы, который погиб, и 6 августа захватили Киев. Киевский митрополит Косов и архимандрит Киево-Печерской лавры заняли предательскую позицию, пригласив Радзивилла в Киев и устроив ему торжественную встречу. Но их надежды остаться в стороне от борьбы рухнули. Литовские солдаты начали грабить не только мещан, но также киевские церкви и монастыри.

Катастрофическое положение ухудшало то, что казацкие полки после Берестечко были рассеяны. Однако многими овладело ожесточение и стремление скорее погибнуть, нежели покориться наступающим полякам. Полковнику Ивану Богуну удалось организовать сопротивление на Брацлавщине, формируя полки и направляя их к Хмельницкому[87]. Массовым антипольским восстаниям придавали особый импульс универсалы Хмельницкого, рассылаемые им по всей Украине.

Пожалуй, наиболее сильной стороной Богдана было его

умение владеть собой в самых тяжелых ситуациях. И именно так он проявил себя осенью 1651 года. А еще назло судьбе Хмельницкий в третий раз женился. Это было своеобразным символом того, что жизнь продолжается. Его супругой стала Ганна Золоторенко, сестра состоятельных братьев-мещан из Нежина и вдова полковника Пилипа. Видимо, это была умная зрелая женщина, она смогла стать подругой великого гетмана, поддержать и утешить его.

Оказавшись в критической ситуации, Богдан отправил посольство в Москву для ведения переговоров о принятии протекции царя. Но в августе случились и благоприятные для Хмельницкого события. Во-первых, от дизентерии умер фанатичный враг казаков иеремия Вишневецкий. А во-вторых, на помощь Богдану прибыл первый отряд татар Карач-бея.

Основные силы Богдана собрались под Белой Церковью. Укрепленный казацкий табор представлял собой мощную крепость, к которой подошла объединенная польско-литовская армия. Как признавал сам коронный гетман Н. Потоцкий, «добыть их табор было невозможно»[88]. Силы казаков уже насчитывали около сорока тысяч.

Брацлавщина была в огне, на Черниговщине успешно действовал С. Подобайла, захвативший Любеч. В условиях начавшегося в Польше крестьянского восстания под руководством Костки Напирского[89], Яну Казимиру пришлось пойти на подписание нового Белоцерковского договора. Поляк-современник писал: «Вследствие того что враги успели собрать значительные силы и получить помощь от татар, наше войско, углубившись в страну, столь отдаленную, очутилось как бы в осаде. Враги захватили все дороги и пути сообщения, прервали все сношения, беспокоили наших частыми стычками и произвели в войске нестерпимый голод, не допуская в лагерь подвоза припасов. Хлопы в селах и местечках везде насмехались над нашими, восклицая: «Ляхи отрезали нас от Днепра, а мы их от Вислы!»[90].

Но поляки еще храбрились, требовали выдать Хмельницкого и капитулировать. Переговоры с польскими комиссарами во главе со стольником галицким С. Маховским шли трудно. Полякам пришлось признать Богдана гетманом, но он отказывался разорвать союз с ордой, на чем настаивали комиссары. Бунты черни, не соглашавшейся принять условия поляков, вынудили Богдана настаивать на Зборовском договоре. В ответ поляки прервали переговоры и начали наступление на Белую Церковь. Дошло до военного столкновения, правда, не слишком кровопролитного. После этого переговоры возобновились.

Белоцерковский мирный договор был подписан 18 сентября 1651 года. По этому соглашению территория Украинского гетманства сократилась до размеров Киевского воеводства, реестр сокращался вдвое – до двадцати тысяч человек. Однако гетманская власть хоть и в урезанном виде, но сохранялась, что давало основания надеяться на ее расширение в недалеком будущем. После заключения договора казацкие войска были распущены.

Условия Белоцерковского договора внедрялись в жизнь еще сложнее, чем Зборовского. Хмельницкий издал универсал, чтобы казаки, желающие попасть в реестр, отправлялись в Киевское воеводство. Казаки Брацлавского, Кальницкого и Уманского полков сопротивлялись расформированию. Население Черниговского воеводства в массовом порядке переселялись в Мигородский, Полтавский и другие поветы, остававшиеся под казацким контролем.

Во многом повторялась ситуация Зборовского договора, с той лишь разницей, что на этот раз гнев изливался не только на поляков, но и на самого гетмана. Толпы недовольных готовы были приходить даже под Чигирин. Пошатнувшийся авторитет гетмана нашел отражение и в думе того времени:

> Эй чи гаразд, чи добре наш гетман Хмелницький учинив,
> Що з ляхами, з мостивими панами, у Білий Церкви замирив?
> Да велів ляхам, мостивим панам, по казаках,
> по мужиках стаціею стояти...

Поляки рвались в Брацлавщину. Возвращавшиеся на Украину польские паны пытались возобновить все повинности, имевшие место до восстания. Кроме того, жители облагались постоянными поборами на содержание польской армии, расквартировавшейся на Брацлавщине. Хмельницкий сдерживал поляков как мог. На самом деле никто не собирался долго сохранять мир. В конце ноября Богдан уже открыто обращался к мещанам и крестьянам Брацлавского воеводства с просьбой терпеливо переносить «неволю», из которой он их освободит весной[91].

Осенью 1651 года Богдан возобновил дипломатическую активность. Он контактировал с русскими, намекая на возможность принятия протектората царя, и в те же дни писал к султану, прося ускорить принятие Украины под власть Османской империи[92]. В ближайшем окружении гетмана все большую роль начинали играть ученые шляхтичи и. Выговский, П. Тетеря, и. Нечай, зажиточные мещане братья Золоторенко.

Богдан обязан был занимать твердую позицию по отношению к Варшаве, иначе мог лишиться своего авторитета и влияния на Украине, и так уже подорванных последними событиями. Положение было шатким. Вспыхнул бунт в Миргородском полку, где полковник М. Гладкий стал именоваться «гетманом». Нарастал отток переселенцев в пределы Российского государства. Всеобщее недовольство условиями договора создавало новую угрозу власти Хмельницкого. Ряд полковников подняли восстание. Оно охватило Корсунский и Белоцерковский полки. На подавление бунта был отправлен генеральный есаул Демка Лисовец. И опять сложнейшую ситуацию Хмельницкий сумел повернуть в свою пользу. Под предлогом наказания полковников, противившихся возвращению поляков в свои прежние имения, он начал борьбу со старшиной, выступавшей против усиления его власти. В начале года сопротивление восставших было сломлено. Корсунская рада вынесла смертный приговор целому ряду старшин.

В январе 1652 года был составлен реестр. Тогда же Хмельницкий отправил посольство на польский сейм с наказом добиваться утверждения вольностей Войска Запорожского. Он просил подтверждения прав православной церкви, разрешения «нереестровым» казакам оставаться в составе Войска Запорожского.

Поляки не желали понимать всей сложности ситуации. Даже условия Белоцерковского договора казались им слишком большими уступками казакам. В результате сейм не только не удовлетворил просьбы казацкой делегации, но даже не утвердил Белоцерковский договор, без чего тот переставал быть юридическим документом. Разногласия польских магнатов зашли так далеко, что в итоге сейм был сорван польским шляхтичем Сицинским (ему, видимо, заплатили Радзивиллы), который впервые воспользовался правом Liberum Veto, т. е. «свободного запрета»[93]. Именно эта практика в конечном счете приведет Речь Посполитую к полному упадку.

Для Хмельницкого и казаков отказ сейма утвердить Белоцерковский договор стал сигналом к действию. Богдан начинает усилия по мобилизации армии и активизирует контакты с Крымом. Возобновление войны в условиях всеобщей ненависти к Белоцерковскому миру было для него равнозначно возможности сохранить свою власть и единство Украинского гетманства. Правда, к войне он готовился в строжайшем секрете от поляков, прикрываясь организацией морского похода, на котором настаивал король[94]. Лишь немногие поляки предчувствовали недоброе[95].

В апреле вернулось посольство из Москвы с обещанием царя не оказывать военной помощи Речи Посполитой. Развязав себе руки и обеспечив тылы, Богдан выступает с войсками из Чигирина.

Предлогом был поход на Молдавию Тимоша Хмельницкого, намеревавшегося поторопить господаря Лупу со свадьбой. По дороге в конце мая 1652 года Богдан и Тимош разбили под Батогом коронного польного гетмана М. Калиновского. В этом блистательном сражении, которое современники сравнивали с победой Ганнибала под Каннами, погибли тысячи поляков. Сам Калиновский, упрямо не желавший оставлять табор и отступать к Каменцу, был убит, а его голову принесли Богдану[96].

Перепуганный Лупу, не дожидаясь появления казаков в Яссах, согласился на свадьбу. В августе 1652 года Тимош Хмельницкий женился на Розанде, дочери молдавского господаря, что означало укрепление внешнеполитического влияния Украинского гетманства.

Однако все было далеко не безоблачно. Татары, возвращаясь домой, как обычно, пограбили Поднестровье и Брацлавщину. Такова была стандартная расплата за союзнические услуги орды, и Богдан ничего не мог с этим поделать. С другой стороны, в Порте все больше задумывались о реальном превращении гетмана в своего юридического вассала.

Победа под Батогом стала началом ликвидации условий ненавистного Белоцерковского договора. В Брацлавском, Подольским, Черниговском и Киевском воеводствах вспыхнуло массовое восстание. Поляков, вернувшихся было в свои имения, избивали и изгоняли. Через два месяца вся территория снова полностью находилась под контролем казацкой администрации. Как рассказывали казаки русским послам, у них больше не было ни воевод, ни старост. Полковники исполняли функции воевод, сотники – старост, а городовые атаманы – судей[97].

Богдан оказался талантливым учеником иезуитов, чью школу он успешно закончил. Но главной причиной хитрой и изворотливой политики Хмельницкого была политическая ситуация в Украине, включая сильную оппозицию со стороны анархического казацкого крыла и постоянную военную угрозу со стороны Речи Посполитой. Хмельницкий и его сторонники (среди которых на первых ролях всегда был Выговский) стремились создать сильную административную систему, подчиненную гетману и казацкой старшине. Для достижения этой цели Богдану порой приходилось перед оппозицией разыгрывать из себя «простого казака», перед Москвой выступать лидером притесненных православных, а перед поляками – польским

шляхтичем, поневоле связавшимся с восставшими. Считая поляков своими главными врагами, Хмельницкий с первых дней войны был занят поиском потенциальных союзников. Но татары многократно ему изменяли, Москва имела свои собственные цели, шведы искали случая вторгнуться в Речь Посполитую. Сложные внутренняя и внешняя ситуации Украины заставляли ее лидеров искать различные комбинации и играть в сложные дипломатические игры.

В январе 1652 года прибыли послы от Алексея Михайловича, сообщившие о намерении царя помирить казаков с поляками. Речь шла о возвращении к условиям Зборовского договора. Только на этих условиях русские послы готовы были исполнять роль посредников. Тем более что в Москве уже почти решились принять казаков «под высокую руку», и только добрая воля поляков могла еще остановить такой ход событий[98]. Активизировались контакты Хмельницкого с трансильванским князем Дарьем II Ракочи. Кроме того, Богдан отослал сорок тысяч ефимок к хану, чтобы заручиться его военной поддержкой.

Военные действия начались в конце марта 1653 года наступлением пятнадцатитысячного польского отряда под командованием С. Чарнецкого. Имея огромный численный перевес, поляки вторглись в Брацлавщину и безжалостно вырезали местечки Погребыще, Борщаговку, Самгородок, Прилуки, Немиров, Кальник и др. Оборону организовал и. Богун, имея около пяти тысяч войска, он заперся в Монастырище. В решительный момент Богун с казаками, переодевшись татарами, ударили в тыл полякам, вызвав страшную панику. Войско Чарнецкого, бросив убитых, бежало из-под Монастырища, а затем отступило и с Брацлавщины.

Блестящая победа открывала путь к контрнаступлению. В планах Хмельницкого было изгнание поляков с Правобережной Украины, включая Подольское и Руське воеводства.

В марте, когда разворачивались события на Брацлавщине, прибыли послы из Трансильвании с выражениями дружбы и предложениями совместных военных действий. В то же время Богдан выслал очередных послов в Москву, с сообщением о нападении поляков и с просьбой о военной помощи. Послы, помимо всего прочего, должны были добиваться разрешения проехать в Швецию. Но в Москве послам ехать дальше запретили, и в тот раз украино-шведские переговоры не состоялись.

Богдану приходилось балансировать в очень непростых условиях. С одной стороны, русские по-прежнему не шли на решительные шаги. В апреле они выслали посольство в Варшаву, добиваясь примирения поляков с Украиной на условиях

Зборовского договора. Что касается Порты, то Хмельницкий продолжал просить там военную помощь, но отказывался принимать протекторат. А делать это было все труднее, так как в мае посол султана привез уже булаву, бунчук, саблю и кафтан с абсолютно конкретными намерениями относительно протектората[99]. На раде предложения султана отвергли, хотя многие из старшин поддерживали идею протектората Порты. С другой стороны, среди окружения Хмельницкого росло понимание необходимости внешней поддержки[100].

Некоторые современные историки считают ошибкой Хмельницкого то, что еще в 1651 году он не принял турецкого протектората, поставив тем самым Украинское гетманство под удар. Как нам представляется, в условиях, когда все восстание проходило под знаменем борьбы с гнетом католиков, за православную веру, принятие протектората мусульман не могло встретить поддержки у населения. Опыт гетмана П. Дорошенко впоследствии показал, как любая красивая идея разбивалась о реалии союза с мусульманами[101].

Усугубляло обстановку и то, что гетман опрометчиво снова дал завлечь себя в молдавские дела. Молдавский господарь Лупу был весной 1653 года свергнут с престола, и Тимош Хмельницкий с казацкой армией вопреки мнению части старшины отправился ему на выручку.

Усиление роли Украинского гетманства в Центрально-Восточной Европе пугало многих соседей, так как изменяло расклад политических и военных сил в регионе. Несмотря на все свои заверения, трансильванский князь согласился оказать военную помощь Речи Посполитой против казаков. В результате против казацкой армии в Молдавии соединяются Речь Посполитая, Валахия и Трансильвания. Тимош терпит поражение при Тарговиште от союзнических войск.

В этих условиях Хмельницкий, согласившись с решением старшинской рады, предпринял попытку заключить новый договор с Речью Посполитой на условиях Зборовского соглашения. Но там возобладали радикально настроенные силы, которые полагали примирение возможным только на условиях отставки Хмельницкого, сокращения реестра до шести тысяч, а также ликвидации Украинского гетманства. Польское правительство направило к Богдану письмо, в котором отказывалось признавать его гетманство и отвергало его предложение мира.

Летом в Москве стало известно о намерении Хмельницкого принять подданство Порты. Это становится толчком, вынудившим Алексея Михайловича приступить к решительным действиям. Но

важную роль сыграла и позиция нового патриарха Никона, который активно поддерживал идею помощи Украине и лично переписывался с Хмельницким. К тому же в августе были прерваны русско-польские переговоры об Украине, так как поляки заняли жесткую позицию на ликвидацию Украинского гетманства и возврат к ситуации 1638 года.

Тучи сгущались над Украиной и на юге. Турецкий султан утвердил Стефана Георгицу, соперника Лупу, в качестве молдавского господаря, что выглядело явно недружественным шагом по отношению к гетману. Решение рады и Богдана поддержать Лупу в таких обстоятельствах выглядит как стратегическая ошибка, так как сделало невозможным дальнейшие переговоры с Портой о сохранении союзнических отношений.

В результате казаки потерпели новое поражение в Молдавии, из-за чего жена молдавского господаря Лупу вместе с Тимошем была осаждена в Сучаве валашско[102]-венгерско-татарско-польскими союзными войсками[103]. Тимош был тяжело ранен (12 сентября н. с.) и через несколько дней скончался. Казакам удалось только вывезти тело своего предводителя.

Еще не зная о гибели сына и только получив письмо о его ранении с просьбой о помощи, Богдан срочно начал собирать войска для похода. И тут впервые в его карьере казаки отказались ему повиноваться. В ответ на приказ идти на помощь Сучаве полковники заявили: «Непотребно де нам чюжой земли оборонять, а свою без остереганья метать...»[104]. Хмельницкий взбеленился, выхватил саблю и рубанул черкасского полковника по руке. Но затем, успокоившись, Богдан прибег к своей обычной уловке, играя в панибратство с казаками: «И придя к казакам гетман поклонился трижды в землю, и велел дать им бочку меда, и говорил им: детки де мои, напейтесь и меня не бросайте. И казаки гетману сказали: пан гетман, твоя воля, а быть мы с тобою все готовы»[105].

Но было поздно. Тимош к этому времени уже умер. Гибель Тимоша и падение Сучавы разрушили все честолюбивые планы Богдана, видевшего в старшем сыне наследника своего дела. Хмельницкий тяжело переживал потерю сына. Он заказывал поминальные обедни, а когда тело Тимоша привезли в Субботов, не велел его хоронить до своего прибытия из похода.

Между тем тучи все больше сгущались над Украинским гетманством. Польское войско во главе с Яном Казимиром вступило в Подолию и 8 октября 1653 года расположилось под Жванцем. Силы поляков вместе с вооруженной челядью достигали шестидесяти тысяч человек. Хмельницкий со своим

войском в конце октября встал табором под Шаргородом. У него начались сложные переговоры с крымским ханом ислам-Гиреем, который настаивал на принятии Украинским гетманством турецкой протекции. Гетман надеялся сохранить условия военного союза 1648 года, но без принятия протектората добиться согласия татар на начало военных действий против поляков не сумел.

В этой ситуации Хмельницкий решает не идти на генеральное сражение, но осадить лагерь поляков в надежде взять их измором. В соответствии с этим планом казаки перекрыли подвоз провианта и лишили поляков возможности отступления. В конце ноября положение короля и его войска стало невыносимым. От холода и голода умирали тысячи солдат. Видя неминуемую катастрофу, король начал сепаратные переговоры с ханом, которые завершились 15 декабря 1653 года заключением польско-татарского договора. Он предусматривал прекращение военных действий, уплату поляками дани и участие в совместном походе против России. Что касается Украины, то договор сохранял число реестровых казаков согласно условиям Зборовского соглашения, но все положения относительно автономии Украинского гетманства и привилегированного положения православия игнорировались. К тому же в секретных статьях польско-татарского соглашения шла речь об отстранении Хмельницкого от гетманства.

После этого, возвращаясь в Крым, татары предприняли опустошительный набег на Украину. Хмельницкому ничего не оставалось, как отдать приказ войску вернуться на территорию Украинского гетманства. Необходим был новый, сильный союзник. Единственным реальным вариантом на тот момент являлось только Московское государство.

Несмотря на то что Хмельницкий уже долгие годы вел дипломатические игры с русским царем, Алексей Михайлович не спешил принимать окончательное решение. Украинское гетманство со своим социальным и политическим устройством было чуждо Российскому государству с его жесткой централизацией и бюрократической системой. История отношений русских с украинским казачеством была далеко не простой. Украинское гетманство, основанное на казацкой вольности, причудливо переплетенной со шляхетской демократией, казалось Москве, несмотря на «единую» православную веру, слишком «западной» и чужой. Поэтому окружение Алексея Михайловича заняло выжидательную позицию, благосклонно принимая казацкие посольства, отказывая польскому королю в военной помощи против восставших и

внимательно наблюдая за тем, как будут развиваться события.

Только осенью 1653 года, когда возникла реальная возможность принятия Хмельницким турецкого подданства, Алексей Михайлович под нажимом Никона изменил позицию. Первого октября 1653 года Земский собор решил принять Украину «под высокую руку» царя. Известие это Богдан получил в тяжелую для себя минуту. Он хоронил Тимоша, наступали поляки и татары, войска волновались. Принятие протектората Москвы было единственным выходом и возможностью спасти Украинское гетманство.

На Украину отправилось посольство во главе с В. Бутурлиным, оно должно было объявить гетману решение Земского собора и привести казаков к присяге. С собой они везли царские подарки гетману – знамя, булаву, ферязь[106] и шапку. Богдан выслал им навстречу полковника и. Богуна и велел ждать себя в Переяславле. Город этот вблизи российской границы был выбран не случайно. В крайнем случае (при наступлении поляков и татар) казаки могли уйти за границу под защиту царя (так уже случалось в 1638 году).

В дороге русские послы получили ложные сведения, что Хмельницкий заключил мир с польским королем. С трудом удалось уговорить их продолжить путь, уверив в скором прибытии гетмана в Переяславль. Но только 7 января 1654 года (н. с.), спустя полтора месяца (!), когда стало известно про польско-татарский сепаратный договор, Богдан вернулся в Чигирин, а оттуда выехал в Переяславль. Вечером 16 января он уже встретился с Бутурлиным.

Утром 17 января 1654 года (н. с.) состоялась тайная рада узкого круга старшин, решивших принять протекторат царя. После этого решение было объявлено в присутствии казаков (в Переяславле не имелось представителей всех полков, чтобы проводить собственно генеральную раду)[107]. На следующий день Хмельницкий в сопровождении старшин и русских воевод отправился в соборную церковь Переяславля принести там присягу.

Однако в церкви произошел конфликт. Богдан вынуждал воеводу присягнуть от имени царя, что великий государь не выдаст Войско Запорожское польскому королю и сохранит все вольности – шляхетские и казацкие. Однако Бутурлин отказался сделать это, ибо такого «николи не бывало и впредь не будет», чтобы кто-нибудь от имени царя давал клятву. Напрасно гетман ссылался на опыт подобных присяг от имени польского короля. Бутурлин предложил изложить свои просьбы в письменном виде и отослать их к царю[108].

В результате Хмельницкий и его сподвижники сначала присягнули на верность царю, а лишь потом начали обсуждать с московскими воеводами конкретные условия договора. Было выслано посольство в Москву, и в ответ на поданные «статьи» царь утвердил документ, получивший название «Мартовских статей» (их утвердили в марте).

Украина получила широкую автономию – она не только сохранила независимость в решении внутренних вопросов, но и обрела официальное право на внешнеполитические связи (за исключением польского короля и турецкого султана). Реестр казаков составил шестьдесят тысяч человек, сохранялось право свободного выбора гетмана. Царь получал право контроля за дипломатическими контактами Войска Запорожского, а также за избранием гетмана. В Киеве должен был находиться русский воевода с «ратными людьми».

Собственно, при жизни Богдана зависимость Украинского гетманства от Москвы определялась лишь двумя формальными признаками – уплатой налогов в царскую казну и необходимостью отчитываться о приезде иностранных посольств. В реальности даже эти положения никогда не выполнялись. С этим компромиссом могли мириться лишь во время войны и при условии выполнения других обязательств – прежде всего, союзнических. Единственным реальным проявлением зависимости от Москвы стало появление в Киеве русских воевод. Но в период гетманства Хмельницкого их значение не было велико.

Договариваясь в Переяславле, каждая из сторон преследовала различные цели и смотрела на договор совершенно по-разному. Для Хмельницкого это был разумный выход из конкретной критической ситуации. В его дальнейшие планы входили расширение границ Украинского гетманства и укрепление его положения – с помощью русских войск, а о последствиях влияния «высокой руки царя» он в январе 1654 года, скорее всего вообще не задумывался, руководствуясь своим традиционным принципом «что будет, то будет, а будет то, что Бог даст». Москва же, наоборот, в течение пяти лет оценивала выгоды принятия под свое покровительство мятежного гетмана. Для нее важнейшим являлось возвращение Смоленщины, распространение своего влияния на Белоруссию. Украина для нее хотя и являлась лакомым кусочком, но оставалась лишь инструментом для достижения других целей.

С началом Русско-польской войны украинские войска участвовали в военных действиях на двух направлениях: украинском и белорусском. В Белоруссию отправляется наказным

гетманом шурин Хмельницкого Иван Золоторенко во главе двадцатитысячного войска. Восемнадцатого мая 1654 года Алексей Михайлович во главе русской армии лично выступил в поход. Перед отправкой он совершил паломничество к Троице и в Саввин монастырь. Летом войска Золоторенко захватили Гомель, Новый Быхов, Пропойск. После сдачи Смоленска 23 сентября царь уехал в Вязьму.

Весной 1655 года состоялся новый поход. В начале 1655 года был взят Бобруйск. Летом 1655 года русско-украинские войска захватили Минск, Лиду и Новогрудок. Тридцатого июля царь совершил торжественный въезд в Вильну, затем были взяты Ковно и Гродно. В ноябре царь возвратился в Москву.

Белоруссия практически сразу стала узлом противоречий в русско-украинских отношениях. Русские и казацкие войска в совместных операциях очистили Белоруссию от польско-литовских войск. Царь установил в новых землях воеводское правление, а гетман назначил мужа своей дочери Ивана Нечая белорусским полковником. Царь считал Белоруссию новой территорией в составе своего государства, а Хмельницкий – с не меньшим упорством – новой административной единицей Украинского гетманства. Как оказалось, и Алексей Михайлович, и Богдан Хмельницкий хотели оставить Белоруссию под своей властью. Ситуацию осложняло то, что белорусское крестьянство охотно вливалось в ряды казацких войск.

Конфликт особенно обострился, когда царское правительство, желая заручиться поддержкой местной шляхты, разрешило сохранить ее владения и, не желая оставлять Белоруссию под властью гетмана, стало жестоко карать стремления крестьян к показачиванию[109]. Но если литовско-белорусские магнаты поспешили признать власть Алексея Михайловича, стремясь таким образом сберечь собственность, то крестьяне, напротив, предпочитали стать подданными украинского гетмана (и показачиться), нежели русского царя (и оставаться крепостными).

Одновременно с началом войны в Литве и Белоруссии не менее упорные сражения завязались на территории Украины. Во второй половине марта 1654 года польское двадцатитысячное войско под командованием С. Потоцкого вторглось в Брацлавщину. Огнем и мечом он уничтожил двадцать местечек, и только смелые действия и. Богуна, защищавшего Умань, смогли остановить наступление.

Вступление в войну Московского государства никак не изменило ситуацию в собственно украинских землях. Они снова и снова подвергались опустошениям «огнем и мечом» со стороны поляков. И это стало большой и неприятной неожиданностью для

Богдана.

К тому же в июле 1654 году польским властям удалось заключить «вечный договор» с крымским ханом, а осенью коронный гетман С. Потоцкий во главе огромной армии, достигавшей вместе с татарами шестидесяти тысяч человек[110], снова двинулся в Брацлавщину. Казаки и местные жители оказывали отчаянное сопротивление. Маленькое местечко Буша три дня отбивало во много раз превосходившие силы противника. Даже женщины и дети предпочитали смерть сдаче. Жена полковника Гавратенко после гибели мужа села на бочонок с порохом и взорвала себя вместе с десятками поляков.

Опустошение Брацлавщины продолжалось до конца года. Погибло более тридцати тысяч жителей, десятки тысяч бежали в Молдавию. В январе, объединившись с ордой, С. Потоцкий подступил к Умани, где заперся и. Богун. Все приступы были отбиты. Узнав о приближении Хмельницкого, поляки отступили.

В это время после многочисленных просьб Хмельницкого к нему наконец прибыл русский двенадцатитысячный отряд во главе с В.Б. Шереметевым. Совместные русско-украинские силы достигали сорока двух тысяч человек и располагались в районе Охматова. Ошибка казацкой разведки позволила полякам 29 января 1655 года неожиданно напасть во время марша. Несмотря на начавшуюся панику, Хмельницкому удалось построить казаков в боевой порядок и скрепить табор. Поляки смогли пробить оборону и ворваться в табор, но удар Богуна, вышедшего со своими казаками из Умани, спас положение. Построив вал из возов, саней и трупов, казаки три дня отбивали атаки поляков. Стояли страшные морозы, поэтому сражение вошло в историю как «Дрижиполе» (т. е. «поле дрожи»). Воспользовавшись пассивным поведением татар, Хмельницкий построил обоз из четырех рядов возов, скрепленных цепями, и пробился через польские войска, перейдя затем в наступление.

Зимний поход завершился еще одной трагедией. Не желая платить татарам, поляки рассчитались с ними жителями Брацлавщины. Было уничтожено двести семьдесят городов и местечек, татары угнали в плен десятки тысяч человек. Трагедия Брацлавщины показала всю опасность, которую представлял союз Речи Посполитой с Крымом и неэффективность военной поддержки Московского государства.

Богдан был недоволен стратегией русских. Она оказалась направленной на занятие литовско-белорусских земель, тогда как гетман рассчитывал с помощью русских войск быстро расправиться с Речью Посполитой. Именно с этой целью он принимал «высокую руку». Теперь, после всех «коварных»

нарушений договоренностей поляками, после их ожесточенного и упорного нежелания признать за казаками права на автономию, Хмельницкий не видел другого выхода для Украины, как окончательное уничтожение Речи Посполитой. Он прошел непростой путь от верного подданного короля до лютого врага всех «ляхов».

С другой стороны, элита Речи Посполитой после весенней кампании 1655 года приходит к выводу о невозможности военным путем вернуть Украину. Поляки меняют тактику и переходят от прямой военной агрессии к дипломатическим интригам. Однако их цель – возвращение Украины – оставалась неизменной.

Отношения с Московским государством, Речью Посполитой и Швецией стали определяющими во внешней политике Украинского гетманства конца второй половины правления Богдана Хмельницкого. Но к этому добавлялись и другие внешние факторы. Активную политику проводил трансильванский князь Юрий II Ракочи, выступавший с притязаниями на польский престол, а также сын цесаря. Для обоих важнейшим залогом успеха было соглашение с казаками, а значит – разрыв их союза с Москвой. Порта и Крым тоже не хотели примириться с возникновением русско-украинского союза, который мог стать реальной угрозой их влиянию в Европе. Наконец, возможность ликвидации или, по крайней мере, ограничения униатской церкви заставила активизироваться Ватикан.

Главным и во многом неожиданным союзником Богдана становится Швеция. Королева Христина, охотнее покровительствовавшая искусству, чем войнам, уступила трон молодому и честолюбивому Карлу Густаву. Его притязания на польскую корону превратили казацкую державу для Швеции из абстрактного понятия в очень важного союзника.

С весны 1655 года начинаются тесные контакты Хмельницкого с королем шведским. Такой поворот событий стал явной неожиданностью для Москвы. Хотя она тоже находилась в состоянии войны с Речью Посполитой, но сильная Швеция, продвинувшаяся к украинской границе, была для нее гораздо опаснее, чем ослабленная Речь Посполитая. Для начала царские дипломаты постарались прервать зарождавшиеся отношения шведского короля с украинским гетманом, не пропуская в Швецию казацких посланцев. Объяснение этому приводилось следующее: между Московским государством и Швецией шел обмен «великими посольствами», и пока он не завершится, до этого времени гетману непристойно посылать своих посланцев[111].

Это был яркий пример того, как по-разному трактовали

Переяславские соглашения обе стороны. Хмельницкий видел общую задачу в разгроме Речи Посполитой и считал естественным вести самостоятельную внешнюю политику с целью расширения их коалиции. Москва явно была озадачена, она никак не ожидала такого поворота событий и всячески, хотя и осторожно, чтобы не сорвать едва заключенный договор, старалась не допустить самовольных действий гетмана. В наказе царя воеводе В.В. Бутурлину приказывалось «отговаривать» гетмана и Выговского от сношений со Швецией «всякими мерами», но так «чтоб они того себе в оскорбленье не ставили, что мы посланцов в Свею отпустить не указали».

В результате этих действий Москвы военный союз Украины со Швецией в тот момент заключен не был. Двадцать первого июля 1655 года начинается Польско-шведская война, ставшая явной неожиданностью для Москвы. В считанные дни огромные территории Речи Посполитой оказались захваченными шведскими войсками. Карл X завладел Познанью, Варшавою и Краковом, что полностью изменило ход военных действий в Украине.

Януш Радзивилл, великий гетман литовский[112] и потомственный кальвинист, заключил с Карлом Густавом в Кейданах договор, который привел к замене унии Польши и Литвы на унию Литвы со Швецией. Это практически сводило на нет все успехи русских войск в Русско-польской войне за белорусско-литовские земли, так как Карл Густав взял на себя обязательство восстановить Великое княжество Литовское в его прежних границах.

В Москве стали всерьез опасаться усиления Швеции за счет Речи Посполитой, и в сложившейся ситуации угрозу с севера сочли более серьезной с точки зрения своих внешнеполитических интересов.

Именно внешнеполитические задачи, как их понимали царское правительство и гетманская администрация, привели к конфликту в русско-украинских отношениях. В условиях шведского натиска Москва начала вести мирные переговоры с литовцами и поляками, а Богдан, не желавший никаких соглашений с Речью Посполитой, наоборот, в лице Карла Густава видел нового военного союзника в борьбе против поляков. Хмельницкий начинает активные дипломатические контакты с Карлом X, а также с трансильванским князем Ракочи[113].

Переговоры казацких послов с Трансильванией проходили в Терговиштах, при участии валашского и молдавского господарей. Правда, в тот раз переговоры еще не привели к заключению союза Украины с Трансильванией. Венгерский посол Барош (он

представлял в Терговиштах Ракочи) предупреждал князя, что казаки сильно разгневаны на Трансильванию за события 1653 года, когда позиция венгров, по сути, привела к гибели Тимоша Хмельницкого в Сучаве. Казаки, обозленные заносчивостью Ракочи и тем, что тот не давал волохам заключить с ними договор, предупреждали, что у трансильванского князя «еще нога поскользнется» – лишь бы Бог дал здоровья московскому царю (при этом переговоры велись практически за спиной Москвы). Тем не менее постоянные контакты с Трансильванией со времени переговоров в Тарговиштах не прерываются.

В начале сентября 1655 года Хмельницкий предпринимает поход на западные украинские земли. Этого требовало как московское правительство, так и новый потенциальный союзник – шведы. Теперь царские дипломаты уже не могли перехватывать его посланцев к шведскому королю, так как Карл Густав был в Варшаве. Король в письме к гетману просил не отказываться от намерения «воевать Польшу» и держать связь с его генералами[114].

Вместе с казаками на запад шло русское войско под руководством воеводы В. Бутурлина. Заняв десятки местечек, русско-украинские войска подошли 25 сентября ко Львову. Одновременно отряд под командой Данилы Выговского захватил западные города, включая Ярослав, Люблин и др.

Под Львовом начались переговоры, на которых Хмельницкий настаивал, чтобы весь западный край перешел под казацкое управление. Эти требования были весьма своевременными: Речь Посполитая, сражавшаяся на три фронта, находилась в катастрофическом положении.

Но удар по планам Богдана пришел с неожиданной стороны. Карл X, уверовав в свою победу над поляками и не нуждаясь более в поддержке казаков, неожиданно приказал ему отступить, не желая оставлять за Украинским гетманом западные земли (воеводство Руськое со Львовом и Подолию). Несомненно, что шведский король, практически без всяких военных усилий добывший всю Польшу, почувствовал себя хозяином положения и в гораздо меньшей степени нуждался в казацкой помощи, чем раньше. Кроме того, он опасался территориальных претензий украинского гетмана. Польский сторонник шведов и. Радзеевский передавал Хмельницкому просьбу шведского короля, чтобы «не велели гумен жечь, а ни подданных казнить»[115]. А сам Карл Густав практически требовал от гетмана освободить Львов от осады[116].

Богдан оказался в очень непростой внешнеполитической ситуации. Сохраняя хорошую мину при плохой игре, Богдан в своем письме к шведскому королю просил его не тревожить

русских «без причины, ибо мы получили от них большую помощь, имея много врагов… почему союз с ними оказался весьма полезным». При этом он схоластично уверял, что «если же москвитяне без справедливой причины не перестанут действовать против вашего величества, то мы обещаем быть на вашей королевской стороне»[117]. К тому же татары, не желавшие и боявшиеся гибели Речи Посполитой, предприняли набег на Украину вплоть до Львова, забирая жителей в полон.

В результате, взяв со Львова выкуп, Хмельницкий отступил, но, возвращаясь, русско-казацкое войско потерпело серьезное поражение от татар под Озерной. Начавшиеся переговоры между Хмельницким и ханом завершились миром. Заключенный договор предусматривал всяческое содействие в возвращении трона Яну Казимиру[118] и обещание выступать в защиту татарских интересов по первому требованию хана. Кроме того, гетман должен был потребовать от запорожцев воздерживаться от походов на Черное море. Самое неприятное в этом вынужденном военном союзе состояло в том, что от казаков потребовали помощи полякам в войне со Швецией[119].

Таким образом, осенью 1655 года проявилась вся сложность внешнеполитической ситуации, в которой оказалась Украина. Разочарование Москвой, поиск новых союзников для решительного удара по Речи Посполитой привели к соглашению со Швецией и Трансильванией. Но военные удачи шведов сделали их слишком надменными для роли союзников. Пока Хмельницкий находился под Львовым, татары опустошили Украину и заставили гетмана принять крайне невыгодные условия соглашения. Вместо желаемой войны с Речью Посполитой – войны до конца – Хмельницкий, напротив, должен был теперь помогать ей или оказаться перед лицом турецко-татарской агрессии. Неудивительно, что в начале 1656 года происходит первый приступ болезни, сведший в конце концов Богдана в могилу, – у него случился инсульт. И без того вспыльчивый характер гетмана портится еще больше, что отразилось и на его внешнеполитических контактах.

Отношения Украины с Россией тоже неуклонно ухудшались. Москва была очень недовольна отступлением от Львова и миром с ханом. А Хмельницкий вовсе не спешил объяснить царю свои действия. Наоборот, он стремился уверить хана, что всерьез намеревался придерживаться букве договора под Озерной. Турецкому султану он писал о хане: «Теперь до самой смерти братьями останемся, будем мирно жить и в верности поклялись навеки…» Гетман также заверял турок, что «от нас ни по земле, ни по Дунаю, ни по морю ни одна чайка не пойдет на земли нашего

могущественного султана»[120]. Поляки тоже с нетерпением ждали осуществления соглашения под Озерной.

В начале 1656 года возобновились переговоры с Трансильванией, откуда был прислан посол Луц. Он присягнул за своего князя, что тот никакому неприятелю казаков ни войском, ни деньгами помогать не будет и не заключит с ними никакого противного Украине союза[121]. Правда, все еще рассчитывая на договор со Швецией, гетман весьма сдержанно относился к союзу с Трансильванией. В свою очередь в переписке с Карлом X Богдан уклончиво сообщал о событиях при Озерной: «Заключивши прочный мир с ханом Крымским и со всеми ордами, двинулись (мы) с войском на Украину для отдыха»[122].

Крайне тяжелое военное положение заставляло поляков искать новые пути соглашения с казаками и Москвой, а в Московском государстве очень опасались усиления Швеции. К тому же послы императора предупреждали русских, что Хмельницкий хочет «поддаться под Шведскую Корону»[123].

Между тем ситуация менялась. Военное счастье отворачивается от шведов. В Тишовцах была создана конфедерация[124] польской шляхты, не пожелавшей признавать Карла Густава. В Польшу вернулся Ян Казимир, провалом завершилась осада шведами знаменитого католического монастыря Ченстохова, умер Януш Радзивилл – главный союзник шведов в Литве. Становилось ясно: кто заключит союз с казаками – Швеция или Речь Посполитая, – тот и победит в Польско-шведской войне.

Поляки прибыли в Чигирин, стараясь добиться от Хмельницкого выполнения соглашения под Озерной. В инструкции польским комиссарам прямо говорилось: «Вести переговоры с самими казаками, а не с Москвой, так как цель трактатов – оторвать казаков от Москвы» и поссорить их с ней, чтобы крепче связать их с татарами[125]. Поляки, как ни странно, очень надеялись на выполнение Богданом условий соглашения под Озерной. Секретарь польской королевы сообщал: «Хмельницкий прислал письменное ручательство, что он придет под Львов, посылает еще 6 тысяч войска, а весной придет с остальными»[126].

Гетман, видимо, старался как можно дольше скрывать от поляков свои истинные намерения. С ханом он тоже сохранял внешне дружественные отношения, соблюдая условия перемирия, но на деле просто тянул время, желая уклониться от военной помощи польскому королю. Ведь это означало бы расстаться с мечтой об уничтожении Речи Посполитой и укреплении Украинского гетманства.

Полякам военная помощь была необходима, но в том, что они ее получат от казаков, имелись все основания сомневаться. Поляки с тревогой и надеждой сообщали: «Хан каждый день ждет известий от Хмельницкого, после чего вместе с войском двинется под Каменец»[127].

Для того чтобы договориться с Богданом, поляки были готовы на многие уступки. Канцлер Речи Посполитой предлагал Яну Казимиру дать Хмельницкому место в сенате и титул воеводы запорожского[128]. Пожалуй, в этот период имелась самая благоприятная ситуация для заключения казацко-польского мира – гораздо более выгодная для казаков, чем даже в 1658 году, когда преемник Богдана и. Выговский подписал с поляками Гадячский договор.

Но Хмельницкий видел возможность укрепления Украинского гетманства не в выгодном союзе с Речью Посполитой, а в ее гибели.

Надо отметить, что в течение всего этого периода Хмельницкий не только не советовался с Москвой, но даже не сообщал ей о своих переговорах и намерениях. В лучшем случае он довольствовался отписками, что «у него с Венгерским и с Мутьянским и с Волоским и с Крымским ханом учинен договор, что им быть с ним в приязни...»[129]. Де-юре Хмельницкий в этот период, конечно, нарушал условия Переяславского соглашения. Ни переговоры со Швецией, ни попытки заключить военный союз с Трансильванией, ни уж тем более договор под Озерной (хотя это и был вынужденный шаг) явно не вписывались в рамки вассальных отношений.

Недовольный политикой царя Богдан вел себя как глава независимого государства. При этом формально он не порывал с Москвой, заверял в своих письмах в «верноподданстве» царю и не желал лишаться его поддержки.

Как упрямый, но опытный охотник, Хмельницкий ждал благоприятного для себя развития шведско-польского конфликта, чтобы в подходящий момент разорвать соглашение под Озерной и вернуться к своему плану уничтожения Речи Посполитой. Его дипломатическая игра была направлена на то, чтобы выиграть время и заставить шведов пойти на уступки.

В апреле 1656 года состоялась старшинская рада, обсудившая сложившуюся ситуацию. После этого Богдан окончательно сделал ставку на Швецию с Трансильванией, надеясь с их помощью разделаться с Речью Посполитой. При этом он не предпринял никаких мер, чтобы сохранить благосклонность Москвы и своего давнего союзника – Крыма. Правда, спасти мир с татарами было крайне непросто. Это означало балансирование на грани

пропасти. Союз с Крымом означал для Богдана соглашение с поляками – т. е. разрыв с Москвой, шведско-трансильванскими союзниками и отказ от планов укрепления Украинского гетманства за счет Речи Посполитой.

В этой ситуацией польская дипломатия постаралась возбудить татар против гетмана, а затем пошла на переговоры с Москвой. Оба эти шага были направлены на ослабление позиций Хмельницкого и на создание условий для возвращения украинских территорий.

Начались русско-польские мирные переговоры. Гетман отнесся к ним весьма скептически. Хмельницкий заверял, что он, в принципе, не против переговоров. При этом в письмах в Москву он перечислял несчастья Украины и православных, случившиеся за девять лет, и заявлял, что «всего причиною немилосердные и прегордые ляхи»[130]. Богдан не желал компромисса с поляками. Касаясь установления возможных границ между Московским государством и Речью Посполитой, гетман настаивал: пусть будет «рубеж по Вислу реку… аж до венгерские границы».

Одновременно гетман продолжал переговоры со Швецией и Трансильванией, в том числе с Богуславом Радзивиллом (братом умершего Януша Радзивилла), литовским магнатом, перешедшим на шведскую сторону. В Чигирин приехал Ф. Шебеши, посланец трансильванского князя Ракочи. В июле появилось «Заявление Войска Запорожского», подписанное гетманом и старшинами и скрепленное печатью. В этом документе говорилось, что, убедившись в дружественных чувствах Ракочи, казаки заверяют своей христианской верой, что ни в коем случае не будут врагами князю, наследникам и союзникам его. «Мы не поднимем оружия и не дадим помощи против них… Мы не позволим набирать или записывать воинов и не дадим врагам, которые идут на них, переходить через наши владения. Мы никогда не заключим им во вред договор, трактат или соглашение…»[131].

Но ситуация опять меняется. Семнадцатого мая 1656 года начинается Русско-шведская война. В этих условиях мир с Речью Посполитой становится жизненно необходимым Алексею Михайловичу.

В августе 1656 года Хмельницкий отправил своих послов для участия в русско-польских переговорах[132]. Гетман высказал только одно пожелание: чтобы царь «защищал благочестивую веру, православные церкви и весь православный народ Российский… чтобы оного ж в руки неприятельские не выдавал, но под свою великою и крепкою рукою держал». Хмельницкий также просил Алексея Михайловича приказать своим великим послам, «чтоб тем нашим послом на том съезде любов свою

показали»[133].

Своему послу Гапоненко Богдан дал наказ добиваться от поляков широких свобод и привилегий для православной церкви: возвращения владений, отнятых у нее униатами и католиками; свободы православным совершать свои обряды; возможности православной шляхте получать уряды, а православным мещанам – места в магистрате. Король и сенат должны присягнуть, что они не пойдут на Войско Запорожское войной и никаким образом войску вреда делать не будут. Понимая, что Ян Казимир вряд ли захочет помириться на таких условиях, Хмельницкий как настоящий ученик иезуитов предлагал: если поляки не согласятся, пусть его царское величество даст нам немедленно знать, а мы со своим войском будем готовы[134].

Но Хмельницкого ждала неприятная неожиданность. На переговоры казацких послов не пустили. Поляки – члены посольства – со злорадством отмечали: «Казакам очень не понравилось, что москвитяне приказали им вытти из комнаты»[135]. А в ноябре 1656 года было подписано Виленское перемирие между Российским государством и Речью Посполитой. По его условиям поляки должны были избрать русского царя польским королем (после смерти Яна Казимира).

Пока копии подлинных соглашений не дошли до Чигирина, поляки поспешили распространить слухи о возможном возвращении Украины под власть Речи Посполитой. С не меньшим усердием польские комиссары представляли русским в черном свете Хмельницкого. В частности, они сообщили им, что гетман якобы объявил о своей готовности служить Яну Казимиру. Поляки сопровождали это саркастическим замечанием: что это за человек – то Москве, то шведам, то полякам хочет служить и так своим обманом поворачивается, как «ветряк» на каждый ветер. Да это и не удивительно – добавляли они – ведь в молодости он научился таким штукам у иезуитов[136]. В результате, в ходе русско-польских переговоров у бояр проскользнуло такое мнение: «Царь не может уступить казаков, потому что это такой народ, который ни с вами, ни с нами не может в мире жить, и заблаговременно ищет себе нового покровителя, или Шведа, или Рагоция, соединясь с которым нибудь из них, они могут быть опасны и нам и вам, от них нужно бегать, как от бешеной собаки...»[137].

Узнав о Виленском перемирии, Богдан отреагировал сразу и однозначно. Он пишет царю: «...мы, яко верные вашого царского величества слуги, о неправдах и хитростях ляцких ведомо чиним, что они того договору... николи не додержат...». В доказательство этого гетман извещал Алексея Михайловича о переговорах

поляков с братом цесаря и с трансильванским князем Ракочи об избрании одного из них королем: «...а то все знаком есть явным неправды ляцкой, что они того договору не додержат»[138].

Источники сохранили еще более колоритные подробности. Когда до Богдана дошли слухи, что Украину возвращают полякам, он вскочил, как безумный, который ума лишился, и закричал: «Уж, дети, об этом не печальтесь! Я знаю, что надо делать: нужно отступить от руки царского величества. А пойдем туда, где вышний Владыка повелит быть, – хоть под христианского государя, хоть под бусурманина[139]».

Предсказание Богдана, что поляки не сдержат слова, вскоре стало оправдываться. В польском правительстве почти сразу после подписания созревает план срыва Виленского перемирия. Однако, порывая с Москвой, они, с одной стороны, не хотели терять Украину, а с другой – не могли воевать на два фронта. Поэтому магнаты предпринимают усилия для заключения сепаратного соглашения с казаками и начинают официальные переговоры с Богданом. Впрочем, это было не так просто. В письмах к литовским магнатам Хмельницкий клялся, что желает мира, но одновременно заявлял протест по поводу пограничных грабежей польских жолнеров[140].

Богдан также не оставлял своих усилий выставить поляков в невыгодном свете перед царем. Он писал Алексею Михайловичу о пограничных стычках под Каменцом и тут же добавлял: «Ляхи прежние свои хитрости и неправды оставить не хотят»[141].

Начало расхождения с Москвой, шведские военные неудачи толкают гетмана в сторону его бывшего врага, трансильванского князя Юрия Ракоци, и Хмельницкий подписывает с ним союзный договор[142]. В свою очередь, Карл Густав, потеряв почти все свои военные приобретения в Польше, теперь тоже заявлял, что «убедился в дружественных чувствах казаков» и отправил к ним посольство «с надлежащими полномочиями и соответственными условиями»[143].

В литературе, даже в популярной, существует устойчивое заблуждение, будто впервые со шведами договорился Иван Мазепа. На самом деле эта традиция была положена еще Богданом Хмельницким (а затем продолжена его преемником и. Выговским).

Любопытно посмотреть, что именно предлагали шведы Богдану. В наказе шведскому послу говорилось: «В высшей степени желательно... чтобы всех вообще врагов королевского величества разъединить с Хмельницким и убедить последнего помогать королевскому величеству и Швеции против всех и каждого, с кем его величество ныне находится в войне или впредь

воевать будет». С этой целью предлагалось убедить казаков образовать «совершенно свободное, ни от кого независимое» государство, но находящееся под протекторатом Швеции[144]. Территория Войска Запорожского ограничивалась тремя воеводствами (Киевское, Черниговское и Брацлавское). Правда, независимое казацкое государство планировалось образовать лишь после того, как шведский король «овладеет Польшей, а казаки помогут ему в этом»[145].

Хотя договор со Швецией подписан не был, но, выполняя соглашения с их союзником, трансильванским князем, Хмельницкий принял участие в войне на стороне шведского альянса. В январе 1657 года казацкие полки под командованием А. Ждановича и и. Богуна (до двадцати тысяч человек) отправились на помощь Ракочи, который выступал в союзе со шведами против Речи Посполитой. Вместе с войском Ракочи казаки дошли вплоть до Кракова, мстя за недавнее разорение Брацлавщины, и 28 марта 1657 года взяли древнюю польскую столицу[146].

Эти события в условиях Русско-шведской войны и Виленского перемирия с Речью Посполитой практически означали разрыв Переяславских соглашений Украинского гетманства с Россией. Москва предпочла отреагировать не сразу. Однако русское посольство, отправленное на Украину летом 1657 года, ясно дало понять, что царь был очень недоволен гетманом. Об этом речь пойдет далее.

Военная помощь казаков венграм и шведам против Речи Посполитой вызвала резко отрицательную реакцию и в Крыму. В начале 1657 года секретарь польской королевы писал, что «татары... напали и погромили Уманский полк... и угрожали, что они опустошат и выжгут Украину, если Хмельницкий пошлет какую-нибудь помощь против Польши»[147]. Переговоры в Порте не дали желаемых результатов, а по-иному быть и не могло, если учитывать политический курс Хмельницкого.

К сложной внешнеполитической обстановке добавились внутренние проблемы. Незаконченность административной системы Украинского гетманства давала о себе знать в первые же относительно мирные периоды, особенно когда после 1655 года арена военных действий переносится на запад, а Киевщина и Черниговщина остаются незатронутыми. Отсутствие реестра и наличие огромного числа «показаченных», не имевших в мирное время средств к существованию, создавали социальную базу для взрывов недовольства. Повторялась ситуация времен Сагайдачного. Впрочем, подобное явление наблюдается во все времена в любых регионах, где в армию мобилизуются широкие

слои населения. Впоследствии всегда требуется много времени и сил, чтобы вернуть их к прежней жизни.

Очагом напряженности и центром недовольных становится Запорожье. Тут сказывалась вражда, существовавшая между запорожцами и реестровыми казаками – как между рядовыми, так и среди старшины. Старшина Запорожской Сечи не допускалась до управления казацким государством, а тем более до внешней политики.

Только авторитет и твердость Богдана удерживали ситуацию от взрыва. Но в любом случае, она требовала разрешения или могла обернуться катастрофой.

В апреле 1657 года в Чигирине появляется посол польского короля каштелян волынский Станислав Казимир Беневский. Хотя официально речь шла только о заключении перемирия, соответствовавшего духу Виленского договора, Хмельницкий уведомлял Алексея Михайловича, что Беневский хочет «нас от вашей царского величества высокие и крепкие руки отлучить и чтобы мы с Ляхами учинились одним словом попрежнему в совете и в соединенье»[148]. Впрочем, по условиям Переяславских соглашений гетман вообще не мог иметь сношений с поляками и должен был задерживать их посланников. Делать это он, конечно, не собирался.

Беневский беспрепятственно уезжает в Польшу, а летом 1657 года приезжает еще раз[149]. При этом польский король Ян Казимир (который продолжал войну со шведами и венграми) давал согласие, «чтобы Украина была отдельным княжеством и было в нем только два воеводы – киевский и черниговский, и урядники должны быть как в Литве»[150].

Хмельницкий не отталкивал поляков, заигрывал с ними, но и не заключал каких-либо конкретных соглашений. Его позиция в отношении Речи Посполитой полностью зависела от ситуации на польско-шведском фронте, а также от результатов войны с трансильванским княжеством, участие в которой приняла и Украина.

В эти же дни июня 1657 года в Чигирин приезжает шведское посольство во главе с Г. Лильекроном. Как оказалось, оно опоздало, по крайней мере, на полгода. Хмельницкий уже далеко не так был заинтересован в союзе с ними. И прежде всего – из-за шведских военных неудач. В июне венгерский посол Шебеши в своем дневнике писал: «Антон, казацкий генерал… прислал гетману жалобу на нашего пана, и гетман был ею взволнован. Во-первых, что венгры плохо с ним обращаются… они их (казаков. – *Т. Т.*) грабят и бьют. Гетман сказал: Если они так обращаются с моим войском, я уже знаю, что должен делать!.. я пошлю туда 50

тысяч казаков, и все семигорцы за один день будут уничтожены. Вторым пунктом он (Жданович. – *Т. Т.*) написал… что князь ведет переговоры с поляками и Москвой, и гетман этим очень огорчился, и так выразился, что уже не знает друг ему (Ракочи. – *Т. Т.*) или изменник?»[151].

По словам очевидцев, Хмельницкий был так разгневан на венгров, что собирался отзывать обратно корпус Ждановича. «Едва его (гетмана. – *Т. Т.*) утихомирили. Ваша светлость должен все время перед чертом свечку держать»[152].

Находившийся при шведском после немецкий пастор оставил очень любопытные описания жизни чигиринского двора этого периода. Посла пригласил на обед Хмельницкий, принимал в своем доме в Чигирине. В «светлице», где происходил прием, стояла и кровать гетмана, возле которой лежал бунчук. За столом кроме шведов была старшина и «на минутку» возле гетмана присела его жена Анна. Богдан не соблюдал пост, ел мясо и пил горилку из небольшой серебряной чарки. После ужина гетман велел подать себе цитру[153], побренчал на ней немного и вернул. Сказал: «Хлопцы, где же люлька?» Слуга подал ему длинную турецкую трубку, и он закурил табак[154].

Тогда же в июне в Чигирин прибыл русский воевода Ф. Бутурлин. Главной причиной посольства было недовольство Москвы внешними сношениями гетмана, а также его политикой в Белоруссии[155]. Когда Бутурлина пригласили к Хмельницкому, воевода прямо объявил гетману мнение царя о его внешних сношениях: «И то ты чинишь забыв страх Божий и присягу свою перед святым евангилием и верное подданство»[156]. Гетман отвечал с гневом, что от шведского короля он никогда не отступит, так как у них давняя дружба и любовь. «А царского величества они верные подданные, и идут на войну на врагов его царского величества на татар. Он, гетман сам в поход идет, хотя при его нынешней болезни с ним в дороге может и смерть случиться, оттого мы с собой и гроб везем»[157].

Русские еще не были привычны к таким выходкам гетмана и очень удивлялись. Окружение Богдана успокаивало их, ссылаясь на болезненное состояние Хмельницкого. Скорее всего, после первого инсульта, случившегося с ним в 1656 году, Богдан постоянно страдал от высокого давления. От этого его и без того вспыльчивый характер становился еще более невыносимым.

К разногласиям в области внешней политики впервые добавляется спор о воеводах. По сути, речь шла о том, кто будет контролировать административную власть в Украинском гетманстве, а соответственно – о степени автономии. Бутурлин, ссылаясь на заявления находившейся недавно в Москве делегации

старшины, настаивал, чтобы русские воеводы были в Чернигове, Переяславле и Нежине (по Переяславским соглашениям они должны были находиться только в Киеве). Хмельницкий с жаром возражал, что никогда такого не предлагал (у него такого «и в мысли… не бывало»)[158].

Даже недовольство царя и присутствие русских воевод в Чигирине не прервало других дипломатических контактов Украины. Бутурлин в своем статейном списке (т. е. официальном отчете царю) записывал: шведский посол был у гетмана на дворе, а после того был посланец Ракочи[159].

В такой нервной обстановке стычки происходили по разному поводу. Трансильванский посол Шебеши, бывший в тот момент в Чигирине, описывал следующий случай: «Недавно, когда московский посол стоял перед гетманом, а тот лежал на кровати. Посол потребовал, чтобы гетман встал и принял царское письмо стоя. Гетман ответил, что он уже не встанет и перед Богом, а не только перед ним (послом)»[160]. Шебеши также в своем дневнике передает ответ Хмельницкого царю: «Я поддался не для того чтобы делать то, что скажешь… Я с польским королем уже перед этим бился, чтобы вернуть свободу мне и казакам, чтобы они не были холопами, но носили казацкое имя»[161].

Даже смертельно больной гетман не желал смиряться, а продолжал отчаянно балансировать. Но балансировать можно лишь до поры до времени.

В июле 1657 года шведский посол Г. Лильекрон доносит о вторжении татар на Украину: «Они неожиданно напали на его (Хмельницкого. – *Т. Т.*) страну, разорили и сожгли 18 городов и захватили множество пленников и скота… Казацкое войско ничего особенного не предприняло против татар вследствие соперничества между полковниками и, несмотря на то, что гетман Хмельницкий послал туда своего сына, нового гетмана, его присутствие отнюдь не могло устранить несвоевременных капризов, почему враги и приобрели силу…»[162]. Реальная угроза внешней агрессии и слабость новых союзников делает невозможным для Хмельницкого продолжать независимую внешнюю политику. Ему снова приходится обратиться за помощью к Москве. Гетман был вынужден срочно просить царя послать на Крым астраханцев и донцев[163].

Окончательно разрушили все планы Хмельницкого два удара: бунт в казацком войске и измена трансильванского князя. Ракочи, потерпев поражение от поляков, предпочел заключить постыдный мир с Речью Посполитой. По требованию султана он был низложен, и трансильванским князем стал Редей.

В те же дни, чтобы отразить новое наступление татар,

Хмельницкий отправил войско, во главе которого он поставил своего юного (16-летнего) сына Юрия. И вот тогда произошел первый открытый бунт. Присутствие в войске русского воеводы и. Желябужского придало этому бунту особый характер. Старшин обвинили в попытке «воевать Польшу» без «государева указу». При этом русский воевода благодушно слушал доводы «своевольной черни» и с удовольствием наблюдал, как был сорван поход. Такое развитие событий было на руку царскому правительству, не на шутку боявшемуся независимой внешней политики гетмана.

Смерть Б. Хмельницкого. Рисунок Т. Шевченко

Хмельницкий был взбешен. Социальная напряженность, недовольство рядового казачества, не попавшего в реестр, не имевшего средств к существованию и не желавшего возвращаться к прежней жизни, впервые серьезно сказались на внешней политике украинского гетмана.

Известие о бунте в войске вызвало у Богдана удар, и он умер через несколько дней после этого, 6 августа 1657 года (н. ст.). Шведский посол Лильекрон сообщал: «Вероломство казаков до того поразило гетмана Хмельницкого, что, приказав вызвать к себе Антония[164], он столь сильно разгневался, что был сражен ударом, пролежал пять дней без языка, а затем на шестой день 27 июля (ст. ст.) в Бозе почил...»[165].

Смерть Богдана горем отозвалась по всей Украине. Любимого «батько» оплакивали тысячи людей. Его похоронили почти через месяц (видимо, поджидали, пока съедется вся старшина) в воскресенье, 23 августа (ст. ст.). Как сообщала казацкая летопись, в Чигирине прощалось с гетманом множество народу, особенно казаков[166]. Похоронили Богдана в ильинской церкви в любимом Субботове, рядом с могилой Тимоша.

Однако уже в 1664 года польский полководец С. Чарнецкий захватил Субботов и велел выкинуть прах великого человека. Правда, местные краеведы уверены, что казакам удалось спрятать от поляков прах Богдана. И очень хочется верить в эту красивую легенду, которую пока не могут ни опровергнуть, ни подтвердить археологи.

Об удивительной судьбе Богдана Хмельницкого мало задумывались современники. Одни его ненавидели, другие боялись. Он пережил десятки покушений и бунтов. Поляки назначали вознаграждение за его голову, мятежная чернь обвиняла в предательстве. Он сумел пошатнуть могущество Речи Посполитой, победить и создать новое государственное образование, властно и решительно вмешавшись в европейскую политику. История практически не знает подобных примеров. Когда вся геополитическая обстановка была против него, когда Украину разрывали противоречия, он сохранял Украинское гетманство, укрепляя его единство и веру в победу.

Возможно, он поднял восстание, во многом руководствуясь личными обидами. Но с этого самого момента судьба казачества, народа, православной веры и Украины стала целью всей его жизни. Ни предательства старшин (завидовавших его власти и славе), ни злобная оппозиция верхушки украинского духовенства, ни мятежи черни не могли поколебать его решимости. Десятки гетманов, сменяя друг друга, на протяжении тридцати лет не могли вернуть Украинское гетманство на ту высоту, на которую его поднял Хмельницкий.

Тот, кого ненавистники называли «зверем», умел любить и быть любимым. Не стеснялся проявлять сентиментальность и человечность. Он играл на музыкальных инструментах и сочинял думы, на равных переписывался с иностранными государями и,

добившись огромной власти и материального богатства, оставался простым и доступным в общении казаком. Немногие сильные мира сего, взлетевшие так же высоко, смогли сохранить такую же душевную открытость.

Удивительный гений политика и дипломата позволил Богдану Хмельницкому создать сильную команду единомышленников, которая за короткое время построила пусть и не идеальную, но эффективную административную и судебную систему, объединила разрозненные «загоны» восставших в победоносную армию, вела сложную дипломатическую работу, словом, построила то, что просуществовало без малого сто пятьдесят лет.

Примечания

[1] Следует отметить, что биография Богдана Хмельницкого в отличие от всех других гетманов является наиболее изученной. И, что еще более важно, имеются, по крайней мере, три монографии о Хмельницком, которые автор считает удачными. Это работа и. Крипякевича (написанная в 50-е годы XX века) и современное исследование В.А. Смолия и В.С. Степанкова. Нельзя забывать и о монографии Н.и. Костомарова (которая в свое время привила интерес автора к истории Украины), хотя за прошедшие 150 лет она уже во многом устарела из-за введенного в научный оборот большого количества новых источников. К тому же все работы Костомарова были безбожно порезаны цензурой. В силу этих обстоятельств автор уделяет больше внимания не событийной стороне дела (прекрасно изученной за последние десятилетия), а психологическому портрету героя. Автор уже почти три десятилетия занимается историей Украины этого периода и берет на себя смелость вынести на суд читателя собственное видение событий.

[2] Командующий польской (коронной) армией.

[3] инфамия – осуждение на изгнание, применявшееся в Речи Посполитой.

[4] *Крип'якевич І.П.* Богдан Хмельницький. К, 1954. С. 62–63.

[5] Внуком Яна Даниловича и Софьи Жолкевской был выдающийся польский полководец и король Ян Собеский.

[6] *Kochowski W.* Pamiętniki do panowania Zydmunta III, Władislawa IV i Jana Kazimirza Warszawa, 1846. T. I. S. 273.

[7] *Яковенко Н.М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). К., 2008. С. 239.

[8] *Яковенко Н.М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). К., 1993. С. 268.

[9] *Крип'якевич І.П.* Богдан Хмельницький. С. 64–66; *Мицик Ю.* Чигирин гетьманська столиця. К., 2007. С. 8–9.

[10] имеется в виду система патроната, распространенная в эпоху Средневековья.

[11] *Kochowski W.* Pamiętniki do panowania… S. 273.

[12] *Яковенко Н.М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. С. 268.

[13] *Кривошия В.* Генеалогія українського козацтва. К., 2002. С. 102.

[14] Кривошея называет ее Гафией, не называя источника и противореча всей сложившейся традиции.

[15] и. Крипякевич считал, что ее звали Екатериной. Между тем

есть запись в Книге коронной метрики, в которой говорится о жене Данилы Выговского, урожденной Елене Хмельницкой Архив ЮЗР. Ч. VIII. Т. II. С. 388. То же самое и в решении сейма – Volumina legume. T. IV. S. 359.

[16] Вероятно, были еще два сына, умершие в младенчестве.

[17] Участие Б. Хмельницкого в более ранних казацких восстаниях, в частности Т. Федоровича, пока не находит документального подтверждения.

[18] Реестровый казак получал жалование, был освобожден от уплаты налогов и не подлежал королевской и магнатской судебной власти.

[19] «Но ничего нам не помогло: при сухом дереве и мокрому досталось. Виновный, невиновный – мечом и огнем одинаково уничтожены, сколько на свете живем и в чужих краях не видели такого пролития крови басурманской, как теперь нашей, христианской и уничтожения невинных детей». *(Крип'якевич І.П.* Богдан Хмельницький.) С. 73.

[20] *Смолий В.С., Степанков В.С.* Богдан Хмельницький. Хроніка життя та діяльності. К., 1994. С. 53.

[21] *Крип'якевич І.П.* Богдан Хмельницький. С. 76.

[22] историки спорят, участвовали ли казаки в результате этих переговоров в осаде Дюнкерка, а если да – то кто. Но факт переговоров Б. Хмельницкого сомнению не подвергается.

[23] *Крип'якевич І.П.* Богдан Хмельницький. С. 76–77; *Смолий В.С., Степанков В.С.* Богдан Хмельницький. Соціально-політичний портрет. К, 1993. С. 58–59.

[24] *Карпов Г.* Начало исторической деятельности Б. Хмельницкого. М, 1873. С. 40–43.

[25] ПКК. Изд. 1. К., 18 . Т. I. С. 3–4.

[26] В данном случае не могу согласиться с В.А. Смолием и В.С. Степанковым, что «Матрона», как называют ее некоторые летописи, была уже немолодой особой. Те описания, которые оставили о ней иностранные послы в 1649–1650 гг., как мне кажется, безусловно свидетельствуют, что речь шла об очень молодой особе.

[27] *Костомаров Н.И.* Богдан Хмельницький // Актуальная история России. М., 1994. С. 173.

[28] *Смолий В.С., Степанков В.С.* Богдан Хмельницький. Соціально-політичний портрет. С. 62–63.

[29] Там же. С. 63.

[30] ПКК. Изд. 1-е. Т. I. С. 2.

[31] *Szajnocha K.* Dziela. Lwow, 1877. T. IX. S. 142.

[32] Под казацким промыслом обычно понимали ловлю рыбы и охоту.

[33] *Смолий В.С., Степанков В.С.* Богдан Хмельницький. Хроніка життя та діяльності. С. 56–57.

[34] *Смолій В.А., Степанков В.С.* Українська національна революція XVII ст. // Україна крізь віки. К., 1999. Т. 7. С. 83.

[35] *Szajnocha K.* Dziela. T. IX. № 20. S. 27.

[36] ВУсР. М., 1953. Т. II. № 18. С. 47.

[37] ВУсР. Т. II. № 16. С. 41.

[38] Літопис Самовидця. К., 1971. С. 51.

[39] Его предком был Дмитрий Вишневецкий, основатель Запорожской Сечи, а мать – Раина Могила, сестра знаменитого Киевского митрополита Петра Могилы, которая была активной и щедрой участницей православного движения.

[40] Жерела. Львів, 1898. Т. IV. № IX. С. 41.

[41] *Смолий В.С., Степанков В.С.* Богдан Хмельницький. Соціально-політичний портрет. С. 91.

[42] В 1647 году между Московским государством и Речью Посполитой был заключен договор о совместной обороне.

[43] Всеобщее ополчение шляхты, которое объявлялось в случае угрозы Речи Посполитой.

[44] Споры о численности польских и казацких войск велись и ведутся. Академическое издание «Воссоединение Украины с Россией» приводило данные о 40 тысячах поляков, «а вместе с вооруженной прислугой их было в 3 раза больше». (ВУсР. Т. II. С. 499.) Общую цифру в 90 тысяч приводит современная энциклопедия украинского казачества. Українське козацтво. Мала енциклопедія. К.-Запоріжжя, 2002. С. 377.

[45] Заметим, что в те времена слезы мужчин были явлением распространенным и считавшимся не слабостью, но искренним выражением чувств.

[46] *Смолий В.С., Степанков В.С.* Богдан Хмельницький. Соціально-політичний портрет. С. 138.

[47] Документы об Освободительной войне Украинского народа (далее – Док. ОВУН). К., 1965. № 76. С. 206.

[48] *Краусгар А.* Поспольство Яна Смяровского к Богдану Хмельницкому во время осады Замостья в 1648 году // Киевская старина. 1894. Т. 47. С. 454.

[49] Illustrissimus princeps.

[50] ВУсР. Т. II. № 47. С. 118. *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. VIII. С. 124–125.

[51] «Много еще разъяренный зверь говорил с таким бешенством, что вскакивал со скамьи, рвал на себе волосы, топал ногами так, что мы все, слушая его, онемели». ВУсР. Т. II. № 47. С. 118–119.

[52] «Тепер вже часу нема, вже доказав о чом ніколи не мислив,

докажу й далі, що умислю: виб'ю з лядської неволі народ весь руський». Там же.

[53] «Нащо їх так мало писати, коли їх може бути на сто тисяч; тильки їх будет, колько захочу». Там же.

[54] *Смолий В.С., Степанков В.С.* Богдан Хмельницький. Хроніка життя та діяльності. С. 83.

[55] ВУсР. Т. II. № 47. С. 118–119.

[56] Вопрос о реальном числе казаков и «показаченных» в армии Хмельницкого вызывает резкие споры. То, что речь шла как минимум о ста тысячах и более – сомнения не вызывает. Литовский магнат А.С. Радзивилл писал в своем дневнике весной 1648 года: «...не только казаки бунт подняли, но и все подданные наши на Руси к ним пристали, и войска казакам увеличили на 70 000, и все больше к нам приходило руських холопов...» (*Pamietnik A.S.* Radziwilla. Poznan, 1839. II. S. 292.) 1/11 декабря 1649 года путивльские воеводы извещали Москву: что «гетман... Богдан Хмельницкий...Черкасом... велел быть готовым на лежи в городех сту тысечам». (Акты ЮЗР. Т. III. № 295. С. 378.)

26 июля 1654 года (н. ст.) старшина заявила русским воеводам: «... ныне де их есть в сборе со сто тысячь и болши», и этим объяснила невозможность составить реестр в шестьдесят тысяч человек, установленный условиями Мартовских статей. (Акты ЮЗР. Т. X. № 15. С. 694.)

[57] *Крип'якевич І.П.* Богдан Хмельницький. С. 161. Поляки говорили, что у Хмельницкого уже в июне 1649 года было 150 тысяч. – Ojczyste Spominki w pismach do dziejów dawnej Polski. Diaryusze, Relacye, Pamiętniki i t p., zeb. A. Grabowski. Kraków, 1845. T. II. S. 43.

[58] ВУсР. Т. II. № 59. С. 152.

[59] Там же. С. 154.

[60] *Грушевський М.С.* Історія України – Руси. К., 1995. Т. VIII. С. 178.

[61] Док. об ОВУН. № 87. С. 231.

[62] *Смолгй В.А., Степанков В.С.* Українська національна революція XVII ст. // Україна крізь віки. Т. 7. К., 1999. С. 133.

[63] *Крип'якевич І.П.* Богдан Хмельницький. С. 165–166.

[64] «Досыть тебе бытии нам неприятелем; и до ласки нашей тебя припущаем и все вины твои тебе и всему Войску Запорожскому отдаем, и тебе то годитца нам и Речи Посполитой заплатить услугою своею».

[65] «Горазд, кролю, мовишь!» ВУсР. Т. II. № 133. С. 305; *Смолий В.С., Степанков В.С.* Богдан Хмельницький. Соціально-політичний портрет. С. 195–196.

[66] *Крип'якевич І.П.* Богдан Хмельницький С. 175.

[67] *Степанков В.С.* Социальная политика гетманской администрации в годы Освободительной войны украинского народа (1948–1954 гг.) и борьба против нее крестьянства и казацкой голытьбы // история СССР. 1979. № 3. С. 82.

[68] Jakuba Michałowskiego, wojskiego lubelskiego a pozniej kasztelana bieckiego księga pamiętnicza (далее – Księga pamiętnicza). T. I. Kraków. 1864. S. 602.

[69] *Крип'якевич І.П.* Богдан Хмельницький. С. 174 и др.

[70] *Смолий В.С., Степанков В.С.* Богдан Хмельницький. Хроніка життя та діяльності. С. 218 – 219.

[71] Поляновский мирный договор 1634 г. между Речью Посполитой и Московским государством, установивший новые границы.

[72] *Вимин А.* Донесение // Киевская Старина. 1900. С. 73–74.

[73] Письма А. Вимина // ЗНТШ. Т. LXXVIII. С. 88.

[74] *Смолий В.С., Степанков В.С.* Богдан Хмельницький. Хроніка життя та діяльності. С. 116–117.

[75] ВУсР. Т. II. № 181. С. 428–434.

[76] Там же. Т. II. № 181. С. 441.

[77] Тимофей Анкундинов был сыном стрельца, подьячий Приказа Новой чети, в 1643 году бежал через Польшу в Константинополь, где объявил себя царевичем Иваном.

[78] ВУР. Т. II. № 76. С. 187.

[79] Подробнее об этом см. в главе Иван Богун.

[80] Док. ОВУН. № 142. С. 380.

[81] Там же. № 184. С. 468.

[82] *Jerlicz J.* Latopisiec albo kroniczka. Warszawa, 1853. T. I. S. 120.

[83] Док. ОВУН. № 178. С. 453.

[84] *Kubała L.* Szkice historyczne. Cz. I. S. 266.

[85] *Освецим С.* Дневник. К., 1883. С. 58.

[86] А табор де? – Уже у дябла табор! Утікли ми з табору. – Чому-ж? – Бо молодці битися не хотіли. – А як же корогви? І корогви пропали. – А гармати? А шкатулка з червоними золотими? – Про неї не знаю. *Грушевський М.С.* Історія України – Руси. К., 1996. Т. IX. С. 309.

[87] Подробнее об этом см. в главе «Иван Богун».

[88] *Крип'якевич І.П.* Богдан Хмельницький. С. 185.

[89] Ходили слухи, что Хмельницкий заранее условился с ним о начале восстания.

[90] *Освецим С.* Дневник. С. 128.

[91] *Смолий В.С., Степанков В.С.* Богдан Хмельницький. Хроніка життя та діяльності. С. 143.

[92] Там же.

[93] Этот закон формально позволял любому шляхтичу, присутствующему на сейме, наложить вето и распустить сейм. Другое дело, что такие выступления обычно организовывались и исполнялись по воле магнатов.

[94] *Смолий В.С., Степанков В.С.* Богдан Хмельницький. Соціально-політичний портрет. С. 307–308.

[95] Как писал один шляхтич: «Хмельницкий молчит, как волк в яме лежит».

[96] Ходили слухи, что сам М. Калиновский, человек уже немолодой, выступал одним из женихов Домны Розанды и таким образом соперничал с Тимошем Хмельницким.

[97] *Смолий В.С., Степанков В.С.* Богдан Хмельницький. Соціально-політичний портрет. С. 311. «А тепер у нас за ласкою божою… тут у всім краю северском ні воєводи, ні старости, ані судьї, ані писаря нет… А пан полковник у нас тепер за воєводу, а пан сотник за старосту, а отоман городовий за судью».

[98] *Грушевський М. С.* Історія України – Руси. К., 1996. Т. IX. Ч. I. С. 488.

[99] *Смолий В.С., Степанков В.С.* Богдан Хмельницький. Хроніка життя та діяльності. С. 161.

[100] *Степанков В.* Проблема вибору протекції між Московською державою і Османською імперією у 1648–1654 роках // Переяславська рада та українсько-російська угода 1654 р. К., 2005. С. 32–33.

[101] См. главу «Петр Дорошенко».

[102] То есть жителями Валахии – исторической области Румынии между Дунаем и Карпатами.

[103] *Rudawskij J.* Historja Polska od smierci Wladislawa IV az do pokoju oliwskiego, czyli dzieje panowania Jana Kazimierza od 1648 do 1660. T. I. Petersburg-Mohylow, 1855. S. 231.

[104] «И пришед де гетман х казакам, поклонился трижды в землю, и велел им дать бочку меда, и говорил им: детки де мои, напейтеся и меня не подайте. И казаки де гетману сказали: пане де гетман, в том воля твоя, а быть мы с тобою все готовы».

[105] ВУсР. Т. III. № 208. С. 493.

[106] Ферязь – мужской верхний наряд с длинными рукавами без воротника. Обычно изготавливался из дорогих тканей.

[107] Хрестоматийное описание Переяславской рады, на которой Хмельницкий предложил народу выбрать повелителя между русским царем, польским королем, крымским ханом и турецким султаном на самом деле известно лишь со слов генерального писаря и. Выговского, в его пересказе события русским. Что было на самом деле, кто присутствовал на раде и что говорил Богдан – неизвестно. Во всяком случае, на соборной

площади Переяславля физически не могли вместиться представители всех полков и старшины. Генеральные рады обычно проводили в Масловом Стане на реке Росаве – в урочище, позволявшем проводить подобное собрание.

[108] ВУсР. Т. III. 205. С. 464–465.

[109] Первые сведения о конфликтах русских воевод с белорусским населением, попавшим под влиянием идей Украинского гетманства, относятся к лету 1656 года, когда минский воевода Ф. Арсеньев в отписке сообщал, что местные «крестьяне шляхетцкие по-казачились...». (Гісторыя Белорусі у документах і матерыялах. Менск, 1936. № 62. Т. 1. С. 525.) В 1657 году это явление уже приобрело массовый характер. В статейном списке воеводы К. Иевлева говорилось, что крестьяне «службы его, государевой, служити не хотят, а хотят быть при полку Нечаеве (полковника Белорусского. – *Т. Т.*)». (Документы эпохи Хмельницкого. Ч. 1. С. 107.) Тогда же русские воеводы сообщали, что шкловские крестьяне перешли к казакам и восстали. (ЦГАДА. Разряд. Столбцы Московского стола. № 272. Лл. 250–253.) От августа 1657 года мы имеем отписку воеводы С. Змеева «о наказании в Могилевском уезде вместо кнута батогами нещадно пашенных крестьян, приписавшихся в казаки...». (Акты ЮЗР. Т. IV, № 12. С. 15–16.)

[110] *Kochowski W.* Historya panowania Jana Kazimierza. Poznan, 1859. T. I. S. 199.

[111] РГАДА. Сибирский приказ. 1636. Л. 488–498.

[112] То есть командующий армией Великого княжества Литовского, которое являлось составной частью Речи Посполитой по Люблинской унии 1569 года.

[113] В последнее время вышли две прекрасные монографии на эту тему: *Флоря Б.Н.* Русское государство и его западне соседи (1655–1661 гг.). М.: индрик, 2010; *Федорук Я.* Віленський договір 1565 року. Східноєвропейська криза і Україна у середині XVII століття. К., Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2011.

[114] AGAD. Teki Naruszewicza. № 148. List 589.

[115] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 41. Ч. III. С. 891.

[116] *Kubała.* Ser. III. S. 437.

[117] Архив ЮЗР. Ч. III. Т. VI. № XXX. С. 89–90.

[118] Польский король был вынужден бежать под натиском шведов в Силезию и Карл Густав провозгласил себя польским королем.

[119] Архив ЮЗР. Ч. III. Т. VI. № XXXVI. С. 101; № XXXVII. С. 102; Monumenta Hungariae Historica, Diplomatoria. T. XXIII: Okmantar II Rakoczy diplomacziai ossrekotte tesiher (далее – Monumenta

Hungariae). Budapeste, 1874. № CLVII. 260–267.

[120] Документы Богдана Хмельницкого. // изд. Крипякевич и. // (далее – Док. Б. Х.). К., 1961. № 345. С. 463; Monumenta Hungariae. Т. XXIII. 254–257.

[121] Transsylvania et bellum boreo-orientalie. // Szilagyi Sandor // Т. III. Budapest. 1890–1891 (далее – Transsylvania) Т. II. P. 69.

[122] ПКК. Изд. 1-е. Т. III. № XXX. С. 129; Док. Б. Х. № 346. С. 465.

[123] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1854. Т. III. Ч. I. С. 416.

[124] Конфедерация – в Речи Посполитой военный союз шляхты с какой-то политической целью.

[125] Документы эпохи Хмельницкого 1656–1657 гг., извлеченные из Архива министерства иностранных дел. Собр. И. Каманиным. СПб., 1911. С. 26.

[126] Lettres de Pierre des Noyers, secretaire de la Reine de Pologne MarieLouise de Gonzagne de Nanten et de Nevers pour servie a I histoire de Pologne et de Suede de 1655 a 1659. Berlin, 1859. (Далее – Lettres de Pierre.) № XXV. S. 79.

[127] *Kubała*. Ser. IV. S. 481.

[128] *Ibid.* S. 479–480.

[129] Акты ЮЗР. Т III. № 367. С. 551.

[130] Док. Б. Х. № 380. С. 501.

[131] Там же. № 393. С. 518; Monumenta Hungariae. Т. XXIII. № 245. S. 416– 417.

[132] Там же. № 397. С. 524.

[133] Там же. № 394. С. 519.

[134] Там же. № 395. С. 520–521.

[135] *Бростовский П.К.* Дневник дороги на комиссию в Вильну 1655 г. с самого Акта комиссии наскоро списанного// Сб. Муханова. Изд. 2-е. СПб., 1866 (далее – Дневник дороги на комиссию). № 254. С. 529.

[136] *Грушевський М.С*. Історія України – Руси. Т. IX. Ч. 2. С. 1243.

[137] Дневник дороги на комиссию. С. 518.

[138] Док. Б.Х. № 421. С. 549.

[139] «…гетман Богдан Хмельницкой яко шаленый, которой ума уступився, заволал и молвил: уж, дети, о том не печалтеся! я то ведаю о том учинить: треба отступить от руки царского величества, а пойдемо там, где вышний Владыко повелит быть, – не томко под хрисианином государем, хотя под бусурманом». Акты ЮЗР. Т. III. № 369. С. 556.

[140] Док. Б. Х. № 424. С. 555–556.

[141] Акты ЮЗР. Т III. № 46. С. 395; Док. Б.Х. № 423. С. 552.

[142] Там же. № 361. С. 546–547.

[143] Там же. Ч. III. Т. VI. № LX. С. 136.

[144] Архив ЮЗР. Ч. III. Т. VI. № LXIV. С. 155–56.

[145] Там же. С. 157.

[146] Черниговская летопись. Изд. Белозерским // Южнорусские летописи. К., 1856. Т. I. С. 25.

[147] Lettres de Pierre. № CII. 296.

[148] Акты ЮЗР. Т. III. № 377. С. 598; Док. Б.Х. № 434. С. 566.

[149] ПКК. Изд.1-е. Т. III. С. III. № XXXVI; изд. 2-е. Т. III. № XLII.

[150] *Грушевський М. С.* Історія України – Руси. Т. IX. Ч. 2. С. 1364.

[151] Monumenta Hungariae. T. XXIII. № CCCIX. S. 532.

[152] Transsylvania. II. P. 421–422.

[153] Цитра – музыкальный инструмент с металлическими струнами, похожий на гитару.

[154] Опис подорожі шведського посла на Україну 1656–1657 р. // ЗНТШ. Т. 154. 1937. С. 57–58.

[155] Акты ЮЗР. Т. III. № 369. С. 575–579.

[156] Там же. С. 568–569.

[157] «И гетман говорил сердитуя: от Свейского де короля николи он отлучен не будет, потому что у них дружба и приязнь и згода давняя... А ныне де мы царского величества от высокие руки неотступны, яко верные его царского величества подданные, и идем на войну на неприятелей его царского величества на бусурманов; хотя де будет в той моей нынешней скорби в дороге случится смерть, и мы де для того везем с собою и гроб».

[158] Акты ЮЗР. Т III. № 369. С. 569.

[159] «Свейский посол был у гетмана на дворе; а после того был Ракоцы Венгерского посланец». Там же. С. 573–574.

[160] Monumenta Hungariae. T XXIII. № CCCIV. 540.

[161] Акты ЮЗР. Т III. № 369. С. 538.

[162] Архив ЮЗР. Ч. III. Т. VI. С. 313.

[163] Акты ЮЗР. Т. XI. Прил. 2. С. 716.

[164] Имеется в виду Антон Жданович, один из руководителей похода.

[165] Архив ЮЗР. Ч. III. Т. VI. С. 321.

[166] Літопис Самовидця. С. 75.

Глава 3
ИВАН ВЫГОВСКИЙ

Иван Выговский – противоречивая фигура в истории Украины. В российской и советской историографии его традиционно считают «изменником», совершенно не принимая во внимание тот факт, что погиб он в борьбе за возобновление союза Украины с Россией и на протяжении значительного периода своей деятельности имел тесные и плодотворные связи с Москвой. Забывают об Иване Выговском и как о ключевой фигуре в жизни Украины в течение всего гетманства Богдана Хмельницкого.

Именно Выговский являлся тем человеком, совместно с которым Богдан Хмельницкий создавал Украинское гетманство. Именно Выговский при жизни великого гетмана стоял во главе внешней политики Украины, и при его непосредственном участии заключались Зборовский и Переяславский договоры, ставшие юридической базой для создания нового государства. Именно он был преемником булавы (символа власти Войска Запорожского) после Хмельницкого, став вторым гетманом нового государственного формирования – Украинского гетманства.

Среди украинских гетманов Выговский представляется нам наиболее живой и привлекательной фигурой. Возможно, это связано с тем, что о нем сохранилось много записей в личных дневниках его современников. В этих свидетельствах Иван Остафьевич предстает мягким, талантливым, крайне честолюбивым человеком, профессиональным юристом, далеким от «казацкой среды», властолюбивым, но при этом способным на необдуманные, спонтанные и искренние поступки. Переплетение, казалось бы, столь несочетаемых качеств делает его персону особенно интересной.

Гетман и. Выговский. Портрет XVII в.

По историографической традиции начиная с XVIII века, Выговский считается изначальным сторонником Польши и противником Москвы. На самом деле источники не позволяют нам судить с достоверностью о личных симпатиях Выговского. Можно допустить, что «шляхетские вольности» Речи Посполитой нравились ему, как и многим другим старшинам, гораздо больше самовластья Москвы или диктатуры турок. Но все же в первую очередь он был воспитанником украинского православного возрождения, а Речь Посполитая для Восточной Европы (по крайней мере, в допетровскую эпоху) являлась окном в европейскую культуру. То есть речь идет не о политических, а скорее о гуманитарных симпатиях.

Украинские писатели негативно относились к Выговскому со времен политического памфлета начала XIX века «История Русов»[1]. Как это ни странно, они не видели, что писарь в основном просто следовал правилам политической игры, начатой Хмельницким. Сложная внешняя и внутренняя ситуация принуждала гетманов вести хитрую и изворотливую политику, весьма схожую с политикой господарей Валахии и Молдавии. Другое дело, насколько такая политика соответствовала

характеру Хмельницкого или Выговского.

Выговский происходил из шляхетского православного рода, довольно известного в Украине с конца XV века. Его родоначальник – выходец из орды времен великого князя литовского Витовта (1350–1430). К XVI веку Выговские-Лучичи были боярским родом Киевщины, освобожденным от службы грамотой Стефана Батория[2]. К середине XVI века Сигизмунд I пожаловал овруцким боярам Выговским-Лучичам Скачковские земли на Киевщине (эту грамоту и более поздние королевские подтверждения представил и. Выговский в 1631 году)[3].

Выгов в Овруцком повете был их родовым гнездом. Герб Выговских-Лучичей – весьма распространенный на Украине «Абданк».

Отец Ивана, Остафий Выговский, владел рядом имений на Киевщине[4], но ему приходилось бороться за свои владения с более состоятельными родственниками. Остафий служил у Киевского митрополита Петра Могилы, а также имел тесные контакты с другим активным защитником православия магнатом Адамом Киселем. Сам он являлся членом Крестовоздвиженского луцкого братства. Тетка Ивана, Александра, была игуменьей Свято-Михайловского монастыря. Выговские, таким образом, деятельно участвовали в украинском духовном возрождении начала XVII века. Мать Ивана, Елена Ласко, происходила из православного шляхетского рода герба «Лелива».

Иван закончил знаменитый Киево-Могилянский коллегиум (в период, когда его возглавлял сам Петр Могила[5]). Впоследствии Выговский часто выступал благодетелем и меценатом своей alma mater и, в частности, ходатайствовал за нее перед царем Алексеем Михайловичем[6]. Именно при Выговском коллегиум получил от Речи Посполитой статус академии. Иван в совершенстве владел латынью наряду с украинским, польским, старославянским и русским. Современники не раз отмечали его ученость.

Получив образование, Выговский работал юристом в Луцком братском монастыре и (как минимум, с 1627 года) в городской канцелярии Луцка[7]. С 1629 года он замещал должность наместника подстаросты Луцкого, а в 1636 года сам занимал этот пост. В те же годы в Луцке работал Павел Тетеря, будущий полковник, а затем и гетман Украины (женившийся на сестре Выговского), а также Станислав Казимир Беневский (в дальнейшем он стал известнейшим польским дипломатом).

Хотя эти факты довольно часто приводятся в биографиях Выговского, но как-то совершенно забывается то, что он не просто служил мелким юристом, но и играл активную роль в жизни православной церкви, переживавшей тогда нелегкие времена. Он,

как и его отец, стал членом Луцкого православного братства и весьма успешно защищал интересы братства. Например, Иван представлял интересы братчиков в судебных тяжбах против польской шляхты, не стеснявшейся публично оскорблять монахов братского монастыря. Выговский был знаком с выдающимся украинским богословом Мелентием Смотрицким. По поручению последнего он готовил послание членам Виленского православного братства, призывавшее рассмотреть вопрос о возвращении униатов в лоно православной церкви.

Выговский и в дальнейшем проявил себя ревностным защитником веры. Когда он достиг высокого положения писаря в Войске Запорожском, то построил прекрасную церковь и монастырь недалеко от Чигирина. Во время своего гетманства он постоянно раздавал собственность православным монастырям и добивался ликвидации унии по условиям Гадячского договора 1658 года с поляками.

Примерно в середине 30-х годов XVII века Выговский в первый раз женился на представительнице мелкого украинского шляхетского рода Киевщины, панне Яблонской герба «Ясенчик». От этого брака у него было шестеро сыновей и дочь[8].

Современник событий, польский историк В. Коховский, приводит данные, что уже перед самым восстанием Б. Хмельницкого, когда Выговский работал в Киеве, его обвинили в утере городских книг и приговорили к смертной казни. Заступничество православных магнатов (вероятно, А. Киселя) спасло его, но карьера юриста была безвозвратно погублена[9]. Видимо, из-за безысходности Иван вступил в ряды польского войска, посланного на борьбу с Хмельницким, – трудно предположить, что туда его влекла ненависть к восставшим. Он просто не имел выбора. Его семья переживала финансовые трудности (им пришлось даже заложить родовое гнездо Выгов за 200 злотых), а работать юристом он больше не мог.

Так или иначе, но когда началось восстание, Выговский, по одним сведениям, служил секретарем у посла к казакам от Речи Посполитой[10], по другим – находился под командой Каневского полковника Голубя.

Выговский совершенно не был военным человеком, он не стал им до конца жизни, даже будучи гетманом. Однако уже тогда Иван проявил необыкновенное упорство, умение бороться до конца и отстаивать то, что он считал правым делом. В первом же сражении под Желтыми Водами поляки оказались в безвыходном положении. Иван бился, пока под ним не убили коня, затем сражался пеший, пока не потерял сознание от полученных ран. В беспамятстве он попал в плен к одному запорожцу. Тот продал

его татарину, но пленнику удалось бежать. Он был пойман и опять отдан татарину в обмен на какую-то клячу. С маниакальным упорством, не желая подчиняться такой жалкой судьбе, Выговский, не имея сил и денег, снова бежал. Его опять поймали и на этот раз отдали самому хану ислам-Гирею, который приковал его к пушке. После этого он был освобожден Б. Хмельницким, выкупившим его у хана за кобылу. Гетман взял Выговского себе в писари и заставил его присягнуть на верность повстанцам[11].

История эта, хотя и выглядит совершенно невероятной, не вызывает сомнений. В 1649 году во время обороны Збаража польский посол Яницкий вел переговоры с Выговским (которого он называл «шляхтичем воеводства киевского писарем Войска Запорожского»). Провожая посла после переговоров, Иван сам объяснил Яницкому, почему стал «изменником». По его словам, он попал в плен под Желтыми Водами и Хмельницкий выкупил его за «одну кобылу». Так как у Выговского имелись дети, отец, братья, сестры и т. д., то он оказывался заложником благополучия своей семьи – в случае измены Хмельницкий приказал бы их всех казнить. Как писал поляк, со слов Выговского, «его преданность семье и естественная любовь к родственникам привели к тому, что он был вынужден остаться» у казаков[12]. Рассказ об истории с лошадью устами самого Ивана является очень важным, так как представляется маловероятным, чтобы Выговский выдумал такую унизительную подробность собственной судьбы. Не менее примечательно и сделанное тогда же замечание поляка: «...этот Выговский как всегда был не простак, так и теперь у них имеет свое значение». Видимо, Яницкий не слишком верил сетованиям Ивана о «необходимости» примкнуть к восставшим. Нет оснований верить этому лукавству и нам.

То, что Хмельницкий спас своего единоверца, которого наверняка знал по делам в Киеве, поступок естественный и понятный. Скорее всего, ему было известно, что Выговский очень образованный (для своего времени) человек и блестящий профессиональный юрист. Таких в окружении гетмана в 1648 году не хватало. Спасая православную душу, Хмельницкий наверняка рассчитывал использовать профессиональные качества Ивана. Согласно преданию, Богдан взял с Выговского клятву верности. Гетман не ошибся. Его протеже оказался способным составлять международные договоры, на должном уровне вести переговоры с искусными польскими послами вроде Станислава Беневского.

Оказавшись у Хмельницкого, Выговский сделал головокружительную карьеру. Через несколько месяцев после

пленения он получает одну из высших должностей в Войске Запорожском. Мало того, он становится одним из ближайших к гетману людей.

Если мы хотим получить полное и истинное представление о Выговском, его личность ни в коем случае нельзя рассматривать вне контекста событий на Украине. Иначе нам трудно будет ответить на следующие вопросы: что руководило Выговским, когда он, служа в армии Николая Потоцкого на стороне поляков, перешел служить писарем к Богдану Хмельницкому? Как он сумел заслужить доверие гетмана? Только знание всей картины украинского общества того периода, его реалий, а также судьбы других шляхтичей и казацких лидеров может помочь нам в понимании поведения Выговского.

Что было более естественным для православного шляхтича в начале восстания Хмельницкого – служить в польской армии или делать карьеру у казаков? Даже если не верить в патриотические чувства Выговского, он все равно должен был предпочесть вторую по значению после гетмана должность писаря в Войске Запорожском службе у католиков-поляков, презиравших бедных православных шляхтичей.

На самом деле он сделал точно такой же выбор, как сам Богдан Хмельницкий. Тот тоже до восстания служил (и присягал) польскому королю и даже имел доступ в высочайшие структуры Речи Посполитой. Так же поступили полковник Станислав Кричевский и множество других украинских шляхтичей, большинство из которых (добровольно или в силу обстоятельств) вступило в ряды казаков, будучи до этого на службе у Речи Посполитой: Богун, братья Нечаи, Гуляницкий, Гоголь и др. Однако влияние Выговского на украинские события оказалось значительно сильнее, чем влияние большинства других казацких лидеров.

Что касается Хмельницкого, то хорошо известно из источников, как он старался привлечь в свои ряды шляхту и просто хорошо образованных людей, собирая их вокруг себя и создавая противовес анархическому крылу казацкого движения, которое возглавляли лидер «показаченных» Максим Кривонос и генеральный обозный Иван Чернята.

В самый первые месяцы его сотрудничества с гетманом, осенью 1648 года во время осад Львова и Замостья, Выговский был одним из немногих сторонников плана Хмельницкого, предлагавшего вести переговоры с новым польским королем, а не вступать в пределы Польши. Разумная позиция хладнокровного писаря, способного противостоять опытным польским дипломатам (таким, например, как Гунцель Мокрский – старый

иезуит, бывший учитель Хмельницкого), была по нраву гетману. В ноябре 1648 года Хмельницкий посылает его на переговоры к трансильванскому князю с целью установить «вечную дружбу»[13].

Уже во время переговоров с польскими комиссарами в Переяславле в феврале 1649 года поляки обращались к Выговскому с просьбой «повлиять на Хмельницкого»[14] (впрочем, учитывая давнее знакомство главы польской миссии Адама Киселя с Выговскими, это вполне понятно). Принимал он весной участие и в переговорах с русскими послами.

Выговский присутствовал при осаде Збаража летом 1649 года, где опять вел переговоры с поляками. Согласно реестру Войска Запорожского, составленному по условиям Зборовского договора осенью 1649 года, Иван Остафьевич Выговский числился писарем войсковым и стоял шестым в списке, сразу после Богдана и Тимоша Хмельницких, обозного и. Черняты и есаулов М. Лученко и Демко[15].

На протяжении 1649–1650 годов писарь был единственным человеком на Чигиринском дворе (за исключением жены Богдана, прекрасной Елены), кто отваживался спорить с гетманом, когда тот бывал пьян или в ярости. Как писал современник, польский историк В. Коховский, уже зимой 1649 года Выговский удерживал Хмельницкого от пьянства, управлял его «шальной головой», держал в своих руках нити всех походов и давал много здравых советов[16]. Похоже, Богдан ценил эту смелость своего писаря и его способность сдерживать и сглаживать его выходки. В некотором смысле он играл роль Меншикова при Петре, только гораздо более образованного и значительно менее алчного.

Укрепляя свое влияние в создающемся казацком государстве, Выговский, конечно, не забывал и о собственной материальной выгоде. В годы перемирия, в 1649 году, с помощью казаков Овруцкого сотника В. Железки он расправился со своим родственником Лукой Выговским, «наносил ему побои» и «заграбил все его имущество»[17]. Можно только гадать, что руководило им в тот момент: желание решить земельный вопрос, стремление продемонстрировать свою власть перед заносчивыми родственниками или же он пытался осуществить свою давнюю мечту – вести себя как могущественный магнат, совершающий наезды на слабых соседей.

Среди украинских гетманов Выговский отличался глубокими и искренними чувствами по отношению к своей семье. Как только Иван получил должность писаря, он сразу же стал помогать своему отцу вернуть их прежние имения. Он приложил все усилия, чтобы подобрать подходящие должности в Войске Запорожском своим братьям Данилу, Константину и Василию.

Данила, женатый на дочери Хмельницкого Катерине[18], стал полковником Быховским, Константин – полковником Пинским и Туровским, потом (с 1658 года) – обозным генеральным, Василий с 1658 года был полковником Овруцким. На протяжении всего гетманства Хмельницкого мы постоянно встречаем отца Выговского на Чигиринском дворе (с 1650 года он занимал должность наместника замка киевского), а когда Выговский сам стал гетманом, там появилась даже его мать. Уже с сентября 1649 года послом на переговорах с Ракочи становится его зять, Павел Тетеря (женатый на его сестре), а затем тот получает должность писаря в Переяславском полку.

Скорее всего, именно эти две отличительные черты Выговского – его образованность и сильная привязанность к своим шляхетским корням – сделали его непопулярным среди простых казаков («черни»). А возможно – рассудительность и осторожность, стремление решать конфликты дипломатическим путем.

В мирный 1650 год генеральная канцелярия Украинского гетманства начинает издавать универсалы (т. е. государственные акты, регулировавшие в том числе вопросы землевладения). На некоторых из них стояли подписи и Хмельницкого, и Выговского, на других – только одна подпись писаря. Выговский постоянно участвовал и в дипломатических переговорах гетмана: с венецианским послом А. Виминой, молдавскими боярами, русскими воеводами.

К январю 1651 года Выговский уже имел в своей канцелярии двенадцать писарей из числа польской шляхты[19]. Гетман настолько доверял Ивану, что тот часто сам составлял текст универсалов или писем, а Хмельницкий только ставил свою подпись. Именно Выговскому принадлежит заслуга по превращению канцелярии в исполнительный орган Украинского гетманства, соединившей в себе функции министерств внутренних и иностранных дел. Сюда стекалась вся информация военно-политического характера со всех концов страны и из-за рубежа, здесь принимались посольства, здесь подготавливались основные решения, которые чаще всего лишь формально выносились на обсуждение генеральной рады.

За годы работы Выговского писарем была создана юридическая система делопроизводства, выработаны формы государственных актов (универсалов) и т. д. Интересно, что при создании универсалов были использованы юридические формулировки из грамот польских королей. Это был не просто плагиат, тем самым подчеркивался полновластный статус гетмана на территории Украинского гетманства. Статус, равный

королевскому.

Иван проявил недюжинный талант администратора, став из писаря фактическим канцлером нового государственного формирования. Руководя украинской дипломатией, он вместе с Хмельницким формировал внешнюю политику. И как результат, внес свой решающий вклад в создание казацкого государства – Украинского гетманства, которое де-факто впервые было признано Зборовским договором с поляками в 1649 году.

Представляется естественным, что Выговский, являясь одним из главных создателей новой структуры, имел некие родительские чувства по отношению к своему детищу. Кроме того, Украинское гетманство принесло ему власть и благосостояние, а они играли не последнюю роль в жизни честолюбивого писаря.

Видимо, он активно участвовал в создании разведывательной сети, которую так успешно использовал в эти годы Б. Хмельницкий[20]. Среди агентов Выговского был, в частности, переводчик великого визиря Сефера Кази-аги. Разведчиками являлись греки и сербы, сообщавшие информацию о событиях в Молдавии, Османской империи и Венгрии. Агентом был и Василь Верещага, секретарь польского короля Яна Казимира. Хмельницкий и его писарь получали достоверные сведения о замыслах султана, польского короля, крымского хана и т. д. Агенты гетманства имелись во всех крупнейших городах Речи Посполитой, включая Варшаву, Краков, Львов, Каменец-Подольский и др.

Тот факт, что Выговский являлся центральной фигурой на Чигиринском дворе, подтверждает и эпизод во время битвы под Берестечко в 1651 году. Выдвигая условия сдачи казаков, поляки требовали выдачи Хмельницкого, его семьи и Выговского.

Именно Берестечская битва стала переломным моментом, после нее положение писаря стало действительно исключительным и он добился полного доверия гетмана.

Во время битвы крымский хан, не выдержав напора поляков, отступил с поля боя. Хмельницкий и Выговский приехали к нему в стан, уговаривая вернуться. Хан ссылался на то, что на его татар «от огненного бою неведомо какой великий страх напал». Получив известие о приближении поляков, хан бросил стан и бежал еще дальше, захватив с собой заложниками гетмана с писарем. Какое-то время Хмельницкий с Выговским находились в ужасном положении, ожидая выдачи польскому королю. То, что писарь разделил с гетманом все унижения, отчаяние и ужас крушения всех планов и надежд, безусловно, необыкновенно сблизило их. Потом Выговский добился, чтобы его отпустили с

отрядом в десять тысяч ордынцев для сбора выкупа. Но по дороге крымцы бросили Выговского. Он остался, по собственному выражению, с двумя татарами и тремя казаками. Добравшись до Павлочи, писарь организовал оборону против отрядов Орды, грабивших край[21]. Одновременно он носился по Украине, собирая деньги для выкупа гетмана. В конечном счете хан «с честью» отпустил Хмельницкого.

Вместе с писарем они вернулись в Украину, пережили трагедию взятия Киева литовскими войсками, вместе снова начали с нуля, вместе организовывали сопротивление польской армии. Понимая, что в условиях начинавшейся осени продолжать военные действия невозможно, поляки в начале сентября предложили начать переговоры. Хмельницкий настаивал на том, чтобы вел их Выговский.

Перемирие в тот момент означало спасение казацкой державы. Нужно было сбить поляков с их победного марша. Переговоры с польскими комиссарами во главе с Маховским шли трудно. Хмельницкий отказывался разорвать союз с Ордой, на чем настаивали поляки. Раздосадованный польский комиссар А. Мястковский намеревался уже покинуть лагерь, но его задержал Выговский и три часа спорил с ним. В своем дневнике поляк отмечал, что писарь «душа и ум Хмельницкого и руководит им как отец сыном». На самом деле у поляков ситуация тоже была не из легких, шляхтичи разбегались из армии, а зима катастрофически приближалась. Маховский обещал Выговскому всяческие блага, лишь бы гетман согласился на мир. Выговский заперся наедине с Хмельницким, долго его уговаривал, дошло даже до ссоры. Писарь вышел из комнаты разгневанный, но Богдан вскоре снова его позвал. Поляки настаивали, чтобы гетман и писарь приехали к ним в обоз, казаки наоборот хотели, чтобы комиссары прибыли в Белую Церковь. Теперь уперся Маховский, и Выговскому (по выражению очевидца, «почти что на коленях») пришлось упрашивать его уступить[22].

На следующем этапе переговоров в Белой Церкви своевольная чернь попыталась убить польских комиссаров. Туда приехали А. Кисель, воевода смоленский Глебович и стольник литовский В. Гонсевский. Когда начался бунт, Выговский «себя за чуб рвал» и кричал: «ошалели вы что ли, панове, в огонь к холопам приехали? и мы, вас защищая, погибнем». С оружием в руках старшина отбила поляков у черни[23].

Со времени Берестечка и вплоть до смерти Хмельницкого гетман и его писарь выступали как единая команда. Уже осенью 1651 года польские дневники сообщали, что «без Выговского, войскового писаря, ничего не происходит»[24]. Он принимал

участие в победном сражении под Батогом в июне 1652 года, после которого осенью Хмельницкий поручил ему исполнить почетную миссию – возглавить свадебный поезд его старшего сына Тимофея в Молдавию.

Хмельницкий рассматривал этот династический брак как очень важный шаг в упрочнении внешнеполитического влияния Украинского гетманства. Прекрасный воин, Тимош Хмельницкий вовсе не отличался большими дипломатическими способностями. Бракосочетание, устроенное на штыках, не могло проходить гладко, и Выговскому приходилось немало изворачиваться, чтобы сгладить впечатление о «сватах». Так, когда молдавский господарь Василий Лупу обратился к Тимошу с приветственной речью, «тот на это не ответил ни слова, только стоял как вкопанный и кусал себе губы, – за него отвечал Выговский»[25].

Трудно переоценить влияние и то особое положение, которое занимал Выговский у гетмана. Позднее он сам признавался русскому стольнику В.П. Кикину, что нередко использовал свое положение писаря, вольно трактуя челобитные к Хмельницкому. «Кто будет ему недруг, а пишет о чем к гетману, и он читал не то, что писано, – читал, чем бы разсердитовать на того, кто о чем пишет»[26].

В историографии укрепилось совершенно необоснованное представление о Выговском как о стороннике «пропольской партии» (в противоположность «прорусским» сторонникам). На самом же деле на протяжении долгих лет, пока Хмельницкий вместе со своим писарем долго и упорно вел успешные войны против Речи Посполитой, Выговский поддерживал неформальные и тесные контакты с Москвой. Любому, кто просматривал отчеты русских послов, трудно представить Выговского «тайным польским шпионом».

Еще осенью 1649 года русские послы на Украине Г. Неронов и Г. Богданов дали Выговскому две пары соболей «сверх тое пары, что ему прислано государева жалованья». Это была «доплата» писарю за переданную русским копию статей Зборовского договора[27]. В августе 1650 года русский посол В.В. Унковский тоже вручил ему пару соболей сверх положенного – тайно, «до приезду гетманова», «чтоб государю служил»[28]. В этот период писарь выказал себя большим поборником интересов царя, он содействовал нейтрализации и даже высылке из Украины Тимофея Анкундинова, очередного самозванца, чрезвычайно беспокоившего царя напоминанием о Смутном времени.

Выговский имел секретные контакты и с пограничными Путивльскими воеводами, которые обращались к Выговскому «для проведования всяких вестей»[29]. Когда в феврале 1652 года

назначили нового Путивльского воеводу, ему было приказано писать к Выговскому «тайно без имян», так же как до этого делал его предшественник. Новому воеводе было поручено секретно послать писарю пару соболей[30].

Не довольствуясь такими контактами, Выговский сам направлял своих посыльных в Москву – с письмами и вестями. Например, в июне 1651 года он использовал с этой целью грека и. Мануйлова и серба В. Данилова. Причем в Москве подозревали, что про этих посланцев «не ведает и гетман Хмельницкий»[31]. Писарь передавал с ними копии писем польского короля, крымского хана и т. д.

И до, и особенно после Берестечко (когда гетманство было в весьма тяжелой ситуации) Выговский обещал «служити государю, сообщая о всех сношениях Хмельницкого». При этом во время своих контактов с русскими Выговский был «добре того опасен, чтоб гетману про то не донеслось». Он заявлял, что если «про то от кого ведомо учинитца гетману», тот «велит его за то карать». И как бы, между прочим уговаривал царя «принять их под свою руку».

В июне 1652 года на Украину приехал русский посол В. Унковский. Он виделся с Выговским, и тот отдал ему списки с иностранных грамот, присланных к Хмельницкому, говорил о вестях и на образе клялся в верности царю. Он даже высказывал свою «мечту»: приехать в Москву, увидеть царя «с отцом своим, и з братьеми, и с иными приятели»[32].

Писарь всегда был не чужд некоторого бахвальства. Он и русскому воеводе заявлял: «А меня де и венгерский король зовет к себе и власть мне, и жалованье великое дает. И показал грамоту за рукою венгерского короля написана: как де приедешь ко мне, стану тебе давать по полутаре тысечи золотых червонных на год да городы дам немалые и учиню великим начальником над войском своим». Демонстрируя такие щедрые предложения от венгров, Выговский тут же подчеркивал: «Я де не мышлю мимо великого государя никуда ехати»[33].

В преддверии заключения Переяславского соглашения с Москвой, в июне 1653 года, в Украине находились очередные русские послы А. Матвеев и и. Фомин. При встрече с Выговским они объявили ему государеву похвалу, возвратили грамоту султана, тайно посланную писарем в Москву, и наградили его тремя сороками соболей (сорóк соболей – комплект на шубу. – *Т. Т.*). Выговский снова клялся в верности и сообщил русским различные важные сведения. За это кроме ста двадцати соболей, врученных официально на приеме, писарю дали еще пять пар соболей – «послано к нему на двор тайно, чтоб гетман Богдан

Хмельницкий про то и нихто б не ведал»[34]. В августе история повторилась. В декабре русские послы Р. Стрешнев и М. Бредихин привезли писарю очередное государево жалование – четыре сорока «добрых» соболей. Причем Выговский попросил «при гетмане дать небольшое» жалование, утверждая, что Хмельницкий рассердился, когда казацким послам в Москве сказали про него «похвальные слова»[35].

Насколько важную и конфиденциальную информацию предоставлял он русским воеводам? Встречалось ли в его сообщениях русским такое, что могло бы повредить Хмельницкому или дискредитировать его?

По мнению украинского историка Ю. Мыцыка, подобное поведение Выговского вписывается в общую концепцию внешнеполитической игры Украинского гетманства эпохи Хмельницкого. Пожалуй, с этим мнением можно согласиться. Гетман изображал «злого», бескомпромиссного политика, а писарь – уступчивого и сговорчивого, всегда готового сыграть роль «буфера» в переговорах с Богданом. Этот прием использовался и с поляками, и с русскими. Причем такая игра как нельзя более подходила Выговскому – честолюбивому и неравнодушному к внешним атрибутам власти. Он с удовольствием принимал дорогие подарки, взятки, раздавал обещания походатайствовать перед гетманом, повлиять на принятие решений и т. д. А заодно – узнавал намерения «противной» стороны, ее тайные желания и планы. Скорее всего, такая игра была заранее спланирована и срежиссирована при активном участии самого Богдана.

Конечно, даже в этих безоблачных отношениях случались срывы и проблемы. Это было неизбежно при вспыльчивом характере Хмельницкого, только ухудшавшемся с годами и от пережитых личных трагедий. Но эти конфликты никогда не касались вопросов политики или профессиональной деятельности Выговского. Так, летом 1653 года произошла ссора Павла Тетери с младшим братом Ивана Данилой. В результате войсковая рада приказала Данилу казнить. За него вступился брат – генеральный писарь, но и сам чуть не поплатился головой. К тому же как раз в этот момент слуга Выговского побил гетманских челядников, и Хмельницкий в гневе приказал казнить самого писаря. В результате не без вмешательства остальных старшин все улеглось[36]. Возможно, эта вспышка была обусловлена личными бедами Богдана – гибелью его сына Тимоша и неудачами на молдавском фронте.

Что касается активных контактов Выговского с Москвой в 1653 году, то они были не случайны. За ними стояло обострение

внешнеполитической ситуации вокруг Украинского гетманства. Особенно резко это проявилось осенью 1653 года, после провала миссии Тимоша Хмельницкого в Молдавии и создания грозного польско-венгерско-турецкого союза, направленного против казаков. Генеральный писарь лично возглавил переговоры, проходившие под Каменцом-Подольским с представителями Речи Посполитой и Крыма. Однако в их ходе стала окончательно ясна измена хана и необходимость предпринимать срочные шаги для спасения гетманства.

Выговский лично встречает прибывших на Украину российских послов. Именно он уведомил их о прошедшей старшинской Переяславской раде. Кстати, его слова – единственный источник об этом событии. Только от Выговского мы знаем о речи Богдана и «единодушном» желании казаков «под царя восточного»[37].

Надо отметить, что русские считали писаря одним из главных своих сторонников в окружении Хмельницкого. Отправлявшемуся в Украину В. Бутурлину приказывалось дать писарю шесть сорока соболей официально и три сорока – тайно[38].

Такие отношения Выговского с Москвой продолжались и после Переяславской рады 1654 года (т. е. принятия Украинского гетманства «под высокую руку» царя). В августе 1654 года русский посол и. Ржевский тайно от гетмана наградил Выговского за то, «что ты ему великому государю служишь и работаешь во всяких мерах», пожаловав сорок соболей[39].

Принимал участие писарь и в дальнейших военных событиях, в частности в знаменитой битве под Охматовым в январе 1655 года. Там он командовал авангардом казаков и принял на себя первый удар орды. Как всегда, когда наступил критический момент, писарь не потерял голову и в тяжелейшей для русско-украинского войска ситуации точными действиями артиллерии выиграл время для перегруппировки основных сил Хмельницкого.

После этого, в августе 1655 года, казацкие войска под командованием Выговского захватили Чортков, где находился сын Брацлавского воеводы П. Потоцкий и множество польской шляхты. Затем он вместе с Хмельницким принял участие в осаде Львова. Во всех этих действиях писарь проявил себя как жесткий последователь антипольской линии Хмельницкого. Во время переговоров с представителями львовского магистрата он придерживался тех же требований, что и русский воевода В.В. Бутурлин. Ударяя кулаком по столу «с большой злостью» при каждой своей фразе, писарь сказал, что погибель ждет Речь Посполитую, ибо уже сам Бог от нее отступил и соответственно надеяться полякам не на что. Не ограничиваясь этим, он заявил:

«Куда казацкая сабля дотянулась, там и казацкая власть быть должна»[40].

Получив огромный выкуп от Львова, казацкая армия отступила, а отряд Данилы Выговского, родного брата писаря, направился дальше в Польшу и даже захватил Люблин.

Начиная с 1655 года Хмельницкий вел весьма независимую политику, ее цель состояла в полном уничтожении Речи Посполитой. Именно в этом гетман видел залог безопасности для гетманства. Основные усилия украинской дипломатии этого периода были направлены на создание союза со Швецией и Трансильванией с целью продолжения войны с Речью Посполитой для ее окончательного уничтожения.

Казак в степи. Рисунок С. Васильковского

Швеция летом 1655 года вторглась в пределы Речи Посполитой (знаменитый «потоп») и тем самым коренным образом изменила европейский расклад сил. Польскому королю Яну Казимиру пришлось бежать в Силезию. Литва заключила с Карлом X Кейданский договор, по которому признала власть шведского короля. Но тем самым были поставлены под угрозу все военные успехи русско-украинских сил в Белоруссии.

Во всех действиях украинской дипломатии Выговский принимал самое активное участие. Он переписывался со шведским королем, постоянно поддерживал связь с их

сторонником польским канцлером и. Радзиевским и с трансильванским князем Ракочи. При чем вел себя также, как и с русскими. Он заверял иностранных монархов в своей преданности (например, к Ракочи он писал, что «готов обязательно исполнить то, что будет воле вашего светлейшего высочества»[41]). Во время переговоров с венграми в августе 1655 года писарь давал конфиденциальные указания послу Ракочи, как наилучшим образом вести себя с гетманом: «Выговский сказал мне в секрете, чтобы я засвидетельствовал гетману свою добрую волю, послав немного провианту» русским. При этом он нелестно отзывался о воеводах, называя их «жидами», из чего венгр заключил, что казаки «не слишком хорошо» настроены к русским[42].

Словом, отношения Выговского со всеми иностранными послами и государями строились таким образом, чтобы убедить их в исключительно конфиденциальном характере этих отношений и в особой расположенности Выговского именно к данной партии. Например, шведский король Карл Густав в январе 1655 года благодарил Выговского за помощь в установлении дружественных отношений между Швецией и Войском Запорожским[43]. Другой вопрос, доверял ли в действительности кто-нибудь из дипломатов льстивым речам всемогущего писаря и что на самом деле стояло за сладкими обещаниями Выговского.

В январе 1656 года произошло событие, еще больше укрепившее положение Выговского. Его младший брат Данило женился на любимой дочери Богдана Хмельницкого Катерине. Родственные связи имели огромное значение в Украинском гетманстве, и такой брак доказывал наивысшее доверие гетмана к семье Выговского. Венчал молодых сам Киевский митрополит Сильвестр Косов[44]. Эта свадьба была тем более значима, что в начале 1656 года случается первый приступ болезни гетмана (инсульт). Соответственно вопрос о наследнике уже витал в воздухе.

А осенью 1656 года разыгрались трагические события вокруг подписания русско-польского Виленского перемирия. Хмельницкий считал его ошибкой, предательством и пребывал в полном неистовстве. Выговский во многом разделял мнение своего патрона.

В ноябре 1656 года посланец воеводы Андрея Бутурлина не был допущен к гетману, а когда он «лист подал писарю Ивану Выговскому; и писарь лист рванул из рук сердитым обычаем». Сам Бутурлин, докладывая в Москву об украинской реакции на Виленский договор, писал: «…гетман и писарь… в большом сумненье, и опасаясь де тово (договора. – *Т. Т.*), посылал

посланцов своих к венгерскому Ракоце и к волоскому и к мултянскому владетелям и к крымскому хану, чтоб они все были с ним в соединенье»[45].

В этих тревожных условиях осенью 1656 года Выговский лично проводил переговоры с послами Ракочи в Чигирине. Хмельницкий, видимо, плохо себя чувствуя, передал все на откуп своему писарю, приказав послам Ракочи «говорить о всех вопросах… с паном Выговским». Писарь занял весьма жесткую позицию. Он явился вместе с полковниками к венгерским послам и они «не сажаясь, категорично заявили: „Скажите, хотите вы нашей дружбы или нет? Гетман не хочет больше тянуть с этим вопросом… он не может дольше задерживать полковников“». Послы просили дать им время посоветоваться с Ракочи, но Выговский «на это ответил, что ни гетман, ни полковники далее ждать не будут, если вы не хотите, можете взять свои письма и возвращаться как сюда приехали»[46]. Переговоры завершились подписанием договора Украины с Трансильванией.

Болезнь гетмана не только усилила позицию писаря, но впервые поставила вопрос о преемнике. В этих условиях Выговский начинает мечтать о гетманской булаве. И хотя иностранные послы постоянно докладывали своим государям, что «канцлер не стремится к власти»[47], некоторые события выдавали сокровенные мысли писаря. Так, осенью 1656 года Выговский пригласил Хмельницкого на открытие основанного им монастыря. Когда после пиршества Богдан пошел спать, один из гостей поднял тост за Выговского, чтобы тот стал гетманом. Хмельницкий проснулся, услышал эти слова и, как описывал очевидец, «велел седлать коней, приехал с 30 казаками, напал на Выговского и уже наполовину обнажил саблю, приговаривая: хочешь быть гетманом! Кровь все же не пролилась, оба поехали в Чигирин, гетман слез с коня у дома Выговского, и там они начали ругаться. Выговский незаметно распорядился, чтобы пришли его солдаты. Он плакал перед гетманом, а сам поглядывал через дверь, нет ли там кого, а уж тогда набрался духа, как увидел своих людей. Тогда гетман сел на коня и поехал домой»[48].

Это был первая, но не последняя ссора Ивана с Хмельницким из-за своих тайных мечтаний. Почему ему так хотелось булавы? Вероятно, одна из причин заключалась в непрестижности титула писаря. Несмотря на то что этот пост принес реальную власть, влияние и деньги, польские и ополяченные украинские шляхтичи смотрели на писаря с презреньем. Самый яркий пример тому – обстоятельства второй женитьбы Выговского.

Он овдовел еще в 1651 году и долго не решался на повторный брак. Но затем влюбился как мальчишка в Елену Стеткевич, дочку

минского воеводы Богдана Стеткевича и княгини Елены Соломирецкой. Род был очень именитый, сенаторский, рядом с которым простые шляхтичи Выговские, к тому же примкнувшие к казакам, казались чуть ли не плебеями. Надменный Стеткевич, считая брак дочери с писарем мезальянсом, отказал Ивану. Но Елена, видимо, имела другое мнение относительно перспектив брака с честолюбивым писарем (прямо как Мотря Кочубей). Наверняка не без ее согласия Выговский решился на дерзкий поступок: несколько тысяч его слуг выкрали девушку и с почестями привезли в Киев. Там писарь сделал официальное предложение руки и сердца, осыпал Елену богатыми подарками и обещал в случае отказа вернуть ее к родителям. Красавица дала согласие, которое получило благословение самого Киевского митрополита Сильвестра Косова. Брак был заключен[49]. Можно не сомневаться, эти события стали дополнительным стимулом для Выговского, чтобы добиваться гетманской булавы.

После провала военного похода казаков на помощь Ракочи весной 1657 года Хмельницкий и Выговский предприняли попытку договориться с поляками. Писарь (как и гетман) написал письма польскому канцлеру Стефану Корыцинскому и польскому послу Станиславу Беневскому, своему старинному знакомому еще по работе в Луцке. Иван не преминул в своей обычной манере выказать себя усердным сторонником польской партии. Он писал в апреле 1657 года польскому королю: «Изустное донесение его милости, пана Беневского… покажет… как много старался я об устранении и совершенном прекращении домашних смут, напрягая все свои силы, чтобы перемена в статьях… могла быть согласна с благом обеих сторон»[50].

Поляки не обольщались относительно лояльности писаря. Они слишком хорошо помнили события под Люблиным. Криштоф Перетяткович, ездивший на Украину вместе с Беневским, описал в своих записках, как ему пришлось тайно уговаривать Павла Тетерю, чтобы тот «склонял сначала писаря Выговского, есаулов, полковников, а потом и самого гетмана, к тому, чтобы его милость пан Беневский, приехав, мог безопасно от имени Речи Посполитой вести переговоры о мире»[51].

Надо отдать должное Выговскому, несмотря на все его честолюбивые мечты, он никогда не пользовался своим положением, чтобы очернить Богдана в глазах русских или иностранных послов, хотя ему часто предоставлялась такая возможность. Находясь в очень близких отношениях с Хмельницким и играя ведущую роль при его дворе, Выговский мечтал о булаве – однако, не вместо, но после своего патрона.

Во время посольства Ф. Бутурлина летом 1657 года резко

проявились русско-украинские разногласия. Москва была недовольна походом казаков на помощь Ракочи, а уже смертельно больной Хмельницкий говорил раздраженно и резко. Выговский при этом прикладывал все усилия, чтобы смягчить конфликт, и всячески старался оправдать и выгородить своего патрона. После официального приема русских послов Иван пришел к Бутурлину и уговаривал его не предавать большого значения гневу гетмана. «И писарь Иван Выговской говорил, взирая на образ Спасов, перекрестя лице свое и великие клятвы поднося, говорил окольничему и дьяку: гетман его царского величества Войска Запорожского Богдан Хмельницкий и он, писарь, и все Войско Запорожское великому государю нашему, его царскому величеству, во всем истинны слуги и подданные без всякие шатости…»[52].

Через несколько дней, после очередной ссоры гетмана с русскими, Выговский снова приходит к Бутурлину и уговаривает не гневаться на неудачные переговоры с гетманом: «…дескать, и вы бы на это не сердились, потому что гетман сильно болен. А что он в тяжкой своей болезни запальчиво говорил, то это ему следовало бы простить. В несчастье своем ныне на всех сердится, нрав у него такой, и нас всех бранит, почти и подойти к нему нельзя»[53].

Оправдывая Хмельницкого, Выговский продолжал и свои неформальные отношения с русскими. Так, Бутурлин попросил его показать дипломатические письма к Хмельницкому. И писарь ответил на это: что даже если он от гетмана в чем-нибудь пострадает, но все равно готов великому государю служить. И в тот же день «принес к окольничему девять подлинных писем, да копию посланий к гетману Богдану Хмельницкому римского цесаря, шведского короля, венгерского князя Ракочи, молдавского и валашского господарей, крымского хана и Сефер Газы-аги»[54].

Информация Выговского была для русских бесценна. Когда Бутурлин пытался получить от подписков (помощников) Выговского детали шведско-украинских переговоров, они объяснили, что все эти переговоры вел лично писарь тет-а-тет, на латыни.

Но было бы неверно преувеличивать лояльность Выговского к Москве. Бутурлин был очень раздражен из-за заключенного Хмельницким без уведомления Москвы договора со Швецией и Трансильванией. Писарь на это заметил: «…как царь в своей земле царь, так гетман в своей земле князь или король, он свою страну саблей добыл и из ярма освободил… Если хотите – сохраняйте дружбу и живите с нами по-доброму, если нет – будем бороться и нашлем на вас татар, шведов и венгров»[55]. Правда, об

этой словесной перебранке мы знаем только от венгерского посла, а в официальных отчетах русских послов она отсутствует…

События 1656–1657 годов давали отличную возможность Выговскому доказать свою преданность Москве и попытаться сместить Хмельницкого. Это был тот реальный путь получения булавы, путь, который впоследствии с успехом использовали Пушкарь, Брюховецкий и многие другие украинские политические деятели. Но Выговский никогда не доносил в Москву о планах военного похода против Польши или о негативной реакции Чигиринского двора на Виленский договор. Наоборот, всегда активно поддерживал действия гетмана.

Честолюбивый, порывистый Выговский никогда в своей жизни не опускался до того, чтобы, делая карьеру, пресмыкаться перед сильными мира сего. Наоборот, часто вел себя гордо и вызывающе, чем вызывал злобу у многих русских воевод, а позднее – ненависть поляков. Вплоть до смерти Богдана Хмельницкого он предпочитал оставаться верным лично гетману и его политике в целом (включая независимую дипломатию), нежели с помощью Москвы (или какой-нибудь другой «третьей» партии) добиваться булавы.

С точки зрения царского правительства Хмельницкий и Выговский, оказались далеко не самыми удобными лидерами Украины. Вместо того чтобы слепо следовать воле царя и помогать в решении внешнеполитических задач, довольствуясь внутренней автономией, они вели собственные независимые дипломатические игры, которые подчас нарушали планы Москвы и соответственно нервировали ее.

Не удивительно, что постепенно русские послы перестали делать различие между своевольным гетманом и его писарем, о влиянии и роли которого они были прекрасно осведомлены. Москва была неприятно шокирована независимой и своевольной политикой Украинского гетманства.

В первый раз недовольство Москвы Выговским проявилось, когда он обратился с просьбой к царю передать ему белорусские имения его жены Елены Стеткевич. Дело в том, что его сварливый тесть умер, и жена Ивана Елена становилась единственной наследницей богатых поместий. Еще в июне 1657 года в разговоре с воеводой Ф. Бутурлиным Остафий Выговский (отец Ивана) осторожно намекал, что его сын женился на дочери Богдана Статкевича, «у которых маетности в Оршанском повете», и они-де «хотят бити челом… чтоб его царское величество пожаловал, велел маетности их дати им так же, как его царское величество милость и жалованье и к иным шляхтичем». Он имел в виду поляков, которым разрешили вернуться в их бывшие белорусские

владения. Двумя неделями позже уже сам Иван Выговский повторил свою просьбу, подчеркнув при этом, что сам всегда преданно служил царю, а польские шляхтичи получили от царя имения в Белоруссии «вовсе ему не служа»[56].

Трудно сказать, почему в царском окружении решили отказать влиятельному писарю в его вполне законной просьбе. Возможно, из-за попыток гетманской администрации распространить свою власть на Белоруссию (чему Алексей Михайлович категорически противился). А может быть, сказалась досада на слишком независимое от Москвы поведение Выговского.

К лету 1657 года здоровье Хмельницкого резко ухудшилось, и уже отчетливо встал вопрос о преемнике. Всегда адекватно мысливший гетман, поддавшись родительским чувствам, пожелал, чтобы булава досталась его младшему сыну Юрию Хмельницкому. Кандидатура была совершенно неподходящей. Болезненный, слабый и юный (ему было всего 16 лет) Юрий был скорее склонен к монашеству, чем к правлению. Понимал это и Выговский, понимали это и другие старшины. Тем не менее, на раде в середине мая преемником избрали Юрия.

До нас дошел эпизод, относящийся к лету 1657 года. Хмельницкий узнал, что часть казацкой старшины желала отдать булаву не его сыну, а Выговскому. Тогда Богдан «писаря перед собою велел росковать по рукам лицом к земле, и держать его не мало не целой день, покаместа у него гетмана Богдана Хмельницкого сердце ушло. А он де Иван, лежа на земле, все плакал, и гетман де его простил»[57]. Возможно, этим гетман хотел напомнить писарю, как тот был прикован к татарской пушке в 1648 году и кому он был обязан своим спасением и высоким положением.

Но даже тяжкое, унизительное наказание и страх, который испытывали перед Богданом все в его окружении, не истребили желания Выговского стать гетманом. Он четко понимал реальную возможность, открывавшуюся перед ним в связи с болезнью гетмана, а его честолюбие (возможно – и жена) еще больше подталкивало его к булаве. Справедливости ради надо признать, что в 1657 году Выговский объективно был практически единственной кандидатурой, способной стать достойным преемником Хмельницкого, поддерживать высокий уровень дипломатических отношений и сохранять силу и единство Украинского гетманства. По крайней мере, будущее показало, что Юрий Хмельницкий таковой фигурой не стал.

В июле 1657 года Богдан умер, и Выговским овладело лихорадочное желание прорваться к верховной власти. Не

скрывая амбиций и намекая на серьезную поддержку, писарь говорил венгерскому послу, что если после похорон его выберут правителем, он примет это, только если вся старшина ему присягнет. Московский царь также писал ему, что отдаст Украину Выговскому в руки – чтоб он ею распоряжался[58].

Пятого сентября 1657 года (н. ст.), сразу после похорон Богдана Хмельницкого, Выговского избрали на Чигиринской раде гетманом – правда, «до тех мест, покамест взмужает сын гетманской Юрья Хмельницкой». Выговский кокетливо уверял русских, что он «от того уряду отговаривался», «де того и не хотел, да не мог де ослушатца войска»[59]. А 6 сентября (н. ст.) он уже подписывает универсал как «гетман Войска его царского величества Запорозким»[60].

В литературе широко распространено глубокое заблуждение, что Выговский принял от Богдана Хмельницкого цветущее и успешное гетманство, которое затем своим правлением довел до Руины. На самом деле булава досталась Ивану в крайне тяжелый для Украинского гетманства момент. Смерть Богдана практически совпала с крахом его внешней политики. Заключение невыгодного Украине русско-польского Виленского перемирия, участие в войне на тороне Трансильвании и резкое ухудшение отношений с Москвой, военное поражение союзников Хмельницкого шведов и венгров – все это привело гетманскую дипломатию к сложно преодолимому тупику. К тому же мирная передышка (прекращение военных действий на собственно украинских землях) обострила проблемы с оставшимися не у дел «показаченными», т. е. примкнувшими к казакам в ходе восстания Хмельницкого крестьянами.

На протяжении ряда лет они время от времени создавали проблемы гетманской администрации. Авторитет и популярность Богдана Хмельницкого сглаживали конфликты. Но еще при его жизни летом 1657 года произошел первый открытый бунт «показаченных», которые отказались слушаться своей старшины.

Яркая, но противоречивая личность нового гетмана могла только усилить смуту на Украине. Его ненавидели старые «боевые» полковники Пушкарь и Джеджалий, считавшие себя обойденными в притязаниях на булаву. Его не признавало Запорожье, оскорбленное за неучастие в выборах. Массы «показачившихся» считали его чуть ли не «ляхом» и постоянно припоминали, что Богдан в свое время выкупил его за лошадь у татар. Негативно отзывался о нем и лидер прорусской партии Нежинский протопоп Максим Филимонович[61]: «…только себе и своему роду чинит добро»[62]. Украинская дума оставила также крайне негативный отзыв о Выговском: «…серьдце мов камень, а

розум бисовський». Знаменитый запорожский атаман Иван Сирко называл его собакой. Длительные доверительные отношения Выговского с Хмельницким и его влияние на гетмана должны были вызывать ревность коллег и ненависть врагов. В результате его ненавидели все: поляки и их сторонники, равно как русские и их Левобережная партия.

В свою очередь, Выговский не любил и боялся масс «показачившихся». В этом была трагедия и парадокс Выговского. С одной стороны, в условиях, когда Украина все еще вела войну за национальное возрождение, не мог стать признанным всеми лидером корыстолюбивый писарь, не «природный казак», а купленный у татар за лощадь «лях», вдобавок женатый на дочери польского магната. Но с другой стороны, Выговский был по образованию юристом, с 1648 года служил генеральным писарем и будучи ближайшим к Хмельницкому доверенным лицом, являлся единственным человеком на Украине, посвященным во все внутренние и внешние политические проблемы Украинского гетманства. Безусловно, Выговский со своими знаниями был незаменим на должности гетмана.

Таким образом, уже само избрание Выговского гетманом вызывало много споров и не могло способствовать единению Украины. Очень ярко охарактеризовал ситуацию казак Киевского полка Иван Прокофьев. На вопрос, кого изберут гетманом, он ответил: «…называется писарь Иван Выговский и полковников добрит за то, чтоб его учинили гетманом; только де войском его не хотят… А про гетманскова сына говорят, что не сдержать гетманства»[63].

Стремясь к сильной власти, Выговский сам, отстранив Юрия, создал прецедент, нарушив установившийся закон и волю гетмана – пусть и умершего. Он приоткрыл сосуд, и оттуда уже через два месяца вырвался джинн своеволия и анархии. Джинн, который погрузил Украинское гетманство в пучину Руины, бушевавшей долгие десятилетия.

Разногласиями в украинском обществе сразу же воспользовались внешние силы. Поляки начали активно распускать слухи о якобы планировавшихся русскими нововведениях: назначении русских воевод во все украинские города, сборе налогов в царскую казну (никакие налоги «на царя» так с 1654 года и не взимались), переформировании казацких полков в драгунские и пр. Говорили, что всех заставят ходить в лаптях, а Московский патриарх будет жить в Киеве. Хотя в Посольском приказе посланцев Выговского уверяли, что «у его царского величества, и в мысли не бывало» ничего подобного, но казаки русским не верили.

К проблемам в стране добавились и личные невзгоды. В октябре Выговский похоронил в Киеве свою сестру, жену П. Тетери[64].

На фоне всех слухов, а их активно обсуждали все слои населения, в октябре в Корсуни состоялась новая всеобщая рада. Выговский отказался от булавы, объясняя это присылкой от великого государя «пунктов», в которых «написано, что прежние их вольности отнять; и он де гетман в неволе быть не хочет»[65]. Однако рада булаву ему вернула, и решили за вольности «стоять все вместе заодно, чтоб ничего у них не отнять». На этот раз старшина и казаки избрали Выговского «совершенным гетманом» (а не «временным»), отметив, что в такой трудной ситуации главой не может быть слабый «хлопец», т. е. Юрий Хмельницкий. Было решено требовать от царя исполнения прежних соглашений, заключенных в 1654 году.

Так началось гетманство Ивана Выговского, которого часто обвиняют в пропольской политике и развале Украинского гетманства. Между тем Выговский не делал ничего принципиально нового – он лишь следовал основным направлениям политики Хмельницкого. Почему? Во-первых, потому что он был хорошим и талантливым учеником. Во-вторых, потому что он сам был одним из творцов и проводников этой политики. Хитрая и изворотливая дипломатия Выговского-гетмана, его стремление для достижения своих целей опираться на различные иностранные державы – было прямым продолжением политики Хмельницкого. Команда Выговского, на которую он опирался во время своего гетманства, была практически та же самая, что и у Богдана Хмельницкого – Богун, Тетеря, Нечай, Гуляницкий и др.

Каковы были основные цели внешней политики Хмельницого в последние годы его гетманства? Союзнические отношения с Трансильванией, достижение соглашения со Швецией. Хмельницкий крайне негативно относился к Речи Посполитой, и в последние годы жизни имел весьма формальные отношения с Московским государством, сохраняя их лишь на крайний случай. В конце жизни из-за неудач на дипломатическом фронте Богдан был вынужден начать переговоры с польскими послами о перемирии.

Теперь посмотрим на первые шаги нового гетмана. Сразу после смерти Хмельницкого и даже еще до своего формального избрания Выговский имел встречу с венгерским послом Шебеши. Он заявил ему: «Мы сохраним договор с венграми, так как у нас союз не с одним князем, но с государством»[66]. Семнадцатого августа, сразу после избрания регентом при Ю. Хмельницком,

Выговский подписывает «Декларацию Войска Запорожского». Она подтверждала украино-трансильванский союз и обязанность казаков защищать венгров от «татар, турок и других врагов». Кроме того, Выговский выслал послов в Крым. Он продолжил переговоры с польским посланцем Беневским (они начались еще при жизни Хмельницкого) и подписал перемирие с поляками вплоть до Пасхи. Но как отмечали сами поляки, после смерти Хмельницкого Беневского «очень плохо принимали… был как в плену, каждый час ожидая смерть от безбожных тиранов»[67].

Наконец, в октябре 1657 года, сразу после Корсунской рады, окончательно утвердившей булаву за Выговским, он подписал Корсунский договор со Швецией. Это соглашение говорило о «взаимной любви, дружбе, помощи и военном союзе против общих врагов и тех, кто помогает врагам другой стороны за исключением великого князя московского («Magno Duce Moschouiae»), с ним Войско Запорожское связано тесным союзом и будет сохранять верность ему нерушимо». Но, несмотря на этот последний пункт, касавшийся царя, Московское государство не могло примириться с тем, что вассал самовольно становился союзником Швеции, страной, с которой русские вели войну. Этот договор с Карлом X был главной целью внешней политики Хмельницкого на протяжении 1655–1657 годов. И факт его заключения осенью 1657 года дает нам еще одно подтверждение того, что Выговский был достойным преемником своего учителя и друга.

Продолжая политику Хмельницкого, Выговский вел себя практически как глава независимого государства. Он завершил усилия Богдана, направленные на заключение договора с Трансильванией и Швецией, но, как и у Хмельницкого, это еще не означало желания разорвать союз с Москвой. Находившийся в начале осени 1657 года в Чигирине венгерский посол Шебеши считал, что Выговский «хочет оставаться царским подданным… хочет завоевать Польшу для царя». Новый гетман даже пытался примирить Россию со Швецией. Полковнику Артамону Матвееву он предлагал написать шведскому королю, чтобы тот «поискал мира правдою и помирился по его царского величества воле»[68]. С русскими он продолжал общение в своей обычной манере и, в частности, передал в сентябре Кикину копии писем молдавского господаря, польского короля и Беневского.

Но как оказалось, Выговский сам навлекал на себя несчастья. Его стремление к булаве стало гибельным для него, а попытки продолжать своевольную политику Хмельницкого, выступать в роли главы независимого государства еще более усложнили его положение. Если во время гетманства Хмельницкого Выговский

был созидателем, который внес большой вклад в украинскую политику и государственное строительство, то во время собственного гетманства ему приходилось лишь плыть по течению, подчиняясь обстоятельствам.

Изменился не Выговский, а окружавший его мир. Швеция, столь успешно вторгнувшаяся в Речь Посполитую в 1655 году, к осени 1657 года потерпела поражение и теперь была уже не в состоянии не только помогать украинскому гетману, но и вообще играть сколько-нибудь серьезную роль в Восточной Европе. Шведского короля заботил поиск путей приемлемого мира с Московским государством и Речью Посполитой, а не союз с Войском Запорожским.

Трансильванский князь Ракочи, другой потенциальный военный союзник Украины в войне против Речи Посполитой, был разбит татарами с поляками и свержен. Его преемник, назначенный Портой, предпочитал вести гораздо более осторожную политику. Москве теперь нужен был не военный союзник в лице Украины, но послушный гетман, помогающий в достижении ее военных задач, смирившийся с московской политикой относительно Белоруссии и позволяющий русским воеводам контролировать внутреннюю украинскую ситуацию. А вот для Речи Посполитой жизненно необходимым становился союз с Украиной. Это было для польских магнатов единственной возможностью сорвать план Москвы относительно назначения царя наследником польского престола.

Попытки Выговского противостоять неблагоприятной внешней обстановке были сведены на нет резким ухудшением внутренней ситуации. Оппозиция, выступающая против гетмана и казацкой старшины, против административной системы гетманства, против сильной власти и жесткого порядка, всегда существовала в Украине. Эти анархические тенденции, своеволие и бунтарство возглавлялись запорожцами, не признававшими ничьей власти. Сторонники этих анархических тенденций преобладали среди так называемых «новых казаков», т. е. тех, кто стал казаками во времена восстания Хмельницкого, приняв в нем участие. В большинстве своем это были бывшие вольные и крепостные крестьяне, поддерживавшие гетмана, пока война приносила им хорошую добычу, и готовые растерзать своих лидеров после первых же неудач. Хмельницкому (как в свое время Сагайдачному) приходилось бороться с этой напастью на протяжении почти всего своего гетманства, особенно в мирные периоды, когда остро вставал вопрос о содержании «показаченных». Жесткая политика Богдана, с одной стороны, и его огромный личный авторитет – с другой, не позволили этим

бунтам перерасти в серьезную угрозу гетманской власти[69].

Теперь все изменилось. Недовольство «черни» (или, как ее еще называли в Запорожье, сиромахи[70]) становится благодатной почвой для политических авантюристов, которые играют на популистских лозунгах с целью достижения гетманской власти. Уже в октябре 1657 года в Запорожье начался бунт, возглавил его кошевой атаман Яков Барабаш. Выговский организовал экономическую блокаду Запорожья, и вскоре Барабаша свергли. Но в декабре того же года Полтавский полковник Мартин Пушкарь начал восстание на территории своего полка[71].

Восставшие обвиняли Выговского в «измене» за его сношения с Речью Посполитой и Крымом, за то, что он не был «природным казаком», но «литвином»[72], к тому же женатым на польской шляхтянке. Они посылали письма и депутации в Москву, доказывая свою верность царю и прося о свержении Выговского. Правда, они не могли привести никаких веских доказательств его вины, но Москва, как оказалось, с большой симпатией отнеслась к гетманской оппозиции. Царское правительство, всегда жестоко подавлявшее любые бунты на своей территории, неожиданно сочувственно отнеслось к Пушкарю и Барабашу. В Москве принимали их послов, выслушивали их жалобы и уговаривали обе стороны жить в мире.

Москва ждала и наблюдала. Сильная оппозиция мешала гетману вести независимую политику и должна была заставить его стать гораздо более уступчивым. Вероятно, к тому времени в Москве еще окончательно не определились, кого они в итоге предпочли бы видеть в качестве гетмана – Выговского или Пушкаря. С одной стороны, там, безусловно, хотели иметь гетманом человека, в чьей верности они были абсолютно уверены, но с другой – испытывали естественные опасение и недоверие к бунтарям.

Эта выжидательная политика провоцировала разрастание бунта. Восставшие были убеждены в поддержке Москвы, а позиция гетмана становилась день ото дня все более шаткой. В конечном счете ситуация вышла из-под контроля всех участников конфликта. В начале февраля 1658 года происходит первое открытое столкновение восставших с войсками Выговского, и территория Полтавского и Миргородского полков превращается в арену для братоубийственной войны. Гетманская власть держится на волоске, а Москва, успокоенная клятвенными заверениями восставших в своей верности, по-прежнему колеблется, чью сторону занять[73].

Ситуацию могли изменить встреча и весьма откровенный разговор Выговского с Путивльским воеводой Н. Зюзиным,

которые состоялись в январе 1658 года. Выговский жаловался на М. Стрынжу, обвинявшего его в измене. По его словам, эти наветы делаются «чтоб меня и иных полковников убить и выбрати им гетмана и полковников по своим нравам». Гетман клялся, что он «ничему желатель ни чести, ни богатству, толко желатель государевой милости». Опасаясь, что, приехав в Москву для «всякого исправления», он будет сослан в Сибирь, Выговский высказывал предложение, чтобы царь лично вместе с патриархом Никоном прибыл в Украину и таким образом положил бы конец всем смутам. Зюзин же уверял Выговского в царской милости и советовал гетману поехать в Москву, «видеть государевы очи» и получить благословение патриарха[74]. Гетман, похоже, поверил Зюзину и сказал: «Еду я ко государю отложа все, уверяясь на твою дружбу во всем, и будет мне что случися какое дурно и в том ты дашь ответ на страшном суде Христове»[75].

Воодушевление и эмоциональный подъем, вызванные данным разговором, вскоре сменились у Выговского разочарованием. Зюзин попал в опалу и уже не мог служить посредником между гетманом и царем. Выговский даже написал Алексею Михайловичу письмо, прося простить «оклеветанного» Зюзина[76]. Но это могло только еще больше ухудшить и без того непростую ситуацию. Писал он и к Никону. Лишь в мае поступил холодный ответ, объясняющий, почему «великий государь положил свою царскую опалу» на Зюзина. Воевода стал жертвой начавшегося падения Никона (как и близкий и доверенный ему человек), и никакого отношения это к Выговскому не имело. Но на деле все получилось по-другому. Выговский испугался, в Москву не поехал и все меньше доверял русским.

В конце марта 1658 года запорожцы снова избирают Якова Барабаша кошевым. В то же время к Пушкарю присоединяется Миргородский полк, в котором новым полковником избирают Довгаля.

Весной 1658 года, в наиболее опасный для власти Выговского период, царское правительство предприняло попытку получить контроль над административным управлением гетманства, и отправило в города Белую Церковь, Корсунь, Нежин, Полтаву, Чернигов и Миргород своих воевод. Это было нарушением Переяславского договора 1654 года, согласно которому воевода должен был находиться только в Киеве. Выговский и его сторонники (особенно и. Богун) встретили воевод крайне неприязненно. Выговский раздраженно сетовал Скуратову на приезд воевод. Он-де просил ратных людей «и на Москве… тому ево писму бутто смеютца»[77].

Политика гетмана и его единомышленников, сторонников

«государственной» группировки[78], коренным образом отличалась от политики Пушкаря и его последователей. Посланцы Пушкаря в Москву еще в декабре 1657 года заявляли: «...тому ради всею чернью и мещаня, чтоб царського величества воеводы у них в городех были, да не допускают де того полковники для своих корыстей»[79]. Впоследствии за передачу административного управления в руки воевод будет выступать гетман и. Брюховецкий, лидер «анархического» крыла. Закончится, правда, это очень плохо.

Теперь уже в какие-то моменты Выговский даже жалел о своем избрании гетманом. Так, в личном письме к Богуну в марте 1658 года, в разгар восстания Пушкаря, у него вырывается: «На кручину то старшинство мне осталось... Ах, Боже наш! Тем бесчинником веровать, а нам, вижу, и слова не дадут доброго за наши услуги верные! Да судит Творец всем!»[80].

В этих условиях гетман вынужден предпринимать некие шаги, чтобы обеспечить собственную безопасность и безопасность своих сторонников. Казацкие войска не были особенно надежными в условиях гражданской войны, и Выговский начинает переговоры с Крымом. В апреле за хорошее вознаграждение он получает в помощь сорок тысяч татарских войск. Швеция и Трансильвания физически не могли поддержать Украину, да и не были заинтересованы в этом. Россия предпочла роль стороннего наблюдателя событий. Потому-то Выговский и обратился к старому союзнику Хмельницкого. И такой шаг представляется логичным продолжением политики казацких гетманов, хотя появление татарских войск резко ухудшили и без того непростые отношения гетмана с Москвой.

Соединившись с татарами, в начале июня 1658 года Выговский подступил к Полтаве и запер там Пушкаря. Осада проходила довольно вяло, а тут еще на сторону восставших перешел старый соратник Хмельницкого полковник Филон Джеджалий. Еще в 1648 году он привел к Богдану реестровых казаков и, возможно, считал себя обойденным в притязаниях на булаву. Джеджалий условился с Пушкарем «живьем выдать Выговского»: ночью восставшие ударят по Выговскому, и в это время Джеджалий перейдет на их сторону. Так и произошло. В ночь на воскресенье Пушкарь сделал вылазку с большим отрядом, достигавшим тридцати тысяч, и стал красться по лесу, где располагалось войско Выговского. Джеджалий со своими казаками «дал улицу», т. е. освободил проход пушкаревцам, и они вместе направились к шатру Выговского.

Но, как оказалось, гетман был наготове. Он спал одетым и, услышав шум, бросился бежать, схватил коня и ускакал к татарам

Карачбея, стоявшим в миле от них. Не застав Выговского в шатре, Пушкарь обвинил Джеджалия в измене и тут же своей рукой прямо в шатре Выговского убил его. Началось замешательство, темная ночь не позволяла разобрать, в кого стрелять. Носач и Богун, организовавшие оборону, проявили необыкновенную стойкость. На рассвете подоспели татары вместе с Выговским. Когда казаки увидели гетманский бунчук, они перешли в наступление и ударили по пушкаревцам. Те, оказавшись между двух огней, были разгромлены. В бою сам Пушкарь погиб, а его голову принесли Выговскому[81].

После разгрома под Полтавой казаки и мещане попросили пощады, и желавший примирения Выговский даровал им жизнь. Но после его отъезда казаки и татары Полтаву «разграбили и выжгли, и людей многих татаровя поймали в полон...». Русский стольник В.П. Кикин сообщил об этом Выговскому: «и гетман... ездил в город Полтаву, сам козаков и татар выбивал, и посылал к Карашбею мурзе отобрать у татар полон, который в Полтаве татарова взяли»[82]. Впоследствии гетман простил и главного соратника Пушкаря С. Довгаля. А наказным полковником покоренного полтавского полка он назначил самого популярного в народе полковника Ивана Богуна.

Дальнейшие отношения Выговского с русскими развивались по законам комедии ошибок. Только эти ошибки обернулись трагедией для обеих сторон.

В середине июля второй зачинщик восстания, запорожец Яков Барабаш, приехал к воеводе Г.Г. Ромодановскому[83]. И сразу же распространяется слух, что Ромодановский Барабашу «булаву и бунчук дал и людем его твое государево жалованье». Барабаш принялся рассылать универсалы к казакам, «велит им к себе сбиратца»[84]. Слухи распространялись как снежный ком. Уже через неделю Киевский воевода В.Б. Шереметев сообщал царю, якобы во всех городах «по ту сторону Днепра страх и боязнь великая и из всех городов бегут з женами и з детьми боясь Барабаша… а сказывают что Барабаш збираетца с людми да... от тебя великого государя многие ратные люди» присланы для разоренья Украины[85].

Разумеется, Выговский очень болезненно реагировал на появление таких «новостей». С крайним неудовольствием он говорил посланцу Шереметева Я. Крекшину, что Барабаш «пишет от себя универсалы свои во все городы и называет себя гетманом, а сказывает что бутто ему дана булава и бунчук». Гетман огорчался этими слухами, говорил «з болшим серцем и ножем себя хотел резать»[86]. Как назло, в это же время на Украину был прислан подьячный Я. Портомоин, обычный русский разведчик, в

наказе ему приказывалось не отвечать казакам ни на какие вопросы, все записывать, а сам наказ выучить наизусть и с собой не брать[87]. Выговскому стало известно о цели приезда Портомоина. Того «привели на тюремный двор и поковали… в койданы»[88].

Раздражение Выговского объяснялось тем, что русские воеводы по-прежнему не выдавали Якова Барабаша, который, пользуясь этим, разыгрывал из себя «гетмана». Между тем еще в мае Г.Г. Ромодановскому был дан наказ, в нем предписывалось выдать бунтовщиков[89]. Но Г.Г. Ромодановский и Киевский воевода В.Б. Шереметев выдавать Барабаша не спешили, чем, безусловно, еще больше подталкивали Выговского к конфликту. Именно Портомоину в 1658 году Выговский в гневе заявил, что если русские будут защищать бунтовщиков (последователей Пушкаря), «он де, гетман, молчать не будет; а к Киеву де пошлет он брата своего Данила с войском же и с татары, чтоб из Киева боярина и воевод выслать вон, а будет не вышлют, и ево в Киеве осадить»[90].

Через неделю под Киевом действительно появились полковники Белоцерковский и. Кравченко, Брацлавский и. Сербин, Подольский О. Гоголь и Паволоцкий и. Богун. Они заявили, что ждут Данилу Выговского и татар, а «под Киев де они пришли… для договору всяких дел»[91]. Но когда под Киев подошел Данило Выговский, он немедленно начал штурм города[92]. Русский гарнизон штурм отбил, но последствия военного конфликта были необратимыми.

Между тем все пленники в один голос твердили, что, посылая Данилу к Киеву, гетман не велел ему биться, а в бой Данило вступил по собственной инициативе[93]. По их утверждениям, гетман приказал брату идти под Киев и требовать, чтобы Шереметев ушел в Москву, а если откажется – осадить. Данила же начал битву без указа[94].

Скорее всего, Данила действительно штурмовал Киев самовольно. Возможно, ввиду нестабильного положения брата и будучи женатым на дочери Б. Хмельницкого, он сам начал задумываться о гетманской власти[95]. Тем временем этот эпизод стал еще одним обстоятельством, вынудившим и. Выговского заключить договор с Речью Посполитой.

Другой причиной были, безусловно, действия русских воевод, по-прежнему покровительствовавших мятежникам. В течение августа 1658 года Выговский трижды писал к Г.Г. Ромодановскому, чтобы тот отдал ему Барабаша[96]. Это сделано не было (несмотря на наличие у него, как уже упоминалось, царского указа), но в конце августа Барабаш под конвоем был

отправлен из Белгорода в Киев к В.Б. Шереметеву[97]. По дороге в селе Гоголеве на них напал отряд казаков, Барабаша отбили и привезли к Выговскому.

Кошевого атамана под пыткой спрашивали, кто приказал ему называться гетманом. Он ответил, что «ему о том повеленья великого государя… нет и грамот не присылано, гетманом назывался собою, хотел своего счастья отведать»[98]. Но на этом Барабаш не успокоился и заявил, что в Киев его послали не для выдачи гетману, а чтобы заманить в город Выговского, которого В.Б. Шереметев должен был схватить[99]. Издеваясь, Барабаш уверял Выговского, что у Ромодановского «ратных людей богато да… изготовлено сто тритцать (воевод), которым быти в городех Малые России»[100]. При всей нелепости этих утверждений Выговский не мог не злиться. Он не воспринимал здравый вопрос воеводы Кикина: разве можно верить «вору и изменнику», осужденному на смерть?[101]

Двойственная позиция русских воевод в ситуации с Пушкарем оттолкнула от них Выговского. На фоне полного взаимонепонимания и множества мелких конфликтов 16 сентября 1658 года под Гадячем был заключен договор с Речью Посполитой.

Соглашение являлось выдающимся образцом юридической мысли Украинского гетманства и совместным плодом усилий и. Выговского и Ю. Немирича (украинского магната и авантюриста). Оно включало в себя создание триединого государства Речи Посполитой в составе Польши, Великого княжества Литовского и новообразованного княжества Руського. В состав последнего должны были входить Брацлавское, Киевское и Черниговское воеводства. Предусматривался выпуск собственной монеты, создание сейма, уничтожение унии и предоставление широких привилегий православию, реестр казаков в шестьдесят тысяч человек, свободное избрание гетмана и даже сохранение союза с Москвой. Отдельные статьи оговаривали учреждение академий, школ, библиотек и типографий[102].

В своем манифесте европейским державам Выговский подчеркивал, что, принимая протекцию царя в 1654 году, он и Хмельницкий думали только о том, «чтобы сохранить и приумножить для себя и потомства нашего свободу нашу».

Несмотря на заключение Гадячского договора, было бы большим преувеличением полагать, что поляки считали Выговского «своим». На самом деле они, мягко говоря, недолюбливали нового гетмана. Литовский магнат Павел Сапега называл его «восковой нос» и зло добавлял: «Пусть гордится, как хочет, своим счастьем; настанет время, когда он вынужден будет

укротить свою непреодолимую злость, недоступную ни для каких убеждений»[103]. Беневский, старый знакомый Выговского и комиссар от Речи Посполитой на переговорах с Украиной, в своем отчете подчеркивал: «Я как не ручался за верность Выговского, так и теперь не ручаюсь, т. к. у него ложь, клятвопреступничество – постоянный принцип и письма его сами себе противоречат»[104].

В свою очередь, не доверяя полякам, Выговский, несмотря на подписание Гадячского договора, продолжал свои контакты с русскими, предлагая собрать всеобщую раду для решения всех спорных вопросов и даже обещая отказаться от булавы «для успокоения междоусобия». Но гетман зачастую сам вредил своему положению. Так, в январе он забрал имущество Богдана Хмельницкого, настроив против себя Юрия. В ответ тот увез из Чигирина пушки и начал собирать вокруг себя оппозиционно настроенных казаков.

Между тем началось наступление русских войск на Левобережье под лозунгом наказания «изменника» Выговского. Цветущий край был опустошен «огнем и мечом». Кровавые бои между русскими и украинцами продолжались до февраля 1659 года, когда боярину и наместнику А.Н. Трубецкому был дан тайный наказ начать переговоры с Выговским на условиях Гадячского договора. Наказ этот лично редактировал царь Алексей Михайлович, придавая ему особое значение. В документе говорилось, что если в статьях польского короля Выговскому обещано гетманство и воеводство Киевское, а полковникам и старшине пожалованы шляхетство и имения в Украине, то договор следует составить на тех же условиях[105].

Позиция Алексея Михайловича создавала весной 1659 года реальный шанс к примирению с Выговским. Дело в том, что к этому времени в Речи Посполитой уже наметилась яростная оппозиция Гадячскому договору в лице католического духовенства и польской шляхты, они не желали идти ни на какие уступки казакам. Выговский это знал, и если бы Трубецкой придерживался данного ему тайного наказа, союз мог быть возобновлен.

Однако русские воеводы предпочитали переговорам войну[106]. Они даже дали вождю радикальных элементов запорожскому кошевому атаману и. Беспалому титул гетмана Войска Запорожского, открыв трагическую череду «многогетманства» в украинской истории.

Между тем война шла с переменным успехом. В феврале Выговский взял Миргород, а в апреле его сторонники были осаждены в Конотопе. Семьдесят дней казаки отражали все штурмы. Не дождавшись помощи от поляков, на выручку к ним

отправился сам гетман с казаками и нанятыми им татарами. Их силы достигали пятидесяти пяти тысяч человек[107]. Битва произошла 8 июля 1659 года под Конотопом. Выговский атаковал русские войска, а затем спешно отступил, имитируя бегство. Татары и казаки, сидевшие в засаде, ударили в тыл русским, началась паника. Казаки перекопали дорогу, разобрали мост и отрезали таким образом все пути к отступлению. А.Н. Трубецкой потерял тысячи убитыми, ранеными и взятыми в плен[108].

Эта битва стала редким примером, где Выговский проявил личную храбрость (он всегда был больше дипломатом и политиком, чем воином и казаком). Находясь в гуще боя, Выговский был сброшен со своего коня Шелеста пушечным выстрелом[109].

Но даже победа и заключенный после этого союз с ханом уже не могли спасти Выговского. Под влиянием польской общественности и сильного диктата Ватикана сейм в мае 1659 года принял Гадячский договор в более чем урезанном виде. Идея Княжества Руського и триединого государства вообще была убрана из текста, равно как и положение о сохранении союза с Москвой. Отменялись и ликвидация унии и целый ряд других важнейших для Украинского гетманства статей. Решение сейма стало крахом гетманства Выговского.

Сам он это хорошо понимал. Когда гетман получил от польского комиссара К. Перетятковича окончательный текст договора, утвержденного на сейме, он сказал: «Ты со смертью приехал и смерть мне привез! и сев на кровать, он заплакал». Поляк в своих записках описывает яркую и характерную сцену, разыгравшуюся после этого в доме Выговского. Статьи договора были зачитаны старшине. Прослушав их, отец гетмана и брат Данила «немедленно встали из-за стола и пошли в комнату, где была мать. Немного спустя, мать вышла из комнаты и сказала гетману: „Иван, мы поехали“. Выговский с гневом отвечал: „идите хоть к черту! Вы были бы рады меня в ложке воды утопить за то, что я из вас панов сделал“»[110]. Не ожидая обеда и не простившись с гетманом, они уехали.

После их отъезда гетман пригласил на обед старшину – некоторые были, а другие ушли. Перетяткович засвидетельствовал почтение Даниле и просил у него конвоя. Ответ был резкий и недоброжелательный: «„Я бы дал конвой, подарил бы тебе и коня доброго, если бы ты не стал из русина ляхом. Однако прошу на обед“». Сказав это, он ушел в церковь, так что я один остался в избе… Между тем из комнаты выходит жена Данилы, дочь Хмельницкого, и говорит: «„Не жди, лях, ни обеда, ни подвод“»[111] и заперла за собой дверь. По мне будто

мороз прошел. Быстро побежал я на квартиру и сел с прислугой на коней… поспешил в Корсунь…»[112].

Так встретили окончательную редакцию Гадячского договора самые близкие к Выговскому люди. Не приходится удивляться тому, что остальные его соратники были крайне разочарованы и решили свергнуть своего лидера, дискредитированного принятием Гадячского договора. На созванной старшинской раде на реке Росаве в сентябре 1659 года казацкие старшины, поддерживавшие Выговского во время его гетманства, отдали булаву Юрию Хмельницкому.

Иван, который даже не присутствовал на раде, тяжело переживал крах. После приезда депутатов от войска поляки долго уговаривали Выговского добровольно отказаться от булавы. Потоцкий докладывал Яну Казимиру: «После продолжительных переговоров в пане гетмане Запорожском наконец взяло верх усердие к вашей королевской милости; он объявил, что для сохранения мира отдаст бунчук и булаву», после чего отправил их со своим братом Даниилом[113]. Там же на раде было дано обещание отпустить жену Выговского, остававшуюся в качестве заложницы в руках мятежной старшины.

Выговский опасался самого худшего. В своем письме к королю он заявлял, имея в виду старшин: «Сомневаюсь, чтоб они исполнили свои обещания»[114]. У него были серьезные основания сомневаться. Девятая статья заключенного вскоре Юрием Хмельницким с Москвой нового Переяславского договора требовала выдачи и. Выговского с семьей.

Лишившись булавы, Выговский присоединяется к отряду Андрея Потоцкого, именуя себя «великим коронным гетманом» – титул, который он присвоил по собственной инициативе и который не слишком соответствовал его реальному положению. Впрочем, у него оставались и вполне законные титулы – воеводы Киевского (согласно Гадячскому договору) – звание, пожалованное ему Речью Посполитой пожизненно, а также ранг сенатора (наконец-то с точки зрения поляков он стал формально ровней своей жене Стеткевич из сенаторского рода – но в каких обстоятельствах!).

В тяжелейший момент своей жизни, лишившись власти, богатства, не зная о судьбе собственной семьи, Выговский в очередной раз продемонстрировал недюжинные способности противостоять року. Он снова ведет себя не как прямолинейный военный, а как политик. Он очень быстро забывает обиду на бывших соратников и начинает новые контакты со старшинами, только что лишившими его булавы.

Кроме того, Выговский постоянно клянется в верности

полякам и умоляет прислать коронные войска. Он, конечно, надеялся, опираясь на польскую силу привлечь к себе казацких полковников. Но главная причина была в том, что в Чигирине с отрядом поляков, всей артиллерией и запасом золота осталась горячо любимая супруга Выговского. Хотя ему и дали уверение за подписью нового гетмана Юрия Хмельницкого и старшин, что доставят Елену к нему под Котельню, Выговский по-прежнему в этом сомневался и желал вернуть жену с помощью польского оружия. В середине октября поляки из обоза под Котельной сообщали, что «Пани Воеводина Киевская сидит в Чигиринском замке, ее из Чигирина не выпускают, что пана воеводу очень волнует»[115].

Трудно сказать, думал ли в тот период Выговский о возвращении своего гетманства. Возможно, он еще не успел отойти от пережитого разочарования и пока занимался только спасением собственной жены и имущества. Но при этом он оставался верен себе. Не слишком считаясь и советуясь со своими союзниками поляками, он принимал турецкого посла, вел переговоры с ханом. Независимое поведение Выговского даже в таких тяжелых для него условиях не могло не вызывать глухого раздражения у поляков. Они должны были особенно остро реагировать на обвинения Выговского в промедлении, учитывая собственную беспомощность. Ведь начавшаяся в коронном войске конфедерация сделала невозможными любые военные действия.

Станислав Беневский, главный эксперт по украинским делам среди поляков, описывая ситуацию, прямо говорил: «Парализованная отчизна, когда наиболее требовалось рук, тогда их и не имела, чем мы погубили Выговского…»[116].

Устав ждать, Выговский решает перейти к решительным действиям. Двенадцатого ноября он написал коронному гетману Потоцкому: «Опасаясь, чтоб оборонительное Чигиринское войско, ослабленное осадою, не погибло, я отправляюсь… в степи, чтобы усилить гарнизон людьми и продовольствием, и вместе с тем спасти жену». Понимая, что может погибнуть, Выговский поручал заботам короля своих родителей и сына Евстафия, находившихся в Польше. Впрочем, даже решившись на крайность, Выговский не изменил свой вызывающий тон. Его просьбы звучат скорее как требования, которые не могли не злить Яна Казимира: «Довольно работал я и проливал своей крови за честь вашей королевской милости. А что возникло возмущение, то это не моя вина. Единственною причиною было то, что не скоро пришли вспомогательные войска вашей королевской милости…»[117].

Наконец, во второй половине ноября польские войска и Выговский со своими «новобранцами» соединились под

Хмельником, где вскоре произошло сражение с отрядом Киевского воеводы В.Б. Шереметева. По словам поляка, участника битвы, казаки проникли в лагерь к полякам и зажгли его. Русские начали наступать на этот сигнал, но сбились с пути, заблудившись в воде и болоте Буга[118]. Сражение длилось с обеда до сумерек. В результате поляков, «драгунов и возной челяди погибло до 400 человек, а Москвы с 4000»[119]. Несмотря на успех, А. Потоцкий приказал отступить, опасаясь прихода казаков, и поляки ушли к Ляховцу. После этого Потоцкий распустил свои войска на зимние квартиры на пять недель.

Выговский был крайне раздосадован и склонен винить поляков во всех своих неудачах. В письме к королю он горестно восклицал: «Здесь я теперь только жалкий изгнанник, потому что, бежав из Чигирина верхом, в одной сермяге, я не только лишился всего имущества, но и потерял любезную подругу жизни, не имея никакой надежды возвратить ее, потому что нет у меня никакого войска»[120].

Но к его чести надо признать, что период апатии у бывшего гетмана длился недолго. Ему удалось связаться с ордой, и хан дал указ готовиться к войне по весенней траве. Выговский опять был полон энергии и оптимизма. Он тешил себя иллюзиями, что некоторые старшины перейдут на его сторону, как только он вступит на Украину во главе войска.

Выговский еще не догадывался, какие несчастья обрушатся на его голову через пару дней. Между тем в плен к русским войскам попали братья Выговского Василий, Юрий, илья и Данила. Пленение любимого брата Данилы стало страшным ударом для Ивана. Пикантность ситуации заключалась в том, что женой Данилы была Елена, родная сестра гетмана Юрия Хмельницкого и дочь Богдана. Ее сестра Степанида, бывшая замужем за Иваном Нечаем, попала в плен в Быхове, и, «имея в виду заслуги… отца и брата»[121], воеводы повелели отменить смертную казнь и отпустить ее с детьми к брату[122]. Казнь и. Нечая была заменена ссылкой в Сибирь, а Данила умер по дороге в Москву от допросов с пристрастьем.

Мертвого Данилу Выговского привезли в Субботов. Как описывал очевидец, все тело его было порезано в куски кнутами, глаза выколоты и залиты серебром, уши сверлом вывернуты и тоже залиты серебром. Пальцы перерезаны. Бедра в куски по жилам разобраны. Когда тело увидела вдова, Елена Хмельницкая, то так о гроб ударилась, что рассекла себе голову. Прибежал Юрий Хмельницкий и, увидев тело, горько плакал. Сестра «великим кляла его проклятьем», и когда Юрий хотел войти к ней в избу, она запустила в него поленом[123]. Многие поляки со

злорадством встретили известие о мученической смерти Данилы, который в свое время сжег Люблин[124]. А польский посол С. Беневский не замедлил обратиться к Юрию Хмельницкому с провокационными вопросами: «Почему же замучил человека? Не только жалость, но и позор всему войску прислать замученного зятя гетмана, славного и заслуженного человека, а вашей милости шурина»[125].

Примерно в те же дни отряды Юрия Хмельницкого взяли Чигирин. Там нашли двести пушек, несколько тысяч центнеров пороха и несколько миллионов польских денег. Среди прочих сокровищ находилась и жена Выговского. Ее Юрий отправил в свое родовое имение Субботов.

Это были тяжелые удары для Выговского. Он лишился близких ему людей, в чьем присутствии он особенно нуждался в момент, когда старшина отвернулась от него. Потерял он и большую долю из накопленных за годы восстания Хмельницкого средств. В эти дни он пишет горькое письмо королю: «…крепость Чигиринская, со всею артиллериею, досталась неприятелю, а жена моя досталась со всем имуществом в руки Хмельниченка… я доказал свое усердие утратою избранного на всю жизнь друга…»[126].

На какой-то момент Выговским опять овладело отчаяние, и в его письме к Пражмовскому вырвалась униженная мольба: «Покорно прошу вашу милость, моего милостливого пана и благодетеля, не дай мне погибнуть до конца, потому что я и то уже погиб совершенно, все потерял, будучи предан в жертву завистникам»[127].

Но московские воеводы, желая отомстить Ивану Выговскому за его «измену», допустили серьезную ошибку, как некогда поляки по отношению к Богдану Хмельницкому. Они довели бывшего гетмана до крайности: убили брата и добивались выдачи его жены. Однако Выговского, несмотря на его отставку, было еще рано списывать со счетов. Поляки понимали это лучше и хотя терпеть его не могли и ожидали от него лишь всяких неприятностей, тем не менее, величали «воеводой киевским».

Юрий Хмельницкий тоже считал себя обиженным русскими и всячески затягивал выполнение их требования – не отсылал Елену Выговскую в Москву и сам туда не спешил.

Смерть Данилы еще больше подтолкнула Выговского к активным действиям. Похоже, теперь он одинаково ненавидел и поляков, и русских. Неудовлетворенный действиями польских войск, он старается привлечь на свою сторону Крым.

Весной 1660 года усилия Киевского воеводы начали наконец давать плоды. Хотя Крымский хан сам на Украину не пошел, но

послал туда пятьдесят тысяч человек. Планы Выговского встать с татарами на границе с Валахией, равно как и сами эти переговоры, проводившиеся без всякой санкции или координации с поляками, не могли не вызвать их раздражения и опасения. О них с тревогой писали даже представители папского двора[128]. Выговскому приходилось оправдываться, что он собирался «до весны остановиться с Каябеем лагерем на границах Валахии», однако «завистливые люди» начали объяснять этот план превратно, и ему пришлось отступить[129].

Все лето Выговский продолжал переписку с Крымом: ханом, великим конюшим Батыр-агой, подскарбием надворным Ахмет-агой, вождем будулацких войск Шабалат-агой, нурадин султаном, перекопским мурзой Карачбеем и визирем великих орд Сефер Газыагой. Один этот список наглядно демонстрирует масштаб контактов Выговского с татарами. Хан лично занимался розыском попавшей в полон жены писаря Юрия Хмельницкого Семена Глуховского, сестры Золоторенко, на которую Выговский надеялся выменять свою жену. Хан с сожалением сообщал ему в июле: «Бог есть свидетелем нашим, что в Кафе того лета поветреем умерла; когда б была жива, хотя б же было нам дать за нее 10 000 ефимков, учинили б мы на прошенье ваше для того самого, что есте нам много во всяком деле услуживали и много с нами в дружбе пребывали и ныне пребываете. Для лутчей вам подлинности то извещаем словом нашим ханским, что сей невесты живой нет»[130].

В августе Выговский торжественно, в сопровождении большой свиты (в двести всадников), прибыл во Львов, где находился польский король и присягнул на воеводство киевское. Он теперь не только официально стал сенатором, но и значительно (неясно, каким путем) укрепил свое материальное положение. К полякам он привел четырнадцать хоругвей и двести драгунов общей численностью две тысячи человек, нанятых на собственные средства[131].

Выговский, а он, как мы знаем, вовсе не был военным, принял самое активное участие в битве под Чудновом. В ней, с одной стороны, участвовали поляки (двадцать тысяч конницы и десять тысяч пехоты) и татары (пятьдесят тысяч), а с другой – огромная русская армия, достигавшая сорока тысяч человек, и тридцать тысяч Левобережных казаков Т. Цицуры[132]. По дороге к русским должен был присоединиться Ю. Хмельницкий (сорок тысяч)[133].

«Пан воевода киевский» был послан в числе авангарда и успешно напал на казаков Т. Цицуры, многих из которых «в пень высекли»[134]. Именно Цицуру Выговский считал виновником своего свержения с гетманства и теперь злорадно сводил с ним

счеты.

Шестнадцатого сентября Иван непосредственно командовал своими хоругвями во время польской атаки на Ю. Хмельницкого под Слободищами. Казакам удалось отбиться, но Выговский с его дивизией в две тысячи человек и татарами остался охранять В. Хмельницкого[135]. Видимо, именно с подачи «киевского воеводы» Юрий и старшина предпринимают попытку договориться с татарами.

По словам участника событий П. Гордона, большинство казаков стояло за договор с татарами. К султану Нурадину был послан уполномоченный с письмом и обещанием больших сумм денег, но султан, «за коим хорошо следил» польский гетман, не осмелился соединиться с казаками[136].

Затем начались сепаратные украино-польские переговоры, в которых Ю. Хмельницкий пытался за счет отказа от союза с Москвой выговорить себе наиболее выгодные условия. В статьи заключенного Чудновского договора вошло положение о выдаче Выговскому его жены, слуг и имущества.

После заключения мира и капитуляции русского войска (сам В.Б. Шереметев попал в плен), на Украине начинается новый виток смуты и Руины. Большинство Левобережных полковников Чудновский мир не признали, равно как и отказались подчиняться власти Юрия Хмельницкого. Не пошел за ним даже его родной дядя Я. Сомко, ставший главой оппозиции (правда, как оказалось, на свою погибель). Молодой гетман, устав от всех проблем, мечтал отказаться от булавы. В этих условиях на авансцене появился другой реальный претендент на гетманскую власть – Иван Выговский.

Настроение у Ивана было преотменное. Сразу после Чуднова в Чигирин для освобождения его жены по приказу Юрия Хмельницкого были отправлены архимандрит Тукальский и полковник Иван Сербин[137].

Возвращаясь после похода, Выговский даже позволил своим полкам пограбить польских панов из Брацлавского воеводства, прямо как в старые добрые времена при жизни Б. Хмельницкого[138]. Говорили о его намерении в качестве воеводы Киевского идти под Киев и пытаться добыть его силой.

Желание Юрия Хмельницкого отказаться от булавы (тот заявлял, что «молод, несчастлив и немощен») привело поляков в ужас. Они прекрасно понимали, что наибольшие шансы получить булаву в этих условиях имел Выговский, и были готовы остановить его «даже посредством… смерти»[139]. Татары предупредили польских магнатов, «что Выговский готов к измене», хочет получить Княжество Руськое. По сообщению татар,

он снова собрал казаков и «пытается привлечь их (татар. – *Т. Т.*) на свою сторону с помощью подарков, желая с помощью недозволенных приемов получить Руськое княжество»[140].

Если бы Выговскому удалось добиться булавы, то при союзе с татарами он мог бы гораздо настойчивее добиваться от поляков принятия изначального Гадячского договора. Но поляки предприняли все меры, чтобы не дать Юрию Хмельницкому отказаться от булавы, а Выговский никогда особенно не был популярен среди старшины и казаков – и проиграл. Его могло утешить лишь то, что в результате огромных усилий в организации польского похода он отомстил Цицуре, а также вернул из плена любимую жену.

Обиженный Выговский покинул Украину и уехал в свои владения, напоследок предупредив Юрия, «чтобы он от ляхов берегся и ни в чом им не верил»[141]. В марте 1661 года он уже как мирный обыватель принимал участие в работе Житомирского сеймика. Депутаты сеймика просили сейм подтвердить Ивану Выговскому, «воеводе и генералу земель киевских», пожалование ему Бара и Любомля. При этом заявлялось, что «только враг отечества не признает, что ясновельможный его милость пан Ян на Баре и Любомле Выговский, воевода киевский, староста чигиринский – главная причина успокоения казаков и возвращения их к прежнему подданству, что есть огромный успех Речи Посполитой»[142].

Кипучая натура Выговского не могла долго оставаться без дела и безразлично взирать на смуты, раздиравшие его детище – Украинское гетманство. Его стараниями в инструкцию на сейм попали требования, «чтобы религия греческая стародавняя, не униатская, имела полную свободу в землях коронных и Великого княжества Литовского по правам и свободам стародавним», чтобы от униатов были отобраны монастыри, церкви, имущество, епископства и архимандритства и возвращены православным. Кроме того, под его давлением была написана грамота к царю с просьбой освободить Ивана Нечая, соратника Выговского, сосланного в Сибирь[143].

Поляки побаивались, что Выговский «замышляет уже вступить на гетманство Запорожское: чтобы он не задумал образовать для себя удельного владения из Украйны, под покровительством Турции»[144]. Уже в январе 1662 года Выговскому приходилось оправдываться перед поляками за свои контакты с казаками. Тем не менее летом Выговский провел ряд встреч с Юрием Хмельницким.

Надо признать, что «Ян на Баре и Любомле Выговский», воевода Киевский и сенатор Речи Посполитой, имел все

возможности жить безбедной жизнью польского магната. Мог, но не воспользовался этим. Конечно, честолюбие всегда было побудительной силой его поступков. Однако эти амбиции заставили его вернуться к активной украинской политике в самый сложный для Украинского гетманства период, в момент, когда Украина раскололась на две части, каждую из которых возглавляли эгоистичные авантюристы-гетманы: Тетеря (сменивший в январе 1663 года Ю. Хмельницкого и выбравший Варшаву в качестве патрона) и Брюховецкий (избравший Москву).

Эта трагическая ситуация не могла оставить равнодушными старых соратников Хмельницкого, и они попытались изменить ее. В данных условиях они просто обязаны были объединиться, забыв разногласия и взаимные обиды. Все патриотично настроенные старшины приняли деятельное участие в попытках спасти творение Хмельницкого – единое Украинское гетманство, и большинство из них погибло в этой борьбе. Все, начиная с Выговского, что, безусловно, делает ему честь.

Восстание спланировали на тот момент, когда вся польско-литовская армия во главе с королем должна была вступить в пределы Левобережной Украины, начиная поход на Москву. Союзное полякам Правобережное казацкое войско шло под предводительством Ивана Богуна, знаменитого полковника периода восстания Хмельницкого, друга и сторонника Выговского. Левобережные города с готовностью сдавались Богуну, который оставлял в этих городах лишь небольшие польские гарнизоны. Как только польско-украинские войска завязли в осаде Глухова, по всему Левобережью вспыхнули восстания, а польские гарнизоны были уничтожены. Богун имел контакты с Левобережным гетманом и. Брюховецким и командующим русскими войсками Г.Г. Ромодановским.

Другой мятеж начался на Правобережье. Восставшие Правобережные старшины разгромили польские гарнизоны в Лисянке, Ставищах и Белой Церкви. В их распоряжении имелось до тридцати тысяч казаков. Правобережные повстанцы находились в тесном контакте с запорожским атаманом Иваном Сирко, а через него с Левобережным гетманом и. Брюховецким и Москвой.

И все это происходило под именем Выговского, которого прочили на роль нового гетмана. Восставшие даже попытались взять Чигирин и свергнуть Правобережного гетмана П. Тетерю. Когда полякам удалось поймать некоторых казацких лидеров, все они подтвердили лидерство Выговского и его тесный контакт с Запорожьем.

Сирко представлял собой третью часть движения (наряду с

казаками Богуна и Правобережными повстанцами). Он и его запорожские казаки, следуя указаниям Выговского, занимались активными нападениями на южные границы Польши. Утверждали даже, что посланцы Сирко имели аудиенцию с Выговским, и тот поклялся на Евангелии бороться за веру и «воевать ляхов»[145].

В ряды восставших были вовлечены многие известные со времен Богдана казацкие лидеры: П. Дорошенко, О. Гоголь, Г. Гуляницкий, Киевский митрополит Иосиф Тукальский. Юрий Хмельницкий оставил монастырь и вел активные действия с казацкими полковниками. Не осталась в стороне даже Елена, дочь Богдана Хмельницкого, женщина с сильным характером, выступившая против собственного мужа, гетмана Тетери[146].

Почему все они, восставшие лидеры казаков, снова рассматривали Ивана Выговского как кандидата на пост единого гетмана Украины? Это после его свержения в 1659 году, провала на выборах в 1660? Видимо, в 1664 году, в период разгара Руины, после того как Украина претерпела жестокие опустошения от польских и от русских войск, только фигура лучшего друга и советника Богдана Хмельницкого могла объединить два берега, две части гетманства.

В любом случае, Выговский покинул свой обжитой, уютный и безопасный Бар и выступил в район Белой Церкви. Он отправился в район, где происходили главные события восстания. Вероятно, именно в тот момент Выговский и произнес свою знаменитую фразу: «Продам Бар и Руду, і заграю Ляхам в дуду – будуть вони плясати і Виговського вспоминати»[147]. Дошло до того, что поручик его хоругви вписывал в «казацкий реестр» крепостных крестьян польских владельцев, возрождая времена восстания Хмельницкого.

Пожалуй, это был единственный случай в жизни Выговского, когда он действовал не как политик и дипломат, но как настоящий казацкий лидер. Он не лукавил и не притворялся. Сломя голову, с каким-то отчаянным задором он рванулся в бой. Это, как оказалось, было ошибкой. Выговский не был силен в военных предприятиях и поэтому потерпел поражение.

Стремясь в корне задушить восстание, поляки 7 января 1664 года учредили инквизицию во главе с «комендантом Правобережья» С. Маховским. Польскому королю и гетманам от изменников стало известно о деятельности Богуна. Во время попытки его ареста на военном совете он был убит в деревне Комань под Новгород-Северском 27 февраля 1664 года.

Маховский (под предлогом совещания) вызвал Выговского в Корсунь и там его арестовал. Несколько дней ему обещали отправить его на «суд пана короля и Речи Посполитой», но затем,

не имея на это никакого права, Маховский сам приговорил Выговского к смертной казни.

Сохранился уникальный документ – духовное завещание Ивана Выговского, составленное им лично в день смерти. Выговский еще надеялся, что приговор не будет приведен в исполнение. Он писал, если «в невинности своей уйдет с этого света из-за зависти людской и ошибочной несправедливости», то «каждый несправедливый на этом и на том свете не будет иметь прощения во веки». Опекунами своей матери, жены и малолетних детей Выговский назначил несколько человек, включая канцлера великого коронного Николая Пражмовского и канцлера Великого княжества Литовского Кшистофа Паца[148]. Он подробнейшим образом расписал, кому и как владеть его имениями (почти все оставалось жене – вплоть до ее смерти или замужества). Жене он оставил французскую карету, рыдван, драгоценности и соболей. Выговский тщательно расписал, кому из слуг сколько выдать денег, от кого из должников сколько нужно получить опекунам и сколько доплатить по кредитам. Не менее подробно перечислены в завещании шубы (с описанием материи, цвета, меха и т. д.), сабли, лошади (с указанием масти). В завещании не были забыты не только близкие знакомые, но и друзья, соседи и слуги[149]. Можно только удивляться безупречной памяти писаря и его великолепному знанию своего немалого хозяйства. Ведь описывал он все это по памяти, находясь вдали от своих книг. Вероятно, здесь сказались именно профессиональные навыки Выговского – так как бывший писарь вел учет всех расходов Украинского гетманства, включая реестры казаков.

Смерть и. Выговского. Рисунок XX в.

Как описывает Черниговская летопись, Выговский в избе читал акафист[150] Пресвятой Богородицы, когда утром за ним пришли польские солдаты. В страшной спешке 26 марта 1664 года (н. ст.) он был расстрелян простым польским полковником, несмотря на свое сенаторское достоинство и титул воеводы Киевского. Когда Елена Выговская получила известие о гибели мужа, то умерла на месте от разрыва сердца[151]. Похоже, Выговские были действительно счастливой семейной парой.

Вероятно, на смертной казни Выговского особенно настаивал Правобережный гетман Павел Тетеря, видевший в нем грозного соперника. Поляки ненавидели бывшего гетмана и даже во времена Гадячского договора не считали его своим искренним союзником. Интересно, что пока Выговский оставался под арестом, за него просил турецкий султан. Возможно, именно это обстоятельство ускорило казнь.

В своем завещании Выговский приказал похоронить себя «в Ските большом, в склепе каменном, в Церкви Вознесения Святого Креста»[152]. Дал он и подробные инструкции, какие службы за упокой его души служить на протяжении четырех лет, в каких церквях и на какие средства.

Здесь можно вспомнить слова современника Выговского, поляка Юзефовича: «Таков был конец главного советника Богдана

Хмельницкого, его неразлучного друга в течение всех кровавых войн»[153]. Что бы ни говорил и ни писал Выговский, кого бы он ни называл врагами, какие бы маски он ни использовал и как бы честолюбив он ни был, он всегда, с момента своей клятвы на верность Войску Запорожскому в 1648 году, действовал как соратник, а позже как преемник планов, целей и мечтаний Богдана Хмельницкого.

Примечания

[1] «История Руссов» была очень популярна в России XIX века. Ею зачитывались А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь и даже Т.Г. Шевченко.

[2] *Кривошия В.* Генеалогія українського козацтва. К., 2002. С. 149–150.

[3] Архив ЮРЗ. Ч. III. Т. I. № LXXXVI. С. 314–320.

[4] Акты ЮЗР. СПб., 1892. Т. XV. № 1. С. 2.

[5] Акты ЮЗР. СПб., 1878. Т. X. № 16. С. 734.

[6] Акты ЮЗР. Т. X. С. 733 – 734.

[7] Архив ЮЗР. К., 1883. Ч. I. Т. VI. № CCLXXXVIII; № CCXXXV; № CCLV.

[8] *Мицик Ю.* Гетьман Іван Виговський. К., 2004. С. 9.

[9] *Kohowski W.* Historya panowania Jana Kazimierza przez nieznajomego autora. Poznah, 1840. I. S. 23; Kohowski W., Pamietniki do panowania Zydmunta III, Wladislawa IV i Jana Kazimirza. Warszawa. 1846. T. I–II. S. 29.

[10] Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Составил Самоил Величко, бывший канцелярист канцелярии Войска Запорожского. К., 1848. Т. 1. С. 303.

[11] *Мыцык Ю.А.* Анализ архивных источников по истории освободительной войны украинского народа (1648–1654). Днепропетровск, 1988. С. 34–35.

[12] Jakuba Michałowskiego, wojskiego lubelskiego a pózniej kasztelana bieckiego księga pamiętnicza. Kraków, 1864. T. II. № 150. S. 453.

[13] Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – нач. XVIII вв. / Док. и мат. М, 1968. Т. II. С. 215

[14] *Kochowski.* Historya panowania Jana Kazimierza. S. 43.

[15] Реєстр Війська Запорозького 1649 року. К., 1995. С. 27.

[16] *Kohowski W.* Historya panowania Jana Kazimierza. S. 23.

[17] Архив ЮЗР. Ч. III. Т. IV № CCIV, С 507–510.

[18] *Крипякевич І.* Богдан Хмельницький. К, 1954. С. 93.

[19] Док. ОВУН. К, 1965. № 142 С. 379–380

[20] Надо отметить, что сильная разведка всегда была отличительной чертой украинских гетманов. Наибольшего успеха она достигала при Б. Хмельницком и при и. Мазепе. Во времена последнего ее услугами пользовался сам Петр I, в течение 17 лет всецело полагаясь на знания и умения гетмана в этой области.

[21] ВусР. М., 1953. Т. III. № 52. С. 111–112.

[22] Starozytnosci historyczne polskie czyli pisma i pamiętniki do dzijow dawnej Polski z rękopisrrow zebral A Grabowski Kraków, 1840 T. I. S. 298–299

[23] Там же. S. 302–303.

[24] Ojczyste Spominki w pismach do dziejów dawnej Polski. Diaryusze, Relacye, Pamitniki i t. p, zeb A. Grabowski. T I. Kraków, 1845. T. I. S. 298, 354.

[25] Шайноха. Домна-Розанда // Русская мысль. 1881. Кн. IV. С. 281.

[26] Акты ЮЗР. Т. IV № 79. С. 163.

[27] ВУсР. Т. II. № 118. С. 279.

[28] Там же. Т. II. № 181. С. 441.

[29] Там же. Т. III. № 21. С. 60.

[30] Там же. № 84. С. 184.

[31] Там же. № 34. С. 81–82.

[32] Там же. Т. II. № 181. С. 441.

[33] Там же. Т. III. № 115. С. 221.

[34] ВУсР. Т. III. № 166. С. 302–308, 310.

[35] Там же. № 195. С. 394.

[36] Там же. № 166. С. 301.

[37] и как только некоторые авторы-патриоты верят словам «изменника»?

[38] ВУсР. Т. III. № 200. С. 418.

[39] Акты ЮЗР. Т. XIV № 1. С. 14.

[40] Жерела. Т VI. Львів, 1895–1924.

[41] *Мыцык Ю.А.* Анализ архивных источников по истории освободительной войны украинского народа (1648–1654). С. 65.

[42] *Грушевський М.С.* Історія України – Руси. Т. IX. Ч. 2. К., 1997. С. 1106.

[43] Архив ЮЗР. Ч. III Т. VI. № XXI. С. 74.

[44] *Грушевський М.С.* Історія України – Руси. Т. IX. Ч. 2. С. 1163.

[45] Акты ЮЗР. Т. III. С. 552.

[46] Monumenta Hungariae Historica, Diplomatoria (далее – Monumenta Hungariae). T. XXIII: Okmantar II Rakoczy diplomacziai ossrekotte tesiher. Budapeste, 1874. P. 485–486.

[47] Архив ЮЗР. Ч. III. Т. VI. С. 194–195.

[48] Monumenta Hungariae. P. 541.

[49] *Мицик Ю.* Гетьман Іван Виговський. С. 10.

[50] ПКК. Изд. 2-е. К., 1898. Т. III. С. 136–137.

[51] Там же. № XCIV. С. 344.

[52] «…и вам бы о том зле не иметь, потому что гетман добре был болен… А что в тяжкой своей болезни запалчиво то говорил, чтоб ему то пребачять в скорби своей ныне на всех сердитует, нрав такой имеет, и нас всех бранит, и за мало нечто подойтить нелзе».

[53] Акты ЮЗР. Т. III. С. 562, 571–572.

[54] «И писарь говорил: хотя будет от гетмана в чем пострадать, однако готов великому государю нашему, его царскому величеству, служити. И того ж дни принес к окольничему и к дьяку писарь Иван Выговской 9 листов подлинных, да список, о чем писали к гетману к Богдану Хмельницкому цесарь римский, и свейской король, и Ракоца венгерской, и волоской и мултьянской владетели, и крымскяй хан, и Сефер Газы ага».

[55] Monumenta Hungariae. T. XXIII. 538 – 539.

[56] Акты ЮЗР. Т. III. С. 557, 573.

[57] Там же. Т. VII. С. 189.

[58] Monumenta Hungariae. T. XXIII. 543.

[59] Акты ЮЗР. Т. XI. № 3. С. 802–804.

[60] Універсали українських гетьманів від Івана Виговського до Івана Самойловича (1657–1687). Київ; Львів, 2004. № 6. С. 51.

[61] Эта яркая фигура времен украинской Руины, политический авантюрист много и активно интриговавший и мечтавший стать Киевским митрополитом. В конечном счете при Д. Многогрешном сам стал жертвой доноса и был выслан в Россию под строгим надсмотром.

[62] Акты ЮЗР. Т. XV. № 8. С. 377.

[63] Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссею. Т. 8. С. 1267–1268.

[64] Акты ЮЗР. Т. IV. № 36. С. 44.

[65] Там же. № 26. С. 35.

[66] Monumenta Hungariae. T. XXIII. 545. Имелось в виду, что Юрий Ракочи капитулировал перед поляками и лишился правления Трансильванией.

[67] *Jerlicz J.* Latopisiec albo kroniczka. Warszawa; Petersburg, 1853. T. II. S. 5.

[68] Акты ЮЗР. Т. IV. № 15. С. 22–23.

[69] Подробнее: *Яковлева Т.* Богдан Хмельницький і рядове козацтво // УІЖ. 1995, № 4. С. 56–67.

[70] Сиромаха – сирома, голота. Беднейшая часть казаков, которые не имели своего хозяйства. Называлась так из-за своей бедной одежды.

[71] Полк в Украинском гетманстве не только военная единица, но и административная.

[72] Видимо, имелось в виду Великое княжество Литовское. Впрочем, вся Украина входила в его состав.

[73] Подробнее: *Яковлева Т.* Гетьманщина в другий половині 50-х років XVII століття, причини і початок руїни. К., 1998.

[74] «…и ты поедь ничто не сомневаяся засовесть, и получив от них государей великую милость чего не чаешь. А что тебя устрашивают всячески и ты тому не верь, то тебе вносят все

ложно, хотя тебя от их государской милости отлучить по зависти».

[75] РГАДА. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. № 602. Л. 6–15.

[76] Акты ЮЗР. Т. IV. № 56. С. 92.

[77] Там же. № 69. С. 128.

[78] О составе и целях «государственной группировки» старшины см: Яковлева Т. Гетьманщина в другий половині 50-х років XVII століття, причини і початок руіни. К., 1998; Руїна Гетьманщини: від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659–1667 гг.). К., 2003; Украинская шляхта и государственная идея в годы освободительной войны // Национально-визвольна війна українського народу середини XVII століття. К., 1998. С. 131–141.

[79] Акты ЮЗР. Т. VII. № 68. С. 188.

[80] Там же. Т. IV. № 59. С. 105.

[81] Матеріали до історії козаччини XVII віку. Львів. 1994. № 75. С. 98–99.

[82] Синбирский сборник. Часть историческая. М., 1844. Т. 1. С. 15.

[83] РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. № 602. Л. 155.

[84] Акты ЮЗР. Т. V. № 144. С. 315.

[85] РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. № 602. Л. 169.

[86] Там же. Л. 166–167.

[87] Акты ЮЗР. Т. IV. № 73. С. 135–136.

[88] Там же. Т. IV. № 95. С. 192.

[89] РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. № 602. Л. 58–60.

[90] Акты ЮЗР. Т. IV. № 95. С. 189–190.

[91] Там же. Т. XV. № 6. С. 255.

[92] Там же. Т. VII. № 84. С. 251.

[93] Там же. Т. IV. № 79. С. 145. «битца де ему не велел, то де он Данилка, пришед из Киева, учинил собою, великого государя с ратными людми бился и к городу приступать велел без гетманского веленья».

[94] Там же. Т. XV. № 6. С. 267.

[95] Это мнение недавно высказал польский историк П. Кроль.

[96] Акты ЮЗР. Т. IV. № 79. С. 148.

[97] Там же. № 76. С. 141.

[98] Там же. № 79. С. 155.

[99] Там же. С. 157. А в Киев якобы он, Барабаш, был послан «не для того, что его отдати в Войско Запорожское, а для того, чтоб

гетману Ивану Выговскому приехать в Киев, а боярину бы... Шереметеву с товарищи гетмана ухватить».

[100] Там же. С. 158.

[101] «Мочно то и простому человеку разсудить, какое добро говорить вору и изменнику и осуженнику на смерть?»

[102] Подробнее: *Яковлева Т. Г.* Гадячский договор – легенда и реальность // исследования по истории Украины и Белоруссии. М., 1995. Вып. 1. С. 62–78; она же. Гадячский договор от подписания до утверждения сеймом // Історія, історіографія, джерелознавство. Істор. 36 ір. К., 1996. С. 60–80; она же, Гадяцька угода – текстологічний аналіз // Гадяцька унія 1658 року. К., 2008. С. 31–46.

[103] КК. Изд. 1-е. К., 1898. Т. III. С. 210–211.

[104] AGAD. Libri Legationum, № 33. List 82.

[105] Акты ЮЗР. Т. IV. № 107. С. 204–206. «статьи Польского короля, а в статьях будет написано ему гетманство и воеводство Киевское, а полковником и иным начальным людем шляхетства и вольности шляхецкие и маетности им в Малой Росии. ...и на тех статьях договор учинить…».

[106] С этим моим выводом согласны ведущие ученые Украины: *Смолій В.А.*, *Степанков В.С.* Українська національна революція XVII ст. (1648– 1676 рр.) // Україна крізь віки. К., 1999. Т. 7. С. 232–233.

[107] Данные из «обоза под Конотопом». Татар было 40 тысяч. См. *Мицик Ю.А.* Гетьман Іван Виговський. К., 2004. С. 70–71.

[108] В настоящее время битва под Конотопом совершенно незаслуженно раздута и политизирована. Ей посвящены десятки работ как украинских, так и российских историков. На самом же деле для политической истории Украины и судьбы и. Выговского она не имела серьезного значения.

[109] Записки Перетятковича. К вопросу о сношениях Польши с казаками в 1657–1659 гг. К., 1873. С. 10.

[110] «Ивахну, уже ж мы поідемо». «Ідьте хоть до чорта! Раді би мене в ложці воды утопити за то, что я вас панами починив».

[111] «Ляшейку, не чекай обіда, а ні подвод».

[112] ПКК. 1-е. Т. III. С. 350.

[113] Там же. № LXXXVI . С. 379.

[114] Там же. № LXXX. С. 353.

[115] *Kubala L.* Szkice historyczne. Wojny dunskie i pokoj Oliwski. Lwow, 192. Dodatek № LXXIV, s. 626.

[116] ЦНБ. Отд. Рукописей. Теки Нарушевича. № II–13707. Л. 10. – письмо Беневского – Тжебицкому, 28.10.59 г. н.ст.

[117] ПКК. 1-е. Т. III. № LXXXVII. С. 389–391.

[118] Там же. № LXXXVIII. С. 395.

[119] Jerlicz. II. S. 35.

[120] ПКК. 1-е. Т. III. № LXXXVIII. С. 395.

[121] «…дать вместо смерти живот, сказавши государево жалованье, отпустить ее и з детми к брату».

[122] РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № 418. Л. 697–698.

[123] *Kubala L.* Woina Dunska. Dodatek N LXXV. S. 627.

[124] *Jerlicz J.* Latopisiec albo kroniczka. T. II, s. 37–38.

[125] *Kubala W.* Woina Dunska. Dodatek № LXXVI, s. 629. Некоторые российские историки не хотят признавать факт трагической гибели Данилы. Тем не менее мы имеем свидетельство поляка-очевидца, свидетельство – нарратив (нарратив – источник личного происхождения / дневник, письмо/) современника и официальное письмо С.К. Беневского. Первый и третий документ были опубликованы польским историком Л. Кубалей в XIX в. Заявлять, что это фальшивка – безосновательно, пока кто-нибудь не сделал новый археографический анализ данных документов в польском архиве. Что касается того, что следы пыток не свойственны «рукам русских палачей», то вряд ли польские дипломаты были достаточно подготовлены с медицинской точки зрения, чтобы сделать точное описание. Различия в описании ран Данилы у двух поляков как и говорят о том, что достоверен сам факт пыток, а уже фантазия авторов донесений дорисовывала детали.

[126] ПКК. 1-е. Т. III. № XCII. С. 415.

[127] Там же. № LXXXIX. С. 402.

[128] Litterae Nuntiorum. T. X. № 4760, 100.

[129] ПКК, Т. IV, № IV. С. 10–11.

[130] Акты ЮЗР. Т. V. № 14. II. С. 29.

[131] Wojna polsko-moskiewska pod Cudnowem, odprawiona za panowania króla Jana Kazimierza pod wodza Stanislawa Potockiego, wojewody Krakowskiego i Jerzego Lubomirskiego, marszalka koronnego w roku Panskim 1660 // Biblioteka historiczno-wojskowa. Warszawa, 1922. T. III. S.30.

[132] Подробности битвы под Чудновым, анализ источников и оценка численности сторон рассмотрены в: *Яковлева Т.* Руїна Гетьманщини: від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659–1667 гг.). К., 2003. С. 89–138.

[133] Подробнее: *Яковлева Т.* Гетьманщина в другий половині 50-х років XVII століття, причини і початок руіни. К., 1998.

[134] Wojna pols.-mosk. S. 35–36.

[135] *Józefowicz T.J.* Kronika miasta Lwowa od roku 1634 do 1690 obejmuajca w ogplonsci dzieje dawnej Rusi Czerwonej a zwlaszcza Historya arcybiskupstwa Lwowskiego w tejze epoce. Lwow, 1854. S . 2 4 8 .

[136] *Гордон П.* Дневник 1659–1667. М., 2003. С. 68.

[137] НБУ им. Вернадского. Институт рукописей. Коллекция грамот университета Св. Владимира. Л. 780.

[138] Архив ЮЗР. Ч. VI. № XXII. С. 66.

[139] Extract eines gewissen Schreibens von hoher Hand aus Krakau den 20 November 1666. 3–4.

[140] Там же. 4.

[141] Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. III. № 340. С. 319.

[142] Архив ЮЗР. Ч. II. Т. II. № XVIII. С. 117.

[143] Там же. С. 110–114.

[144] ПКК. 2-е. Т. IV. № XXXIV. С. 155.

[145] Подробнее об этом: *Яковлева Т.* Гетьманщина в другий половині 50-х років XVII століття, причини і початок руіни. К., 1998.

[146] После гибели своего первого мужа Д. Выговского, она вышла замуж за П. Тетерю, усилив таким образом его притязания на булаву.

[147] *Darowski A.* Przyslowia polskie. Poznan, 1874. S. 116–118.

[148] Это позволяет сделать вывод, что его отца уже не было в живых.

[149] Архив ЮЗР. К., 1894. Ч. VIII. Т. II. № LX. С. 116–123.

[150] Церковная хвалебная песнь и молитвы.

[151] Черниговская летопись / Южнорусские летописи. К., 1856. С. 29.

[152] Архив ЮЗР. Ч. VIII. Т. II. С. 118.

[153] *Józefowicz T.J.* Kronika miasta Lwowa od roku 1634 do 1690 obejmuąjca w ogplonsci dzieje dawnej Rusi Czerwonej a zwlaszcza Historya arcybiskupstwa Lwowskiego w tejze epoce. Lwow, 1854. S. 2 7 8 .

Глава 4
ИВАН БОГУН-ФЕДОРОВИЧ

Иван Богун – выдающаяся фигура эпохи Украинского гетманства Это был человек яркий и неординарный, обладавший огромной внутренней силой, непреклонностью, дерзостью и отчаянной смелостью. Он поражал воображение современников, историков и писателей, народная память из поколения в поколение передавала рассказы о нем. В документах эпохи Хмельницкого постоянно встречаются упоминания о Богуне. Ни одному другому деятелю того времени не удавалось удерживать полковничий пернач в течение почти пятнадцати лет. Никто не одержал столько блистательных побед.

Он не раз публично высказывал собственное мнение по поводу решений, принимавшихся в гетманстве, и при этом не поплатился за это головой, как многие другие. Пожалуй, только Богун мог померяться славой с самим Богданом Хмельницким. И лишь он, один из немногих, не стремился использовать свою популярность для получения высшей власти – гетманской булавы. Идея «воли казацкой и веры старинной» была для него самодостаточной. Правда, так получалось, что к этому у него сами по себе приложились слава и богатство. А власть и титулы не привлекали его. Благородный шляхтич, отважный рыцарь и отчаянно смелый казак, соединив в себе эти качества, он стал легендой еще при жизни[1].

Как ни странно, но все дошедшие до нас наиболее яркие и восторженные отзывы о Богуне были написаны поляками – теми, с кем он всю свою жизнь вел непримиримую борьбу. Отчасти это объясняется скудостью сохранившихся украинских источников, отчасти тем, что враги бывают более объективными, чем завистливые друзья-соратники.

Иван Богун. Рисунок XIX в.

Польский историк середины XVII века, современник Богуна В. Коховский, писал о нем с восторгом: «...на всех поворотах судьбы человек отважный и, что редко бывает в одном человеке – смелый, умный и удачливый», «необычайно популярный, умеющий как никто другой удачно действовать», «сильный и храбрый как лиса», «человек удалой и предприимчивый»[2].

Самый поэтический отзыв о Богуне принадлежит другому поляку – историку XIX века Л. Кубале: «Отвага льва, хитрость змеи, осторожность лиса и легкомыслие ветра заключались в каждой его жиле. Свобода, степь, война были его стихией и ничем другим он не занимался. Военный гений и женский каприз породили этого казака, которому не было равных»[3].

Не меньше восхищалась Богуном и русский историк А.Я. Ефименко: «...на территории Винницы польский гетман встретил достойного противника в лице Богуна, одного из самых замечательных деятелей эпохи Хмельницкого, не только по уму, энергии и военным дарованиям, но и по чистоте мотивов, которые как бы выделяют из ряда остальных восьмидесяти, отмеченных историею, украинских деятелей Хмельнищины»[4]. Отдавал должное ему и русский Биографический словарь: «Отличаясь отвагой и находчивостью, Богун выходил победителем даже при самых неблагоприятных для него стечениях обстоятельств, единственно при помощи военных хитростей, сбивавших с толку неприятеля»[5].

На самом деле наши знания о Богуне весьма ограничены. Мы не знаем, когда он родился, нет данных о его семье. Имеются

лишь скупые сведения о сыне и племяннике. О нем не написано ни одной сколько-нибудь значительной работы. Никто не занимался изучением его политических взглядов, довольствуясь яркой, но поверхностной характеристикой дерзкого казака и смелого полководца. Остается спорным даже такой первостепенный вопрос: полковник Винницкий Иван Богун и полковник Кальницкий Иван Федорович – одно и то же лицо или два разных?

Обратимся к фактам. В состав Кальницкого полка по реестру 1649 года входил город Винница[6], а в состав Винницкого полка согласно присяге 1654 года входил Кальник[7]. Эти неоспоримые факты делают невозможным существование одновременно «Кальницкого полковника Федоровича» и «Винницкого полковника Богуна». Это был один полк, и полковник у него в одни и те же годы мог быть только один. Но по странному стечению обстоятельств в период между 1649 и 1655 годами полковником Кальницким и Винницким выступают то Иван Богун, то Иван Федорович (Федоренко). Причем в хронологии появления либо одного, либо другого имени явно отсутствует хоть какая-нибудь логика[8].

Первое предположение о тождественности этих двух личностей было высказано известным украинским историком, величайшим экспертом генеалогии старшины В. Липинским[9]. Его поддержал и мэтр украинской историографии М.С. Грушевский[10]. Но затем, в годы советской власти, их доводы стали отвергать. Скорее всего, тезис о шляхетном «Иване Федоровиче Богуне» просто никак не вписывался в соответствующий канон, когда имя «народного героя Богуна» носил прославленный в годы Гражданской войны полк Н. Щорса, в его честь были названы десятки улиц и т. д.

Автор в своих статьях приводила множество доказательств тому, что речь на самом деле идет об одном человеке[11], поэтому и в данной работе исходит из того, что Богун и Федорович – это одно и то же лицо.

Скорее всего, Иван происходил из старинного украинского православного рода Федоровичей, но, находясь среди казаков, получил прозвище Богун. Точно так же, как Конашевич – Сагайдачный, Вишневецкий – Гайда, искра – Остряница, Тимофей Шкамат – Носач. Этот ряд можно продолжить.

Мне кажется, что весьма достоверной выглядит и версия, что Федорович – это отчество. Ведь в этом случае объясняются и формы: «Федоренко» (ср. Яненко, Янович), «Федорович» и «Федоров». Кроме того, Богуны – действительно распространенная на Украине фамилия. Имеется свидетельство

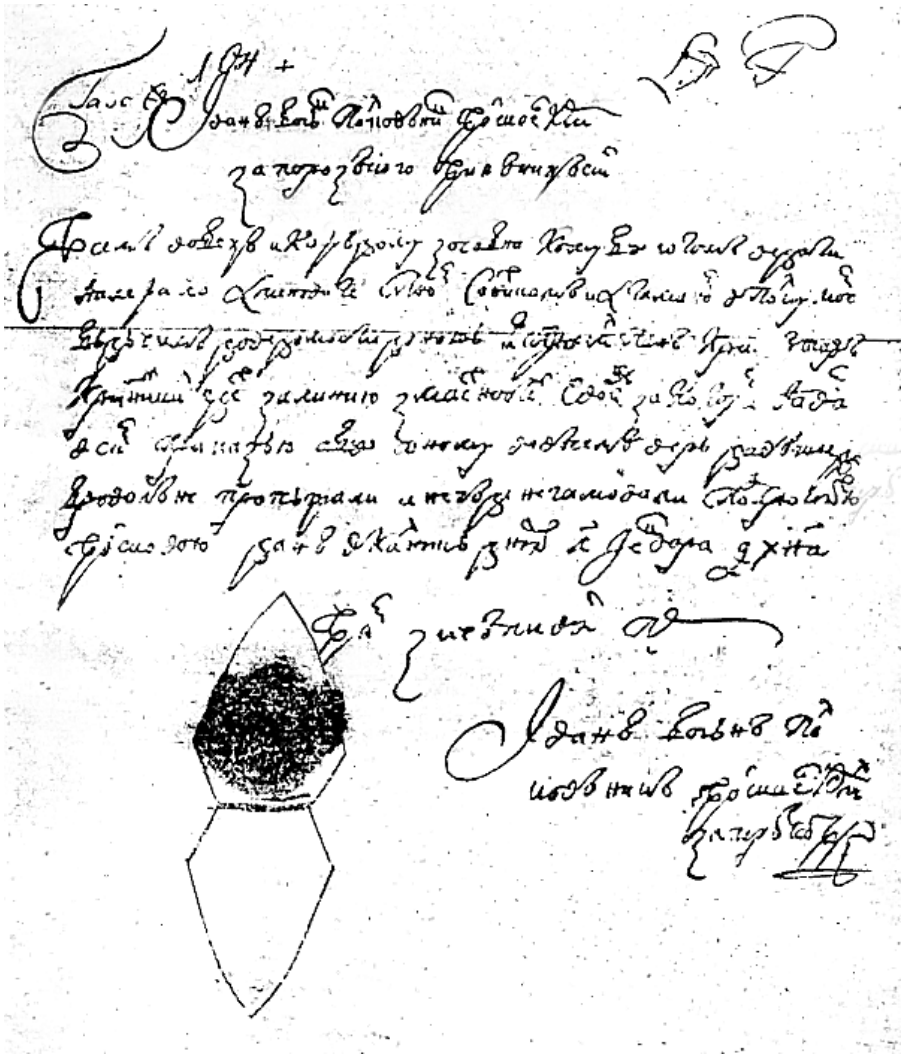
поляка-современника, автора «Рифмованной хронички», что фамилия Богуна происходила от реки Буг (Bohun – Boh). С другой стороны, фамилия «Федорович» переводится со старогреческого как «Богом данный», а отсюда могло идти и прозвище «Богун», более подходящее для казака, ведь на Украине было очень широко распространено имя «Богдан» вместо «Федор» (в переводе с греческого Федор – «богом данный»).

Возможно, «Богун» – это наследственное прозвище. Если же это фамилия, тогда возникает вопрос, почему сам Иван Федорович Богун именует себя во всех официальных документах по отчеству – «Иван Федорович», а не по фамилии «Иван Богун»? интересно, что ни на одном официальном документе той эпохи нет подписи Богуна. В реестре 1649 года, в присяге 1654 года, под Корсунским договором со Швецией 1656 года, на нобилтации (т. е. подтверждении шляхетства) на сейме 1661 года он постоянно выступает как Федорович. «Богун» же он – для казаков и врагов.

Как уже говорилось, мы не знаем года рождения Богуна. Скорее всего, его отцом был Федор Богун («прибывший с Литвы»)[12], имя которого упоминается в документах 20-х годов XVII века. Федор Богун арендовал местечко Бубнов (в воеводстве Киевском, под Каневом, недалеко от Черкасс) и вел весьма независимую для православного шляхтича жизнь, временами совершая «наезды» на соседей-поляков[13]. Одним из таких соседей-соперников был Александр Олекшич, с сыном которого Павлом впоследствии переписывался Иван Богун. Согласно «Малороссийскому гербовнику», Богун имел герб «Ястржембец»: на голубом поле золотая подкова с золотым кавалерским крестом. Название гербу дал ястреб, изображенный в нашлемнике[14].

Мы не знаем, где Богун учился. Возможно, в одной из братских школ или в польском коллегиуме. Но прекрасный почерк Богуна-Федоровича, отвечающий всем достоинствам украинского барокко, не оставляет сомнений в его образованности.

Тревожные годы «золотого века польской шляхты» (1638–1647 годы) Богун провел в Диком поле на Северном Донце, получая великолепную школу «загонщика», как называли на жаргоне того времени атаманов, воевавших с татарами. «Загонщики», или «вожди половы», равно не признавали ни польского короля, ни русского царя. Уходя от преследований поляков-католиков, запорожские «воровские черкасы» (так их называли русские) проникали на Северный Донец в поисках добычи и развлечений.



Универсал с подписью и. Богуна

Богун мог быть одним из тех, кто во времена казацкого восстания Остряницы поселился в Чугуеве, на Слободской Украине. Эта группа украинских казаков некоторое время успешно существовала в порубежном городе, но, поссорившись с русскими властями в 1641 году, ушла оттуда, и часть их них превратилась в не подчиняющуюся никому вольницу. Среди чугуевских казаков упоминается полковник Василий Богун, возможно, родственник Ивана[15].

Во всяком случае, именно после событий в Чугуеве, в 1642 году, атаман Иван Богун командовал отрядом казаков на Боровском перевозе через Северный Донец. Про него русским воеводам было известно, что он «служит польскому королю на

Кодаке» и получает весьма значительное по меркам того времени жалованье в сто двадцать злотых в год[16]. Кодак – польская крепость на границе Дикого поля, служившая защитой от татарских набегов, равно как и от запорожцев.

Богун хотя и выполнял поручения поляков (прежде всего, связанные с обороной от татар), но часто действовал на свой страх и риск, уходя «на промыслы». Так, в 1643 году он напал со своими казаками на русский отряд В. Струкова, построивший «городок» на Казацком перевозе. Укрепление это предназначалось (как и Кодак) в равной мере для ограничения движений татарских и запорожских отрядов. Богун предпринял попытку уничтожить «городок». В столкновении девятнадцать русских воинов было убито. В связи с этим в Варшаве русскими чрезвычайными и полномочными послами была подана жалоба в официальной переписке царского двора с Речью Посполитой[17]. После столкновения на Казацком перевозе отряд Богуна перешел Северный Донец и направился в Крым, чтобы пограбить татар.

Весной 1644 года Богун с загоном в пятьдесят человек был отмечен под Святогорском монастырем. Вероятно, на этот раз ему удалось достигнуть Среднего Поволжья, где он устраивал рейды на мордву[18].

Видимо, эти походы принесли ему большую славу и популярность среди казаков. Во всяком случае, весной 1645 года в донесениях русского воеводы П. Костовского мы встречаем нашего героя как «атамана ивашку Богуна», который возглавлял большой поход «воровских черкас» наравне со знаменитым «загонщиком» Семеном Забусским[19], а он к тому времени уже командовал отрядом в тысячу человек. Богун и Забусский совершили в 1645 году нападение на Святогорский монастырь. За это царь велел «тех воров побивать и за воровство их вешать»[20]. Возможно, именно этот эпизод вспоминала десять лет спустя французская газета «Газета» (это название, отсюда и пошел сам термин. – *Т. Т.*), когда в конце апреля 1654 года сообщала, что Богун не будет присягать русскому царю «из опасения, что Московиты захотят отомстить дурное дело, которое он совершил в их стране»[21].

Вероятно, Богун оставался на Северном Донце вплоть до 1648 года, потому он и не принял участия в начальных эпизодах восстания Хмельницкого. Мы не встречаем его ни в сражениях при Желтых Водах, ни при Корсуни, ни под Пилявой, нет его и среди удалых атаманов, множество которых прославилось летом 1648 года. Первое упоминание о нем относится только к октябрю, но из записок львовских доминиканцев мы знаем, что Федорович уже «один из важнейших полковников Хмельницкого» и

принимает деятельное участие в операциях под Львовом, заняв Рогатин[22]. Поляки отмечали гораздо более лояльное обращение полковника с захваченным местечком, нежели грабежи и бесчинства, которые устраивали многие другие казацкие «ватажкИ» (атаманы. – *Т. Т.*).

С февраля 1649 года мы видим Богуна полковником Подольским. Именно с этим пограничным регионом оказалась связанной вся дальнейшая судьба Ивана. Как раз к этому периоду относится практически единственное известное нам письмо Федоровича. В дерзко-изысканной форме он выражал в нем протест старосте Скальскому С. Лянцкорунскому по случаю занятия его отрядом Бара. Из этого письма мы узнаем, что Богун присутствовал при заключении перемирия под Замостьем. По его словам, после этого он прибыл в Подолию по приказу Хмельницкого «для порядка и успокоения бедных людей, чтобы уже больше крови пролито не было». Тон его письма категоричен: «Приказываю, чтобы никто не смел впредь на Подолию к Каменцу войска заводить». Богун был готов покарать любых нарушителей границ, но все же полагал, лучше «чтобы мы в доверии жили, как предки наши волей Божьей». Он не довольствовался угрозами. Разбив поляков под Ивановцами, Богун снова захватил Бар[23].

В течение всей весны 1649 года Богун вместе со своими союзниками полковниками Д. Нечаем и расстригой Степкой, имея до тридцати тысяч человек, вел хитрую дипломатическую игру с поляками, не нарушая перемирия, но и не позволяя им укрепиться в Подолии[24]. И лишь после окончательного срыва перемирия поляками в конце мая казаки начали наступление на западные территории Украины, собираясь уничтожить само «имя католическое»[25]. Их совместными усилиями была взята хорошо укрепленная крепость Меджибож. Когда староста Каменецкий П. Потоцкий попытался отбить Меджибож, Богун с казаками сжег неукрепленный город («на глазах» у поляков) и укрепился в замке. Видимо, именно там он впервые применил свой излюбленный прием – «фортель», как выражались современники. Казаки распустили слух о приближении войск Б. Хмельницкого. Это посеяло панику среди поляков, и они отступили[26].

Богун принял активное участие в осаде Збаража. Во время штурма 16 июля, пытаясь запугать поляков, он приказал казакам завязать тюрбаны на голове, имитируя подход янычар[27] (подобные «фортели» с переодеванием он будет использовать и в дальнейшем). Во время предпринятой им дерзкой ночной вылазки 17 июля 1649 года он был тяжело ранен[28]. Сам Б. Хмельницкий сильно волновался за его здоровье[29]. Богун не смог участвовать ни в Зборовском сражении, ни в заключении

Зборовского мира 1649 года. Но по реестру, составленному сразу после перемирия, он становится Кальницким полковником, одним из шестнадцати фактических губернаторов Украины[30].

Начинается полуторагодовой мирный период в жизни Федоровича. В отличие от многих пограничных полковников, и в частности от своих бывших союзников Д. Нечая и Степы, Богун не принял участия в бунте недовольных Хмельницким. Он не встал в оппозицию к гетману, а, видимо, стремился воспользоваться некоторыми статьями Зборовского договора, чтобы укрепить свою полковничью власть. В 1650 году решался весьма важный вопрос: какая администрация окажется действенной в Украине – гетманская или польская.

О том, насколько напряженной была ситуация, мы можем судить по «гарантии», выданной королем Яном Казимиром шляхте Брацлавского воеводства. В ней король обещал, что приложит все усилия, дабы не допустить казаков в Винницу и соседние районы. Несмотря на высочайшую поддержку, все попытки поляков добиться установления своей администрации провалились.

В 1650 году Богун имел уже такое влияния при Чигиринском дворе, что польский посол Адам Кисель с досадой писал о нем Яну Казимиру: он «моей близости к запорожскому гетману так помешал, что я едва мог снова ее возобновить»[31]. Вмешательство Богуна произошло как раз в момент переговоров польских комиссаров с Б. Хмельницким. Его доклад о ситуации в Брацлавщине стал поводом для разрыва.

Во время обороны Винницы в марте 1651 года и мещане, и шляхта города, не говоря уже о других категориях населения, поддержали своего полковника. Богун не только устоял против многократно превосходившего его в численном отношении неприятеля, но и изгнал его, одержав блистательную победу.

Оборона Винницы 1651 года – один из первых известных нам в подробностях эпизодов, где в полной мере проявился полководческий талант Богуна. Возобновление военных действий поляками весной 1651 года началось с нападения польного гетмана М. Калиновского на Брацлавского полковника Данилу Нечая. В результате Нечай был убит, а его казаки разгромлены. Украину поразили ужас и отчаяние. Любимый народный герой Нечай погиб глупо и бездарно. Теперь, казалось, ничто уже не могло остановить наступление поляков. Калиновский решил «провести остаток зимы в Виннице», но там, по выражению Д. Бантыш-Каменского, он встретил «не пьяного Нечая, а хитрого и искусного полководца Богуна»[32].

В распоряжении нашего героя было всего три тысячи казаков.

Он понимал, что ему предстоит иметь дело с упоенными победой шляхтичами, и поэтому решил сразу нанести ощутимый удар по их самолюбию.

Одиннадцатого марта 1651 года поляки выслали к Виннице разведывательный отряд под командованием Ляндцкорунского. За день до этого Богун приказал прорубить в Буге (реке, протекавшей через город) проруби и после того, как они за ночь немного подмерзли, забросал их соломой. Когда появились поляки Ляндцкорунского, Богун выстроил на реке перед служившим крепостью монастырем своих казаков, а при приближении врага изобразил паническое бегство. Увидев отступающего противника, Ляндцкорунский бросился за ним, увлекая своих солдат на лед Буга. Неожиданно поляки стали проваливаться в замаскированные полыньи. Так как никто не понимал, что происходит, то задние ряды напирали на передние, еще больше усугубляя ситуацию. Утонуло более двухсот шляхтичей, в том числе брат Киевского воеводы А. Киселя староста черкасский Григорий, новогрудский стольник Н. Мелешко и др. Самого Ляндцкорунского, тоже провалившегося в ледяную воду, с трудом выловили из-под обломков льда и уложили в сани. Казакам досталось личное знамя воеводы и две хоругви. Побитые поляки отступили в брошенный винницкий замок. Вечером к ним подошел польный гетман[33] М. Калиновский[34].

В рядах казаков царил необыкновенный подъем. Военная репутация поляков оказалась сильно подмоченной в прямом и переносном смысле этого слова. Враг, еще накануне казавшийся непобедимым, был посрамлен. По приказу Богуна казаки сожгли город и затворились в хорошо укрепленном монастыре, где находились также мещане и прочие жители Винницы.

Обозленный Калиновский, кляня на чем свет стоит неосторожность Ляндцкорунского, начал штурм монастыря. Несмотря на большие потери, он продолжался почти двое суток. Затем во вторник начались переговоры, происходившие под казацкими валами. Поляки требовали отдать пушки, а также знамена и лошадей, захваченные во время стычек у прорубей. Казаки, чтобы выиграть время, для вида соглашались. Но со своей стороны добивались, чтобы поляки отступили за милю от города. Калиновский, готовивший ловушку, отказался. Переговоры были прерваны и казаки объявили, что «все готовы погибнуть в бою».

Передышка, предоставленная переговорами, была полностью использована Богуном. Он укрепил свои позиции, окопав монастырь тремя рядами валов.

Как только переговоры были прерваны, Богун ночью

предпринял вылазку, лично возглавив триста казаков. «При слабом ночном свете» они успешно переправились через Буг, но нарвались на разъезд пана Стижиговского. Наибольшая опасность в этом столкновении угрожала самому полковнику, так как поляки узнали его «по блеску панциря в свете луны». Стремясь захватить дерзкого полковника, поляки набросились на него. Уже хорунжий Рогальский «бил его, склонившегося на спину коня, древком знамени», другой поляк держал его рукой, но Богун вырвался, «стряхнув» с себя врагов (одного из них сбросила лошадь) и поскакал к своим. Монастырь был уже совсем близко, когда конь Богуна провалился в сделанную его казаками прорубь. «Окруженный водоворотами, ударяемый обломками льда и коченея от холода» Богун выбрался на берег благодаря «отменным качествам несравненного коня»[35].

Несмотря на столь страшную опасность и ледяное купание, полковник на рассвете возглавил вылазку, а днем был снова на валах. Повсюду поляки видели Богуна «несомым тем же самым конем», с которым он прошел «огонь и воду». Он вызывал восхищение не только своих, но и врагов. Поляки насмешливо спрашивали, здоров ли он. Богун отвечал: «Вы угостили меня той же баней, что и я вас»[36].

Именно тогда участник событий под Винницей звенигородский староста Хулевич оставил в своих записках восторженный отзыв о Богуне – «...настоящий рыцарь, причем необычайно дерзкий», «сверх возможного честный»[37]. Хулевич принимал участие в переговорах с казаками и имел возможность лично познакомиться со славным полковником.

Поляки продолжали осаждать монастырь, но Богун придумывал все новые хитрости. Так, зная алчность польской челяди, он приказал выгнать из монастыря лошадей, которых все равно было невозможно прокормить. Слуги бросились ловить лошадей и стали отличной мишенью для казаков, перестрелявших их.

Защищая Винницу, Богун впервые применил тактику, принесшую ему впоследствии огромную славу: он изматывал врага ожиданием какой-нибудь своей новой выдумки, нарочито создавая образ смертельно опасного и непобедимого хитреца. Как писал поляк – участник событий, «мы ничего не могли сделать. Между тем войско наше выбилось из сил, так как все время солдаты и лошадей не расседлывали, и сами не оставляли оружия»[38].

Получив известие о приближении Б. Хмельницкого, Калиновский решил отступать. Напоследок поляки устроили еще один штурм. В ответ казаки предприняли вылазку, нанеся врагу

ощутимые потери. На рассвете к Виннице подошел Уманский полковник Иосиф Глух, его появление вызвало страшную панику среди поляков. Не слушая распоряжений, солдаты прорвали боевой строй и бросились бежать. С трудом удалось кое-как восстановить порядок и более или менее организованно отступить к Бару. Как писал поляк-очевидец, «на прощание казаки, выбежав на валы, провожали наших обычными криками, прилагая к „ляхам“ различные оскорбительные эпитеты: „Цыгане, беглецы, безмозглые, пилявчики, – кричали они, – утикайте дальше за Вислу, не тут ваше діло!“»[39].

Наступление поляков было сорвано, их армия деморализирована. В беспорядке они прибыли в Бар. Блестящий успех под Винницей принес Богуну небывалую славу и авторитет, его личная отвага и гений полководца стали легендарными. Именно тогда была сложена первая казацкая дума о Богуне:

> Як у Вынницы, на граныци
> Над Бугом рекою,
> Там стояв Иване Богуне Кальныцький…[40]

Это был расцвет его славы. Однако не все складывалось гладко в жизни Богуна. Некие личные недоразумения с Б. Хмельницким привели к тому, что неожиданно после победы под Винницей командование войсками, преследовавшими поляков, поручили не ему, а бездарному генеральному есаулу Демке. В результате казаки осадили Каменец-Подольский, но действовали крайне неуверенно, что позволило полякам перейти в контрнаступление. Их вылазка крупными силами сорвалась только благодаря решительности Богуна (что отмечали поляки-очевидцы). Иван не только «отлично командовал», но и сам находился в такой гуще боя, что под ним убили коня выстрелом из замка[41].

В тяжелейший момент генерального сражения под Берестечко, когда Б. Хмельницкий и и. Выговский остались заложниками у отступивших татар (30 июня 1651 г.), Богуну удалось вселить в казаков уверенность и сдерживать натиск поляков. В отличие от партии «умеренных» (Ф. Джеджалия) и партии «переговорщиков» (Крыса) он считал необходимым продолжать военные действия. Ночью 2 июля казаки ползком пробрались к польскому окопу, убили восемь пехотинцев, нескольких ранили, и только залаявший пес прервал вылазку[42]. Вечером 3 июля, когда польские хоругви сходили с поля, на них напали казаки, убили более десятка всадников, а затем заняли гору, возвышавшуюся над табором. Только на рассвете

Калиновский заставил их отступить[43]. Противостояние за гору продолжилось и на следующий день, а ночью казаки беспрестанно тревожили поляков, изображая приготовления к наступлению. В результате поляки не спали, находясь ежеминутно наготове. Не смогли они уснуть и всю следующую ночь, ожидая очередной вылазки. Хоругви мокли под проливным дождем, так и не осмелившись покинуть до утра свои позиции из опасения получить очередную неприятность от казаков[44].

В результате, как писал Освецим, «осаждавшие оказались более павшими духом и угнетенными, чем осажденные… среди праздности, продолжавшейся в течение 10 дней, силы наши ослабевали, войско стало испытывать нужду, многие солдаты в иностранных и польских региментах (т. е. полках. – *Т. Т.*) умирали от недостатка пищи, мужество и пыл улеглись, и среди нас воцарился беспорядок»[45]. Бесконечные казацкие нападения изматывали неприятеля, заставляли все время быть начеку. И наоборот, они поднимали дух в казацком войске. Роль Богуна в организации вылазок отмечали как польские, так и украинские источники. Поэтому неудивительно, что после того как переговоры были прерваны и партия сторонников соглашения с поляками проиграла, в ночь на 10 июля Богун был впервые в своей жизни избран наказным гетманом[46].

Наибольшую опасность для казаков представлял отряд Ляндцкорунского, высланный поляками в тыл, чтобы отрезать их от фуража. Поэтому Богун сам с отрядом конницы и двумя пушками отправился против своего давнего противника. На рассвете 11 июля он вышел из табора. Но паника, начавшаяся без всякого повода в казацком лагере, привела к катастрофе. Все бросились бежать, попытки Богуна остановить бегущих ни к чему не привели, и ему с трудом удалось отступить, выведя часть войск.

Это был критический момент в истории Украинского гетманства. Хмельницкий в татарском плену, Киев сожжен Радзивиллом, а тут еще поражение под Берестечко, распад армии. В этих условиях ситуацией пытались воспользоваться не только поляки, но и те, кто мечтал о гетманской булаве. Имеются сведения, что поднестряне собирались избрать нового гетмана.

Хмельницкий, освободившись из плена, приказал полковникам собраться в Корсуни. Согласно его указу, Богун должен был состоять под началом Белоцерковского полковника. Однако Иван развивает независимую активную деятельность, собирая разрозненные отряды казаков, разрушая мосты, переправы и отрезая полякам путь. В начале августа поляки постоянно передавали новости, что Богун «под правковыми

лесами» и идет с подкреплениями из Буговой Украины к Белой Церкви[47].

К концу августа у него уже было десять тысяч (по некоторым данным – пятнадцать тысяч[48]) «боевых казаков», кроме того, он принимал в свой полк желающих крестьян, но с каждого брал по талеру для привлечения орды, которая ему была обещана ханом в количестве сорока тысяч[49].

Поступая так на свой страх и риск, Федорович мог опасаться не только поляков, но и Хмельницкого, обычно жестоко расправлявшегося с конкурентами. Но усилия Богуна были не напрасны. Вот как оценивал их современник событий С. Освецим: «Самые упорные волнения и бунты своевольных холопов происходят по обыкновению в Брацлавщине, вследствие подстрекательства Богуна, здесь на берегах Днестра скопища бесчинствующих разбойников не дозволили возвратиться никому из наших»[50]. Именно в это время в польских источниках к Богуну уже стали применять эпитеты «страшный» и «сам».

Воссоздание сильной казацкой армии заставило поляков пойти на уступки и переговоры. И в этом была огромная заслуга Винницкого полковника. К Белой Церкви он пришел со значительной (до пятнадцати тысяч человек) армией и там принял активное участие в мирных переговорах с поляками. Когда кое-то из «непреклонно» настроенной «черни» попытался сорвать соглашение и даже напасть на польских комиссаров, то, понимая жизненную необходимость для гетманства мира, Хмельницкий, Выговский и Богун буквально своими телами защищали перепуганных поляков. Они сами били «чернь» обухами и нагайками. Богун даже разрубил саблей одного своевольца, с вызовом спросившего: «А что, теперь мы будем давать полякам содержание?»[51].

Но неприязнь в отношениях с Хмельницким, наметившаяся весной 1651 года, не ослабевает. Федорович не подписывает Белоцерковский договор. А уже в марте 1652 года мы видим его одним из лидеров оппозиции Хмельницкому. Русские послы, прибывшие с Украины, сообщали: «В Брясловском воеводстве черкаской (т. е. казацкий. – *Т. Т.*) полковник Богун збирает войско… и хотят битца с Хмельнитцким за то, что де Хмельнитцкой помирился с поляки под Белого Церковью не против прежнего Зборовского миру, а учинил мир на том, что быть рейстровым казакам только 20 000»[52]. Такое отношение к Белоцерковскому договору более чем понятно, ведь тот практически сводил на нет все достижения четырех лет борьбы и уничтожал казацкую державу, де-факто созданную Зборовским договором. К тому же согласно новому договору, Брацлавщина, а

соответственно и Винницкий полк, выходили из-под юрисдикции гетмана и должны были снова подчиниться польской администрации. Правда, после битвы под Батогом Белоцерковский договор уже не исполнялся.

С. Чарнецкий. Портрет XVII в.

Открыто находясь в политической оппозиции, Богун не пытался воспользоваться ситуацией в личных целях и не добивался власти. Вплоть до конца 1652 года он оставался в оппозиции Хмельницкому[53], но, несмотря на это, его не постигла

судьба других мятежников. А ведь как раз в это время гетман казнит выступивших против него полковников Мозырю, Гладкого, Хмелецкого и Гурского.

Трудно сказать, почему Богун не разделил их судьбу. Спасла ли его огромная слава? или то, что он не претендовал на булаву? или в их отношениях с гетманом государственные дела не приносились в жертву личным мотивам?

Так или иначе, Федорович остался в своем звании полковника и жил по-прежнему в Кальнике. Именно туда устремился Стефан Чарнецкий, предводитель нового польского похода весной 1653 года, прервавшего мирный период в жизни Украинского гетманства.

Чарнецкий был в то время, безусловно, одним из самых выдающихся полководцев Речи Посполитой. Он отличался военным талантом, жестокостью и неумолимостью. В распоряжении Чарнецкого было пятнадцать тысяч человек.

Началась страшная, жестокая борьба. Поляки вырезали беззащитные местечки. Более десятка городов были сожжены. Как писал Богдан Хмельницкий, «людей невинных християн, так мужеского, как и женского полу, великих и малых вырубали, церкви восточные до основания искоренили, а напосле ж де и духовных до смерти мукою нестерпимою замучили»[54]. Гетман призывал население сжигать хлеб и сено и уходить в укрепленные города.

Богун снова организует отпор превосходящим силам противника. Чарнецкий рассчитывал сразиться с ним в открытом поле, но полковник прекрасно понимал, что при таком соотношении сил он не может дать генеральное сражение. Он укрепился в деревянном замке местечка Монастырище с горсткой (несколько тысяч человек) казацкой пехоты с самопалами. Защищенный практически только валами и рвами, среди огня и дыма, Богун проявлял чудеса храбрости и изобретательности.

Чарнецкий рвался вперед, чтобы покончить с легендарным казаком. Поляки били в барабаны, котлы, играли в трубы. Помимо регулярных хоругвий Чарнецкий бросил на штурм так называемую «лужную челядь[55]», т. е. вооруженных слуг польских шляхтичей. С криком и гамом, стремясь устрашить казаков, челядь устремилась в атаку. Им почти удалось захватить вал. Сотник Дрозденко пал в бою, замок загорелся.

Но в критическую минуту Богун (как выразился поляк-современник, «человек предприимчивый и неленивый») выскочил с друзьями по подземному ходу и, переодевшись татарами, ударил в тыл Чарнецкому. Несмотря на то что переодевание в условиях боя наверняка носило условный характер, поляки

попались на эту уловку. Решив, что подоспели союзные казакам татары и сам Хмельницкий, они, охваченные паникой, бросились бежать[56].

Чарнецкий во время штурма носился на коне, не имея на себе ни шлема, ни панцыря. В результате пуля из самопала попала ему в лицо, выбив небо (по некоторым данным, он был ранен из нарезного мушкета)[57]. Он стал захлебываться кровью, что только усилило неразбериху.

Эпизод под Монастырищем вошел в историю мировой медицины, так как польскому предводителю впервые была вставлена трахеотомическая трубка, которая не позволила ему задохнуться. Впоследствии взамен выбитого неба ему сделали серебряную пластину.

«Фортель» Богуна[58] с переодеванием в татары принес ему еще бóльшую славу. Она усиливала безоговорочную веру казаков в удачливость их полковника и наводила почти суеверный ужас на поляков. С 1653 года начинается длительное противостояние Богуна и Чарнецкого.

Между тем Хмельницкий, воспользовавшись устранением угрозы польской агрессии, завяз в противоречивых молдавских делах. С весны 1653 года его старший сын Тимош был вынужден защищать своего тестя, молдавского господаря Лупу, от его конкурентов: венгров, волохов и поляков одновременно. Хотя некоторые историки и считают, что Богун принял участие в первом молдавском походе, нам это мнение все-таки представляется ошибочным. Достоверно известно – летом 1653 года Богун вместе со своими казаками стоял в Оратове, одном из городов Кальницкого полка, и не вмешивался в разыгрывавшиеся политические события.

Впоследствии Богун, скорее всего, был все-таки втянут в молдавские события. Это наиболее спорный момент его биографии, поэтому следует рассмотреть его более подробно. В конце августа Хмельницкий отправил Богуна к югу от Винницы для добычи языков[59]. Современник событий Л. Рудавский прямо сообщал, что Богун был послан на помощь Т. Хмельницкому и жене молдавского господаря Лупу, осажденным в Сучаве валашско[60]-венгерско-татарско-польскими войсками[61]. На этом известия о Богуне, связанные с Сучавой, прекращаются.

Зато, по сообщению современного польского историка В. Коховского, в этот город прибывает «главная надежда» казаков, полковник Николай Федорович. После того как Тимоша тяжело ранили (12 сентября н. ст.), именно этого Федоровича казаки избрали наказным гетманом. Под его руководством они мужественно защищались в течение месяца (до 9 октября н. ст.)

против объединенных войск. Королевский секретарь П. Дони в письме к папскому нунцию называл Федоровича полковником, «человеком наиболее уважаемым в народе»[62]. Другой поляк-современник, Голинский, в своих записях говорит о Федоровиче, «шляхтиче литовском»[63]. Украинская летопись С. Величко пишет про «полковника Федоренко»[64]. Молдавский господарь Стефан называл его «Федоровичем, казацким гетманом». А в тексте присяги этого «некто», когда казаки согласились сдаться на почетных условиях ввиду безнадежности положения, имеются следующие слова: «Я, Николай Федорович, на этот час старший войска Запорожского, с коллегами и полковниками…»[65].

Однако никакого другого «знаменитого» «шляхтича» «полковника» Федоровича, кроме Ивана Федоровича-Богуна украинская история не знает. И скорее всего, речь идет об одном и том же человеке. Николаем же его называют либо по ошибке (текст подлинной присяги не сохранился), либо это было его второе имя (как у Хмельницкого Богдан Зиновий), которое Богун вспомнил в неприятный для себя момент поражения.

Еще одно очень интересное свидетельство имеется у московского посла в Польше – что после ранения Тимоша казаки выбрали двоих: Ходовича и Ковалька. Скорее всего, имелся в виду «Федорович из Кальника».

Вышел Федорович из Сучавы хотя и уступив полякам, но по-богунски, с распущенными знаменами, барабанным боем и почетной гвардией. Как писал очевидец, казаки маршировали с особым старанием и тщательностью. Впереди полковника вели шесть лошадей в знак особого к нему уважения. На повозке медленно везли гроб с телом умершего Тимоша, покрытый длинным куском полотна с черными и красными крестами[66].

Однако на этом злоключения Федоровича, т. е. Богуна, не закончились. Из отписки русских послов от 19 ноября мы узнаем, что Л. Капусте было приказано поймать его и казнить, ибо он «Тимофеева скарбу взял себе, а… после… учел сбирать казаков и зло мыслить над гетманом и над всем войском запорожским»[67]. Русские утверждали, что Федоровича казнили, но тут они явно что-то напутали и в свой статейный список эти сведения уже не включили.

Сохранилось донесение ректору Краковской академии, якобы Богун «с подстрекательства и побуждением тех казаков, которые были в Сучаве» готовил заговор с целью убить Б. Хмельницкого[68]. В письме молдавского господаря Стефана венгерскому военачальнику Я. Кемени сообщалось, что Лупу обвинял Федоровича в присвоении сокровищ Сучавы[69].

Как бы то ни было, Богуну удалось опровергнуть обвинения,

возводимые на него Лупу. Пленный поляк Суловский рассказал Хмельницкому о тайных действиях Лупу против Тимоша. Гетман перестал доверять бывшему молдавскому господарю и отдал его татарам[70]. Богун был награжден Хмельницким почетной миссией – встречей русских послов во главе с боярином В.В. Бутурлиным, прибывших в Украину объявить решение царя «взять ее под свою высокую руку».

Тринадцатого декабря (н. ст.) Федорович прибыл в Путивль к московским послам с письмом от Хмельницкого и в сопровождении тридцати казаков[71]. Приехал он прямо из-под Бара, района боевых действий, и рассказал, что польский король Ян Казимир стоит в укрепленном лагере под Жванцем, а Б. Хмельницкий с войском – в восьми милях от него. Крымский хан расположился посередине между двумя враждебными лагерями. Богун также рассказал о своем рейде (за три недели до этого), когда ему вместе с татарами удалось захватить подстаросту каменецкого Хростовского и четыре тысячи пленных, которых он привел к Хмельницкому.

Гетман поручил полковнику проводить русских в Переяслав. Во время этой непростой дипломатической миссии Богун проявил находчивость и настойчивость. Получив ложные сведения, будто Хмельницкий заключил мир с польским королем на условиях пребывания в украинских городах польских урядников, послы передумали ехать в Переяславль и остановились на дороге. Тогда Федорович примчался «за 4 часа до света» и уговорил их продолжать путь, уверяя, что гетман скоро будет в Переяславле. Утром 22 декабря 1653 года послы вместе с Богуном продолжили путь, и в Корибутове их встретил сын Ивана – Тимоша, а с ним сто конных казаков, которые, спешившись, приветствовали боярина.

Это единственное упоминание об этом ребенке Богуна. То, что в русских отписках он зовется «Тимошей», может свидетельствовать, что речь идет о ребенке, скорее всего, недожившем до зрелого возраста. По крайней мере, никаких других данных о Тимофее Федоровиче (Богуне) мы не имеем.

В Переяславле Богун присягнул на верность царю[72]. Однако его разногласия с Хмельницким не остались незамеченными современниками и породили множество слухов. Например, в начале 1654 года французская «Газета» писала, что Федорович отказался присягнуть московитам «под тем предлогом, что не может принести присягу, противную той, которую он уже принес перед тем, как выйти из Сучавы»[73].

Поляки тоже решили, что Богун не присягал, и всячески в этот период стремились переманить его на свою сторону. К нему

написали польский великий коронный гетман Станислав Потоцкий, знаменитый поручик А. Окунь, перешедший к полякам бывший сотник Брацлавского полка Я. Ямпольский, приятель детства П. Олекшич (в своем письме он ссылался на старое знакомство и совместные годы жизни с Богуном)[74]. В частности, Олекшич, напоминая о единой с полковником вере, призывал «чтобы ваша милость имели презрение на народ православный и толь суровыми войнами и замешаньем междоусобным его не искореняли… а поклоняясь пану своему природному (т. е. польскому королю. – *Т. Т.*), под которым нам Бог изволил породитися и под которым мы в той же вере с вами безстрашно и при волностях наших жили»[75]. Поляки от лица короля обещали Богуну все: «гетманство запорожское, шляхетство и староство, которое твоей милости в Украйне полюбитца», иными словами – власть и богатство. Сенаторы готовы были подтвердить эти обещания присягой, а король – грамотами.

Но стремление к власти никогда не было движущей силой в поступках Богуна. Видимо, он довольствовался своей необыкновенной славой, а доходов ему вполне хватало тех, которые приносили ему война и звание полковника. Однако такие предложения поляков опять могли поставить Федоровича под удар. Наверное, поэтому он немедленно переслал полученные письма к Хмельницкому, за что заслужил «похвалу» и «милостливое слово» от царя[76].

Но Богун не был бы Богуном, если бы ограничился таким демаршем. Несмотря на то что он был занят боями с татарами, возвращавшимися в Крым с добычей[77], полковник, по сообщению летописи Величко, «задумал фортель». Прикинувшись, что переходит на сторону поляков, он пригласил Потоцкого приехать к нему[78]. Федорович рассчитывал на приход небольших сил поляков, которых удастся разбить. План не удался: то ли Потоцкий не поверил полковнику, то ли поляка предупредили. Отряды Потоцкого вступили крупными силами на Брацлавщину, и начался очередной карательный поход. Были спалены Немиров, Ягубец, а их улицы «покрыты трупами».

Богун, имея, по данным польских языков, в своем распоряжении десять тысяч казаков, встретил поляков в Умани. В городе укрылось большое количество крестьян из соседних слобод и это не упрощало ситуацию, хотя у полковника имелись немалые припасы. Поляков возглавляли старые «приятели» Богуна: польный гетман Станислав Ляндцкорунский (которого он «искупал» под Винницей) и обозный коронный Стефан Чарнецкий (который со времен Монастырища ходил с «серебряным горлом»). Оба они пылали жаждой мести и рвались в бой.

Воевода брацлавский Петр Потоцкий напрасно пытался остудить их пыл, предлагая не ходить всеми силами, а послать под Умань только несколько полков. Поскольку застать Богуна врасплох не удалось, Потоцкий предлагал отказаться от штурма, справедливо подчеркивая, что у них отсутствовали пушки и пехота. Поляк – участник событий писал в своем дневнике: «Хорош был совет, потому что мы отступили бы без посрамления и не понесли бы такой потери». Но Потоцкого не послушались, и 3 апреля, в Страстную пятницу (по католическому календарю), поляки всеми силами подошли к Умани.

На предложение сдаться казаки ответили стрельбой из пушек. Затем по приказу Богуна они оставили Новый город и заперлись в Старом. Их отделяла от поляков река, по льду которой казаки весь день предпринимали вылазки. После небольшой передышки поздно вечером Богун открыл оружейный огонь и вывел конницу, она выскочила «с великим криком и покрыла поле под валами». Пока поляки организовывали сопротивление, казацкая пехота, перейдя через пруд, ударила им в тыл. Шляхтичи в панике покидали свои только что занятые квартиры в Новом городе. В конечном счете Новый город остался за казаками. Там они захватили возы со шляхетским добром и с награбленным в Брацлавщине, а также немало лошадей.

В тревоге и ругани обобранные поляки провели ночь в поле, а ветер гнал им в лицо огонь от зажженного казаками Нового города. Потеряв под Уманью до семи тысяч человек, Ляндцкорунский был вынужден бесславно отступить[79].

После этого на польско-украинском направлении наступило временное затишье, а в белорусско-литовских сражениях Богун участия не принимал. Летом он находился в Лиловце – в одном из городов своего полка.

Осенью 1654 года поляки, имея в своем распоряжении сильную армию[80], предприняли еще одну попытку силой вернуть Украину в состав Речи Посполитой. Началась кровавая резня, в которой погибали без разбору и женщины, и дети.

В декабре польские войска под командованием все того же Стефана Чарнецкого устремились к Брацлаву, где находился Богун с двенадцатью тысячами казаков. Изумленных поляков ожидала необычная картина: все городские ворота распахнуты, на стенах города не видно стражи, не было и людей на валах. Казалось, в Брацлаве нет ни одной живой души.

Чарнецкий, в третий раз столкнувшись с Богуном, не полез на рожон и напряженно ожидал какого-нибудь «фортеля». Он так и заявил своим офицерам: «Это хитрость Богуна. Он нарочно представляется беспечным и ленивым, но, скорее всего, спрятал

где-нибудь свое войско и готовит нам какую-нибудь ловушку». Восемь раз обходил Чарнецкий вокруг Брацлава, с ужасом ожидая появления Богуна. Но ворота были по-прежнему открыты и никто не появлялся. Поляки не могли понять хитрости противника, терялись в догадках и панически боялись попасть впросак[81].

Наконец 8 декабря 1654 года Богун молниеносно вывел свои войска из города и построил их в боевом порядке над Бугом. Поляки устремились на них. Казаки дали сильный залп, затем сожгли мост и спокойно ушли по дороге на Умань на глазах многочисленного польского войска. Никто не решился их преследовать, зная, что в небольшом отряде был «сам Богун».

Между тем к полякам подошла орда в количестве тридцати тысяч человек[82]. И без того сильная польская армия увеличилась и представляла собой грозную силу. Двадцатого января 1655 года соединенные войска устремились к Умани, где заперся дерзкий Богун со своим небольшим отрядом.

Там поляков снова ждали сюрпризы. Город был укреплен тремя высокими валами и тремя сухими рвами. Богун распорядился полить валы водой, и на морозе они покрылись ледяной коркой, сияя в лучах солнца как катальные горки и отбивая у поляков охоту к штурму. На предложение сдаться Богун ответил пальбой из пушек. Тогда на следующий день назначили генеральный штурм.

Польский генерал артиллерии Гродецкий прилагал все усилия, чтобы зажечь город, а богунцы, в свою очередь, изощрялись в выдумках, чтобы этого не допустить. Так, они покрывали крыши домов мокрыми кожами и полостями. Польские артиллеристы сетовали на высокую влажность, в душе проклиная «богунские штучки». Зажечь город полякам не удалось.

С отчаянья они пошли на безнадежный штурм, с трудом преодолели первый вал и достигли рва. Но тут на них обрушился Богун, лично возглавивший вылазку. Одного его вида уже было достаточно, чтобы поляки толпой устремились в бегство.

В это время к району Охматова подошли соединенные силы Хмельницкого и русских. Поляки напали на них, и завязался легендарный бой под Дрыжиполем (т. е. «поле дрожи»). В самый сложный для Богдана момент Богун, выйдя из Умани, ударил со своими казаками в тыл полякам и спас положение. Его казаки положили более тысячи поляков. Внезапное появление «страшного Богуна» совершенно поразило польских воинов. Ночью, в темноте, было невозможно определить величину прибывшего войска. Поляки устремились на Богуна, оставив Хмельницкого. Но полковник, имея «очень выученное» войско, сумел разрезать ряды противника и соединиться с основными

казацкими частями. Гетман за это время успел укрепить обоз и соорудить вал из трупов врагов. Положение было спасено.

И вот тут произошел крайне интересный эпизод. Командовавший русскими войсками В.Б. Шереметев в резкой форме стал выговаривать Богуну за то, что тот ушел из Брацлава, оставив край на разграбление. На это полковник якобы ответил: «Когда приманивают птиц, им бросают что-либо привычное на корм, чтобы легче было заманить в сети»[83]. Со времен Северного Донца это было первое враждебное столкновение Богуна с русскими властями. Шереметев славился своим надменным и крутым нравом. Местнические амбиции боярина были чужды и неприятны казацкой старшине, воспитанной на огнеопасной смеси казацкой вольности и шляхетской демократии. Да и, кроме того, объяснить в двух словах воеводе военную тактику, наработанную поколениями казаков, было невыполнимой задачей. Впоследствии даже Петр Великий не смог избежать поражения во время Прутского похода, недооценив особенностей войны на юге.

В трехдневных тяжелых боях на Дрыжиполе в условиях страшного мороза, без воды и дров, русско-украинское войско, построив казацкий табор из телег, скрепленных цепями, вырвалось из окружения многократно превосходивших их по численности польско-татарских сил[84].

Не успев отдохнуть после Охматова, Богун с десятитысячным отрядом свежих войск был отправлен Хмельницким громить татар, вторгнувшихся в пределы Украины для сбора ясыра (добыча, обычно пленники. – *Т. Т.*). Как писал казацкий летописец, Богун, досконально зная украинские тропы, занял все нужные места, чтобы перехватить возвращавшиеся с добычей татарские загоны. Опыт «загонщика», полученный в молодости, ему очень пригодился. Из десяти тысяч татар лишь пятьсот вернулось домой, лишившись всей добычи. Две тысячи пятьдесят шесть татар попали в плен к Богуну, который отослал их к Хмельницкому в Белую Церковь. Пятьсот пленников были отправлены в виде подарка в Москву, пятьдесят Богдан оставил себе, а остальные были отданы богунцам. Честь, слава и богатство сопутствовали удалому полковнику[85].

Пасху Богун отпраздновал уже в родных местах, в Немирове (Винницкая область). А в апреле 1655 года Богуна постигла тяжелая утрата – от эпидемии умер его друг и соратник, Уманский полковник Иосиф Глух.

В августе Иван уже участвовал в новом походе против поляков. С двадцатью тысячами человек он направился под Острог и Олыку.

Кампания эта, как известно, завершилась миром с ханом под Озерной. Вынужденное соглашение с Крымом вызвало весьма неоднозначную реакцию в окружении царя, и отношения Украины с Московским государством стали заметно ухудшаться.

Зимой-весной 1656 года Польша, находившаяся после начала войны со Швецией (т. н. «потоп») в тяжелейшей военной ситуации, начала мирные переговоры с Москвой и Чигирином. Царское правительство, желавшее предъявить претензии Швеции и опасавшееся роста ее влияния, склонялось к миру, Хмельницкий же был категорически против и начал сепаратные переговоры со Швецией и Трансильванией.

Что же касается Богуна, то он оказался в оппозиции к гетману. Восемнадцатого июня 1656 года папский нунций в Варшаве Видони сообщал в Ватикан: «…ходят в тех краях письма, что казаки раскололись между собой, и одна их часть якобы избрала некого Богуна, славного воина, себе в командиры»[86]. Это подтверждает и письмо и. Радзеевского к шведскому королю: «Кроме того, по сообщению высочайшего лица Хмельницкий находился во вражде с полковником Богуном, который присоединился к польской партии и пытается принудить к этому Хмельницкого»[87].

И на этот раз Богун не добивался гетманской власти, хотя, имея в виду его популярность среди казаков, такие притязания могли бы стать очень серьезными. При этом открытое выступление против Хмельницкого опять сходит Богуну с рук. Видимо, даже всесильному гетману приходилось считаться с авторитетом дерзкого полковника. Удивительный факт!

Хмельницкий решает принять участие в совместном шведско-трансильванском походе против Польши. Наказным гетманом идет А. Жданович, но вскоре ему на помощь прибывает отряд под командованием Богуна. Сам по себе поход был нарушением условий Переяславского договора, так как казаки своевольно отправились воевать с Речью Посполитой в момент, когда Москва заключила с ней Виленское перемирие.

Как объяснить тот факт, что Федорович, заклятый враг поляков, летом 1656 года выступал за мир с ними, а уже в январе 1657 года участвовал в походе против них? Убедился ли он в правоте Богдана, подчинился ли его приказу, или же счел союз со Швецией и Трансильванией наиболее выгодным для Украины? Скорее всего – последнее. Тем более что поляки совсем не спешили выполнять условия Виленского договора, и, в частности, избирать царя своим королем. Поход был ярким примером независимой политики гетмана, а именно такой политики добивался Богун.

Факт участия Богуна в походе на поляков бесспорен. Как сообщали польские источники: «Хмельницкий послал в Польшу Богуна, своего славного полковника, с несколькими полками…», чтобы они соединились с частями А. Ждановича[88]. Поляки говорили русскому послу К. Иевлеву, что Хмельницкий «полковника своего Онтона и Богуна прислал к Ракоци с войском…»[89]. Из немецкого летучего листка (аналог газеты, печатная информация. – *Т. Т.*) следует, что армия казаков насчитывала шесть тысяч (русские воеводы сообщали о двенадцати тысячах казаков). «Их генерал Антон киевский. Богун был генерал-квартиммейстер и вел одновременно один полк»[90]. Наконец, то, что Хмельницкий отправил к Ракочи «целый полк… с польным гетманом Антоном и Богуном, другим военачальником», обсуждали в своей переписке русский царь Алексей Михайлович и польский король Ян Казимир[91].

Помимо собственных казаков у Богуна имелись и многочисленные «охотники», стремившиеся «показачиться». Насколько многочисленна была толпа этих желающих, свидетельствует дневник Гильдебранта, члена шведского посольства на Украине. Он ехал из Чигирина с казацким полковником (скорее всего, с и. Богуном), имевшим от Хмельницкого патент на набор войска. Стремившихся записаться к нему в отряд было много. Полковник их кормил и поил, а они «молились на этого полковника, благодаря Бога и полководца (Хмельницкого. – *Т. Т.*) за хлеб-соль». Правда, Богун отобрал из всей этой толпы только двадцать человек, но это объясняется не отсутствием выбора, а его требовательностью[92].

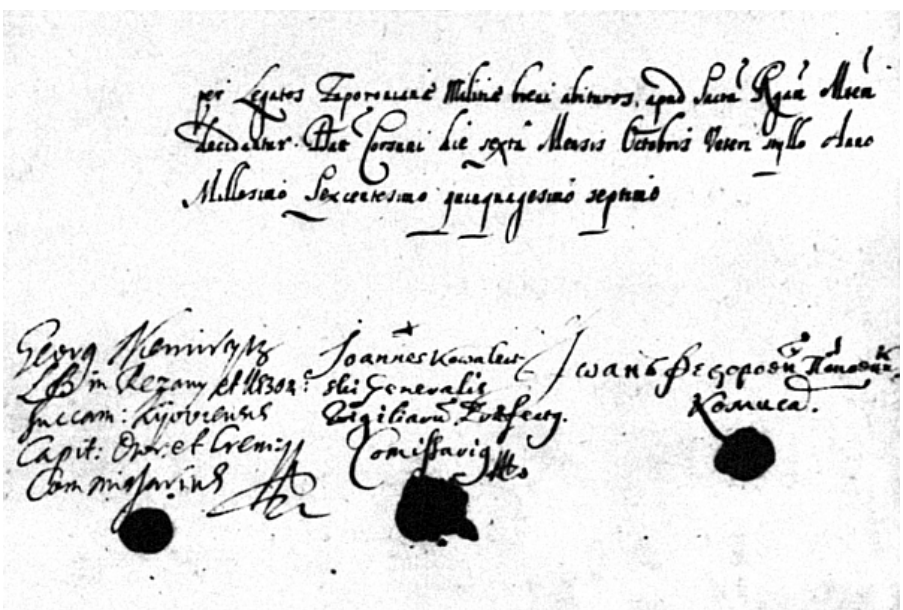
Двигаясь на запад, казацко-венгерское войско захватило Люблин и Брест. В Белоруссии Жданович с Богуном продолжили политику Богдана Хмельницкого, стремившегося подчинить ее своей власти. Жданович приводил к присяге пинскую шляхту, распространяя казацкие порядки. Апофеозом похода стал захват Варшавы, казаки ее «чисто разграбили». Многие всерьез верили, что с проклятыми «ляхами» наконец покончено.

Однако на самом деле все обстояло далеко не так безоблачно. Между казаками и венграми постоянно возникали недоразумения. Вскоре Ракочи начал сепаратные переговоры с поляками, но у казаков произошел бунт, и войска разошлось. Хмельницкий был взбешен и отдал приказание, чтобы «Антоний и прочие военачальники были казнены». Как это часто случалось, приказ исполнен не был (или Хмельницкий поостыл и передумал). Да и казнить Богуна было не так-то просто даже самому гетману. Хотя полк у Ивана, видимо, в этот момент все-таки отобрали.

Но 6 августа 1657 года Богдан умирает, наступает небольшой период междуцарствия, и затем на Чигиринской раде избирают гетманом Ивана Выговского. Тот, конечно, хотел заручиться благосклонностью знаменитого во всей Украине человека. Богун становится доверенным лицом Выговского и начинает активно заниматься политикой.

На Корсунской раде в октябре 1657 года Богун заявил: «Быть нам у царского величества нельзе потому: хотя он, государь, к нам и милостив, только начальные ево люди к нам не добры и наговорят государя на том, что привесть нас во всякую неволю и пожитки наши у нас отнять»[93]. Шестнадцатого октября 1657 года он от лица Украинского гетманства подписывает Корсунский договор со Швецией, что после его участия в походе Ракочи можно расценивать как закономерный шаг[94].

Следует отметить, что статьи Корсунского договора предусматривали сохранение союза с Москвой и лишь давали Украине некоторые гарантии сохранения автономии. Однако шведы уже к тому времени проиграли войну с Польшей и перестали активно влиять на восточноевропейскую политику. Ракочи свергли, и он оказался в плену. Выговскому волей-неволей приходится искать новые приоритеты. Он признает подписанное еще Хмельницким перемирие с поляками, которое соответствовало Виленскому соглашению, и ведет переговоры с прибывшими в Чигирин польскими послами С.К. Беневским и Д. Вороничем.



Текст Корсунского договора со Швецией с подписью и.

Федоровича

Начавшееся против гетмана восстание Пушкаря и Барабаша, подозрения Москвы в неверности – все это делает положение Выговского очень непростым и заставляет искать пути выхода из создавшейся ситуации. Вопреки мнению советской историографии, Богун не только не был в оппозиции, но, наоборот, выступал преданным соратником Выговского. В феврале, во время первого открытого столкновения с войсками Пушкаря на Ворксле, он командовал отрядом со стороны Выговского. Гетман, по-видимому, отправил Богуна на переговоры с восставшими, рассчитывая на его популярность и авторитет. Испугавшись, Пушкарь не допустил этих переговоров, а предпочел напасть. Почему-то в распоряжении славного полковника были не его «богунцы», а наемные волохи, сербы и янычары – всего тысяча пятьсот человек[95]. Похоже, что гражданская война вызывала у Богуна протест – он отступил, не применяя своих излюбленных хитростей.

Однако он продолжает оставаться верным сторонником Выговского. Например, Богун присутствовал вместе с гетманом на важной встрече с русским воеводой Н. Зюзиным в январе 1658 года, когда была предпринята попытка преодолеть наметившийся раскол в русско-казацких отношениях.

Весной Выговский отправляет Богуна в Москву. Имеется интересное, очень откровенно написанное письмо гетмана к Федоровичу от 20 марта: «Имею надежду, что моя, как и вашей милости, невинность объявится совершенно приездом вашим счастливым и приездом до его царского величества…»[96].

Первого мая 1658 года (н. ст.) Богун находился на переговорах в Москве. Посольству надлежало убедить Москву в верности ей гетмана и создать неблагоприятное мнение о восставших. Богун был противником мятежников. При этом он желал сохранения союза с Москвой, но не разделял позицию второго члена посольства Г. Лесницкого, готового поступиться автономией гетманства ради получения из Москвы помощи в борьбе с «чернью». Вопреки наказу Выговского Лесницкий просил царя прислать на Украину воевод, на что русские охотно согласились.

Однако появление воевод вызвало резкий протест. Одним из самых яростных противников установления на Украине власти московской администрации был Богун. В присутствии Выговского он кричал стольнику П. Скуратову: «Нам де воеводы ненадобны; жон да детей наших переписывать приехали? ...ты де к нам в Чигирин воеводою едешь? Не здоров де от нас выедешь!»[97]. В

вопросе о воеводах позиции Выговского и Богуна совпадали, а это был принципиальный момент. Речь шла о недопущении ограничения гетманской власти и сохранении автономии, закрепленной Мартовскими статьями 1654 года.

Мятеж Пушкаря – Барабаша создавал огромную опасность для единства Украинского гетманства, подрывая его силы изнутри. Поэтому Богун активно боролся с восставшими. Он принял участие в сражении под Полтавой (11 июня 1658 года) и, видимо, оказал большую услугу Выговскому в разгроме Пушкаря, так как гетман именно его назначил Полтавским полковником[98]. Но Богун не остался в этом звании. Скорее всего, Левобережный край был ему чужд, и в августе 1658 года он выступает уже как Паволоцкий полковник, сохраняя это звание в течение ряда лет.

В августе 1658 года Богун появляется под Киевом вместе с полковниками Белоцерковским и. Кравченко, Брацлавским и. Сербиным и Подольским О. Гоголем. Они заявили, что ожидают Данилу Выговского и татар, а «под Киев де они пришли… для договору всяких дел»[99]. Но когда появился Данила, он сразу начал штурм города. В эти сложные и неоднозначные события был таким образом вовлечен и Богун. Сражение под Киевом, которое возглавил брат гетмана Данило Выговский, было еще не окончательным разрывом с Москвой, а выступлением лично против Киевского воеводы В.Б. Шереметева, с ним, как известно, Богун сталкивался и раньше.

Реальные военные действия между русскими и приверженцами Выговского начались лишь в феврале 1659 года, после вторжения Г.Г. Ромодановского. В этот период Богун по-прежнему был среди войск, преданных гетману. Но Гадячский договор с Речью Посполитой он не подписал и никаких активных действий не предпринимал. Осажденный в Конотопе наказной Северский гетман Г. Гуляницкий послал ему паническое письмо, упрекая Богуна, что тот не оказывал ему «жадной помочи»[100]. В выжидательных действиях прославленного полковника могло проявляться недовольство гражданской войной, а возможно – Гадячским договором.

Он остался с Выговским, но стал одним из лидеров «государственной группировки» старшин. Так, во время Конотопской битвы с русскими Богун вместе с другими старшинами предпринимает попытку объединить Украину. Они направляют свои послания царю, ставленнику русских Беспалому и Трубецкому. В своих посланиях старшины призывали Беспалого задуматься о судьбе своего отечества: «Уродився с нами вместе волным народом и скормився заодно в Малой Росии, отчине нашей»[101]. Перепуганный Выговский тогда срочно пустил в бой

татар, и произошла Конотопская битва.

Но прошла неделя, и те же полковники пишут сразу два письма Трубецкому и царю, сообщая, что «далнего не желаем кровопролития». Поэтому они предлагали вести переговоры, а для начала – поменять пленных. Они открыто упрекали царя, что «чрез колко сот лет не узнали таковаго в краях своих испустошенья, какое ныне от православных ратей» происходит.

В сентябре 1659 года В.Б. Шереметев сообщал уже об оформившейся оппозиции: «А к переяславскому и к нежинскому и к черниговскому и к Киевскому полковником пристали полковники и присягали меж себя на том, что тебе великому государю служить и быть в соединенье на изменника ивашка Выговского и на поляков: умонской, паволоцкой, Багун каневской, белоцерковской… а умонской полковник и Серик из Запорог, сказывают, государь, что идут к Юрью Хмелницкому»[102]. Необходимость принести в жертву непопулярного Выговского приводит к тому, что группа Правобережной старшины при активном участии Богуна смещает гетмана и вручает булаву Ю. Хмельницкому. Новый гетман сразу же обещал «стараться успокоить… своеволие заднепровское», иначе говоря, продолжать борьбу Выговского с последователями Пушкаря – Барабаша.

Многие историки повторяют друг за другом, что смена гетмана произошла в результате «народного восстания под руководством Богуна». На самом же деле никакого «народного восстания», возглавленного Богуном, не было – это чистый миф, лишенный какой-либо опоры на факты. Просто имел место успешный, быстрый и тихий старшинский переворот. Богун вообще никогда не апеллировал к «черни», а все свои решения принимал в самом тесном кругу, что и приводило к острому эффекту неожиданности.

Действия Богуна по недопущению раскола Украинского гетманства были весьма своевременны, поскольку в сентябре 1659 года начался массовый переход на сторону русских недовольных Гадячским соглашением Левобережных полковников. В Переяславле местный полковник Т. Цицура устроил А.Н. Трубецкому торжественную встречу, уже подготавливая почву для получения булавы. Но тут прибыл гонец с известием о раде на Росаве, на которой Правобережные полковники скинули Выговского и избрали Юрия Хмельницкого. Это было как гром среди ясного неба, и спутало все карты Левобережных полковников. Русские власти сразу же отказались от планов вручения булавы одному из Левобережных лидеров, предпочитая иметь дело с Ю. Хмельницким.

В свою очередь, Выговский был так зол на своего бывшего

соратника, что отдал приказ, «чтобы, поймав Богуна, бунтовщика посадили на кол»[103]. Именно на кол и именно Богуна. Такое распоряжение Выговского становится понятным, только если тот на самом деле руководил действиями оппозиционных полковников.

Почему Богун, противник русских воевод как символа ограничения гетманской власти и установления крепостнических порядков, пошел на мир с Москвой? На самом деле, свергнув Выговского, старшина еще не определилась, к кому склониться – к царю или королю. Но неудачная попытка договориться с Польшей и нежелание польской шляхты пойти на условия, устраивавшие Украину, заставили Ивана летом 1659 года выбрать Москву как наименьшее зло.

По сообщению одного участника, на старшинской раде «некоторые вольнодумцы говорили, а особенно Богун, полковник Паволоцкий, против царя московского. Что мы под царем не думаем оставаться, когда знаем, что царь не даст нам таких вольностей, которые мы имели от короля его милости…»[104]. В результате старшина во главе с Богуном предложила Москве Жердовские статьи, по которым они хотели объединиться с русским царем.

Это был не просто проект хорошего договора с Россией. Мысль сторонников украинской государственности шла в этом документе гораздо дальше – можно сказать, что Жердовские статьи по заключавшейся в них степени независимости Украинского гетманства превосходили даже первую редакцию Гадячского договора, хотя и не имели эффектных фраз вроде «Княжества Руського». По сути, речь шла о полной независимости от Москвы и сведению вассалитета до минимума. В Жердовских статьях наиболее ярко проявились основные устремления сторонников «государственной группировки»: твердая власть гетманской администрации, свобода назначений и полный приоритет старшинского управления на территории гетманства, отсутствие русских воевод, свободные внешние сношения, самостоятельная церковь, распространение старшинской власти на территорию Белоруссии.

Но самые активные полковники, составлявшие «костяк» государственной группировки, – К. Андреев. И. Кравченко, В. Бутримов, М. Ханенко, М. Зеленский, О. Гоголь, не приняли участия в Переяславской раде, где происходили решающие переговоры с русскими. Официально они были оставлены на границе для защиты от поляков и татар. Не принял в ней участие и Богун. Скорее всего, это произошло из-за нежелания полковников встречаться с русскими воеводами, которых они

недолюбливали. Однако это оказалось серьезной ошибкой.

На второй Переяславской раде Ю. Хмельницкий присягнул царю. Но русские воеводы, воспользовавшись моментом, изменили статьи так, что они значительно уступали договору 1654 года. Воеводы должны были теперь находиться во всех крупнейших городах Украины, гетману и казакам запрещалось вступать в Белоруссию, Киевский митрополит должен был подчиняться Московскому патриарху, а не Константинопольскому. Резко и серьезно урезались полномочия казацкой администрации в решении внутренних проблем.

Когда старшина ознакомилась с этим документом, «особливе полковники Богун, Ханенко, Гоголь и иньшие… крепко нарекали за неисправление на старшину, в Переясловле при Хмелниченку бывшую»[105].

Недовольство Богуна стало известно полякам. Потоцкий писал королю, что «полковники Уманский и Богун совершенно преданы вашей королевской милости и теперь не поехали присягать в Переяславль[106]». А Выговский, еще совсем недавно желавший посадить Богуна на кол, писал о нем королю уже совсем по-другому: «Полковник паволоцкий принужден был отстать от нас»[107].

В январе 1660 года Богун участвовал в операциях против армии короля и Выговского, в чьем распоряжении имелось восемнадцать тысяч поляков, пушки и татары. Вместе со своими соратниками последних лет О. Гоголем, М. Ханенко и и. Сирко он отражал польский поход на Брацлавщину. Великий коронный гетман С. Потоцкий намеревался захватить Могилев-Подольский, Умань и Брацлав. Богуну с товарищами удалось не только сорвать этот план, отбив Могилев, но и взять Бар[108].

Летом Богун находился в Умани для обороны от татар. Осенью 1660 года он был вместе с Ю. Хмельницким под Чудновым, где произошло генеральное сражение русско-украинских и польско-татарских войск. Как известно, в решающий момент Хмельницкий заключил мирный договор с Речью Посполитой. Богун лично участвовал в переговорах под Слободищами вместе с полковниками Зеленским, Гоголем, Кравченко и Ханенко – все с той же группой «государственников», настаивая на принятии условий Гадячского договора[109]. В результате был заключен Чудновский договор с поляками. Русские войска, оставшись без союзников, потерпели сокрушительное поражение, а В.Б. Шереметев попал в плен.

После заключения мира Богун по-прежнему сохранил за собой звание Паволоцкого полковника. Но Чудновский договор, сильно уступавший даже урезанному варианту Гадячского, никак

не мог его удовлетворить. Это один из самых малоизвестных и спорных периодов его жизни. Многие историки считали, что он даже был арестован и заключен в Мальборкскую крепость. Однако документальных подтверждений этому нет.

На протяжении всего 1662 года Богун весьма активно принимает участие в походах Юрия Хмельницкого. В марте он был назначен наказным гетманом, после чего вместе со своим полком (четыре тысячи), с полковником Бережицким (две тысячи) и татарами Девлет Келдея (шесть тысяч) отправился на Левобережье. Против него был выслан Г.Г. Ромодановский с двадцатью четырьмя тысячами человек[110].

Под Жолвиным на реке Суле у боярина был с Богуном бой. Казаки напали на русских во время переправы. Когда их атаку отбили, они окопались и выдержали штурм. Во время этих стычек в плен попал племянник Богуна Кузьма[111]. После этого Богун выручил осажденного в ирклееве Бережицкого, и они вместе укрепились в этом городе, рассылая по окрестностям загоны татар[112].

После отступления на Правый берег в августе 1662 года Богун передает в Жолкве королю письма Юрия Хмельницкого. В них объяснялось, что казаки не могли собственными силами противостоять мощной армии Ромодановского, а обещанная помощь от поляков и татар так и не пришла. Хмельницкий посылает Богуна и на сейм, проходивший во Львове[113]. Именно тогда Богун позволяет себе резкую выходку против короля (как некогда против русских воевод) и попадает в немилость. Возможно, именно этот инцидент описывает знаменитая польская «Рифмованная хроника». В ней говорится, что Богун, едучи рядом с королем, кричал толпе крестьянских детей: «Дети, дети украинские! Своего пана короля ударьте по великому носу, милостивому!»[114]. Хотя поляки приняли это за шутку, но, по выражению автора хроники, «король свистнул носом», а «с Богом и королем нужно начинать шутку осторожно»[115].

Но Богун был нужен Украине. После сложения Ю. Хмельницким гетманской булавы и его ухода в монастырь новым гетманом Правобережья стал Павел Тетеря. Едва получив булаву, Тетеря дает направлявшемуся к королю Г. Гуляницкому наказ, в нем он «просит Запорожское войско, дабы Богун, оскорбивший Величество, был выпущен со всем имуществом его и освобожден, и вместе с Г. Гуляницким, послом, возвратился к Запорожскому войску»[116].

Заступничество Тетери не понадобилось, Богун возвращается в Украину еще до приезда Гуляницкого. Уже 26 февраля 1663 года (н. ст.) Тетеря благодарит короля «за освобождение Богуна,

который не нахвалится за это перед Войском…»[117]. Дату подтверждает и письмо королевской канцелярии от 2 марта (н. ст.), где говорится, что король «приказал совершенно освободить Богуна, который в это время должен быть в войску»[118].

В феврале Богун приехал на Украину, а вскоре поляки доверили ему ответственнейшую должность наказного гетмана во время похода короля на Левобережье осенью 1663 года. Похода, в котором сам гетман Тетеря не участвовал и таким образом вся ответственность за казацкие полки ложилась на Богуна. Польская «новина» от октября 1663 года писала: «Богун верно к нам относится, по его уговорам сдаются города и приносят присягу королю. А на его имя прибывает все больше войска»[119].

Брюховецкий был в настоящей панике, объясняя царю, что хоть с королем идут и малые силы, но это «…не Гуляницкий, а не Выговский…»[120], а сам Богун. Опасения Брюховецкого оправдались.

Левобережные города охотно сдавались знаменитому полковнику – Борисполь, Воронков, Гоголево, Заволоча, Остр, Ромны, Борзна. В результате их никто не разорял, а жителей не уничтожали. Во многих случаях казацкие гарнизоны сдавшихся городов присоединялись к войскам Богуна. Так, про Борисполь поляки писали: «Этот гарнизон увеличил армию под командованием Богуна, генерала казаков, который следует с королем»[121]. Только под Монастырищем дело дошло до столкновения, ибо там были казаки враждебного Богуну Киевского полковника Дворецкого и русский отряд. Пришлось брать город штурмом – еще до прибытия поляков и татар. Зато когда татары захотели забрать пленников себе, Богун им этого не позволил.

По сообщениям поляков, «Богун, генерал казаков, находится с королем, продолжая давать новые доказательства более чем своей верности. В основном благодаря его деятельности возвращены… города, и благодаря ему прибывают новые казаки из каждого места, увеличивая количество его войска, которое возросло до 20 тысяч солдат»[122]. К тому же Богун постоянно находился «рядом с королем».

Вскоре, однако, оказалось, что вовсе не Брюховецкому и русским следовало его опасаться. Отважный полковник, а ныне наказной гетман действовал в соответствии со своим тайным планом. Уговаривая города сдаваться, он оставлял в них лишь небольшие гарнизоны поляков. Как только польское войско завязло под Глуховым, последним городом перед московской границей, все Левобережье уничтожило поляков и запылало огнем восстания. Крайне интересен тот факт, что среди

руководителей восстания на Правобережье были Семен Высочан, известный полковник времен восстания Хмельницкого, прославившийся в том числе обороной Винницы вместе с Богуном в 1651 году, а также Василь Варениця – бывший сотник полка Богуна еще по реестру 1649 года.

Во время осады Глухова Богун действовал особенно дерзко. Будучи членом военного совета, он знал все замыслы поляков. Современник, поляк и. Ерлич, потом с негодованием писал, что Богун извещал защитников Глухова о времени штурма, местах подведения мин, указывал наиболее удобные места для вылазок, передавал порох и т. д. Двадцать девятого января 1664 года (н. ст.) состоялся первый штурм города[123]. После нескольких дней обстрела поляки сделали траншеи, подвели мины. Но взорвавшись, мины не произвели должного эффекта, а попытка штурма окончилась для поляков большим уроном. Польские пехота и кавалерия бросилась в разбитые артиллерией ворота, но внутри натолкнулись на прекрасно устроенную баррикаду с заряженными картечью пушками, бившими вдоль насыпи. Причем мушкетный огонь был так верно направлен, что, как писал очевидец, «тут были убиты на месте 500 человек, а остальные настолько потеряли боеспособность, что нужно было помышлять об отступлении». Атака левого фланга оказалась столь же неудачной. Поляки устремились было по льду в сделанную в стене брешь, но под многими из них лед провалился (прямо как под Винницей в 1651 г.!), «что причиняло большой беспорядок и вселяло ужас»[124].

В своих письмах все участники осады Глухова, еще не догадываясь о замыслах Богуна, в один голос отмечали пассивность его казаков и даже обвиняли их в неудаче штурма. Например, участник сражения А. Незабитовский писал: «Казаки нам ничем не помогали и даже сильно мешали»[125], а Ш. Потоцкий прямо видел причину неудачи «из-за неохотного войска казацкого, которые на штурм не шли»[126]. Другой участник штурма, и.М. фон Орхар, писал: «Казаки, которые пришли с Богуном в королевский обоз, штурмовать не хотели: что за причина, знать не могу». Он отмечал, что у поляков погибло сто сорок старших и двести младших офицеров, а также около двух тысяч солдат[127].

Второй штурм был 8 февраля. Мины не только не помогли, но взорвались в направлении польских солдат, покрыв их землей[128]. В шесть утра полки ворвались в бреши, поддерживаемые кавалерией, некоторые офицеры были уже в городе, считая, что одержали победу. Но защитники Глухова, оказавшись в этом месте со всем гарнизоном, успешно сбросили их с высоты

пролома вниз, «с трудно передаваемой стойкостью овладев брешью и открыли… убийственный огонь», убив такое количество, что атакующим пришлось отступить[129]. Фон Орхар писал после второго штурма: «Теперь здоровых офицеров в полку больше нет, кроме двух поручиков и трех хорунжих… другие пристрелены и забиты»[130]. Все офицеры в своих письмах отмечали, что взрыв мины скорее причинил полякам ущерб, чем способствовала успеху («из-за неосторожного заложения пороха»[131]).

Рискуя головой, Богун действовал, несомненно, в координации с и. Выговским, Ю. Хмельницким, О. Гоголем, М. Ханенко, Ф. Коробко, Г. Лесницким и другими старшинами, которые в то же время подняли восстание на Правобережье.

Осада Глухова ничего не дала. Польское войско задержалось на целый месяц. За это время Брюховецкий успел собрать войска и вместе с Ромодановским приблизился к полякам. В польской армии царили голод, болезни. В тылу были либо разоренные (там, где шло польское войско), либо поднявшие восстание местечки (где шли казаки Богуна).

В это время у Федоровича рождается новый замысел – он посылает к командующему русскими войсками Г.Г. Ромодановскому казака с предложением, чтобы тот шел на поляков, а он, в свою очередь, во время сражения ударит со своими казаками в тыл полякам[132]. Именно о таком замысле Богуна пишет и польская «Рифмованная хроника»[133].

Когда действия Богуна открылись через показания пленных и изменников-казаков, поляки были в настоящем шоке. Так, в польской «новине» говорилось: «Богун, забыв множество милостей, полученных от его величества, подавал очевидные знаки ребеллии…»[134]. «Богун – самый злобный человек на свете!»[135] – гневно писал обычно сдержанный король Ян Казимир в письме к своей жене. А немецкая хроника XVII века «Театрум Европеум» отмечала: «Богун показал большую неблагодарность благосклонной милости короля. Этого забыть нельзя»[136].

Обстоятельства гибели Богуна долгое время оставались неизвестными. О них не писала ни одна из ведущих украинских летописей. Богун словно исчез для своих современников. Только в конце XIX века, когда были опубликованы польский дневник и. Ерлича и ряд других польских записок, историки узнали, как погиб Богун. Но и в этих источниках мы видим лишь полунамеки и недоговоренности относительно обстоятельств его смерти. Кто оказался предателем – до сих пор неизвестно. Хотя не исключено, что это был М. Ханенко, которого поляки сразу назначили на место Богуна[137]. Ханенко и в более поздние годы проявил себя

как один из наиболее беспринципных деятелей Руины.

Итак, рано утром 27 февраля 1664 года (н. ст.) литовская армия переправилась через Десну и расположилась под Новгород-Северским, где уже находился король. Днем все старшины были вызваны на совет к Яну Казимиру, расположившемуся в маленькой деревушке Комань. И в этот же день участники похода Я.А. Храповицкий[138] и Я.В. Почобут-Одланицкий пишут в своих дневниках об аресте (оба объясняют это «открывшейся изменой»), а последний и о смерти Ивана Богуна.

Король в своем письме к жене сообщал, что ему доложили об измене Богуна казацкие офицеры. Арестовать его могли только на совете – в единственном месте, где отсутствовали преданные ему казаки.

Долгое время считалось, что Богун был казнен (расстрелян). Но два источника опровергают такую версию. Ян Казимир писал своей жене о Богуне: «Я приказал его арестовать с намерением наказать рукой палача… но Бог покарал его по-другому»[139]. А «Театрум Европеум» сообщала следующее: «7 марта вся казацкая старшина пришла к великому коронному канцлеру и попросила передать их просьбу королю, что они хотят наказать Богуна. Им было отвечено, что если бы этот офицер был очень болен, но сумел поправиться, они отдали бы его в их распоряжение, чтобы они исполнили то наказание, которое предписано законом для изменников. Однако они были избавлены от этих хлопот своевременной смертью их генерала (Богуна. – *Т. Т.*), который погиб, направляясь в тюрьму»[140].

То, что о смерти Богуна знала лишь верхушка поляков (об этом не пишут украинские летописи), доказывает, насколько глубока была тайна обстоятельств его гибели. По словам и. Ерлича, лучше других знавшего этот эпизод от С. Чарнецкого, Богуна расстреляли. Непонятна фраза в дневнике Почобут-Одланицкого: «Открылась измена Богуна, которого тотчас взяли под стражу, а потом сразу приказали убить»[141]. Польская «Рифмованная хроника», написанная в 1682 году анонимным и весьма информированным участником похода, сообщает следующее: «Богун был тихо казнен и поплыла кровь тайным бродом»[142].

Зная характер Богуна, можно предположить, что при аресте он оказал серьезное сопротивление и был убит, возможно, самими же членами совета[143]. Таким образом, деревушка Комань под Новгород-Северским, место, где проходил совет, хранит тайну гибели и захоронения Богуна[144]. Теперь там установлен памятник славному полковнику.

Поступок Богуна стал полной неожиданностью для польской

верхушки, и это говорит о полном незнании ими этого человека. Казалось бы, король в 60-е годы осыпал Богуна милостями, он получал высокие посты в войске. Большинство на его месте превратились в преданных сторонников поляков. Но, как мы видим, в решающий момент Богун вновь показал себя непримиримым к врагам Украины. Его действия как наказного гетмана внесли неоценимый вклад в провал польского похода 1663–1664 годов. После его гибели король уже практически не мог рассчитывать на помощь Правобережных казаков. Окруженные Брюховецким и Ромодановским поляки с большими потерями возвратились в Польшу.

Богуну, как справедливо писала немецкая хроника, удалось даже избежать позорной казни, или, иначе говоря, снова победить своих врагов.

Гибель Богуна была окружена всевозможными мистификациями. К примеру, у официального биографа Яна Казимира, современника событий В. Коховского (многократно приводившего на страницах своей хроники восторженные отзывы о нашем герое), при описании событий под Новгород-Северским Богун внезапно почему-то превратился в «Дуню».

Вообще, образ Ивана Богуна, возможно, из-за своей необыкновенной удачливости и лютой ненависти к нему поляков, оброс легендами. Так, Т. Юзефович, современник событий, описывая поход Яна Казимира 1664 года, в котором погиб Богун, сообщал: «Во время этого похода погиб, как рассказывают, в борьбе с нашими славный вождь казаков Шолодивый Буняк, поляков наибольший неприятель и подстрекатель ненависти, страшилище, дьявол в человеческом образе»[145]. И далее следовала страшная легенда об упыре, пожиравшем людей.

Происхождение имени «Шолодивый Буняк» ясно: оно принадлежало жестокому половецкому князю, известному по «Повести временных лет». Понятно и то, почему такие жуткие и отталкивающие легенды поляки придумывали о своем непримиримом и непобедимом враге. Интересно, что в Кальнике, его полковом городе, сохранилось предание, что Богуна «не брали пули» и убить его можно было только освященным образком (как и «Шолодивого Буняка»)[146]. Ни об одном другом современнике Богуна мы не слышали ничего подобного.

Скупость сведений о Богуне не позволяет нам установить ни дату его рождения, ни подробности семейной жизни. «Малороссийский гербовник» считал его сыном знатного войскового товарища Григория Богуна и внуком войскового товарища Леонтия[147]. Но возможно, его предком был Даниил Федорович, известный вождь украинских казаков на службе у Яна

Собеского.

Скорее всего, Богун был значительно моложе своих коллег Б. Хмельницкого, и. Выговского и др. Поэтому и булаву ему вручали неохотно, только в крайних ситуациях, – ведь у казаков возрастное старшинство всегда играло главенствующую роль. В исторической украинской традиции (портретах и литературе) он всегда изображался молодым и красивым («белыми руками от себя писал», говорится в «Думе о Иване Богуне», созданной в XVII веке). Можно вспомнить даже оперу «Богдан Хмельницкий» К. Данькевича, где партия тенора отдана Богуну.

Скупые сведения, почерпнутые из дневников современников, свидетельствуют, что Богуну было не чуждо желание одеваться как шляхтич. Будучи уверенным в себе, он гордо и высокомерно говорил с русскими воеводами и польскими магнатами. Полководец от Бога, он резко выделялся среди множества «атаманов» и «полковников», рожденных бурной эпохой казацких войн. Непросто сохранять человеческий облик в нечеловеческих условиях, но Богуну это удавалось, что не может не вызывать уважения.

Среди огромного количества романов, рассказов и пьес, в которых фигурировал Богун, особое место занимал роман знаменитого польского писателя XIX века Генриха Сенкевича «Огнем и мечом», где роль главного злодея была отведена Винницкому полковнику (в романе нет ничего от истинной судьбы Богуна). Несмотря на все усилия талантливого пера Сенкевича, негодяем Богун у него так и не получился. Неудивительно, что польская аудитория, особенно женская ее часть, попала под обаяние Богуна (в исполнении Александра Домогарова) в прекрасной экранизации этого романа, осуществленной польским режиссером Ежи Гофманом.

Образ рыцаря-казака, не запятнавшего себя напрасным кровопролитием в бесконечной череде приключений, битв и стычек, всегда был очень популярен в народе. О нем пели кобзари, о нем писали прозаики и поэты. Именем Богуна названы десятки улиц в Украине. Во времена Гражданской войны имя Богуна, славного полководца, боровшегося за независимость Украины, обрело особую популярность. У Центральной рады имелся Сердюцкий полк имени Богуна, а у большевиков – Богунская дивизия Николая Щорса. В настоящее время имя Богуна носит военный Киевский лицей[148], продолжая славные традиции и сохраняя историческую память.

Примечания

[1] Основные работы автора Т.Г. Таировой-Яковлевой о Богуне: Деятельность Ивана Богуна, героя Освободительной войны Украины в 1651 г. Л., 1985. Рукопись; Загибель Івана Богуна // УІЖ. К., 1991. № 5. С. 139–142; иностранные источники о винницком полковнике Иване Богуне. Л., 1989. Рукопись; Іван Богун // Радянська Полісся. 1989. № 102, 24 серпня. С. 3; Іван Богун: проблеми біографії // УІЖ. 2000. № 2. С. 147–157. № 4. С. 144–152; Іван Богун-Федорович// Київська Старовина. К., 1992, № 5. С. 43–53; К биографии и. Богуна // Новгород-Северскому 1000 лет. Тезисы докладов. Чернигов-Новгород-Северский, 1989. С. 63–65; Памятники и памятные места в Украине, связанные с и. Богуном // IV республіканська наукова конференція з історичного краезнавства: Тези доповідей і повідомлень. К., 1989. С. 492.

[2] *Kochowski W.* Pamiętniki do panowania Zydmunta III, Władislawa IV i Jana Kazimirza Warszawa 1846. T. II. S. 156, 188–189, 213.

[3] *Kubala L* Szkice historyczne. Ser. I. Lwow, 1880. S. 293–294.

[4] *Ефыменко А.Я.* История украинского народа. СПб., 1906. С. 233.

[5] Русский дипломатический словарь. СПб., 1908. Т. III. С. 154.

[6] Реестр Війська Запорозького. К., 1995. С. 282.

[7] ВУсР. М, 1953. Т. III. С. 540.

[8] С осени 1648 г. и на протяжении 1649 г. мы постоянно видим полковника Федоренко (Федоровича) – под Львовом, в Баре, под Междибожем, под Збаражем. Он достаточно известен и совершенно естественно становится Кальницким полковником по реестру 1649 г. Но сразу после этого он неожиданно исчезает со сцены, а уже в августе 1650 г. появляется отсутствующий в реестре «какой-то полковник Богун», который имел уже такое влияние при Чигиринском дворе, что польский посол Адам Кисель с досадой писал о нем Яну Казимиру: он «моей близости к запорожскому гетману так помешал, что я едва мог снова ее возобновить». С января 1651 г. Богун – Кальницкий и Винницкий полковник, который отличается под Винницей, Берестечком и т. д. – вплоть до осени 1653 г., когда вновь появляется Иван Федоренко, полковник Кальницкий, который встречает посольство Бутурлина, а затем присягает в Переяславле и снова исчезает на несколько лет – до 1657 г., когда подписывает Корсунский договор со Швецией, опять же как полковник. В промежутке – на протяжении бесконечных сражений с поляками 1654–1655 гг. – постоянно выступает Кальницкий-Винницкий

полковник Иван Богун, который в 1657 году участвует в знаменитом походе на помощь Ракочи. А Федорович опять исчезает – вплоть до Чудновского договора 1660 г., снова уступив место Богуну.

[9] *Lipinski W.* Z dziejow Ukrainy, Stanislaw ich. Krzyczewski, z dziejow walki szlachty ukrainskiej, Kijow; Krakow, 1912. S. 144–149.

[10] *Грушевський М.* Історія Україні – Руси. К., 1995. Т. VIII. С. 277 и др.

[11] Подробнее об этом: *Яковлева Т.* Іван Богун: проблеми біографії // УІЖ. 2000. № 2. С. 147–157. № 4. С. 144–152.

[12] Zródla dziejowe. Warszawa, 1894. T. XII. S. 690.

[13] Ibid. T. XI. S. 293, 320–321, 329.

[14] *Лукомский В.К., Модзалевский В.А.* Малороссийский гербовник. К, 1993. С. 13, XL.

[15] ВУсР. М, 1953. Т. I. № 145. С. 248–252; Материалы для истории колонизации и быта. Харьков, 1886. С. 16–17.

[16] *Флоря Б.* Молоді роки Івана Богуна // Україна в минулому. Київ; Львів, 1992. Вип. 2. С. 71.

[17] Там же. С. 72–73.

[18] Там же. С. 75.

[19] Во время восстания Б. Хмельницкого в 1649 г. Забусский изменил Богдану и был назначен поляками гетманом.

[20] РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1645. Л. 228, 231.

[21] Gazetta de France. Повседневные новости за 25 апреля 1654 г. С. 393.

[22] Жерела до історіі Україні – Руси. Львів, 1903. Т. VI. С. 188, 190.

[23] Опубліковано в: *Lipinski W.* Z dziejów Ukrainy. // Księga pamiatkowa. Kijów; Kraków, 1912. S. 492.

[24] Док. Б. Х.. К., 1961. № 54. С. 110; ВУсР. Т. II. С. 159.

[25] *Мыцык ЮЛ.* Анализ архивных источников по истории освободительной войны украинского народа (1648–1654). Днепропетровск, 1988. С. 33–34.

[26] Ojczyste Spominki w pismach do dziejów dawnej Polski. Diaryusze, Relacye, Pamiętniki i t p. Zeb. A Grabowski. T. II. Kraków, 1845. 30. S. 50.

[27] Jakuba Michałowskiego, wojskiego lubelskiego a pozniej kasztelana bieckiego księga pamiętnicza (далее – Księga pamiętnicza). T. II. Kraków. 1864. № 150. S. 452.

[28] *Kochowski W.* Pamiętniki do panowania Zydmunta III. T. I. S. 60; Księga pamiętnicza. T. II. Kraków, 1864. C. 150. S. 459.

[29] Księga pamiętnicza. T. II. № 150. S. 459.

[30] Реєстр Війська Запорозького 1649 року. К, 1995. С. 267.

[31] ВусР. Т. II. № 170. С. 388.

[32] *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России. К., 1993. С. 165.

[33] В Речи Посполитой были две высшие военные должности, командовавшие собственно польскими (коронными) войсками: великий коронный гетман и польный гетман (т. е. заместитель). То же самое имелось и Литовском войске – великий литовский гетман и польный.

[34] *Kochowski W.* Ук. Соч. Т. II. S. 156–157; *Он же.* Annalium Poloniae ab obity Vladislavi IV. Climactercs scriptore Vespasiane a Kochova Kochowski. T. I. Crakowioe, 1683. S. 227–228; Księga pamiętnicza. C 221. S. 619; Wojewódzkie paήstwowe archiwum w Krakowie. Zb. Rusieckich. № 31. List. 226, etc.

[35] *Kochowski W.* Annalium Poloniae. T. I. S. 229.

[36] *Kochowski W.* Pamiętniki do panowania Jana Kazimierza T. I Poznan, 1859 T. I. S. 158.

[37] Ojczyste Spominki. II S. 69.

[38] *Освецим С.* Дневник. К, 1883. С. 30–32.

[39] Там же. С. 40.

[40] Українські думи та історичні пісні. М., 1944. С. 81.

[41] Ojczyste Spominki. II S. 76.

[42] *Освецим С.* Дневник. С. 102; Ojczyste Spominki. II. S. 316.

[43] Ojczyste Spominki. II S. 321; Док. ОВУН. № 215. С 545.

[44] Ojczyste Spominki. II S. 322; Док. ОВУН. № 215. С. 546.

[45] *Освецим С.* Дневник. С. 110, 115.

[46] М.С. Грушевский сомневался в избрании Богуна наказным гетманом, но дневники поляков, участников битвы, приводившие показания языков, единодушно это подтверждают. *Освецим С.* Дневник. С. 111; Ojczyste Spominki. II S. 79 etc.

[47] Ojczyste Spominki. II S. 279; Док. ОВУН. № 232. С. 587, № 237. С. 616.

[48] Ojczyste Spominki. II S. 289; Док. ОВУН. № 236. С. 613.

[49] Ojczyste Spominki. I. S. 337.

[50] *Освецим С.* Дневник. С. 127.

[51] Starozytnosci historyczne polskie czyli pisma i pamiętniki do dzijow dawnej Polski z rękopisrrow zebral *A.* Grabowski. Kraków, 1840 T. I. S. 302–303; Relacje wojenne y pierwsyzch lat walk polsko +koyackich powstania Bohdana Chmielnickiego okresu «Ogniem i miecyem». Warszawa, 1999. S. 294.

[52] ВУсР. Т. III. № 82. С. 174.

[53] Акты Московского Государства Т. II. СПб, 1890. № 493. С. 304.

[54] ВУсР. Т. III. № 147. С. 256–257.

[55] «luźna» – т. е. свободная, не прикрепленная.

[56] *Kochowski W.* Historya panowania Jana Kazimierza T. II. S 212–214; *Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Т. 1. К, 1848. С. 129–130.

[57] *Jemioiowski M.* Pamiętnik. Dyieje Polski yawierający. Warsyawa, 2000. S. 104, etc.

[58] Именно такое выражение применяли все современники к выходкам Богуна.

[59] ВУсР. Т. III. С. 352.

[60] То есть жителями Валахии – исторической области Румынии между Дунаем и Карпатами.

[61] *Rudawskij J.* Historja Polska od smierci Wladislawa IV az do pokoju oliwskiego, czyli dzieje panowania Jana Kazimierza od 1648 do 1660. Petersburg; Mohylow, 1855. T. I. S. 231.

[62] Листи Дони // Ювілейний збірник на пошану академіка Д.І. Багалія. К., 1927. С. 550.

[63] *Kubala L.* Szkice historyczne. T. II. S. 234–235.

[64] *Величко С.* Летопись. Т. 1. С. 147–148.

[65] *Kochowski W.* Historya panowania Jana Kazimierza. T. II. S. 233.

[66] Листи Дони. С. 568.

[67] Акты ЮЗР. СПб., 1878. Т. X. № 3. С. 77.

[68] Księga pamiętnicza. S. 307. S. 720.

[69] ЦГиА во Львове. Ф. 132. № 709. Л. 1 об.

[70] Акты ЮЗР. Т. X. № 3. С. 435–436.

[71] ВУсР. Т. III. С. 435–436.

[72] *Грушевский М.С.* К истории Переяславской рады 1654 г. // Доклады АН СССР. 1929. № 16. С. 300–301.

[73] Gazetta de France. 1654. 11 апреля.

[74] Акты ЮЗР. Т. X. № 7. С. 555–556.

[75] Там же. С. 557–558.

[76] ВУсР. Т. III. С. 488.

[77] Архив ЮЗР. Ч. III. Т. IV. № CCLXXVIX. С. 797.

[78] *Величко С.* Летопись. Т. 1. С. 212–213.

[79] ПКК. 1-е. Т. III. С. 43–48.

[80] В. Коховский, участник похода, приводит данные о 20 тыс. конницы и 18 тыс. пехоты. К этому еще необходимо прибавить челядь.

[81] *Kochowski W.* Historya panowania Jana Kazimierza. T. I. Poznan, 1859. S. 202 – 203.

[82] С. Потоцкий считал, что реальная цифра была ближе к 20 тысячам: *Грушевський М.* Історія України – Руси. Т. IX. К., 1997. С. 1040–1041.

[83] Там же. S. 205–206; *Величко С.* Летопись. Т. 1. С. 210–212.

[84] ПКК. 2-е. Т. I. С. 191.

[85] *Величко С.* Летопись. Т. 1. С. 212–213.

[86] Жерела. Т. XVI. № 394. С. 219–220.

[87] Архив ЮЗР. Ч. III. Т. VI. № 52. С. 122.

[88] AGAD. Arch. Radziwil. Wid. II. K. 21. L. 36, 47.

[89] Документы эпохи Хмельницкого. Т. I. С. 94.

[90] Жерела. Т. XII. № 583. С. 485.

[91] Там же. № 599.

[92] *Hiltebrandt C.J.* Dreifache schwedische Gesandtschaftsreise nach Siebenburgen, der Ukraine und Constantinopol (1656–1658). Leiden, 1937. C. 59.

[93] Акты ЮЗР. Т. IV. № 35. С. 44.

[94] Архив ЮЗР. Ч. III. Т. VI. С. 321.

[95] Акты ЮЗР. Т. XV № 2. С. 4 – 5; № 6. С. 269; Т. IV № 55. С. 91.

[96] Акты ЮЗР. Т. IV № 59. С. 105.

[97] Там же. № 69. С. 130.

[98] Матеріали до історії козаччини XVII віку. Львів, 1994 № 75. С. 99.

[99] Акты ЮЗР. Т. XV № 6. С. 254.

[100] Акты Московского государства. Т. П. № 1140. С. 669. [101] Акты ЮЗР. Т. IV № 115. С. 253; Т. XV № 9. С. 405.

[102] Там же. Т. VII. № 100. С. 313.

[103] ЦНБ. Отдел рукописей. Теки Нарушевича. № II – 13707. Л..10.

[104] *Kubala L* Wojna Dun. Dodatek. № LXXIV. S. 625. Ю5 Летопись Величко. Т. I. С. 426.

[106] ПКК, 1-е. Т. III. № LXXXV С. 374 – 375.

[107] ПКК, 1-е. Т. III. № XC. С. 406.

[108] Акты ЮЗР. Т. VII. № 104. С. 317 – 319.

[109] Wojna polso-moskiewska pod Cudnowem, odprawiona za panowania krola Jana Kazimierza pod wodza Stanislawa Potockiego wojewody Kralowskiego i Jerzego Lubomirskiego, marszalka koronnego w roku Panskim 1660 // Bíblioteka historiczno-wojskowa. T. III. Warszawa. 1922. S. 92.

[110] Litterae Nuntiorum Apostolicoram Historium Ucrainae illustranten. Ser. II. Sect. III. T. X. Romae, 1967. 238.

[111] Мы не знаем, ни чей это был сын, ни его дальнейшую судьбу.

[112] РГАДА Ф. 210. Ст. Белгородского стола. № 475. Л. 216 – 217.

[113] ПКК. 2-е. Т. IV Ч. III. С. 182 – 188.

[114] «Їдучи поблизу короля, кричав до поспольства, натовпу дітей, Проїжджаючи через міста й села: „Діти, діти українські! Пана свого Короля, тямте по носі великому, милостивого!“

Хоч король і ляхи сприйняли це за жарт, але ж (король) свиснув носом; З Богом і з королем обережно починай жарт, карт і костей жеребом».

115 Мицик Ю. Фрагмент Віршованої хронічки про Сіверський похід короля Яна-Казимира // Київські полоністичні студії. К., 2008. С. 517.

116 ПКК. 2-е. Т. IV Ч. III. С. 280.

117 Там же. № LIX. С. 270 – 272.

118 Там же. № LX. С. 279 – 280.

119 Герасимчук В. Смерть Івана Виговського // Ювіл. зб. на пошану акад. М.С. Грушевського. К, 1928. С. 206.

120 Акты ЮЗР. Т. V. № 82. С. 191.

121 Litterae Nuntiorum Apostolicoram Historium Ucrainae illustranten. Ser. II. Sect. III. T. X. Romae, 1967. 335.

122 Ibid. T. XI. Romae, 1967. 6.

123 *Jerlicz J.* Latopisiec albo kroniczka. Warszawa, 1853. T. II. S. 89 – 90.

124 *Грамон Англуан.* Из истории Московского похода Яна Казимира 1663 – 1664. Юрьев, 1929. С. 16 – 17.

125 Zbor parmętraków do dziejów polskich Wyd W S de Broel Plater. (далее – Plater). Warszawa, 1859. T. IV. № V S. 138.

126 Plater. № VIII. S. 145.

127 Ibid № X. S. 149.

128 Ibid.

129 Ibid. № VI. S. 141; Грамон Антуан. С. 17 – 18.

130 Ibid. № X. S. 149 – 150.

131 *Obuchowich K. F.* Dyaryusz. Wilno, 1859. S. 115.

132 ИР Вернадского. Ф. II. № 15589. Л. 10.

133 «Як і у Богуна виявилось під Новгородом,

Котрий послав до московських, щоб з одного боку закипіло, А сам з другого боку хотів влаштувати королеві-пану криваві гони, […]вдарити з усіх боків».

Мицик Ю. Фрагмент Віршованої хронічки про Сіверський похід короля Яна-Казимира. С. 521.

134 Litterae Nuntiorum. T. XI. № 5293. 23 – 24.

135 Listy Jana Kazimira do Mariji Ludowiki // Kwartalnik Historiczne. 1891, cz. V. S. 22.

136 Theatrum Europaeum. T. VIII – IX. J. Schleder, 1693 – 1699. S. 1253.

137 Litterae Nuntiorum. T. XL № 5293. 24.

138 *Chrapowícki J. A.* Diariusz. Warszawa, 1978. T. I. S. 462.

139 Listy Jana Kazimira do Mariji Ludowiki // Kwartalnik Historiczne. 1891. Cz. V. S. 22.

140 Theatrum Europaeum. J. Schleder. 1693 – 1699. T. VIII – IX.

S. 1253.

[141] Poczobut-Odlanicki J. W. Pamietnik. // Bibl. Ordyn. Krasinskich. Warszawa, 1877. T. III. S. 80 – 81.

[142] «І через це тихо (Богун) був страчений, поплила кров таємним бродом». Мицик Ю. Фрагмент Віршованої хронічки про Сіверський похід короля Яна-Казимира. С. 521.

[143] *Подробнее об этом: Яковлева Т. Загибель ІванаБогуна. С. 139–142; Она же*. Руїна Гетьманщини…

[144] Местные краеведы высказывали предположение, что могила Богуна могла быть в урочище рядом с селом Пироги (недалеко от Новгород-Северского), именовавшимся в народе «Богуны». *Чайка П.В*. Вороніж над Осотою. Шостка, 2008. С. 101.

[145] *Jozefowicz T.J.* Kronika miasta Lwowa od roku 1634 do 1690 obejmuąjca w ogplonsci dzieje dawnej Rusi Czerwonej a zwlaszcza Historya arcybiskupstwa Lwowskiego w tejze epoce. Lwow, 1854. S. 267–268.

[146] I*zopolskieh P.E.* «Piesni i Skazki ukrainski», Badania podan ludu // Atheneum. 1843. № I. S. 26.

[147] *Лукомский В.К., Модзалевский В.Л.* Малороссийский гербовник. С. 13.

[148] Бывшее Суворовское училище.

Глава 5
ПЕТРО ДОРОШЕНКО

Петро Дорошенко был человеком глубоких и искренних убеждений, одержимый своей целью единого гетманства. Его можно назвать одним из самых бескорыстных гетманов Украины, ведь собственные интересы и власть он ценил значительно меньше общественных идеалов. При этом Дорошенко представляется весьма противоречивой и трагичной фигурой. Его судьба – яркий пример того, как благими намерениями может быть вымощена дорога в ад.

Родился Петро в 1627 году в Чигирине в семье богатых и знатных казаков, владевших собственным домом в этом местечке, а также землями по соседству. Он – один из немногих украинских гетманов, получивших шляхетство в ходе своей службы, а не по рождению. Зато он происходил из потомственных казаков. Его дед, Михайло Дорошенко, был гетманом реестровых казаков, прославившимся своими походами на Крым. Отец Петра, Дорофей, служил полковником в реестровом казацком войске. Мать происходила из украинского шляхетского рода Тарасенков, затем была монахиней и, наконец, игуменьей в женском Покровском монастыре под Сосницей в Черниговском полку[1].

Достоверно не известно, где учился Петр, но хорошие знания польского и латыни позволяют предположить, что он получил образование либо в одной из братских школ, либо в иезуитской. Атмосфера Чигирина, центра свободолюбивого казачества, и семейные традиции культивирования идеала славных казацких предков, безусловно, оказывали огромное влияние на формирование менталитета Дорошенко. После того как юноша получил образование, отец устроил его слугой у опытного и авторитетного Чигиринского сотника Богдана Хмельницкого, чтобы набирался у того военных знаний. Когда в 1647 году началось восстание, Богдан бежал на Запорожье, взяв с собой двадцатилетнего Дорошенко в качестве «старшего слуги». Там Петр начал свою карьеру в рядах повстанцев[2].

Гетман П. Дорошенко. Портрет XVII в.

Летом 1649 года Дорошенко уже был сотником Черниговского полка и принимал участие в осаде Збаража. Согласно реестру, составленному в конце осени 1649 года, Петр Дорошенко был писарем артиллерии Чигиринского полка, игравшего во времена Хмельницкого роль гвардейского[3]. Безусловно, славная фамилия и влияние его родственников в казацких кругах должны были помогать молодому и талантливому казаку делать быструю и успешную карьеру.

О подробностях жизни Петра в годы восстания Хмельницкого известно немного. В июле 1651 года он принял участие в трагической битве под Репками, в которой погиб полковник М. Небаба, а затем был одним из защитников Чернигова[4]. В декабре 1653 года Дорошенко по поручению Б. Хмельницкого встречал турецкого посла[5]. В июле 1655 года был отправлен с посольством к царю, но под Старым Быховом нарвался на польский отряд и был вынужден спасаться бегством. Несмотря на неудачу, он продолжил заниматься дипломатической деятельностью. Зимой 1657 года Петр ездил с дипломатической миссией к шведскому королю, но успех ему снова не сопутствовал: он не смог проехать

через расставленные по дорогам польские заставы и вернулся в Чигирин[6].

Находясь по делам службы в Прилуках, он купил там весной 1657 года «за свои собственные деньги» двор в центре города на рынке напротив Пречистенской церкви и хутор в дубовой роще с двумя садами и сенокосами (впоследствии он подарил их Густинскому монастырю). Вскоре после этого тридцатилетний Петр с тановится Прилуцким полковником. Современные биографы Дорошенко[7] предполагают, что такому назначению предшествовал второй брак Петра с дочерью племянника Б. Хмельницкого, Киевского полковника Павла Яненко-Хмельницкого[8]. А еще через несколько месяцев умирает Б. Хмельницкий.

На Корсунской раде осенью 1657 года, подтвердившей избрание и. Выговского гетманом, Дорошенко был среди сторонников сохранения подданства Москве. Но одновременно он выступал за сохранение сильной власти гетмана и поддерживал и. Выговского в борьбе с восставшей «чернью»[9]. Возможно, именно это не понравилось русским, и в сентябре 1658 года воевода Г.Г. Ромодановский в нарушение прав украинской автономии назначил Прилуцким полковником Якова Воронченко[10]. В таких условиях не приходится удивляться, что Дорошенко стал одним из тех старшин, кто подписал Гадячский договор с Речью Посполитой.

Начавшиеся вскоре после этого военные действия не были удачными. Выговский поручил Петру защищать местечко Срибное в Прилуцком полку, но князь С. Пожарский его захватил.

Вскоре Дорошенко снова меняет свои политические симпатии. Возможно, одной из причин стало то, что ни он сам, ни его брат Степан, присутствовавший на сейме в Варшаве во время утверждения Гадячского договора, не получили от поляков шляхетства[11]. В октябре 1659 года Петр был в числе старшины, свергнувшей Выговского, а затем участвовал в избрании Ю. Хмельницкого гетманом. Именно он ездил с Г. Гуляницким к полякам и Выговскому, оповещая о сделанном радой выборе[12].

Юрий Хмельницкий был удобной для Дорошенко кандидатурой. С одной стороны, как чигиринец и старый соратник Богдана Петр должен был хорошо знать юного гетмана. К тому же, как уже говорилось, Петр был женат на дочери Павла Яненко-Хмельницкого, родственника Юрия. В Украинском гетманстве такие фамильные связи играли большую роль.

Дорошенко возглавил делегацию на переговорах с русскими воеводами, передав им так называемые Жердовские статьи, по которым Юрий Хмельницкий и старшина предлагали снова

принять подданство царя, отказавшись от союза с поляками[13]. Миссия не была удачной, так как воевода А.Н. Трубецкой отложил переговоры до личной встречи с Ю. Хмельницким в Переяславле и там, воспользовавшись ситуацией, навязал ему удобный для Москвы вариант соглашения.

Тем не менее в ноябре 1659 года Дорошенко становится Чигиринским полковником, что должно было подчеркивать его близость к новому гетману. В конце декабря 1659 года он приезжает в Москву в составе делегации полковников, пытаясь добиться изменения условий соглашения с царем. Миссия опять завершилась неудачей. Но и это нисколько не вредит Петру, и осенью 1660 года во время битвы под Чудновым его снова посылают для ведения переговоров – на этот раз с поляками[14]. Подпись Дорошенко стояла и под Чудновским договором, заключенным казаками с польским королем.

Любопытно, что, начиная переговоры с поляками, Ю. Хмельницкий выслал к царю за подмогой трех старшин, включая родного брата Дорошенко – Григория. Тот попал к русским в плен, так как добрался в Москву уже после заключения Чудновского договора[15]. Это позволяет предположить, что сам Дорошенко в начале битвы не предполагал о возможном разрыве с русскими.

После Чуднова впервые в своей карьере Дорошенко был назначен наказным гетманом для военных операций против русских войск и противников Ю. Хмельницкого на Левобережье[16]. Хотя его войска терпят неудачу, русский воевода Г.Г. Ромодановский предложил заключить перемирие. С приходом татар Дорошенко продолжил наступление и дошел до Гадяча. Но наложенный им запрет брать ясыр привел к тому, что татары вернулись в Крым.

Несмотря на все это, на сейме 1661 года Петр получает польское шляхетство[17]. В феврале 1663 года после ухода Ю. Хмельницкого в монастырь новым гетманом Правобережья стал Павел Тетеря. Для укрепления своего положения он старался привлечь на свою сторону опытных, заслуженных полковников, в том числе Дорошенко. Король пожаловал Петру местечко Гуляйполе. Весной 1663 года Дорошенко в качестве наказного гетмана подавляет бунт Павлочского полковника Ивана Поповича. Примерно в это же время он получает высокий пост генерального есаула.

Затем, в конце 1663 года, Дорошенко принял участие в походе польского короля Яна Казимира на Левобережную Украину. Наказным гетманом казацких войск был Богун. Изображая активность в районе Кременчуга, Дорошенко на самом

деле примкнул к заговорщикам – Правобережной казацкой старшине, возглавляемой и. Выговским[18]. Они выступали против Правобережного гетмана П. Тетери и союза с поляками.

Участие Дорошенко в заговоре было естественным продолжением всех его поступков. На протяжении гетманства и. Выговского и Ю. Хмельницкого он постоянно находился среди сторонников сильного, единого гетманства, оппонируя анархическому крылу и черни. Ему, как и многим другим старшинам, стоявшим при истоках создания Украинского гетманства, было больно и обидно наблюдать Руину детища Богдана Хмельницкого.

Однако роль Дорошенко вплоть до второй половины 1660-х годов оставалась скромной. Если после раскрытия заговора его ведущие участники Выговский и Богун были казнены, Ю. Хмельницкий, Гуляницкий и Тукальский – арестованы, то Дорошенко остался на свободе. И теперь, лишившись своих идейных лидеров, он вместе с другими старшинами, по крайней мере, на словах, открещивался от самой идеи восстания. Тридцатого ноября 1664 года Дорошенко вместе с другой старшиной подписал «Челобитную к инструкции на сейм от Войска Запорожского». В ней вся ответственность за происшедшее восстание перекладывалась на и. Выговского. Правда, при этом старшина обвиняла палача Выговского, польского полковника С. Маховского в том, что тот арестовал, судил и казнил его «… без ведома нашего». Кстати, в дальнейшем Дорошенко отомстил Маховскому за смерть Выговского.

Между тем, несмотря на провал польского похода, возвращение короля и казнь руководителей восстания, Правобережье было охвачено огнем. Потеряв там всякое влияние, Тетеря бежал в Польшу, захватив с собой все гетманские клейноды и ценности. Брюховецкий, гетман Левобережной Украины, уехал в Москву, бросив своих Правобережных сторонников на произвол судьбы.

Власть на Правобережье переходит к Медведевскому сотнику Степану Опаре, который хотя формально и признавал польского короля, но на самом деле намеревался добиться самостоятельности при поддержке татар[19]. В начале июля 1665 года Опара был избран гетманом[20], а Дорошенко (видимо, за оказанную поддержку) назначен генеральным обозным (одна из высших должностей в Украинском гетманстве).

В конце августа 1665 года происходит поворотный момент в жизни Дорошенко: он занимает место Опары. Татары обвинили Опару в намерении без их ведома идти войной на польского короля. Захватив старшину, татары стали осаждать казацкий

табор и поставили условие: «…естли де возмете Петра Дорошенка, что мурзы наставили гетманом и приимете к себе за гетмана, то вас не станем добывать…»[21]. Казакам пришлось согласиться и присягнуть Дорошенко. Его имя было гораздо более известно и влиятельно, чем имя Опары. Поэтому татарских мурз он больше устраивал как лидер Правобережья и проводник крымско-турецкой политики.

Какую роль играл во всем этом сам Дорошенко? Каковы были его планы? Поляк-современник писал, что предупреждение о готовящемся походе Опары на поляков татары получили именно от Дорошенко. То есть невинным наблюдателем событий он, разумеется, не был. Гетман Левобережья и. Брюховецкий получал известия, как Дорошенко «всем мурзам и старшим Татаром великие подарки подавал», чтобы они выдали ему Опару, так как он того для «совершенного приятства к королю хочет послать»[22].

Значительно сложнее определить тайные планы Дорошенко. Скорее всего, юные годы, проведенные рядом с Богданом Хмельницким, стали для него отличной школой, а великий гетман – образцом для подражания. Отсюда и твердая вера в перспективность союза с Портой и Крымом. Попытки Выговского и Юрия Хмельницкого добиться выгодного соглашения с Речью Посполитой убедили его в бесполезности такого пути. Но в отличие от Богдана Петр будет стараться избегать прямого столкновения с поляками. Никогда в своей карьеры он не будет занимать антирусской позиции, но единственным условием соглашения с Москвой он будет считать гарантию автономии Украинского гетманства.

Поляки поначалу не смогли распознать всей опасности, таившейся в смене гетмана. Польский резидент в Украине Стакурский писал, что Опара, «враг Республики», собирался изменить польские границы по реке Случь, но был «от войска Запорожского пойман; а по нем взял гетманство Дорошенко, человек очень доброжелательный королю»[23]. Таким образом, Петр не только сумел убедить татар помочь ему стать гетманом, но при этом еще и сохранил благосклонность поляков. Именно такой изворотливой политики он будет придерживаться все дальнейшие годы своего гетманства.

Правда, все складывалось непросто. Первоочередной задачей было подчинение всего Правого берега под властью единого гетмана. Сразу же после избрания Дорошенко намеревался идти против Брацлавского полковника Дрозда – главного оплота прорусских и пробрюховецких сил на юге Правобережья. Однако осуществить это намерение новый гетман мог пока исключительно силовыми методами. Сообщали, что «войска

казацкого при Дорошенке и тысячи нет, все от него бегают, ожидающе и на себя того ж приятства от Орды, что и на Опару было. Все сказывают: Дорошенко с Ордою ходит, а из городов ни из которых к Дорошенку казаки нейдут и позаперлись…»[24].

В этих условиях отъезд Брюховецкого в Москву (который многие могли расценить как бегство) объективно играл на руку Дорошенко. В сентябре он пошел на Брацлав, имея уже сорок тысяч орды и двадцать тысяч казаков. А к середине сентября начался переход Правобережных городов на его сторону. Сдались Кальник, Немиров и Лодыжин (в последнем казаки выдали своего полковника со всей старшиной татарам)[25]. На сторону Дорошенко склонялся даже Брацлавский полковник Дрозд, имевший в своем распоряжении до сорока тысяч человек.

Фигура Дрозда – классического авантюриста эпохи Руины – становилась ключевой для контроля над южными районами Правобережья. Он уже более шести недель находился в осаде в Брацлаве, а царские войска не спешили ему на помощь. Брюховецкий по-прежнему сидел в Москве и занимался вопросами, очень далекими от военной помощи Правобережью. Скорее всего, он уже понял, что возврат этой территории больше не входит в планы царского правительства, морально готового еще после поражения под Чудновым пожертвовать частью Украины ради мира с поляками.

А вот старшина Брюховецкого этого еще не знала и с отчаянием писала ему: «…полковник брясловский великую нужду терпит от того проклятого Дорошенка… Смилуйся, як отец над детми, вскоре к нам ведомость давай; ежедневно кровными слезами обливаемся...»[26]. Слезы и мольбы о помощи были напрасны. Второго ноября 1665 года П. Дорошенко сообщал Полтавскому полковнику о своих успехах: «…господин Дрозд с сотниками и чернью… на верное и вечное подданство короля его милости и к нам Войску Запорожскому на послушание сдались и в Бряславле исполнивше присягу, не ожидающе болши лестной помочи Московской». Дорошенко обещал в случае сдачи «сохранить в любви братцкой в целости, жен и детей и имений ваших…»[27]. Правда, формально Дрозд сдался не ему, а татарскому мурзе Камамбету.

Одной из задач, которые преследовал Дорошенко, уничтожая Дрозда, видимо, было получение легендарных «сокровищ Домны-Розанды». Эта легенда, уходящая корнями в годы восстания Хмельницкого, погубила не одну жизнь. Согласно преданию, сказочно богатый молдавский господарь В. Лупу спрятал свои сокровища у жены в замке Сочава, который оборонял от волохов его зять Тимош Хмельницкий. Тимош погиб, командиру казацкого

гарнизона Богуну-Федоровичу удалось вывести людей, но сокровища не нашли ни у жены Лупу, ни у Богуна. Вероятно, именно поэтому и решили, что все досталось вдове Тимоша – красавице Домне-Розанде. Она некоторое время жила в Чигирине, а потом удалилась в более родные для нее места на границе с Молдавией – в Рашков, и до последнего времени пользовалась покровительством своего шурина Юрия Хмельницкого. Дрозд напал на Рашков, забрал у Домны «ее скарбы», убив при этом и саму Домну. И вот теперь в Украине сообщали, что Дорошенко пошел к Рашкову – город «добывать, или чтоб ему скарбы домнины выдал, чтоб имел чем Орде заплатить: когда б Орде не заплатил, то самому ему за платеж быть в Крыму»[28]. После этого Дорошенко выкупил у татар Дрозда за тридцать тысяч и, захватив его жену, вернулся с ними в Чигирин.

Сдача Дрозда не замедлила сказаться и на ситуации вокруг другого центра Правобережья – Белой Церкви. Находившийся там еще один полковник Брюховецкого Децик покинул войско и уехал из Киева в Переяславль, а войско его разбрелось.

Когда Дорошенко вернулся из похода в Чигирин, то по его приказу «Дрозду голову отсекли…»[29]. Правда, говорили, что поводом к тому стала попытка Дрозда бежать к Брюховецкому, прихватив с собой булаву Дорошенко.

Теперь, после крупных военных успехов, перед Петром стояла проблема придать своему гетманскому званию законный характер. То, что его назначили гетманом татары, было у всех на устах. И хотя старшинская рада в Чигирине подтвердила законность избрания, проблемы оставались. Несмотря на то что в Польше считали нового гетмана лояльным, оттуда подтверждения его звания не приходило. Дорошенко писал королю с просьбой прислать комиссаров для утверждения его Правобережным гетманом (это должно было придать ему легитимный статус согласно Чудновскому договору с Речью Посполитой). Но, видимо, это сделано не было, так как в инструкции послам Войска Запорожского к королю в январе 1666 года снова повторялась просьба об утверждении Дорошенко гетманом королевской грамотой.

Одновременно от короля требовали освобождения и. Тукальского, Ю. Хмельницкого и Г. Гуляницкого, арестованных за участие в антипольском восстании 1663–1664 годов. Восстания, в котором, как мы видели, принимал участие и сам Дорошенко[30].

Добиваясь от короля верительных грамот, новый гетман одновременно, совершенно не стесняясь, начал борьбу против польских войск, грабивших Правобережье. Еще в ноябре 1665 году он требовал от короля, чтобы Войско Запорожское получило

некоторое облегчение от сбора провиантов. А в январе 1666 года в инструкции своим послам к королю гетман настаивал, чтобы Войско Запорожское было освобождено от военного постоя в Украине и чтобы польские войска, находящиеся на Правобережье, получали продовольствие из Польши. Эти действия являлись полной противоположностью политике П. Тетери, опиравшегося только на военную поддержку поляков. Ясно, что с первых дней своего гетманства Дорошенко собирался использовать совершенно иные силы.

Не удивительно, что у поляков возникали определенные подозрения в лояльности гетмана. Тем не менее Тукальский и Хмельницкий были освобождены, а король заявил о своей радости в связи с заявлениями о верном подданстве Войска Запорожского.

Положение Дорошенко укреплялось, и приближалось время, когда он мог уже показать свое истинное лицо. В конце февраля 1666 года под Лисянкой состоялась старшинская рада. На ней было решено, «чтоб в их городех Полских людей нигде не было; а которые ныне есть, и тех бы вон выслать»[31]. Согласно постановлению рады, Дорошенко писал к польскому коменданту в Белую Церковь, чтобы тот со своими людьми покинул город и ушел в Польшу.

Рада, однако, прошла не совсем гладко. Не все поддержали желание Дорошенко изгнать поляков. Некоторые обвиняли гетмана в том, что он татарский ставленник. Тогда Петр положил булаву, отказался от своей должности и ушел. Но старшина его догнала и вернула ему знаки гетманского достоинства. Говорили, что после этого «Дорошенко с старшиною договор учинили, чтоб ляхов, на Украйне в городех будучих, в Полшу всех выслать, а самим со всеми Заднепрскими городами к хану Крымскому приклонитца, и по весне за одно с Ордою итить на сее сторону Днепра войною; а ляхи будет с Украйны в Полшу не пойдут, и их в городех конечно бить»[32].

Планы Дорошенко удачно сочетались с политикой султана. Тот заключил перемирие с цесарем на двенадцать лет и теперь собирался войной на польского короля. К тому же и в Крыму сменилась власть. Противник войны с Польшей был смещен, а новый хан Адил-Гирей прислал своих посланцев в Чигирин с уверениями в дружбе.

Дорошенко все еще скрывал свою протурецкую стратегию, точнее ее антипольскую направленность. В своей инструкции на сейм он требовал от поляков принять условия Зборовского договора 1649 года. Но в Польше с подозрением смотрели на турецко-казацкую лигу. К тому же сама Речь Посполитая стояла на грани гражданской войны – начиналось восстание («ракош»)

Ежи Любомирского.

Заручившись татарской поддержкой, гетман в конце мая выслал разведывательный отряд на Левобережье. В июне месяце Дорошенко наносит сильный удар по русским войскам, в результате чего те были вынуждены «с великим стыдом… отступить, ибо казаки отняли у них все оружие, которое имели при себе»[33]. После этого гетман начал подготавливать основную операцию, приказав Правобережным полковникам провести мобилизацию. Приказ исполнялся неохотно, но вскоре ситуация изменилась.

Дело в том, что в конце июля – начале августа происходят первые восстания против и. Брюховецкого и русских воевод на Левобережье. Поводом послужили введение русских воевод во все города гетманства, проведение переписи населения и сбор налогов в пользу царской казны (все эти реформы проводились по предложению и. Брюховецкого). Переяславские казаки убили своего полковника Данилу Ермоленка и осадили город. Русский гарнизон был уничтожен.

После этого весь Переяславский полк и представители многих городов объявили о переходе на сторону короля. Дорошенко собрал Правобережных полковников на раду в Черкассах и постановил воздерживаться от военных действий, ожидая, пока Левобережье добровольно перейдет под его власть.

Надо отметить, что эти действия Дорошенко уже осуществлял без координации с польским королем. К этому моменту их цели далеко разошлись. Идея возвращения Левобережья, т. е. объединения Украинского гетманства, не привлекала польскую шляхту. На мирных переговорах в Андрусово их комиссары тайно уже отказались от Левобережной Украины в пользу Москвы и заключили перемирие вплоть до подписания договора. Дорошенко был взбешен тем, что король не предупредил его о планировавшемся прекращении военных действий, и якобы заявил: «мне гетманство дано не от королевского величества и не от гетманов (т. е. польских военачальников. – *Т. Т.*), а дано мне гетманство от крымского хана и всю надежду я полагаю на хана».

Гнев Дорошенко еще больше возрастал по мере того, как становилось известно об условиях, на которых договаривались поляки с русскими: речь шла о разделе Украины по Днепру, что перечеркивало мечту Дорошенко об объединении гетманства под булавой одного гетмана.

В октябре 1666 года к Дорошенко пришел нурадин-султан «с знатным числом войска», достигавшим по некоторым данным сорока тысяч. Но гетман продолжал разыгрывать перед поляками святую невинность. Он писал им, что татары ему «как кость в

горле», что они заставляют его идти в поход на Левобережье, а он не может этого делать без королевского указа. И плакался, мол, «я, бедный, лишился уже не только собственного кровью заработанного имущества, но и тому, что отец собрал за всю свою жизнь, уже тоже приходит конец»[34]. При этом он тайно вел переговоры с прибывшей ордой, чтобы идти войной на поляков в отместку за заключенный ими мир с Москвой.

В этих условиях, покончив с конфедерацией Любомирского, король Ян Казимир дал указ польскому войску вступить в Правобережную Украину. Но король совершил ошибку: он назначил командующим войсками в Украине С. Маховского – палача и. Выговского. Трагических событий, связанных со старшинским заговором 1663–1664 годов, Дорошенко никогда не забывал. Вероятно, не случайным совпадением было и то, что как раз в это время в Чигирин прибыли активные участники того восстания – Киевский митрополит (избранный, но еще не посвященный в эту должность) Иосиф Тукальский и архимандрит Юрий (Гедеон) Хмельницкий.

Событие это трудно переоценить. Тукальский вскоре стал ближайшим советником Дорошенко, участвовал в старшинских радах, занимался дипломатической перепиской и возглавлял партию сторонников союза с Портой. Популярность Юрия Хмельницкого тоже способствовала повышению авторитета Дорошенко. И Тукальский, и Хмельницкий были сторонниками автономной Украины, убежденными противниками Польши.

Украинское население встретило Маховского с мрачной решимостью. Первым на его пути было местечко Ставище (под Белой Церковью) – наполовину сожженное. Несмотря на это, его жители заявили, что поляки им достаточно вреда сделали, а потому они не желают их возвращения – «что осталось от старых пожаров, то сами спалим и с женами, и детьми в это пламя бросимся»[35].

Тогда Маховский ушел под Браилов и стал на брацлавской дороге – сочтя это более безопасным в условиях, когда все взбунтовавшиеся местечки заперлись, а орда приближалась. Как писал польский современник В. Коховский, казаки Дорошенко ненавидели всех поляков, но Маховского особенно – за смерть Выговского. Казаков быстро собралось двадцать тысяч, и они соединились с тридцатью тысячами татар. Дорошенко по-прежнему не открывал своих истинных намерений и заявлял, что не является другом орде, и если поляки победят, то он к ним присоединится.

Маховский выслал было парламентера, но татары, чувствуя свою силу, не стали вступать в переговоры. Они окружили

поляков, а окопаться в поле было невозможно из-за мороза. У поляков было едва шесть тысяч войска, как писал поляк-современник: «23 хоругви и то куцых…»[36].

Узнав от языка о силе татар, поляки перепугались и стали отступать на Лодыжин. Маховского никто не уважал, все его упрекали, а Дорошенко зашел вперед и ударил на них. Поляки попытались вернуться в табор, чтобы под его прикрытием продвигаться дальше, но начал наступать сам нурадин-султан, стремясь поскорее покончить с поляками.

В результате 10 ноября 1666 года все пришли на несчастливое для поляков Батогское поле. Оборона поляков была сломлена, они начали убегать. Маховский мог договориться с кошевым атаманом запорожцев Иваном Сирко, тот ненавидел татар и был готов к соглашению. Но, по меткому замечанию современника, Маховский умел только в кости играть, а не военную стратегию строить. В результате он сам и все его офицеры попали в татарский плен. Поляков погибло три тысячи, а в плену оказалось втрое больше. При этом у татар не было убито ни единого человека[37].

Двенадцатого ноября 1666 года Нежинский протопоп С. Адамович сообщал: «…Дорошенко с своими единомышленники безбожными хану крымскому учинил присягу на вечное подданство, ни царскому величеству, ни королю полскому не служити, толко с ордою на обеих монархов воевати»[38].

Иван Выговский был отомщен. Его палач был отдан в татарский плен, а Дорошенко воплотил в жизнь его план турецкой лиги.

Польские комиссары в Андрусове узнали о разгроме Маховского только 12 января 1667 года. Одновременно в депеше говорилось о вторжении татар и давался приказ «заключить мир и на таких условиях, какие предлагает Москва», лишь бы добиться создания лиги против Оттоманской Порты. Через неделю Андрусовский договор был утвержден присягой послов. Раскол Украины был оформлен юридически[39].

Деятельность Дорошенко, как и любого политика, невозможно оценивать однозначно. Практически с первых шагов воплощения в жизнь плана турецко-татарской лиги он оборачивался для Украины жестокими грабежами со стороны орды и многими другими неприятностями. Дорошенко все это приносил в жертву великой идее единства Украинского гетманства (при этом он действительно не настаивал, чтобы единая булава была именно в его руках). Турецкий протекторат рассматривался им только как средство достижения цели, как орудие шантажа могущественных соседей – Москвы и Речи

Посполитой. С помощью турецкой угрозы он рассчитывал сначала объединить Украину, а затем добиться наиболее выгодных условий автономии (скорее всего, от царя).

В таком союзе с неверными вообще-то не было ничего ужасного. Именно соглашение с татарами стало в свое время залогом успеха Богдана Хмельницкого. И только благодаря тому, что в союзе с ордой восставшие добились неслыханных успехов, Москва решилась принять их «под свою руку». Теперь, пройдя диалектический путь в двадцать лет, Украина снова получила татар в качестве военных союзников в борьбе с Польшей. Но Украинское гетманство 1666 года, разоренное бесконечными войнами и раздираемое внутренними смутами, представляла собой страшную Руину того детища, которое создавали Богдан Хмельницкий и его сподвижники.

После разгрома Маховского Дорошенко с ордой устремились на Правый берег, выбили поляков из Кальника и осадили Брацлав. Затем татары направились в воеводство Руськое, уничтожив Зборов и Глиняны и едва не захватив жену коронного польного гетмана Яна Собеского. Под влиянием побед Дорошенко на его сторону перешли все местечки в округе Белой Церкви. После этого татары распустили загоны, набирая ясыр. Получив богатую добычу, татары вернулись в Крым, оставив у гетмана лишь отряд примерно в четыре тысячи человек.

Поляки активизировали свои переговоры с Портой и Крымом, стремясь не допустить их союза с Украиной, но действовали неудачно. В Стамбуле им ясно дали понять, что на сохранение мира Речь Посполитая может рассчитывать лишь в случае отказа от притязаний на суверенитет Украины. А находившиеся там же послы Дорошенко от имени гетмана заявили султану, что они так же далеки от дружбы с поляками, как небо от земли[40].

Тем временем к Собескому во Львов прибыл Иван Сирко, заявивший, что не признает Дорошенко и готов напасть на Крым. Отношения с этой незаурядной личностью станут одним из самых трагичных обстоятельств в судьбе Дорошенко.

Запорожцы не жаловали и Брюховецкого (своего ставленника), и поэтому в момент начала правления Дорошенко Сечь держала нейтралитет. На Москву «вольные рыцари» злились из-за русского гарнизона в крепости Кодак, фактически контролировавшей выход из Запорожья (в свое время, еще в 1648 году восставшие казаки отобрали эту крепость у поляков и разрушили ее). Андрусовский мирный договор, передавший Запорожье под совместное управление Москвы и Варшавы, еще больше ухудшил отношения запорожцев с русскими.

Внешние обстоятельства не слишком благоприятствовали

Дорошенко: Порта не имела возможности начинать реальные военные действия против Речи Посполитой из-за тяжелой ситуации на Крите (там она воевала с Венецией). А вот с Крымом дело обстояло по-другому. Весной-летом 1667 года казацко-татарские отряды под командой Дорошенко провели ряд успешных акций против поляков на Волыни, Подолии и под Белой Церковью. Его успехам способствовало еще и то обстоятельство, что после смерти супруги Марии Людовики польский король Ян Казимир впал в тоску и отдалился от дел (вскоре он отказался от трона и ушел в монастырь).

Однако Дорошенко не удалось развить свой успех. Одна из причин, как говорили, заключалась в том, что на состоявшейся на Росаве раде рядовые казаки категорически высказались против подданства Порте.

Тем не менее с приходом в Украину калги-султана (второго лица в крымском ханстве) с основными силами (около пятидесяти тысяч орды) в августе 1667 года Дорошенко продолжил наступательные акции против поляков в воеводстве Руськом в районе Львова, Подгайц и Збаража. Противостоял ему с гораздо более скромными силами новый гетман великий коронный Ян Собеский. Находясь в крайне невыгодной ситуации, поляки предлагали Дорошенко почти полную независимость. Но, с одной стороны, он хорошо знал цену польским обещаниям, а с другой – ему было затруднительно сдерживать воинственный пыл казаков с их постоянным стремлением «бить ляхов».

Осада войсками Дорошенко польского табора под Подгайцами могла привести к полному разгрому польского войска на Волыни, но в самый решительный момент опять вмешался злой гений – Сирко. Согласно своей прежней договоренности с Собеским, он совершил с запорожцами нападение на Крым. Отряд в две тысячи запорожских казаков уничтожил город Арбауток, а также улус под Кафой, перебив две тысячи татар, забрав в плен полторы тысячи женщин и освободив две тысячи украинских невольников. Польские послы сообщали, что после погромов Сирко во владениях крупнейших представителей крымской знати Ширинов остались только «коты и псы»[41].

Нападение, учиненное запорожцами в Крыму, вызвало панику и среди тех татар, находившихся с Дорошенко под Подгайцами. К тому же они подозревали казаков в измене. Опасаясь, что союзники могут превратиться во врагов (как уже не раз бывало в истории украино-татарской дружбы), гетман начал тайные переговоры с Собеским. В результате было заключено соглашение, по которому казаки признавали подданство

польскому королю и обещали не искать других протекций. Поляки, в свою очередь, обязывались не вводить свои войска на казацкие территории. Среди прочих обещаний, Собеский обязывался вернуть Дорошенко гетманские клейноды Войска Запорожского, увезенные в Польшу Тетерей. Окончательные условия предстояло оговорить на будущем сейме, куда казакам следовало прислать своих комиссаров. Хан должен был выступать в роли своего рода арбитра в спорах между Речью Посполитой и Украинским гетманством[42]. Согласно Подгаецкому договору татары получили свободный проход в Крым и даже право забрать с собой весь христианский полон (!)[43].

Все стороны понимали, что соглашение это вынужденное и не налагавшее на них серьезных обязательств в будущем. Ян Собеский называл его не иначе, как «Подгайское чудо». Возможно, Крым действительно хотел восстановить положение дел, как в начале правления Богдана Хмельницкого, когда татары выступали верховным арбитром в польско-украинских отношениях. Но Дорошенко это никак не устраивало, и с этого момента его отношения с Крымом портятся.

Разочарование союзом с татарами проходит на фоне активизации Москвы. Царю Алексею Михайловичу в отличие от начальника Посольского приказа А. Ордин-Нащокина (Ордын-Нащокина. – *Т. Т.*), жаждавшего польской коалиции для совместной борьбы со шведами, не нравилась идея отказа от Украины по условиям Андрусовского перемирия. Осенью 1667 года, как раз в разгар Подгаецкой операции, он освободил из плена брата гетмана, Григория Дорошенко, находившегося в Москве с 1660 года, и тот прибыл в Чигирин. Этот жест был сделан для того, чтобы начать диалог с украинским гетманом.

Был найден и посредник для переговоров: им стал архимандрит Киево-Печерского монастыря иннокентий Гизель, между прочим, приятель Тукальского. Переписка между ними началась той же осенью 1667 года. В ответ на увещевания отступить от союза с неверными Дорошенко уклончиво ссылался на то, что такой союз обусловлен соглашением Речи Посполитой с Крымом, а он-де, гетман, подданный короля, и обязан подчиняться его решениям.

Рассчитывая на поддержку украинского духовенства, Алексей Михайлович стал планировать свой визит в Киев для посещения Печерской лавры. Это должно было стать первым посещением царем Киева в Новой истории.

Следующим этапом стали прямые переговоры Дорошенко через Киевского воеводу П.В. Шереметева (отца будущего знаменитого сподвижника Петра I, Бориса Петровича). В

разговорах с посланником воеводы Дорошенко выражал готовность быть «под царской рукой». В отличие от Брюховецкого, он не желал в награду никакого «боярства», но лишь соблюдения царем казацких вольностей. Во время переговоров с русскими Дорошенко пил «здоровье царя» и велел в его честь стрелять из пушек. Одновременно он предупреждал, что если по условиям мира Алексей Михайлович уступит полякам Киев, то он, гетман, города все равно не отдаст, даже если голову за него положит[44].

Следующему царскому посланцу Ф. Чекаловскому Дорошенко изложил свой план присоединить под власть царя не только Правобережную Украину в традиционных границах гетманства, но и княжество Руськое, включая города Львов, Галич и Влодимир.

Он еще не знал окончательных статей Андрусовского договора, отдавшего полякам весь Правый берег. Когда Дорошенко получил условия договора, то так расстроился, что «лежал болен два дни»[45]. Попавшихся под горячую руку польских послов гетман встретил «многими грубыми словами» и отказался посылать послов на сейм (что предусматривалось Подгайским соглашением).

В это тревожное время в Украину прибыл ведущий русский дипломат стряпчий В.М. Тяпкин. Ему достаточно быстро удалось разобраться в ситуации. Он сообщал в Москву, что Дорошенко пользовался большой популярностью и уважением среди казаков, а после известия об Андрусовском договоре даже многие Левобережные старшины заявили о своей готовности перейти на его сторону.

Переговоры с Тяпкиным прошли в Черкассах, куда на встречу с ним прибыли Григорий Дорошенко и войсковой писарь Л. Бускевич. В переданном ими письме гетман укорял русских за то, что те за их спиной заключили союз с Польшей, расколовший Украину на две части. Он и его старшины выражали глубокие сомнения в возможности добровольного согласия Польши на потерю Левобережной Украины. И вообще они всячески старались вбить клин в польско-русский союз. Что касается Тяпкина, то он призывал принять «царскую руку» и обещал уговорить поляков отказаться от Правобережья.

Дорошенко не имел принципиальных возражений, наоборот, его послы привезли «статьи», на которых он соглашался признать власть царя. Украинское гетманство должно было остаться единым под булавой Дорошенко-гетмана. Воеводы и русские гарнизоны должны были быть выведены из Украины, равно как и отменены все налоги (введенные в правление Брюховецкого и вызвавшие массовые протесты населения)[46].

Однако на деле обе стороны не доверяли друг другу и зачастую превратно истолковывали взаимные шаги. Для Москвы заигрывания с Дорошенко были важным аргументом против поляков для заключения окончательного мира. В свою очередь, гетман был крайне напуган планом царя прибыть в Киев. В Украине упорно говорили, что этот поход Алексея Михайловича планировался с единственной целью передать Киев полякам и в случае сопротивления подавить казаков. На самом же деле Ордин-Нащокин думал использовать поездку царя в Киев, чтобы повлиять на украинское духовенство и через него убедить Дорошенко принять русское подданство.

Гетман оказался гораздо более искусным политиком, чем о нем думали в Москве. Ему было известно о росте недовольства против Брюховецкого и русских воевод на Левобережье. В этих условиях переход этой территории под власть Дорошенко без всякого на то согласия царя представлялось все более реальным.

То, на что Дорошенко никак не соглашался – ни на переговорах с русскими, ни с поляками, – это разорвать союз с татарами. Имея в памяти успех Богдана Хмельницкого, гетман считал такое сотрудничество залогом своего будущего успеха. С помощью орды Дорошенко планировал, в частности, расправиться с запорожцами. Такой план не мог не найти отклика у татар, взбешенных рейдом Сирко.

Действия гетмана заставили его оппонента запаниковать. На Рождество Брюховецкий собрал раду и объявил, что отступает от московского царя. Сразу же после этого он выслал своих посланцев к турецкому султану.

В конце января 1668 году раду провел и Дорошенко. На ней в присутствии татарских посланцев он говорил про Брюховецкого, якобы тот «человеченко худой и неприродной казака; для чего бремя такое великое на себя взял и честь себе, чего он недостоин». Он обвинял его в том, что отдал казаков «Руским людем», обременив их (казаков) невиданными пошлинами («чего от веку не бывало»)[47].

Как было декларировано, оба берега должны быть вместе, «и жить бы особно» (т. е. автономно), выплачивая дань турецкому султану и крымскому хану. Рада постановила побить московских воевод и гарнизоны. Юрий Хмельницкий, присутствовавший вместе с Тукальским на раде, пообещал, что «он отцовские все скарбы откопает и татаром плату даст, толко б под рукою великого государя и королевского величества не быть»[48].

В эти же дни Дорошенко удалось добиться еще одного крупного успеха: при посредничестве султана Константинопольский патриарх Мефодий дал Тукальскому

благословенную грамоту на киевскую митрополию.

В феврале 1668 года начался новый этап антирусского восстания на Левобережье. Восставшими казаками были захвачены Новгород-Северский, Прилуки, Миргород, Батурин, Сосница и Глухов, находившиеся в них русские гарнизоны перебиты, а воеводы взяты в плен. Остальные города, включая Киев, Чернигов, Нежин и Переяслав, были осаждены восставшими казаками. Выступление против Москвы охватило и Слободскую Украину, движение на которой возглавил Иван Сирко, из врага Дорошенко снова с легкостью трансформировавшийся в соратника.

В апреле на Левобережье и Слободскую Украину вступили русские войска под командованием К. Щербатова и Г.Г. Ромодановского. Но их попытки потребовать от поляков выполнения союзного долга натолкнулись на непреодолимые трудности. Поляки и не прочь были бы расправиться с ненавистными казаками, но в тот момент их больше заботила судьба освободившегося престола.

После начала антирусского восстания Дорошенко стал писать Брюховецкому, уговаривая его прибыть к себе и добровольно отказаться от булавы. Одновременно с Левобережья стало поступать все больше приглашений к самому Петру, звавших его прибыть к ним и стать единым гетманом. Весной 1668 года Дорошенко с небольшим отрядом в две тысячи человек перешел на Левый берег Днепра. К нему сразу же присоединился Лубенский полк, а затем Миргородский, Полтавский, Нежинский, Переяславский, Черниговский и Стародубский полки – почти все Левобережье. Все они принесли присягу Дорошенко.

Гетман и. Брюховецкий в гробу. Гравюра из летописи С. Величко

Под Опошней произошла встреча двух партий – Правобережного и Левобережного гетманов. Посланцы Дорошенко прибыли в табор Брюховецкого и велели ему добровольно сдать клейноды. В конечном счете собственные казаки взбунтовались против Брюховецкого и силой притащили его в лагерь Правобережного войска. Когда незадачливый гетман предстал перед Дорошенко, тот якобы приказал приковать его к пушке и, отдавая это приказание, сделал какой-то знак рукой. Чернь приняла это за сигнал, набросилась на Брюховецкого и растерзала его.

Известие о гибели Левобережного гетмана наполнило сердца казаков смятением. Вечер в обоих лагерях прошел в шумных спорах. Брюховецкого не любили, но он стал первым гетманом, убитым своими же казаками. Дорошенко клялся, что не хотел смерти Брюховецкого. Окончательным аргументом в его пользу стало несколько дюжин бочек горилки, которую он выкатил

казакам. Брюховецкого с почестями похоронили и все успокоилось.

Смерть Брюховецкого формально положила конец расколу Украины. Дорошенко на раде был объявлен единым гетманом. Это был апогей всей его карьеры. Добровольно и с искренним желанием вся Украина объединилась под его властью. Момент триумфа, надежд и ожиданий!

Вместе с казаками и татарами Дорошенко предпринял наступление вглубь Левобережья. Правда, в открытые столкновения с русскими он вступать не хотел и поэтому известил воеводу Г.Г. Ромодановского о своем наступлении. Тот с благодарностью принял предостережение и быстро отступил к Охтырке[49]. Не обнаружив русских войск, Дорошенко тоже остановил свои войска.

И вот тут случился эпизод, сыгравший ключевую роль во всей дальнейшей судьбе гетмана. В середине июня он получил известие о неверности своей жены (она изменила ему с «молодым») и умчался в Чигирин. Там Петр «за злодейские ее дела, положил было на нее черное платье», т. е. заставил уйти в монастырь. Но позже, «видя он дочь свою в сиротстве и в малых летех, над нею злодейкою умилосердился, взял ее к себе в жену по прежнему»[50]. Мы уже упоминали, что второй женой Дорошенко была дочь Киевского полковника Яненко-Хмельницкого, родственника Б. Хмельницкого. Дама эта была с характером и еще не раз приносила неприятности Дорошенко.

Подобное влияние «личных» моментов на глобальные события было явлением достаточно распространенным в истории Украины. Это не раз случалось с Б. Хмельницким (его отношения с Е. Чаплинской), знаменитый роман и. Мазепы с Мотрей Кочубей тоже имел далеко идущие последствия. Украинские гетманы были людьми южного темперамента, ими часто владели сильные страсти и не всегда они умели (или хотели) с ними совладать. Можно вспомнить, как Демьян Многогрешный до смерти забил свою жену, и т. д.

Кстати, именно Многогрешного Дорошенко оставил своим заместителем, т. е. наказным гетманом на Левобережье, уезжая в Чигирин. Это решение стало для него роковым.

К неприятностям добавилось и то, что пришли сведения о планируемом Я. Собеским наступлении на Правобережье. Активно организовывать оборону края гетману помогал митрополит Тукальский, он вел активную переписку со всеми ведущими церковными деятелями Украины. Возобновил он и контакты с Киевским воеводой Шереметьевым, уверяя того в миролюбивых планах Дорошенко.

К осени ситуация с наступлением поляков стабилизировалась. Казакам удалось остановить их в районе Белой Церкви и возобновить мирные переговоры с Собеским.

Но это была недолгий период покоя. Как гром среди ясного неба возник союз запорожцев с татарами. Инициатором выступил новый кошевой атаман Суховей, который смог доказать хану выгоду отказа от набегов на Крым со стороны запорожцев. Надо заметить, что Дорошенко считал уничтожение Запорожья составной частью плана по созданию единого гетманства. В этом смысле он не раз делал предложения и хану, о чем, вероятно, стало известно запорожцам. С другой стороны, Крым был оскорблен непосредственным обращением гетмана к султану и мечтал найти замену Дорошенко – посговорчивее и поскромнее.

Запорожцы провозгласили Суховея новым гетманом. Вскоре к нему уже пристали Полтавский, Миргородский, Лубенский и Переяславский полки. Недолгое единство Украинского гетманства было разрушено[51].

Ситуация на Левобережье тоже все больше усложнялась. Собрав силы, в сентябре 1668 года возобновил свое наступление Г.Г. Ромодановский. Ему удалось захватить Нежин и Чернигов. В этих условиях наказной гетман Многогрешный под влиянием черниговского архиепископа Лазаря Барановича начал переговоры с российскими воеводами. При этом он выступал как независимый «гетман Северский». Правда, нарушая присягу Дорошенко, Многогрешный также выдвигал требования значительных уступок со стороны российских властей. Речь шла о возвращении к «Статьям Богдана Хмельницкого», о выводе воевод из городов и восстановлении более широких полномочий гетмана. В случае отказа Москвы принять эти условия Многогрешный угрожал пойти в подданство к Османской империи.

На Левобережье вступил Григорий Дорошенко, и Ромодановский отступил. Брат гетмана избегал открытых столкновений с русскими. Это объяснялось политикой Петра, который всю зиму продолжал переговоры с Москвой. Прибывшему в Чигирин подполковнику Г. Подимову гетман изложил условия, на которых он был готов присягнуть на верность царю: вывод воевод (включая Киев) и военная помощь против татар[52]. В декабре даже состоялся обмен пленными, это должно было подчеркнуть добрую волю обеих сторон.

Но еще до этого, осенью, в Чигирин прибыл чауш (посол) от турецкого султана. Он предлагал «удельные» права Украине (такие же, как имел Крым) и военную поддержку в размере сорока тысяч янычар. В конце ноября Дорошенко выслал ответное

посольство в Царьград. Его послы везли договор из семнадцати пунктов, который позиционировался как продолжение соглашения, заключенного Богданом Хмельницким. Объединенное Украинское гетманство освобождалось от уплаты налогов, гетман должен был пожизненно избираться вольными голосами казаков и являться верховным главнокомандующим всех орд («туй»). Символом установленной зависимости должна была стать передача султаном гетману санджаков (символов власти) и обязательство казаков участвовать в военных предприятиях Порты.

Эти последние требования были для Дорошенко особенно актуальны ввиду поддержки татарами Суховея. Поведение татар его страшно злило. Посланцев калги-султана он бил по губам, обещая сделать то же самое их господину и угрожая «перевернуть вверх ногами весь Крым», как это некогда сделал его дед[53].

Между тем Левобережье превратилось в арену кровопролитной борьбы. Часть казаков стояла за Суховея, распространявшего пропагандистские лозунги, другие – за Дорошенко. Последние активно били татар, и только в Прилуках их было уничтожено до трех тысяч. Суховей с запорожцами занимался грабежами, превратив цветущие места в выжженный край. Сторону Дорошенко по-прежнему держал Сирко, что оттягивало бóльшую часть запорожцев от Суховея. Он даже предпринял набег на Крым – в интересах Дорошенко (всего лишь год назад делал это в пользу поляков).

Затем атаман вернулся в Чигирин, соединился с Григорием Дорошенко и вместе с ним выступил против татар. Решающая стычка произошла в январе 1669 года, когда Сирко разгромил под Каневым главного сторонника Суховея, Батирчу-мурзу. Увидев Сирко, запорожцы, бывшие с татарами, перешли на его сторону. Суховей бежал всего лишь с пятнадцатью казаками. Начался массовый отход от него полковников, и они снова стали признавать верховенство Дорошенко[54].

Расправившись с Суховеем, гетман по-прежнему сохранял подчеркнутый нейтралитет по отношению к Москве. Он заявлял, что собирается принять «руку царя», но с условием вывода воевод и войск из всех украинских городов. По его приказу русским войскам давали свободный проход. Дорошенко даже писал к Многогрешному, уговаривая его, по крайней мере, добиваться от Москвы признания старых «Статей Богдана Хмельницкого». И эта готовность ради главной идеи отказаться от собственных честолюбивых стремлений, безусловно, делает честь Дорошенко.

В своих письмах он выражал надежду, что Многогрешный не нарушит «данное мне рыцарское слово» и будет по-прежнему

жить в союзе и братстве. Приглашал он его и на совещание в Корсунь[55].

Но Многогрешный рвался к заветной булаве и пересылал все письма Дорошенко прямо в Москву. В конце декабря 1668 года в Новгород-Северском состоялась рада, где присутствовали старшины Стародубского, Черниговского и Нежинского полков. На раде Многогрешный был избран «совершенным гетманом». После этого начались активные переговоры с русскими воеводами об условиях принятия «руки царя».

В марте 1669 года на состоявшейся в Глухове раде Многогрешный утвердил новые, «Глуховские статьи», которые регулировали отношения между Россией и Украинским гетманством. Статьи стали результатом компромисса. Воеводы сохранялись в Киеве, Переяславле, Нежине, Чернигове и Острее, но им не позволялось вмешиваться в административное управление и судебные дела. Они должны были только командовать российскими гарнизонами. Податный сбор в московскую казну, введенный при Брюховецком, был отменен. Хотя гетманам запрещались контакты с иностранными государствами, однако казацким депутатам предоставлялось право участвовать в международных переговорах Московского государства, затрагивавших интересы Украины.

Самым трудноисполнимым для русских было обещание не отдавать полякам Киев, это противоречило условиям Андрусовского договора, согласно которому он оставался за русскими только на два года. Они начали переговоры с Киевским митрополитом Тукальским, чтобы тот в обмен на разрешение находиться в Киеве принял бы верховенство Московского патриарха. Однако и Тукальский, и архимандрит Киево-Печерской лавры и. Гизель отвергли такое предложение. Не поддержали его и политики Речи Посполитой, опасаясь усиления московского влияния на Правобережье.

В Москве не было единого мнения, как поступать с Дорошенко. С одной стороны, перспектива возвращение под «руку царя» Правобережья была очень заманчива. С другой стороны, Дорошенко был слишком энергичным и неспокойным гетманом, с которым можно было получить множество хлопот. К тому же после того, как Москва поддержала Многогрешного, настроение Дорошенко изменилось. А в конце февраля из Порты возвратились его послы, приехавшие вместе с посланцем султана (чаушем).

Дорошенко устроил торжественную встречу прибывшим, три дня длился банкет, а затем еще десять дней – всеобщая рада на Росаве. Проходила она очень бурно. Турецкая протекция вызвала

у многих старшин несогласие. Некоторые даже выставили кандидатуру Юрия Хмельницкого, хотя он еще оставался монахом. Споры среди старшины привели к принятию радой весьма расплывчатых решений. Рада подтвердила Дорошенко в статусе единого гетмана, одобрила соглашение с Османской империей, но присяга султану принесена не была, и, наоборот, было принято решение направить послов в Польшу согласно Подгаецкому соглашению с Собеским.

Таким образом, подданство Порте оформлено не было и все ограничилось рамками военного союза, направленного прежде всего против татар. Это один из самых спорных моментов в гетманстве Дорошенко. Его противники уверяли, что он тогда все-таки принял турецкое подданство, но не поставил об этом в известность своих старшин и казаков. В любом случае, гетман продолжал политику заигрывания со всеми соседями.

После рады к султану отправилось большое казацкое посольство, дабы высказать протест по поводу действия татар и их союза с Суховеем. Посольство рассчитывало добиться от султана военной помощи.

В мае прибыло польское посольство, оно доставило долгожданные клейноды, вывезенные Тетерей, – бунчук, знамя, булаву и литавры.

Дорошенко предпринимал попытки помириться даже с Суховеем. Тукальский высказал предложение подкупить Суховея, чтобы тот отказался от союза с татарами. А Дорошенко даже готов был выдать за него свою дочь. Все, что угодно, лишь бы дождаться прихода турецких союзников. Но ситуация обострялась. Посланцы Дорошенко, направленные в Запорожье, были казнены, а в начале мая запорожцы избрали Суховея «запорожским гетманом». Союзные с ним татары грабили окрестности Чигирина и ходили загонами по всему Правобережью[56].

Корсунский, Уманский и Кальницкий полки перешли на сторону Суховея. Тогда же к нему бежал и Юрий Хмельницкий. У Дорошенко из Правобережных оставались только Каневский, Чигиринский и Черкасский полки. Он пытался вызвать Суховея на раду, но безрезультатно. Неожиданно татары осадили Дорошенко в Комончи. Осада продолжалась несколько недель, и неизвестно чем бы она завершилась, но тут прибыл турецкий посол с приказом татарам прекратить борьбу.

Выровнявшееся было положение нарушилось новым поворотом событий. В начале августа 1669 года под Уманью состоялась рада, на которой присутствовали Суховей и Юрий Хмельницкий. Первый отказался от гетманства, а второго не

избрали. Новым раскольным гетманом стал Михайло Ханенко, Уманский полковник, известный со времен Б. Хмельницкого. В отличие от своего предшественника он придерживался пропольской ориентации[57].

Дорошенко, выйдя из Комончи, тоже направился к Умани и там месяцем позже в свою очередь провел раду. Петр сложил булаву (уже в который раз), но казаки снова избрали его гетманом. После этого присутствовавший на раде турецкий посол вручил ему знаки протекции: булаву, бунчук, хоругвь и кафтан. Передана была и султанская грамота, повелевавшая Крыму не вмешиваться в украинские дела. Надо отметить, что, несмотря на все эти шаги, гетман все еще не решался открыто принять турецкую протекцию.

В этих условиях к Дорошенко были вынуждены примкнуть даже Суховей с Ханенко, они дали обещание прибыть в Чигирин. Щедро наградив турецкого посла (говорили, что он получил десять тысяч ефимков, а султану было дано восемьдесят тысяч ефимков), Дорошенко отпустил его домой.

Заручившись турецкой поддержкой, Дорошенко мог теперь снова заняться Левобережьем. Он выслал туда значительные силы казаков, татар и присоединившихся к ним Левобережных полков. Противостоял им сам Многогрешный. Хотя русские, несмотря на его мольбы, не дали ему военной помощи, успех все равно был на его стороне. Многие местечки сдавались Многогрешному и выдавали дорошенковцев. Скорее всего, объяснялось это непопулярностью идеи турецкого протектората. Дорошенко пришлось довольствоваться присоединением к своим владениям Лубенщины, после чего его войска с богатой добычей из пограбленных местечек вернулись в Чигирин.

Рейд по Левобережью стал первым шагом Дорошенко, вызвавшим резкое неприятие казаков и сильно повредившим его популярности. Действиями дорошенковцев были возмущены запорожцы, они даже написали гетману письмо, обвиняя его в пролитии братской крови. Гетман был взбешен и мечтал в будущем расправиться с Запорожьем. Правда, его возможности были пока весьма ограничены, особенно после того, как Ханенко, нарушив обещание, данное под Уманью, вместе с татарами, Суховеем и Ю. Хмельницким напал на пограничные местечки Торговицу, Звенигородку и др[58].

Ханенко уговаривал и Многогрешного присоединиться к этому предприятию. Но тот в своих письмах к царю прямо заявил о своем нежелании помогать Ханенко и вмешиваться в Правобережные дела. Многогрешный считал, что если ему удастся привести «под руку царя» хотя бы Левобережье, это уже

будет огромным успехом.

Генеральное сражение между отрядами Ханенко и Дорошенко, в котором участвовали оба гетмана, произошло в октябре 1669 года под Стеблевым. Дорошенко был осажден в своем таборе, но в решительный момент подошли его силы во главе с Я. Лизогубом. В результате Ханенко бежал, бросив весь свой табор с богатой добычей, шатрами, пушками и лошадьми. Юрий Хмельницкий попал в плен к белгородским татарам, союзным с Дорошенко, и те продали его в Стамбул, где он томился в семибашенной крепости[59].

В очередной раз гетману удалось схватить удачу за хвост, но она снова тут же выскользнула из его рук. К нему пришло сорок тысяч белгородской орды, с помощью которой он намеревался установить свою власть на Левобережье. Гетман расположил ее на зимние квартиры по Правому берегу Украины. Но татары неожиданно взбунтовались, набрали полон и ушли в свои улусы. Так как по дороге они грабили и забирали пленных, то казаки стали их бить. К тому же много татар погибло от сильного мороза, начавшегося в Украине. Потери татар составили несколько тысяч человек.

Поводом к бунту послужило то, что в ноябре татары перехватили дорошенковских послов, ехавших из Кракова с коронации нового польского короля Михаила Вишневецкого. Хотя эти контакты гетмана с поляками носили формальный характер, татары посчитали их изменой. В подобном виде все было преподнесено и в Стамбуле, где стали с большой неприязнью смотреть на Дорошенко, из-за которого ссорились между собой правоверные мусульмане. Были даже планы заманить гетмана, поймать его, а на его место назначить Юрия Хмельницкого. В Варшаве гетману тоже не верили и поддерживали переписку исключительно для вида, наравне с Ханенко (сенат так и постановил – «обоим не верить»). Наконец, Москва предпочитала более сговорчивого Многогрешного.

От всех этих неудач Дорошенко впал в тоску. В жизни он подражал своему славному предшественнику Богдану Хмельницкому и старался копировать его поступки. И теперь с лихостью Богдана Петр впал в запой, не выходя из него неделями, и, «ходя от двора к двору, пил с казаками».

С горя он даже начал контакты с казаками Стеньки Разина, думая таким образом ослабить позицию царя и сделать его более сговорчивым. Но восстание Разина, носившее исключительно социальный характер, было слишком далеким от идеалов дорошенковцев, и базы для надежного союза не нашлось.

Московское правительство раздирали противоречия. С одной

стороны, там желали, чтобы все Левобережье было под властью Многогрешного (а Полтавский, Лубенский и Миргородский полки стояли за Дорошенко). С другой – не хотели сориться с Дорошенко и начинать военные действия на Правобережье, вынашивая тайную надежду, что гетман все-таки примет протекторат царя. В своем обращении ко всем казакам, приглашая выслать делегатов на русско-польские мирные переговоры в Андрусове, царь умудрился назвать Дорошенко титулом гетмана «обоих берегов Днепра», чем страшно разозлил и перепугал Многогрешного. Тот боялся, что если Дорошенко пойдет под «руку царя» и Украина объединится под его булавой, то Москва может избавиться от него, как от ненужной фигуры.

Дорошенковцы призывали к единству, уверяли, что объединение Украинского гетманства необходимо не для удовлетворения честолюбия целей, а для спасения Отечества. Любые же попытки по разделению «делает враг лукавой, которой никогда же навидить добра народу нашему украйному». Предупреждали, что когда-нибудь те, кто сейчас приводят к расколу, получат кару за разорение Отчизны[60].

Несмотря на эти увещевания, к весне 1670 года все Левобережье переходит к Многогрешному. Последним в конце мая к нему присоединился Полтавский полк. Надо отдать должное Дорошенко, он не только не стал мстить, но и, наоборот, направил своих посланцев к Многогрешному, предлагая дружбу. Злые языки, правда, объясняли такое миролюбие гетмана наступлением запорожцев и татар.

Дело в том, что по наущению татар Ю. Хмельницкий написал запорожцам, предлагая избрать себя гетманом и обещая вернуть все, как было во времена его славного отца. Запорожье на такие уговоры не поддалось – там как раз в это время находился Ханенко (после своего разгрома под Стебловым). Что касается Суховея, то он, украв сто семьдесят ефимок из войсковой казны, бежал от запорожцев к Многогрешному. В результате всех этих событий, когда в Стамбул прибыли послы Дорошенко с доказательствами провокационного поведения татар, их приняли очень милостиво и обещали всяческую помощь и покровительство.

Снова заручившись поддержкой в Порте, Дорошенко стал вести свою переписку с поляками в более холодном тоне. Обе стороны назначили на весну 1670 года «комиссию», но договариваться никто не собирался. Поляков не устраивали требования не пускать на Правобережье польских помещиков. Гетман полагался на турок, а поляки – на Ханенко с запорожцами. Дело затягивалось, комиссары Дорошенко требовали дать в

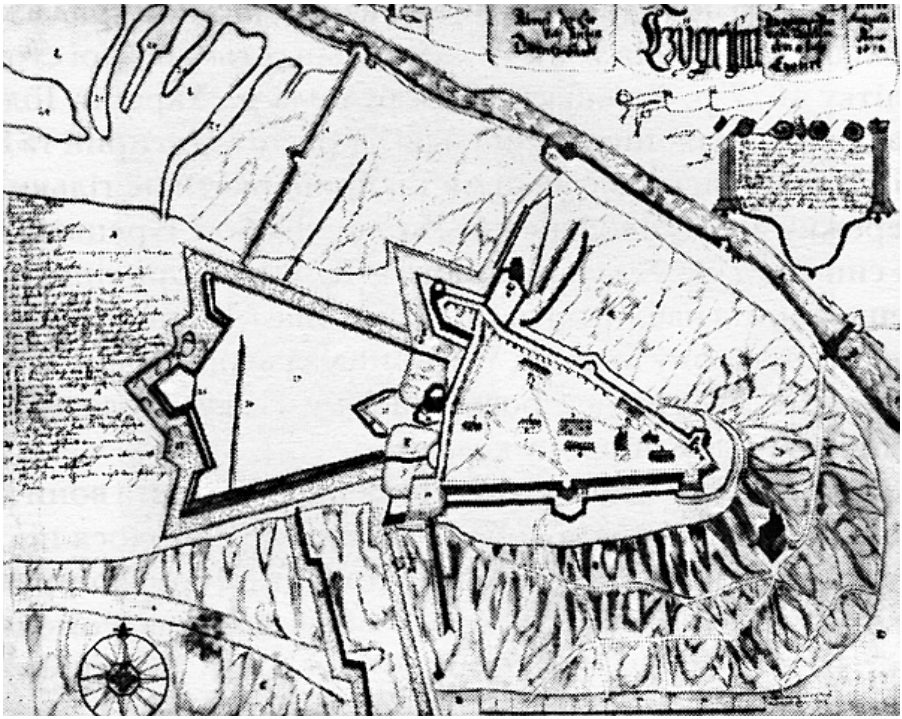
заложники двух каштелянов. Король советовал своим послам затягивать переговоры до начала сейма. Споры о посредниках продлились до конца августа, когда в Острог (где должны были встречаться комиссары) приехали послы Ханенко. Поляки побаивались окончательно договориться с запорожцами без согласования с Дорошенко, но послы Ханенко заявили, что если их отправят без заключения договора, они пойдут «искать себе другого пана».

Наконец, в сентябре соглашение поляков с Ханенко, носившее очень смутный характер, было заключено. В обмен на обещание верности им были вручены деньги. Не все поляки считали такие действия правильными. Великий коронный гетман Ян Собеский полагал ошибкой обижать Дорошенко и договариваться с Ханенко. Он писал, что только сумасшедший может начинать войну с Украиной, «когда турецкий султан, взявший ее под свою оборону, еще не прояснил своих планов».

Собеский был совершенно прав, считая, что Дорошенко и казаков «надо еще гладить… а не доводить до отчаяния». Гетман так и сказал: «Раз король и Речь Посполитая позволяют себе с нами такие шутки, то должна пролиться христианская кровь»[61]. Именно под влиянием известия о заключении договора с Ханенко гетман направил в Стамбул своего посланца, заявляя о своей готовности перейти с Правобрежной Украиной под протекцию султана и прося военной помощи.

В декабре 1670 года в Чигирине состоялась очередная рада, на которой старшины наконец одобрили турецкую протекцию. Надо отметить, что Дорошенко мастерски умел общаться со своей старшиной, играя в демократию и одновременно используя свои популярность и авторитет среди казаков. С годами у него даже выработался прием, тонко рассчитанный на казацкую психологию. В разгар рады он уходил, чтобы «не оказывать давление» на принятие решения. В его отсутствие спорщики «спускали пар», а затем он возвращался и добивался принятия желаемого решения.

Львовский епископ Иосиф Шумлянский, побывавший в феврале 1671 года в Чигирине, оставил весьма интересное описание жизни гетманской резиденции. Он, в частности, писал, что казаки ведут себя уже не как холопы, а как самостоятельный народ: исчезли грубиянство, тиранство, пьянство и всякое варварство. Двор казацкого гетмана отличался пышностью, как у польского магната. С Многогрешным у него согласие, про Ханенко ничего не слышно. Казаки, издеваясь, спрашивали: отчего же польские паны на возвращаются в Украину, как было решено по Острожскому соглашению с Ханенко?[62]



Чигиринская крепость. Гравюра XVII в.

Такая картина спокойной уверенности, видимо, объяснялась решением Дорошенко наконец приступить к конкретным шагам по осуществлению своего плана объединения Украины. Он был уже морально готов к войне с Польшей. Но чтобы обезопасить себя со стороны «вольницы» и «черни», он предпринял накануне начала военных действий весьма нестандартный шаг: собрал в Корсуни «черную» раду. Она состоялась в начале марта, причем сам гетман прибыл только в последний момент, дав возможность казакам обсудить все проблемы без давления своего авторитета. Рада прошла с ярко выраженными антипольскими настроениями, и все высказались за турецкого султана. Этим Дорошенко сорвал планы поляков, намеревавшихся настроить «чернь» против гетмана. Корсунская рада направила королю письма, выражавшие протест против попыток внести раскол в ряды казачества и очернить в их глазах Дорошенко.

Корсунская рада написала и в Запорожье, выговаривая за заключенные в Остроге соглашения с Речью Посполитой. Дорошенковцы с презреньем говорили, что не стоило соглашаться на те «вольности», которые были до войны (до 1648 года). Они-то воюют за то, чтобы не было так, когда «паны и старосты по своим владениям по всей Украине разъезжали и подданными, как было

перед войной, владели». В том же духе было написано и письмо самого Дорошенко к запорожцам. Он резко критиковал их за «невежество» в политике и заявлял, что из-за честолюбия и амбиций Брюховецкого, Суховея и Многогорешного начались междоусобные войны, приведшие к расколу Украинского гетманства[63].

Некоторые запорожцы, слушая эти послания на всеобщей раде, расчувствовались и плакали, другие – пьяницы – ругали Дорошенко. Но на большее никто не решился.

Начиная войну, гетман на самом деле не имел выгодных позиций. В его распоряжении было около десяти тысяч наемных сердюцких полков и столько же Правобережных казаков. Белгородская Орда была его союзником, но крымский хан по-прежнему не желал выступать против Польши.

Подражая Богдану Хмельницкому, Дорошенко использовал любые дипломатические способы, чтобы ослабить своих непосредственных или потенциальных врагов. Он вел переговоры даже с прусским курфюрстом Фридрихом Вильгельмом, мечтавшим о польской короне. Одновременно при посредничестве греческих иерархов гетман извещал Москву, что принимает турецкий протекторат «только на время», чтобы избавиться от польского тиранства, а на самом деле стремится только к подданству царю[64].

К лету 1771 года фортуна снова улыбнулась Дорошенко. После его многочисленных просьб султан назначил крымским ханом Селим-Гирея. Сторонники Ханенко и Польши лишились своих постов.

После этого в июле Дорошенко начал войну против Речи Посполитой, предприняв поход на Белую Церковь. Не желая разрушать замок, он не предпринимал штурмов, но держал город в осаде, ожидая подхода орды. Но татары не могли выйти из Крыма, так как запорожцы предприняли набег, заняв все дороги от Очакова до Перекопа. Нападение запорожцев было составной частью плана Собеского, он намеревался захватить все Правобережье и использовал Ханенко для отвлечения сил Крыма. Сам Собеский шел с запада с коронными войсками, а с севера должны были выступить литовцы.

Узнав, что под Баром находится небольшой (одна тысяча пятьсот человек) отряд Григория Дорошенко, поджидавший прихода орды, Собеский устремился на него из-под Каменца-Подольского. Однако неожиданного удара не получилось. Украинское население стояло на стороне Дорошенко, всячески препятствуя продвижению поляков и оповещая гетмана о действиях Собеского. В результате Григорий успел отступить и

запереться в Брацлаве. Полякам удалось только разбить бывших с ним татар, отобрать у них ясыр и богатую добычу. Не имея ни пехоты, ни артиллерии, Собеский ничего не мог сделать с Брацлавом. Войска его быстро разлагались, грабили Подолию в районе Бара и толпами дезертировали.

Оказавшись в тяжелой ситуации, Собеский с радостью откликнулся на предложение Дорошенко возобновить переговоры. Они обменялись письмами и посланцами.

После этого военные действия продолжались с переменным успехом. Дорошенко вернул себе Немиров и Ладыжин, но в середине сентября отряд, высланный Собеским, захватил Винницу, вырезав всех ее защитников. Великому гетману коронному, не желавшему обострять отношения с местным населением, пришлось силой освобождать плененных казацких женщин и детей. Полякам сдались поднестровские крепости Стена и Ямполь, командовал ими Михайло Зеленский, опытный полковник еще времен Богдана Хмельницкого[65].

Но наибольшую опасность для Дорошенко представляло известие о новой измене Ивана Сирко. Он бежал в Запорожье, там с восторгом был встречен «вольным рыцарством», соединился с Ханенко и напал на улусы белгородских татар. В начале октября, возвращаясь на Правый берег, Сирко с Ханенко практически столкнулись с Дорошенко. Но широко разлившийся Буг не позволил провести генеральное сражение.

Собеский двинулся дальше к Днестру и захватил Могилев. Вскоре сдалась Умань. В середине октября он соединился с Ханенко и Сирко. Несмотря на свое сотрудничество с поляками, запорожцы выказывали недовольство условиями Острожского соглашения и выступали категорически против введения польских гарнизонов в замках Правобережья. Они подчеркивали, что им небезразличны интересы их братьев, городовых казаков. Особенно остро этот вопрос встал после появления на Правобережье слуг различных панов, начавших сбор поборов со своих «подданных». На этой почве дело чуть не дошло до военных столкновений.

Между тем по совету Ханенко поляки пошли на старый казацкий полковой город Кальник. Жители его не пожелали сдаться, началась осада, длившаяся больше двух недель, но взять город поляки не смогли.

Дорошенко обратился к Многогрешному. И хотя тот не дал помощи открыто, но разрешил своим казакам вступать добровольцами к дорошенковцам. Говорили, что на пирах со старшиной Демьян не раз произносил тост за успех Дорошенко. К тому же они с гетманом стали кумовьями: дочь Дорошенко

сосватали за родного племянника Многогрешного Михаила Зиновьева[66].

Положение поляков катастрофически ухудшалось. Москва блокировала Запорожье, запретив возить туда с Левобережья продовольствие. Крым наконец-то выслал гетману татар, а литовское войско, не получив жалованья, взбунтовалось и разошлось. Надежда Собеского на победу рухнула, и с наступлением морозов ему пришлось отступить к Брацлаву.

Ханенко и Сирко ссорились между собой. Запорожцы кричали, что на службе у поляков не получили никакой добычи, и собирались весной вернуться за пороги. Между поляками и казаками Ханенко также постоянно возникали стычки.

В середине ноября Силистрийский паша перешел Днестр и, соединившись с Дорошенко, встал под Кальником. Это послужило сигналом, и большое число местечек, сдавшихся было Ханенко, снова объявило себя верными гетману. Ожидая, пока замерзнут реки, Дорошенко занимался мобилизацией Правобережных казаков. К нему прибыли белгородские татары и турецкие янычары. В начале декабря он осадил Ханенко в Ладыжине. Тульчин, Умань, Винница, Ямполь снова перешли к нему. На католическое Рождество Дорошенко захватил Тростянец, где у поляков хранились большие запасы одежды и имелось много лошадей. Татары набрали богатый ясыр. После этого гетман вернулся в Чигирин.

Зимняя передышка прошла для поляков в сомнениях и тревогах. Собеский высказывался за мир с Дорошенко. Он подчеркивал, что требования и у Ханенко, и у Дорошенко примерно одинаковые (уничтожение унии, отсутствие в Украине польских войск, казацкие вольности и т. д.), но за вторым стоит гораздо больше казаков. Видимо, такого же мнения придерживался и великий гетман литовский К. Пац, подаривший Дорошенко богатую саблю. Но, как обычно случалось в те годы в Речи Посполитой, голоса разума тонули в хоре хвастливых речей забияк. Поляки даже не обратили должного внимания на катастрофический для себя факт: в сентябре 1671 года Порта заключила мир с Венецией, получила остров Крит и развязала себе руки в войне с Польшей. В декабре в Варшаву прибыл турецкий посол и практически открыто провозгласил войну, но поляки не желали этому верить.

Впрочем, далеко не все население Правобережья одобряло грабежи, устроенными союзниками Дорошенко – татарами. Бунты против них прошли в Корсуни и Умани, опять перешедшей на сторону Ханенко.

Но самые неожиданные известия пришли с Левого берега. В

ночь на 13 марта 1672 года в Батурине произошел переворот. Демьян Многогрешный был арестован старшиной и отдан русским воеводам, они обвинили его в измене и отправили в Москву. Новым гетманом избрали Ивана Самойловича.

Многогрешного считали виновным в сговоре с Дорошенко и желании принять турецкое подданство. На самом деле все это было ложью. Хотя поводом к свержению и послужила лояльная позиция Левобережного гетмана в борьбе Дорошенко с поляками, но истинная причина крылась в несговорчивой политике Многогрешного в вопросе вывода из украинских городов русских воевод.

Узнав о перевороте в Батурине, на Левый берег устремился неугомонный Иван Сирко в надежде, что популярность среди казаков позволит ему стать новым гетманом Левобережья. Он вез Ромодановскому подарок в виде мурзы Темамбета (Темамбека. – *Т. Т.*), захваченного им в плен. Однако на пути в Курск Ивана поймал и заковал в кандалы Полтавский полковник Ф. Жученко[67]. Городовая старшина (здесь она была одного мнения с Дорошенко) ненавидела и боялась запорожского атамана. Ее усилиями он был отправлен в Москву, а оттуда в Тобольск. Скорее всего, он бы там и сгинул, но за Сирко вступилась Речь Посполитая, и лично Ян Собеский стал упрашивать Москву отпустить запорожского атамана. Но произошло это только через год.

В дни батуринского переворота произошло и другое важное событие. Русские послы заключили промежуточный договор с польскими комиссарами, в нем отдельным пунктом казакам Левобережной Украины запрещалось оказывать поддержку Дорошенко. Правда, при этом Московское государство категорически отказалось участвовать в военных действиях против гетмана, посоветовав полякам привлечь его к себе «милостью».

Нежелание поляков осознавать турецкую угрозу должно было обернуться для них настоящей катастрофой. В Стамбуле всерьез готовились к войне. Султан направил к польскому королю посла, предупреждая, что земли Дорошенко «включены теперь в наши обширные области, а безопасность казацкой земли обеспечивается соглашением между нами».

В Речи Посполитой, наверное, только Собеский полностью осознавал всю нависшую со стороны турок угрозу. Он пытался наладить переговоры с Дорошенко и заключить с ним соглашение на любых условиях. Но это был глас вопиющего в пустыне. На состоявшемся в мае 1672 года сейме, вместо того чтобы решать вопросы созыва посполитного рушения (т. е. всеобщего ополчения

шляхты) и укрепления порубежных городов, шляхта занималась личными разборками и поисками сиюминутной выгоды. На требование султана отступить от Дорошенко поляки кричали, что никогда не отдадут Украины.

К середине июня несколько тысяч татар соединились с Дорошенко, а пятьдесят тысяч турок переправились с великим визирем через Дунай. В ожидании турецкого вторжения города и местечки, признавшие было Ханенко, переходили на сторону Дорошенко. К нему перебежали и Правобережные полки, бывшие на стороне поляков.

Однако на самом деле было чего опасаться. С султаном шло около ста тысяч янычар, восемьдесят тысяч татар. У Дорошенко тоже было несколько десятков тысяч человек. С ними он напал в середине июля на Ханенко и полностью разбил его на Батогском поле. С двумя тысячами казаков Ханенко заперся в Лодыжине. Это послужило сигналом, и Брацлавский полк сразу же перешел на сторону гетмана. Хан оповещал украинцев, что идет на помощь Дорошенко, как некогда татары помогали Богдану Хмельницкому. Он призывал покончить с внутренними распрями и слушаться «свободно избранного гетмана Дорошенко».

Собеский предпринимал отчаянные попытки организовать оборону страны. Он обратился к Алексею Михайловичу с просьбой дать военную помощь против турок (что предусматривалось условиями Андрусовского перемирия), но царь решил не вмешиваться в польские дела. Тогда Собеский выслал всю имевшуюся у него пехоту в Каменец-Подольский и попытался всеми возможными способами усилить обороноспособность этой важнейшей крепости южного рубежа Речи Посполитой.

Дорошенко шел в поход с тяжелым сердцем. Перед отъездом из Чигирина он просил благословения у митрополита Тукальского со словами: «Господине и пастырю, за твоим благословением, все люди и мы пойдем в тяжкую неволю»[68].

В начале августа турецкая армия заняла без сопротивления Жванец и соединилась с казаками Дорошенко. Шестнадцатого августа гетман имел торжественную аудиенцию у султана Мухаммеда IV. Султан подарил ему богатый кафтан, булаву и коня со всем убранством. Восемнадцатого августа началась осада Каменца. Оборона этой крепости, воспетая в знаменитом романе Генрика Сенкевича «Пан Володыевский», показала всю слабость Речи Посполитой. Не хватало запасов, пороха, опытных солдат, а самое главное – морального духа. В результате 27 августа крепость сдалась.

Во время обороны Каменца-Подольского особенно

прославился стольник пшемыский (Пшемысль?) Ежи Володыевский (у Сенкевича – Михал), один из немногих, показавших образец мужества и стойкости. Все очевидцы единодушно прозвали его «Гектором Каменецким»[69]. Он командовал обороной Старого замка и, не желая сдаваться на позорных условиях, принятых комендантом, взорвал себя[70]. Любопытно, что человек, ставший на века символом польского мужества, на самом деле происходил из украинской шляхты. Часть этого рода, сохранявшая православие, с 1648 года боролась на стороне Украины, а часть, перешедшая в католицизм, оставалась на стороне Польши[71].

По условиям капитуляции гарнизон вышел с оружием в руках, а жители могли свободно уехать со всем своим имуществом. Город был отдан на разграбление и надругательство. Кресты и колокола снимались и переливались в пушки. Султан Магомет IV верхом на коне въехал в соборную церковь города. Каменец-Подольский перешел в безраздельное владение турок. Известие о его падение деморализовало население, и армия султана смогла продвигаться дальше, не встречая сопротивления. Путь на Варшаву был открыт.

Султан Мухаммед IV. Портрет XVII в.

Хан с Дорошенко выступили по направлению к Львову. Король и Собеский предпринимали судорожные попытки начать с султаном мирные переговоры, понимая, что чем глубже в Речь Посполитую продвинутся турецкие силы, тем тяжелее с ними будет договориться. При этом остановить врага не было никакой возможности.

Двадцать четвертого сентября 1672 года хан и Дорошенко прибыли под Львов и начали его регулярную осаду. От разорения город спасло посредничество епископа Шумлянского, давнего протеже Дорошенко, он уговорил гетмана заступиться за Львов перед своими кровожадными союзниками. Хан выступил посредником, намекая, что в случае взятия Львова султан потребует себе все воеводство Руськое. В конечном счете была уплачена контрибуция в двадцать тысяч червонцев[72].

Поблизости, в Бучаче, состоялись и переговоры о мире, которые с польской стороны проводили прибывшие комиссары. По сути дела, договор был составлен под диктовку султана: поляки в течение двух месяцев обязывались вывести гарнизоны из всех украинских крепостей, Правобережная Украина переходила под власть Дорошенко (включая Белую Церковь), Подолия доставалась Порте и, кроме того, Речь Посполитая обязывалась платить ей ежегодную дань в двадцать две тысячи золотых. Казаки настаивали на том, чтобы все униатские церкви на Правом берегу были уничтожены. Но в окончательный вариант договора этот пункт не вошел.

После заключения Бучачского соглашения татары распустили свои загоны вплоть до Вислы и Днестра. Собеский, собирая ясыр, как мог, давал им отпор.

Двадцатого октября турецкая армия отправилась в обратный путь. Под Жванцем султан попрощался с гетманом, выражая ему большое уважение и величая его князем.

Мечты Дорошенко все больше становились реальностью. Польские гарнизоны без сопротивления покинули Брацлав, Могилев, Бар, Меджибож, Умань и другие украинские крепости. Та легкость, с которой еще недавно некоторые местечки переходили к Ханенко, видимо, глубоко задела гетмана. Теперь настало время расправы. Приняв различные подарки от жителей Умани, Дорошенко пригласил местных старшин к себе в Чигирин «для совета» и там нескольких, чья неверность была известна, казнил.

Падение Каменца и позорный Бучачский мир произвели сильное впечатление на Москву. Там ходили панические слухи, якобы из-под Львова Дорошенко пойдет прямо на Киев и Левобережную Украину. Русские воеводы с тревогой сообщали,

что жители переяславского полка готовы были поддаться Дорошенко. В октябре 1672 года Алексей Михайлович направил грамоту шведскому королю Карлу с предложением вместе с другими христианскими королями – французским, английским и датским – пойти войной на турецкого султана и крымского хана, а для переговоров об условиях похода прислать полномочных послов[73].

Но постепенно страх, завладевший поляками после падения Каменца, начал проходить. Поляки затягивали выполнение условий Бучачского мира, не выводили своих гарнизонов, прежде всего – из Белой Церкви. Наоборот, местный комендант отправил отряд, который сжег и вырезал Фастов.

Украинское население было недовольно притеснениями со стороны турок, те крайне презрительно относились к казакам (турки называли их свиньями) и к их вере. Даже в Чигирине турки открыто демонстрировали неуважение к православным обрядам. В начале 1673 года Дорошенко был вынужден просить у султана специальную грамоту, чтобы она ограждала от насилия православные храмы на территории Правобережья. К тому же бóльшая часть Подолии и Галиции перешла в прямое турецкое управление, и даже в таких старых казацких местечках, как Кальник, Брацлав и Ямполь, были поставлены турецкие гарнизоны. Турки всерьез разрабатывали план перемещения местного населения на другие территории, а на землях Подолии начали селить татар.

Многие старшины из ближайшего окружения гетмана были крайне недовольны происходящим. Среди них был Каневский полковник Яков Лизогуб. Но в конце января 1673 года Дорошенко выдал свою дочь замуж за сына Лизогуба, сорвав тем самым его планы перейти к русским. На старшинской раде – она по обыкновению состоялась на Рождество – было принято решение терпеть и сохранять подданство турецкому султану. Вскоре после этого в Чигирине состоялась присяга казаков султану[74].

В Москве к этому времени уже опомнились от шока, вызванного разгромом поляков, и стали задумываться о том, как выгоднее использовать сложившуюся ситуацию. Там знали о недовольстве казаков и старшины турецким подданством, а, с другой стороны, Бучачский договор развязал им руки, так как поляки официально отказались от притязаний на Правобережную Украину и Андрусовское перемирие, таким образом, становилось недействительным. Алексей Михайлович уведомил Варшаву, что после того, как Речь Посполитая уступила Правобережье туркам, он не считает себя более связанным условиями Андрусовского договора.

Теперь можно было подумать и о том, чтобы снова начать переговоры с Дорошенко о принятии «руки царя». Именно таким проектом активно занялся глава Посольского приказа А. Матвеев, проводя разведку и в Чигирине, и у Самойловича.

Самойлович очень боялся этих переговоров, не без причины полагая, что если будет избираться единый гетман, то наиболее реальной кандидатурой, скорее всего, будет не он, а Дорошенко. Усилиями Самойловича на совете у Алексея Михайловича в середине марта 1673 года было решено предложить Дорошенко добровольно принять «руку царя», а в случае отказа – идти на него войной. Царь, к радости Самойловича, высказался за сохранение обоих гетманов даже в случае объединения всей Украины.

Поляки со своей стороны тоже предпринимали попытки помириться с Дорошенко, правда, не вполне искренне. Собеский в марте 1673 года на сейме так и заявил, что предлагает отдать гетману «на время Украину», лишь бы оторвать его от турок. Надо отметить, что за прошедшие события Ян Собеский снискал себе огромную популярность и авторитет. Дорошенко догадывался об истинных целях поляков и тоже использовал переговоры, дабы тянуть время. Он крайне настороженно следил за военными приготовлениями Речи Посполитой и одновременно прилагал усилия, чтобы получить в свое распоряжение Белую Церковь.

Для этого предприятия ему была необходима военная помощь. В Крым отправился один из лучших дипломатов гетмана Иван Мазепа. Миссия удалась, и в начале апреля крымский хан со всей ордой выступил на соединение с Дорошенко[75]. Но поход на Белую Церковь так и не состоялся. Помешала новая угроза с Левобережья.

Самойлович убедил командующего русскими войсками Г.Г. Ромодановского не вступать с гетманом ни в какие переговоры и сразу начать вторжение на Правый берег. Для предупреждения этого нападения Дорошенко мобилизовал свои силы, также в его распоряжении имелось около десяти тысяч орды. В результате неуклюжая попытка Самойловича переправиться под Каневом и склонить на свою сторону Я. Лизогуба потерпела фиаско. Царь был взбешен и поручил архимандриту Киево-Печерской лавры иннокентию Гизелю начать переговоры с Дорошенко.

Одновременно провалились планы поляков использовать для контактов с Дорошенко его давнего знакомого львовского епископа Шумлянского. Поляки готовы были отказаться от условий Бучачского мира, но предлагали возобновить Подгаецкое соглашение. Гетман отослал все польские предложения к султану, что было, безусловно, встречено в Порте с большим одобрением.

Не успел Шумлянский уехать, как прибыл посланец Гизеля. По его уверениям, царь всегда хотел принять Дорошенко в свое подданство, но был связан условиями Андрусовского мира. А вот теперь-де ситуация изменилась, Бучачский договор освободил Алексея Михайловича от обязательств перед поляками и можно принимать Правобережную Украину «под руку царя».

Но Дорошенко и Тукальский не верили русским. Зная, что поляки уже не исполняют положения Бучачского мира, они считали все переговоры уловкой, московской хитростью. Русские сообщат о них полякам, а те – туркам. Все для того, чтобы поссорить гетмана с султаном. Но посланец Гизеля клялся, что русские имели твердое намерение принять Дорошенко и защищать его от турок.

В конечном счете гетман выдвинул свои условия: чтобы царь присягнул на договорных статьях, что на обоих берегах будет один гетман (при этом Дорошенко не настаивал на своей кандидатуре и кокетливо готов был отказаться в пользу «лучшего, чем он»), чтобы царь оборонял Украину, а казаки оставались при своих давних вольностях. Все переговоры гетман просил сохранять в строжайшем секрете – прежде всего, от Самойловича и от поляков.

Царь отказался принять идею единого гетманства, категорически возражал и против принесения присяги, но предлагал договориться на условиях «Статей Богдана Хмельницкого» 1654 года. Несмотря на обещание сохранять переговоры в тайне, о них было сообщено Самойловичу, тот страшно перепугался и с новыми силами начал очернять своего соперника в глазах царя.

В августе 1673 года в Чигирин снова прибыл посредник Гизеля. Дорошенко и Тукальский поклялись перед иконами, что искренне желают подданства царю. Они настаивали на том, чтобы в состав Украинского гетманства входили Киевское, Черниговское и Брацлавское воеводства (как во времена Б. Хмельницкого) и чтобы Киев ни в коем случае не отдавали полякам. Не соглашался Дорошенко и на сохранение власти двух гетманов. Он справедливо полагал, что это приведет только к ссорам и сварам. По его многократным заверениям, гетманская власть отнимала у него все силы и время и он с готовностью отдал бы ее другому, но только достойному претенденту. Надо отметить, что Самойловича (может быть, даже в отличие от Многогрешного) он таковым не считал. Снова и снова Дорошенко подчеркивал необходимость держать все переговоры в тайне, и предлагал послать русские войска к Днепру на Великий пост (весной 1674 года), и тогда Правобережье присягнет царю.

И без того запутанная ситуация усложнилась появлением на Правобережье, под Киевом, казаков высланного туда поляками Ханенко, который заявлял теперь о своем желании принять подданство царя. По дороге он вступил в бой с дорошенковцами, но, потерпев поражение, стал проситься на Запорожье. Царь разрешил пропустить его Левым берегом, но Ханенко опять надумал принять польскую сторону и еще несколько месяцев блуждал в Полесье, скрываясь ото всех.

В октябре 1673 года были получены ответы царя на предложения Дорошенко. Алексей Михайлович не соглашался на провозглашение единого гетмана, но обещал не отдавать Киев полякам.

Дорошенко был раздосадован тем, что уже все Левобережье знало о переговорах. В этих условиях он считал необходимым проинформировать о происходившем свою старшину. Убедившись в непреклонном мнении Дорошенко о необходимости единого гетманства, посредник предложил провести общую раду, которая должна была избрать единого гетмана.

Проанализировав все заявления Дорошенко, в Москве (во многом под влиянием Самойловича) решили, что он не пойдет на предложенные ему условия. В ноябре был отдан приказ Самойловичу и Ромодановскому выступать в новый поход. В случае если бы Дорошенко в ходе этой акции решил принять подданство царя, рассматривалась возможность оставить его гетманом Правобережья.

В то время как Москва начинала военные действия на Правом берегу Украины, Польша готовилась к войне с Портой. В середине октября, собрав прекрасную армию, Собеский выступил в поход. Фортуна ему благоприятствовала. В Крыму свирепствовала эпидемия, к тому же там опять появился Сирко, вдохновленный польскими деньгами. Он взял Очаков и измаил и грабил турецкие крепости в Причерноморье. К Собескому присоединились молдавский и валашский господари.

Что касается Дорошенко, то он не спешил прийти на помощь своему суверену, т. е. султану. Его больше заботила предпринятая им наконец осада Белой Церкви. Кроме того, он прилагал титанические усилия, чтобы не допустить грабежей турками и татарами в Украине. Эти действия принесли ему популярность на Левобережье. А в остальном он ожидал результатов кампании, наблюдая, на чьей стороне окажется удача.

Повезло Собескому, который в середине ноября в блестящей битве под Хотином разбил армию Гусейн-паши. В тот же день, не успев получить радостного известия, умер польский король Михаил Вишневецкий. Речи Посполитой предстояли большие

перемены. Собеский, имевший теперь все шансы стать королем, вынашивал мысль помириться с Дорошенко на условиях Гадячского договора.

Правда, как уже неоднократно случалось, поляки практически не смогли извлечь выгод из своей победы. Сразу после Хотина литовская армия вернулась домой, а из коронной, где не платили жалованья, многие убегали. В результате перед лицом наступающей орды Собескому пришлось срочно отступать. Таким образом, он даже при желании не мог помочь Дорошенко против Самойловича.

Между тем Левобережный гетман, соединившись с Ромодановским и имея в своем распоряжении до восьмидесяти тысяч человек, в январе 1674 года выступил в поход на Правый берег. При огромном численном превосходстве они без труда захватили Черкассы, спалили несколько Правобережных местечек и направились к Каневу. Морозы, чередовавшиеся с оттепелью, затрудняли их путь. К тому же Дорошенко вывез весь провиант и войско голодало. Но командовавший казаками в Каневе Яков Лизогуб предпочел перейти на сторону русских и сдал город, присягнув царю вместе со всеми своими казаками.

В то же время полковник Дмитрашка, имея в своем распоряжении шесть Левобережных полков, совершил рейд под Чигирин, сжег и разрушил десятки местечек и отступил, только узнав о приближении орды.

Самойлович тоже ушел за Днепр и расположился в Переяславе. Однако военные действия на Правом берегу продолжались. Казаки неохотно выполняли указания Дорошенко, жители были к нему враждебно настроены из-за постоянных турецко-татарских грабежей, а огромное численное превосходство русско-левобережных сил серьезно влияло на расстановку сил. В боях под Лисянкой в марте 1674 года попал в плен брат гетмана Григорий Дорошенко. Его отправили в Сибирь[76].

Правобережные полковники один за другим приносили присягу царю. К концу марта под контролем Дорошенко оставались только Чигирин и Паволочь. Самойлович издал универсал, призывая всех полковников съехаться в Переяслав на раду и избрать там единого гетмана. Многие советовали Дорошенко тоже туда поехать.

Видимо, повинуясь своему желанию всегда быть против всех, Сирко в этих условиях неожиданно поддержал Дорошенко. Вместо того чтобы помочь Самойловичу, выступив в поход против Крыма, он затеял в Запорожье целую авантюру, укрывая появившегося там самозванца «царевича Семена Алексеевича». Москва была страшно напугана и зла на Сирко (там всегда

боялись самозванцев), а тот посылал письма Дорошенко, призывая его не сдавать клейноды Ромодановскому.

Гетман был одним из немногих, кто еще не считал свое дело проигранным. Он засыпал Стамбул и Крым просьбами о военной помощи, а сам пытался выиграть время, делая вид, что готов к переговорам. В Корсунь на переговоры с Ромодановским он выслал Ивана Мазепу. Тот также должен был принять участие в раде и заявить от лица Дорошенко готовность принять подданство царя, если его оставят Правобережным гетманом (как это раньше предлагалось русскими).

Можно задаться вопросом, в какой момент Дорошенко перестает руководствоваться принципами общественной целесообразности и начинает спасать собственные власть, честь и жизнь. До этого в переговорах с русскими он ставил во главу угла идею единого гетмана. Но когда расклад сил оказался не в его пользу, он стал цепляться за Правобережное гетманство, что, по сути, противоречило его целям. Некоторые историки винят во всем Сирко, якобы он отговорил Дорошенко ехать в Переяславль. Но с каких пор этот запорожский авантюрист стал авторитетом для гетмана?

В середине марта 1674 года состоялась рада в Переяславе, на которой присутствовали Правобережные и Левобережные полковники. Там же появился и Ханенко – он сдал свои клейноды и заявил, что стал гетманом не по своей воле, а был назначен польским королем. Одним политическим авантюристом в Украинском гетманстве стало меньше, но оставалось еще много других.

Как и ожидалось, гетманом «обоих берегов Днепра» был провозглашен Иван Самойлович. На раде от лица царя прозвучало обещание защищать Правобережье от татар и турок. Там же состоялась присяга Правобережных старшин, составивших письмо к Алексею Михайловичу с просьбой оборонять их еще и от поляков. В ответ была дана царская грамота, заверявшая казачество, что «вы Коруне Польской уступлены не будете»[77].

Казалось, все уже устали от Руины и желали наконец объединения и стабильности. Но, как показали дальнейшие события, мало кто из старшин был верен этой своей очередной присяге.

На раде присутствовал и и. Мазепа, он передал письма Дорошенко и дал клятву, что русским послам в Чигирине не причинят никакого вреда. Послы действительно приехали, гетман встретил их с почетом, подтвердил свое желание принять подданство царя, но дальше этого дело не пошло.

Между тем удача стала уплывать и из рук Самойловича.

Поляки, которые сначала рассматривали его поход с Ромодановским как военную помощь против турок в рамках Андрусовского перемирия, потом испугались, что Москва хочет отобрать у них Правобережье. Собеский отдал приказ о начале наступления на Подолию, и его войска стали занимать одно местечко за другим. Правобережные полковники, в свою очередь, начали засыпать Самойловича («гетмана обоих берегов») просьбами оказать обещанную царем военную помощь. А некоторые из них (как, например, О. Гоголь, только что присягнувший в Переяславле царю) опять перешли на сторону поляков.

На Пасху к Дорошенко пришла долгожданная орда, и он решился попытать счастья, возвращая себе многострадальное Правобережье. Всеобщее озлобление уже перешло всякую меру. Когда брат гетмана выступил на Киевщину и ему сдались два местечка, он отдал их жителей в ясыр татарам, а старшинам велел буром выколоть глаза. Жаркие бои дорошенковцев со сторонниками Самойловича происходили в районе Жаботина.

По каким-то причинам в конце мая царь снова направил к Дорошенко грамоту. Но гетман не верил русским и с горечью говорил, что его полковники прельстились на соболей, но скоро снова перебегут к другим покровителям.

Возможно, к переговорам Москву толкал ненадежный статус Правобережья. В середине мая Ян Собеский был провозглашен польским королем и сразу же дал понять, что не намерен отказываться от Украины. А вскоре после этого он направил к Дорошенко условия соглашения, по которому Киевское и Брацлавское воеводства переходили бы под власть гетмана. Обещал Собеский защитить Правобережье и от русских.

Этот «польский» вариант развития событий был сорван Самойловичем. Он подделал письма, где Дорошенко якобы предостерегал калгу-султана о злобных замыслах польского короля. Фальшивку подкинули полякам. Собеский поверил ей, разгневался и перестал желать союза с Дорошенко (которому всегда до этого симпатизировал).

От безвыходности гетман снова обратился на юг. Он написал целый ряд писем в Крым и Порту и отправил с ними своего дипломата и доверенное лицо и. Мазепу. Но по дороге отряд Мазепы наткнулся на своего злого гения – Сирко с запорожцами. Всех казаков вырезали, самого Мазепу отослали к Самойловичу, а оттуда, несмотря на противодействие гетмана, в Москву[78].

В июле казаки Самойловича вместе с Ромодановским предприняли наступление на Чигирин. Их не остановило даже появление татар. Хотя местечки Правобережья сдавались

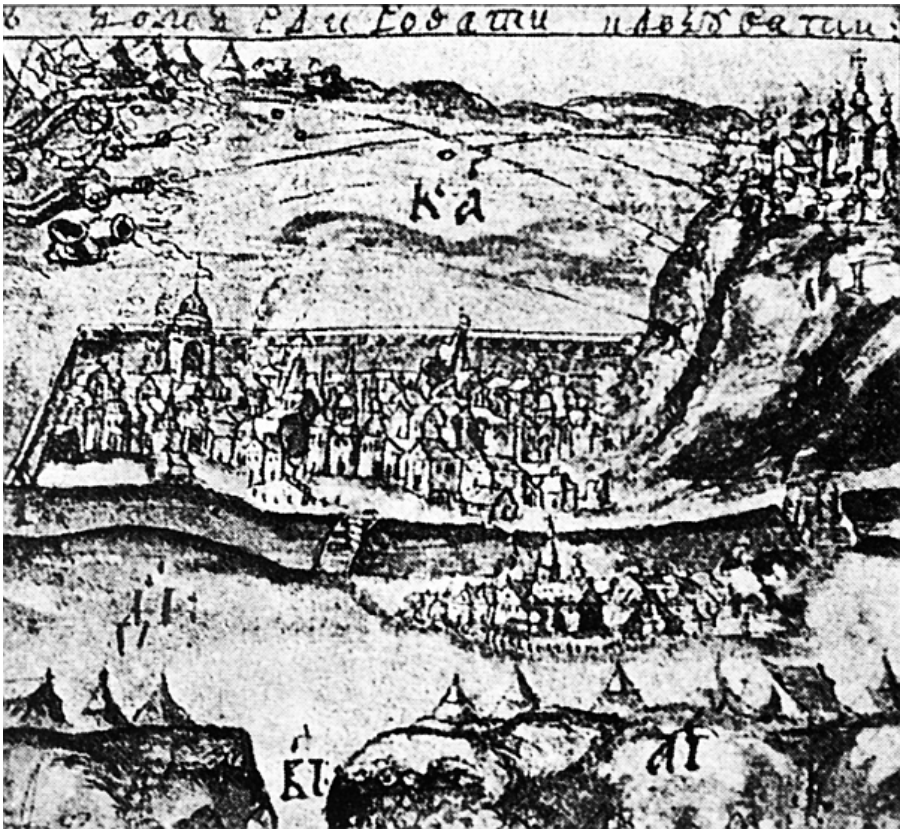
Самойловичу, население принимало его озлобленно. Все устали от войны, но Дорошенко все-таки любили. Сам гетман в мрачном унынии сидел в Чигирине, пил, заставлял музыкантов играть веселые мелодии и утешал людей тем, что скоро придет помощь от султана и хана.

Ромодановский начал регулярную осаду Чигирина, но у него не было запасов и денег, а казаки Самойловича разбегались на глазах. Когда в начале августа стало известно о приближении орды, Ромодановский приказал сжечь табор и отступил к Черкассам. А через день уже подошел крымский хан.

Появление его было вызвано переговорами, которые провел О. Гоголь с султаном. Узнав об отчаянном положении Дорошенко, Мухаммед IV изменил план своего похода (он направлялся в Польшу) и выслал вперед орду. С ее помощью Гоголь вытеснил полковников Самойловича из Забужья.

Ввиду приближения турок Правобережье охватила паника. Архимандрит и. Гизель даже думал бежать из Киева со всеми сокровищами Киево-Печерской лавры. К середине августа 1674 года вся территория между Бугом и Днестром перешла под власть османов. Сдался Брацлав.

Следом за ордой в Украину вступил и султан. Поход носил характер карательной экспедиции против непокорных подданных и поэтому отличался особой жестокостью. По дороге турки вырезали население всех местечек. Лодыжин, сдавшийся после недельной обороны, постигла страшная участь: все мужское население было убито, а женщины и дети отданы в полон. Город был сожжен. Оттуда турки устремились к Умани. Город целую неделю стойко сопротивлялся, но не смог сдержать напора турок. Бой перешел на улицы, и на центральной площади разгорелось последнее сражение. Было убито более семи тысяч защитников города, которые сумели уничтожить вдвое больше врага. Когда сопротивление было сломлено, турки начали резать всех подряд. Как выразился казацкий летописец С. Величко, «совершали кровавую жатву»[79]. Попрятавшихся в подвалах жителей турки задушили дымом, остальных убили. Умань сожгли до основания, не осталось ни одного целого здания. Погибли тысячи людей, в том числе семьсот священников. Немногие оставшиеся в живых были отданы в турецкую неволю. От Умани турки повернули назад, захватив в соседних местечках молодых девушек и юношей[80].



Осада Чигирина. Рисунок Т. Шевченко

Под Уманью состоялась и последняя личная встреча Дорошенко с султаном. Трудно сказать, какие чувства испытывал гетман при виде пролитой крови православных – результата его политики. Но думать об этом не было времени. Все, что он мог сделать, – это выпросить у султана уманских пленников. При Дорошенко остался крымский хан.

После кровавой акции в Украине практически не осталось идейных сторонников турецкого протектората. Рухнула и надежда, что русский царь защитит присягнувший ему Правый берег от османов. Правобережные города и местечки снова признавали власть Дорошенко, имевшего в своем распоряжении татар. Признал его и Брацлавский полковник П. Лисица[81]. Но бóльшая часть населения просто бросала все и бежала куда глаза глядят, из ада, в который превратилось Правобережье. Бежала зачастую на Левый берег. Бегство людей к Самойловичу страшно злило и оскорбляло Дорошенко. Вместе с татарами он перехватил один такой обоз переселенцев числом до десяти тысяч. Сопротивлявшихся перебили, а остальных отдали в ясыр.

Когда Дорошенко уже намеревался переправляться на Левый

берег, хан остановил наступление и повернул в Крым. Ему стало известно о нападении на его улусы запорожцев с неувядающим Сирко, в очередной раз поменявшим политическую ориентацию. Узнав об этом, Самойлович вздохнул с облегчением и в октябре 1674 года распустил свои полки, понимая, что военные действия на время остановились.

Правобережье снова было под властью Дорошенко. Но теперь оно почти обезлюдело и лежало в руинах. А в ноябре началось новое наступление поляков. Собеский захватил Бар. Многие теперь смотрели на поляков как на защитников. Успехи и талант Собеского восхищали казаков. Гоголь опять сдал ему Могилев (и получил титул полковника Подольского), а затем были добыты Рашков, Кальник и Брацлав, ставший штаб-квартирой Собеского. Политика польского короля, пытавшегося в отличие от своих предшественников покорить Украину не «огнем и мечом», а пряником, приносила свои плоды. Собеский хотел идти на Чигирин и заставить Дорошенко принять польское подданство, но, как уже не раз бывало, литовское войско отказалось продолжать поход и вернулось домой.

В этих условиях король возобновил переговоры с гетманом. В конце декабря 1674 года в Чигирин прибыли польские комиссары. Все население мечтало о мире, но Дорошенко был непреклонен. Зная, что русско-польские мирные переговоры в Андрусове зашли в тупик, он выставил условием соглашения тройственный договор Порта – Речь Посполитая – Крым. Сам Дорошенко должен был стать князем Украины под протекторатом польского короля и султана. Причем полякам он выставил условия Гадячского договора. И хотя Собеский соглашался почти на все, недоверие сторон было слишком велико[82].

Дорошенко сидел в Чигирине и продолжал изо всех сил сопротивляться судьбе. Иногда к нему приходили небольшие отряды татар, и он отсылал их рейдами на Левобережье. В феврале он своими силами предпринял поход на Черкассы. Но все это была скорее видимость деятельности, чем реальные мероприятия.

В апреле 1675 года войска короля захватили Паволочь – последнюю опору Дорошенко на Правобережье. Командовали Правобережьем от лица поляков бывшие соратники Богдана Хмельницкого – Остафий Гоголь и Григорий Гуляницкий. Именно Гуляницкий был выслан Собеским к Корсуню и Киеву «на защиту от турок»[83].

В мае распространился слух о приближении огромной турецкой армии. В Каневе началась паника, жители бежали на Левый берег. Но турки так к Дорошенко и не пришли. Они

захватили Рашков и Могилев, а затем распустили татарские загоны по Волыни.

От гетмана теперь уходили ближайшие люди. Бежал, прихватив ценные документы, генеральный писарь Василий Кочубей. Гетмана все больше ненавидели. Прямо в Чигирине работал невольничий рынок, где татары и турки продавали свою добычу. А когда пришло известие, что султан приказал Дорошенко выслать в Порту пятьсот девушек и юношей до 15 лет, возмущение вышло из-под контроля и гетман вынужден был три дня прятаться по лесам под Чигириным.

Символом приближавшегося конца стала смерть друга и советника гетмана Киевского митрополита Тукальского, скончавшегося в июле 1675 года. Митрополит испытал сильный стресс, когда одна граната разорвалась в его доме во время бомбардировки Чигирина войсками Ромодановского летом 1674 года. От страшного потрясения он ослеп, у него отнялись ноги. Говорили, что перед смертью Тукальский заклинал Дорошенко отказаться от турецкой протекции и принять царское подданство. Похоронили митрополита в Троицком монастыре Чигирина[84]. Впоследствии, при оставлении города в 1678 году, казаки вывезли его тело в табор и перезахоронили в Лубенском Мгарском монастыре. Но покоя митрополит так и не обрел. В 1709 году, чиня расправу над «мазепинцами», Петр I приказал уничтожить могилу Тукальского.

Что касается грозных соседей, то они пытались разыгрывать различные политические комбинации. Собеский, сам имевший огромные имения в Украине, ни за что не хотел отдавать ее русским. Он заигрывал с турками и вел с ними переговоры о возможности союза против Московского государства и одновременно уговаривал царя начать совместную военную акцию против Порты. В Москве помогать полякам не хотели и, наоборот, считали возможным воспользоваться тяжелым положением Дорошенко и Польши, чтобы все-таки присоединить к себе Правобережье.

Самойловичу, конечно, очень хотелось покончить с Дорошенко, но он боялся появления татар и турок. Он предлагал дождаться осени, и уже если орда не придет, то собрать все русские войска Ромодановского и выступить в поход. С другой стороны, Самойлович был категорически против соединения с польско-литовской армией, так как это затруднило бы объединение Украинского гетманства. Наконец, в середине августа он выступил из Батурина, встретился с Ромодановским и через месяц они вместе прибыли к Каневу. Узнав об этом, Дорошенко написал Самойловичу письмо, призывая не грабить

несчастные украинские местечки, не проливать больше братской крови и во имя сохранения Украины помириться. Но эти патриотичные призывы разбивались о глухую стену.

Тогда Дорошенко пошел на неожиданный шаг: он пригласил приехать к себе из Запорожья неугомонного атамана Сирко и 12 октября принес перед ним присягу на Евангелии в подданстве царю[85]. После этого состоялся молебен за здоровье Алексея Михайловича. Дорошенко отдал клейноды Сирко, и целый день в честь знаменательного события стреляли из пушек. В знак примирения были выпущены все пленные, и Сирко вернулся в Запорожье.

Обо всем этом гетман сообщил и Самойловичу, подписавшись уже «гетманом Войска его царского пресветлого величества Запорожского»[86]. То, что присяга действительно имела место, написал в Малороссийский приказ и Сирко, прося царя принять Дорошенко.

Запорожский атаман, ненавидевший Самойловича, рассылал по Украине универсалы, призывая прекратить военные действия против Дорошенко и сзывая всех на раду. Учитывая тот авторитет, который имело Запорожье для всего украинского казачества и личное влияние Сирко, эти действия были очень опасными для Самойловича. Особенно боялся он возможности «черной рады», так как знал свою непопулярность среди простых казаков. Поэтому, в свою очередь, посылал в Москву письма, уговаривая не верить Дорошенко. Он доказывал, что гетман просто старается выиграть время, а на самом деле и не думал всерьез принимать царское подданство.

Между тем царь издал указ, согласно которому из-за позднего осеннего времени следовало распустить войска Самойловича и Ромодановского и вернуться домой. Оба они отчаянно писали Дорошенко, чтобы он прибыл к ним и снова присягнул царю. После некоторого раздумья Алексей Михайлович поручил улаживать дело с гетманом Самойловичу. Тот очень обрадовался и, прежде всего, потребовал, чтобы ему были присланы турецкие санджаки (т. е. символы власти, данные султаном)[87].

Но Дорошенко боялся вести дела через Самойловича. Он выслал своего посланца в Москву, обещая отдать санджаки и объясняя, что он не едет к Ромодановскому, опасаясь, как бы его противники с ним не расправились (некогда он сам так поступил с Брюховецким). Царь написал гетману ласковую грамоту, величая его «Петром Дорофеевичем» (высшая милость по московским понятиям), обещая забыть все былое, гарантируя безопасный проезд к Самойловичу и Ромодановскому и

приглашая со всеми родственниками приехать в Москву[88].

Продолжая сидеть в Чигирине, Дорошенко переписывался с Самойловичем, а в это время, в середине января 1676 года, его посланцы во главе с тестем Павлом Яненко-Хмельницким привезли в Москву санджаки. Были переданы бунчук и два знамени, а булаву, лично врученную султаном Дорошенко под Каменцом-Подольским, гетман оставил себе, «чтоб ему было с чем самому приехав царскому величеству челом ударить»[89]. В Кремле состоялась торжественная церемония получения турецких санджаков.

Этот триумф Алексея Михайловича стал последним в его жизни. Через несколько дней в возрасте 47 лет он умер. Он еще успел составить грамоту, в которой требовал, чтобы Дорошенко повторил присягу перед Самойловичем и Ромодановским, гарантировал гетману свободу, освободил из Сибири его брата и обещал защищать от турок Чигирин и окрестности.

Для приведения к присяге новому царю к Самойловичу был выслан и. Ржевский. Другой дворянин должен был принимать присягу у Дорошенко в Чигирине. Это Самойловичу страшно не понравилось, и он уговорил русских к Дорошенко не ездить. Что касается гетмана, тот сидел в Чигирине и клялся, что «поповичу» (т. е. Самойловичу) булаву не отдаст. Сирко раду не собирал, но по пьянке посылал угрозы в адрес Самойловича[90].

Так, в подвешенном состоянии все и продолжалось до июля, когда пришел указ нового царя идти на Дорошенко походом. В начале сентября передовой отряд русско-казацких сил в количестве двадцати тысяч человек под командованием стольника Григория Косагова и генерального бунчужного Л. Полуботка подошли к Чигирину. Завязался было бой, но Дорошенко его прекратил и начал переговоры. В это время на собравшейся в Чигирине раде было решено принять подданство царя.

Девятнадцатого сентября 1676 года гетман вышел из города. Впереди процессии шли священники с крестами и в полном облачении, затем старшина и чигиринцы. Придя в табор за три версты от Чигирина, Дорошенко со всеми жителями города принес присягу «и в винах своих добили челом»[91]. После этого он вернулся в Чигирин. Условия капитуляции включали гарантию жизни и имущества – гетману, старшине и всем жителям города.

Через четыре дня после принятия этих условий Дорошенко прибыл в лагерь Самойловича и Ромодановского снова принес присягу и отдал все клейноды. Затем оба гетмана обедали у Ромодановского, и Дорошенко вернулся в Чигирин. Через несколько дней Самойлович нанес ответный визит, во время

которого Дорошенко отдал ему ключи от Чигирина и всю артиллерию.

Трагические события капитуляции Чигирина в 1676 года и сложение с себя гетманских полномочий Петром Дорошенко не стали последними событиями его длинной жизни. Все другие украинские гетманы, попадавшие в опалу, обычно заканчивали свой путь в Сибири. Добровольно сдавшегося Дорошенко эта судьба минула. Однако он представлял собой слишком выдающуюся, а оттого опасную личность, которую боялись как в Украине (прежде всего, и. Самойлович), так и в Москве.

В окружении Федора Алексеевича было принято решение об отсылке Дорошенко из Украины. В связи с этим к гетману и. Самойловичу отправились стольник С. Алмазов с подьячим В. Парфеньевым. Они прибыли в Батурин и через несколько дней были отпущены в Сосницу. Самойлович приказал стольнику побыть в Соснице хотя бы с неделю, пока Дорошенко соберется. Однако сразу вслед за этим Самойлович прислал к стольнику генерального бунчужного, «чтоб он Дорошенка каков есть, хотя будет отиматца и немочью, взял с собою, ехал к Москве тотчас».

Дорошенко, конечно, был возмущен такими обстоятельствами своей отправки и сказал стольнику, что даже осужденным на смерть говорят об этом заранее. И «Бог де судит гетмана» за то, что тот его не предупредил[92]. Самойлович, конечно, имел возможность уведомить Дорошенко о планируемой отправке в Москву, он мог не торопить его с отъездом, но предпочел быстро и без распространения информации выпроводить грозного пленника из Украины.

С. Алмазов с П. Дорошенко выехали из Сосницы в Москву 18 марта 1677 года. По словам В. Парфеньева, Дорошенко в дороге временами был весел, а временами грустен. Он явно опасался, что его арестуют, хотя стольник его и уверял в милости царского величества[93].

Двадцать седьмого марта 1677 года Дорошенко приехал в Москву в сопровождении Семена Ерофеевича Алмазова, десяти казаков и четырех челядников[94].

На приеме у царя Дорошенко был вместе с посланцами Самойловича – генеральными старшинами судьей и. Домонтовым и писарем С. Прокоповым. В речи думного дьяка бывшему гетману выговаривалось за то, что тот «многие годы стоял в упорстве» и Правобережным городам и местечкам в результате его упрямства было нанесено большое разорение. Но за добровольную сдачу царь «пожаловал, вины и преступления» отпустил и обещал и «ввек» не вспоминать[95].

Седьмого апреля сам Дорошенко писал к и. Серко, хвастаясь,

что видел «царское лицо» и «был у руки». Он упоминал также, что в то же время в Москве был освобожден и его брат Григорий[96].

По приезде Дорошенко был размещен в большой деревянной избе вместе с генеральными войсковыми старшинами. Он просил царя поселить его на отдельном дворе. На это Федор Алексеевич приказал его перевести с Малороссийского двора на новый Греческий[97].

Устроившись в Москве, Дорошенко практически сразу (10 апреля) «бил челом», чтобы к нему из Сосницы была направлена его жена[98]. Подьячий Василий Юдин прибыл в Батурин к гетману и. Самойловичу в начале мая и передал указ, чтобы он жену Дорошенко из Сосницы отпустил и дал бы подводы под ее имущество[99].

Эта просьба неожиданно натолкнулась на упорное сопротивление Самойловича. Тот ссылался на то, что во время капитуляции он и старшина «пред образом пресвятые Богородицы и пред святым евангелием» поклялись Дорошенко, что он с братьями, с женой и с родственниками будет жить, где захочет, на Левобережье или в Чигирине. Поэтому де гетман и поселил его в Соснице. А теперь он, Дорошенко, отослан в Москву и оттуда пишет, чтобы Самойлович поступил согласно своему обещанию и упросил бы царя отпустить его с Москвы в малороссийские города к жене. Удивленный подьячий отвечал, что Петр Дорошенко бил челом великому государю об отпуске к себе жены своей сам по воле, и подал в Малороссийском приказе письмо, написанное своей рукой[100].

Через день, 16 мая, подьячий был приглашен на двор Самойловича, где уже находились мать П. Дорошенко, старица Митродора, его братья Григорий и Андрей и жена Люба. При В. Юдине они все «били челом… гетману со слезами», умоляя исполнить просьбу бывшего гетмана. Самойлович упорствовал и заявлял, что не может посылать их насильно, иначе все решат, что Дорошенко с супругой отправляют в Сибирь[101]. Настаивая на своем, В. Юдин отправился к родственникам Дорошенко и заставил их подтвердить, что они отпускают жену Дорошенко. И только тогда взбешенный Самойлович согласился ее отправить, дав две недели на сборы.

Но когда подьячий вернулся в Батурин 27 мая и снова просил отпустить жену Дорошенко, его братья заявили, будто после отъезда бывшего гетмана в Москву его жена «учала пить безобразно». Когда же ей сказали, что нужно ехать в Москву, Люба кричала, что в этом случае муж ее «недолго на свете будет жить»[102].

Сам Дорошенко писал думному дьяку Лариону Иванову 17

июня 1677 года, настаивая на присылке своей жены. Но Самойлович, видимо, считал для себя выгодным нахождение семьи Дорошенко под его контролем в Соснице. Это делало положение бывшего гетмана зависимым от его власти, а к тому же давало козыри перед угрозой внутренних восстаний и турецко-татарского наступления.

В конечном счете жена Дорошенко была доставлена в Москву, но уже усилиями стольника А. Карандеева, отправленного в Батурин 29 июня[103]. Самойлович попытался было опять говорить, что Петр Дорошенко писал к братьям своим, чтоб жены к Москве не посылать. Но у Карандеева имелась челобитная Дорошенко, и Самойловичу пришлось уступить[104].

В июне Дорошенко просил царя дать пятьдесят подвод для встречи жены от Севска к Москве. С ней ехало восемь «скарбных возов», рыдван, коляска и пять возов со всякою рухлядью. С ней были дочь, провожатых шесть человек, да одна женщина[105].

На этом выяснение отношений между Дорошенко и Самойловичем не закончилось. Действующий гетман постоянно получал от бывшего просьбы походатайствовать перед царем «об отпуске с Москвы». Самойлович уверял, что уже просил царя, и убеждал не терять надежды, обещая получить разрешение от царя еще до победы над неприятелем. Но Дорошенко продолжал с упреком писать Самойловичу о нарушении данного слова. И был прав, так как заверения гетмана были далеко не искренни. В разговоре со стольником А. Карандеевым Самойлович прямо заявил, что и не помышлял просить об отпуске Дорошенко с Москвы: «...в нынешнее де настоящее воинское время Петру Дорошенку быть в Украине невозможно» [106]. Речь шла о наступлении турок на Чигирин.

Единственное, что сделал гетман, – обеспечил пропитанием и всякими запасами мать Дорошенко, остававшуюся в Соснице.

Что касается бывшего гетмана, то он долгое время по-прежнему оставался на Греческом дворе, его охраняли сотник стрелецкого приказа и семь человек стрельцов. На соседнем Посольском дворе поставили еще пять человек и, кроме того, выставляли дополнительных ночных сторожей.

Такая ситуация почетному пленнику не нравилась, и в письме к стольнику С. Алмазову он просил, «чтоб караулу убавити, ибо не усну, и там от них крику и стуку приходящим по мосту, и весма великое безупокойство»[107]. Еще в июне, до приезда жены, к Дорошенко прислали «из малороссийских городов запасов его на четырнадцати подводах». Присланных лошадей по просьбе Дорошенко было позволено пасти в дворцовых лугах.

После прибытия жены был дан царский указ поставить

Дорошенко «на Григорьеве дворе Никитникова». Однако там к переезду почетного пленника подготовились плохо: требовалось починить полы, окна, двери. Дорошенко просил царя пожаловать ему деревню для прокормления и спрашивал, «вовсе ль» дан ему Никитников двор? Если уж ему суждено навсегда поселиться в Москве, то тогда он «все свои пожитки к Москве в одно место соберет; а ныне у него пожитки все ростеряны; которые и есть, и те все врозни». Дорошенко дали тридцать подвод «от Севска до Москвы» под запасы, их должна была отправить с Украины его мать[108].

О дальнейшей жизни Дорошенко в Москве в материалах Малороссийского приказа сохранились лишь отрывочные свидетельства. В сентябре 1678 года Дорошенко снова жаловался на условия своего проживания, прося переделать печи и кровлю. Царь пожаловал и велел сделать необходимые постройки.

Часовня на могиле П. Дорошенко в Ярополче. Изображение XIX в.

Российские власти не препятствовали и общению Дорошенко с находившимся в Москве сыном и. Самойловича. Видимо, Дорошенко имел возможность общаться и с приезжавшими казацкими посланцами. Так, имеется свидетельство В. Кочубея, что он дружески выпивал с Дорошенко на Москве[109].

Тем не менее строгий надзор продолжал существовать. По указу Федора Алексеевича от 13 ноября 1679 (!) года голове московских стрельцов П. Аристову поручался надзор за Петром Дорошенко[110].

Вероятно, именно это неприятное положение пленника и заставило бывшего гетмана в начале 1680 года принять далеко не самое заманчивое предложение – стать воеводой на Устюге Великом с жалованьем в одну тысячу рублей в год. Но ситуация

изменилась, и в конечном счете он уехал в Вятку[111]. Тогда же ему были пожалованы и вотчины. Там он пробыл до 1682 года. После возвращения из Вятки царь пожаловал Дорошенко тысячу дворов в селе Ярополче. На Украину он уже никогда не вернулся.

После смерти своей второй жены Любы, с которой у него было столько неприятностей, Дорошенко женился на русской Агафье Еропкиной. От нее он имел трех сыновей и дочь (и две дочери были от двух предыдущих жен) и вел жизнь великорусского помещика. Дети его имели сильные семейные связи в Российской империи, в частности его внучка была замужем за родственником Григория Потемкина генерал-поручиком Александром Загряжским. А пра-правнучкой гетмана была Наталья Гончарова, супруга Александра Сергеевича Пушкина.

Умер Дорошенко 9 ноября 1698 года и был похоронен в селе Ярополче. Его могила сохранилась – единственная из могил украинских гетманов XVII века. Известно, что ее посещал А.С. Пушкин.

Дорошенко пережил большинство своих соперников – и. Сирко, и. Самойловича. Можно лишь догадываться, доходила ли до него информация о происходивших изменениях в Украине, о сменах гетманов и о той славе, какой добились казацкие полки в Азовских походах.

Примечания

[1] *Кривошея В.* Національнаеліта Гетьманщини (персональний склад і генеалогія козацької старшини). К., 1998. С. 213–215.

[2] *Степанков В.* Петро Дорошенко: шлях до булави // Україна в Центрально-Східній Європі. 2006. № 6. С. 310.

[3] Реєстр Війська Запорозького 1649 року. К., 1995. С. 27.

[4] *Степанков В.* Петро Дорошенко: шлях до булави. С. 319.

[5] ВУсР. М., 1953. Т. III. № 194. С. 387.

[6] Акты ЮЗР. СПб., 1861. Т. III. № 369. С. 572.

[7] В.С. Степанков следом за В. Кривошеем считает, что вторую жену П. Дорошенко звали Ефросиньей. Между тем, русские источники точно свидетельствуют, что ее звали Любой. (Акты ЮЗР. СПб., 1884. Т. XIII. № 30. С. 131.)

[8] *Степанков В.С.* Ук. соч. С. 321–322; *Кривошея В.* Національнаеліта Гетьманщини (персональний склад і генеалогія козацької старшини). К., 1998. С. 146.

[9] Акты ЮЗР. Т. IV. С. 44, 101–102.

[10] Там же. С. 149.

[11] *Кулаковський П.* Козацьке посольство на сейм 1659 року // Гадяцька унія 1658 року. К., 2008. С. 115.

[12] ПКК. 1-е. Т. III. № LXXXVI. С. 382.

[13] Акты ЮЗР. Т. IV. № 115. С. 255.

[14] ПКК. 2-е. Т. III. № CXXXI. С. 435.

[15] Там же.

[16] Акты московского государства. СПб., 1901. Т. III. С. 258–260; ПКК. 2-е. К., 1859. Т. IV. С. 75–76.

[17] Volumina legum. Petersburg, 1859. V. IV. С. 359.

[18] Надо отметить, что не все историки склонны считать П. Дорошенко участником этого заговора. Например, В. Степанков придерживается другого мнения.

[19] Акты ЮЗР. Т. V. № 108. С. 238.

[20] Там же. № 135. С. 306.

[21] Там же. № 141. С. 308.

[22] Там же.

[23] Реестр казацких дел. ЧОиДР. 1861. Кн. IV. С. 27.

[24] Акты ЮЗР. Т. V. № 135. С. 306.

[25] Там же. С. 308.

[26] Там же. Т. VI. № 2. С. 34.

[27] Там же. № 9. С. 50–51.

[28] Там же. № 13. С. 55.

[29] Там же. Т. V. № 141 С. 308.

[30] Реестр казацких дел. ЧОиДР. 1861. Кн. IV. С. 27.

[31] Акты ЮЗР. Т. VI. № 31. С. 82

[32] Там же. № 34. С. 88.

[33] Реестр казацких дел. ЧОиДР. 1861. Кн. IV. С. 29

[34] *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. Ньй-Йорк, 1985. С. 96.

[35] *Kochowski.* HPJK. T. II. S. 409.

[36] *Jerlicz.* T. II. S. 112.

[37] *Jemiołowski M.* Pamiętnik. Dyieje Polski yawierający. Warsyawa, 2000. S. 203–204.

[38] Акты ЮЗР. Т. VI. № 57. С. 158.

[39] Подробнее об этом: *Яковлева Т.* Руїна Гетьманщини: від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659–1667 гг.). К., 2003. С. 558–561.

[40] *Флоря Б.Н.* Начало открытой османской экспансии в Восточной Европе // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. С. 78.

[41] *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С. 137.

[42] *Флоря Б.Н.* Начало открытой османской экспансии в Восточной Европе. С. 80.

[43] *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С. 139–140.

[44] Там же. С. 149–151.

[45] Акты ЮЗР. Т. VI. № 71. С. 243.

[46] Там же. С. 247–259.

[47] Там же. Т. VII. № 11. С. 30.

[48] Там же. С. 31.

[49] *Флоря Б.Н.* Начало открытой османской экспансии в Восточной Европе. С. 84.

[50] Акты ЮЗР. Т. XIII. № 30. С. 135.

[51] *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С. 211.

[52] Акты ЮЗР. Т. VII. № 45. С. 121 – 124.

[53] *Дорошетсо Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С. 217.

[54] Там же. С. 220.

[55] Там же. С. 227.

[56] Там же. С. 249.

[57] Акты ЮЗР. Т. IX. № 9. С. 43 – 44.

[58] *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С. 267.

[59] Акты ЮЗР. Т. IX. № 31. С. 131 – 132.

[50] Там же. № 44. С. 182.

[51] *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С. 318.

[52] Там же. С. 327.

[53] Там же. С. 338 – 339.

[54] Акты ЮЗР. Т. IX. № 93. С. 390 – 392.

[55] *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С. 366.

[56] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 12.

М, 1991. С. 418.

[57] Акты ЮЗР. Т. IX. № 164. С. 847 – 852.

[58] Там же. № 178. С. 971 – 972.

[59] Ojczyste Spominki w pismach do dziejów dawnej Polski. Diaryusze, Relacye, Pamiętniki i t. p. Zeb. A Grabowski. T. II. Kraków, 1845. № 33. S. 170.

[70] Jemiołowski M. Pamiętnik. Dyieje Polski yawierający. Warszawa, 2000. S. 400.

[71] *Смолій В.А., Степанков В.С.* Українська національна революція XVII ст. // Україна крізь віки. К., 1998. Т. 7. С. 319.

[72] *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С. 428.

[73] ИИ СПб. РАН. Ф. 124. Коллекция Соловьева. № 606.

[74] Акты ЮЗР. Т. XI. № 55. С. 162 – 167.

[75] Там же. № 68. С. 231 – 232.

[76] *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С. 489.

[77] Акты ЮЗР. Т. XI. № 118. С. 387 – 402.

[78] Подробнее об этом: *Таирова-Яковлева Т.Г.* Мазепа. М, 2007.

[79] Літопис С. Величка // Збірник козацьких літописів. К., 2006. С. 560.

[80] *Мицик Ю.* Умань козацька і гайдамацька. К., 2002. С. 98–99.

[81] *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С. 524.

[82] Там же. С. 533–534.

[83] Акты ЮЗР. Т. XII. № 60. С. 177–179 и др.

[84] *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С. 554–555.

[85] Акты ЮЗР. Т. XII. № 94. С. 273–277.

[86] Там же. С. 275.

[87] Там же. № 111–112. С. 324–337.

[88] Там же. № 128. С. 401–408.

[89] Там же. № 134. С. 430–431.

[90] *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С. 595.

[91] Акты ЮЗР. Т. XII. № 201. С. 729.

[92] Там же. Т. XIII. СПб., 1884. № 14. С. 58.

[93] Там же. С. 58–59.

[94] РГАДА. У 229 Малороссийский приказ. Оп. 1. № 149. Л. 2.

[95] Акты ЮЗР. Т. XIII. № 16. С. 70–72.

[96] Там же. № 17. С. 76.

[97] Там же. № 16. С. 74.

[98] *Гордон П.* Дневник 1677–1678. С. 8.

[99] Акты ЮЗР. Т. XIII. № 30. С. 129.

[100] Там же. С. 129–130.

[101] Там же. С. 131.

[102] Там же. С. 133.

[103] Подробнее о доставке жены Дорошенко в Москву см: *Таирова-Яковлева Т.Г.* Отправка бывшего гетмана Петра

Дорошенко в Москву // Terra Cossacorum: студії з давньої нової історії України. Наук. Зб. На пошану доктора історичних наук професора Валерія Степанкова. К., 2007. С. 223–232.

[104] Акты ЮЗР. Т. XIII. № 46. С. 189–190.

[105] Там же. № 57. С. 225.

[106] Там же. № 46. С. 189–190.

[107] Там же. № 44. С. 173.

[108] Там же. № 67. С. 257.

[109] Источники малороссийской истории, собранные Д. Бантыш-Каменским и изд. О. Бодянским. М., 1858. Т. 2. С. 150.

[110] РГАДА. У 229 Малороссийский приказ. Оп. 1. № 149. Л. 131.

[111] *Смолій В.А.* Петро Дорошенко // Історія України в особах. Козаччина. К., 2000. С. 129.

Глава 6
ДЕМЬЯН МНОГОГРЕШНЫЙ

Демьян Многогрешный[1] родился в 1621 года недалеко от Конотопа Черниговского воеводства в крестьянской семье. Сам он говорил о себе, что он «человек простой и безграмотной»[2]. Уже этим Многогрешный очень отличался от большинства «шляхетных» и весьма образованных гетманов.

Демьян был, видимо, одним из тех многих тысяч крестьян, кто в годы восстания Богдана Хмельницкого «показачился». Однако про ранние годы казацкой службы будущего гетмана мы ничего точно не знаем. В.Б. Антанович и В.А. Бец, авторы его биографии, ошибочно отождествляли Демьяна с генеральным есаулом Демко-Лисовцем[3].

Доподлинно известно, что в 1665 году и. Брюховецкий назначил Многогрешного Черниговским полковником[4]. Такое важное звание не могло даваться без серьезных на то оснований. Демьян должен был к тому времени иметь серьезный опыт службы или в Украинском гетманстве, или в Запорожье. С другой стороны, его назначение на столь ответственный пост именно Брюховецким вполне объяснимо, так как тот, сам происходивший «из низов», подбирал себе соответствующую команду.

В начале 1668 года на старшинской раде Левобережные полковники решили «конечне отступити от царского величества». Среди них был и Многогрешный. Он как Черниговский полковник принял участие в антимосковском восстании, охватившем все Левобережье. Причины бунтов заключались в политике гетмана и. Брюховецкого, позволившего царскому правительству ввести прямое воеводское правление, провести перепись населения и начать собирать подушный налог. Черниговский полк под командой Демьяна находился в центре событий. Надо отметить, что кровавые и трагические события этого восстания имели далеко идущие последствия. Старшина твердо усвоила урок и более не соглашалась на уступки царскому правительству в налоговой и административной политике, прежде всего, из-за опасения за свою жизнь со стороны разгневанных казаков, мещан и крестьян. С другой стороны, в Москве тоже стали более взвешенно принимать решения в отношении Украинского гетманства.

Весной поход против восставших предпринял воевода Г.Г. Ромодановский. Он осадил Котелву. Тогда Многогрешный написал П. Дорошенко, чтобы тот шел из Чигирина, обещая

принять его за гетмана[5]. В мае 1668 года Многогрешный вместе с большинством Левобережных полков перешел на службу к Дорошенко, которого, скорее всего, знал еще со времен восстания Б. Хмельницкого. За это говорит тот факт, что при Дорошенко он сразу занял важный пост генерального есаула. Черниговский, Лубенский, Миргородский, Полтавский, Нежинский, Переяславский и Стародубский полки присягнули Дорошенко.

Под Опошней произошла трагическая встреча Правобережного и Левобережного гетманов, и и. Брюховецкий погиб. Дорошенко стал единым гетманом обоих берегов.

Но практически сразу после этого триумфа Дорошенко вынужден был уехать в Чигирин[6]. Своим заместителем, т. е. наказным гетманом на Левобережье, Дорошенко оставил Многогрешного.

Между тем наступление Ромодановского продолжалось. Защищаться от него было некем. Воевода приступом взял новый город Чернигова. В сентябре 1668 года по совету Стародубского полковника М. Гвинтовки и архиепископа Черниговского и Новгород-Северского Л. Барановича Многогрешный начал переговоры с представителями царя.

Позиция Лазаря Барановича, безусловно, яркой и значительной личности украинского православия, была во многом обусловлена личными мотивами. Он находился в непримиримой вражде с Иосифом Тукальским, который был рукоположен Константинопольским патриархом в Киевские митрополиты. То, что Тукальский был ближайшим соратником Дорошенко, делало невозможным для Барановича сотрудничество с Правобережным гетманом.

Гетман Д. Многогрешный. Гравюра из летописи С. Величко

Многогрешный предпринял ряд миролюбивых шагов. Он отпустил всех царских людей, содержавшихся под караулом в Борзне, Соснице и Погаре[7]. При этом он выступал как независимый «гетман Северский».

Для переговоров с Ромодановским Демьян прислал своего брата Василия и бывшего Стародубского полковника П. Рославченко. Нарушая присягу Дорошенко, Многогрешный, в свою очередь, выдвигал требования значительных уступок со стороны российских властей. Речь шла о возвращении к Статьям Богдана Хмельницкого, о выводе воевод из Переяславля, Нежина и Чернигова и восстановлении более широких полномочий гетмана. Требовал он также амнистии всем участникам восстания при Брюховецком[8]. В случае отказа Москвы принять эти условия Многогрешный угрожал «ради и не ради» пойти в подданство к «поганину»[9]. По слухам, он присягнул старшине, чтобы в «Малой России и нога московская не стояла».

Позиция по отношению к воеводам объединяла Многогрешного с Дорошенко. Несмотря на изменившуюся ситуацию в связи с независимой политикой Демьяна, Дорошенко по-прежнему сохранял подчеркнутый нейтралитет по отношению к Москве. Он заявлял о намерении принять «руку царя», но с условием вывода войск и воевод из всех украинских городов. По его приказу русским войскам давали свободный проход.

Дорошенко даже писал к Многогрешному, уговаривая его добиваться от Москвы признания старых Статей Богдана Хмельницкого. В своих письмах он выражал надежду, что Многогрешный не нарушит «данное мне рыцарское слово» и будет по-прежнему жить в союзе и братстве. Приглашал он его и на совещание в Корсунь[10]. Но Многогрешный уже почувствовал вкус власти и пересылал все письма Дорошенко прямо в Москву. Ярко и образно изображала ситуацию летопись Самовидца: старшина настаивала, чтобы Демьян взял гетманство, «чого он отмовлялся як старая девка хорошого жениха. Бо того сам требовал»[11].

В конце декабря 1668 года в Новгороде-Северском состоялась рада, на которой присутствовали старшины Стародубского, Черниговского и Нежинского полков. На раде Многогрешный был избран Северским гетманом. После этого начались активные переговоры с русскими воеводами об условиях принятия «руки царя».

В январе 1669 года в Москву были отправлены П. Забела, М. Гвинтовка и и. Домонтов. Они резко выступали против присутствия в городах Украины русских воевод: «...ратные люди в наших городах кражами частыми, пожарами, смертоубийствами и разными мучительствами людям докучали; сверх того, нашим нравам и обычаям не навыкли[12]... Воеводы, несмотря на постановленные статьи, в казацкие права и вольности вступались и казаков судили, чего никогда в Войске Запорожском не бывало».

Помимо всего прочего, над Украиной довлел страх, что согласно условиям Андрусовского договора по истечении четырехлетнего срока полякам будет отдан Киев. Баранович прямо предупреждал царя, что в этом случае «и сей стороны Днепра малороссийские города под его рукою в твердости не будут никогда».

В результате Г.Г. Ромодановский получил указ провести новую раду, которая должна была подтвердить избрание нового гетмана и принять решение о возвращении под «руку царя». Рада состоялась в марте 1669 года в Глухове. На раде обсудили новые Глуховские статьи, они регулировали отношения между Московским государством и Украинским гетманством. Обсуждение проходило непросто, относительно воевод был «большой шум» и протесты. Только на третий «съезд» казаки уступили и согласились на компромисс. Воеводы сохранялись в Киеве, Переяславле, Нежине, Чернигове и Остре, но им не позволялось вмешиваться в административное управление и судебные дела Украины. Власть воевод ограничивалась командованием русскими гарнизонами. Реестр казаков был

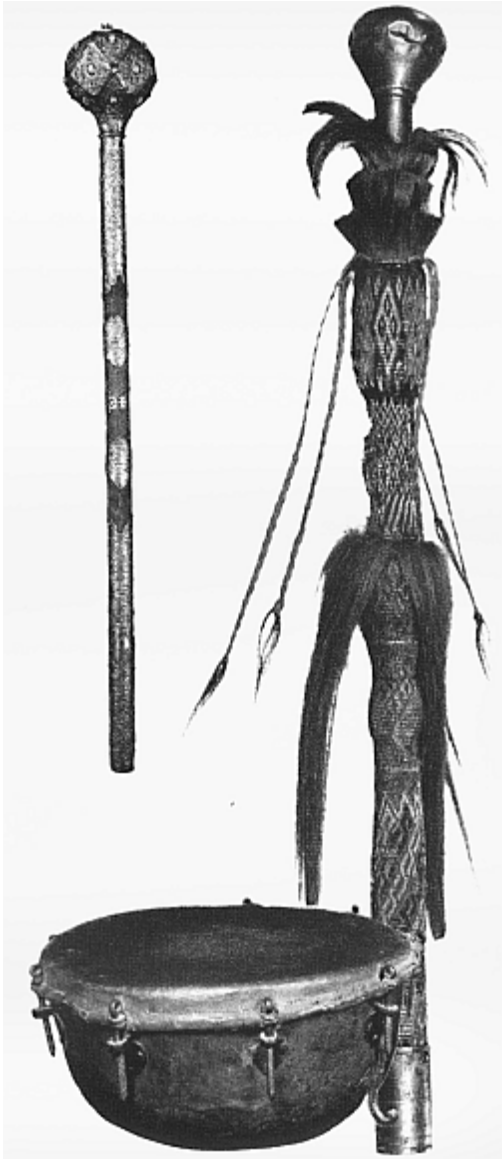
определен в тридцать тысяч. Податный сбор в московскую казну, введенный при Брюховецком, отменялся. Хотя гетманам запрещались контакты с иностранными государствами, однако казацким депутатам предоставлялось право участвовать в международных переговорах Московского государства, затрагивавших интересы Украины, т. е., прежде всего, в русско-польских.

После утверждения Глуховских статей казаки избрали Многогрешного гетманом. Однако даже не все Левобережные полки поддержали возвращение в подданство московскому царю. Решения Глуховской рады не признали Полтавский, Миргородский и Лубенский полки.

Все это делало положение Многогрешного крайне шатким. Уже в апреле 1669 года он послал в Москву генерального судью и. Самойловича с просьбой, чтобы Ромодановский скорее шел им на защиту. Просил он также выполнить решения Глуховских статей относительно возвращения опальной старшины. В знак прощения всех малороссиян Алексей Михайлович послал подтвердительную грамоту, а также отпустил двести пятьдесят восемь пленных, взятых в предыдущих битвах[13].

Усилия полковников Многогрешного силой привлечь к себе Левобережье не приносили удачи. В мае 1669 года Дмитрашко Райча с пятью тысячами казаков направился к Воронькову, но был ранен и отступил. Благодаря Бога за свое спасение, Райча съездил в Лавру на богомолье. Затем он предпринял наступление на Ромны, но неудачно. Из города ему прямо заявили: «...буде гетман Демьян игнатович с войском и великаго государя с ратными людми придет под Ромен сам, и они де ему сдадутца, а Дмитрашку де они не сдадутца»[14].

Летом 1669 года заручившись турецкой поддержкой, Дорошенко выслал в Левобережье значительные силы казаков, татар и присоединившихся к нему Лубенского и Миргородского полков. Противостоял им лично Многогрешный. Хотя русские не дали ему военной помощи, о которой он умолял, успех все равно был на его стороне. Он послал войска во главе с М. Кияшко и нанес дорошенковцам серьезные удары[15]. Многие местечки сдавались Многогрешному и выдавали дорошенковцев. В битве под Рогинцами наказной гетман Многогрешного разбил войска Дорошенко. Скорее всего, объяснялось это непопулярностью идеи турецкого протектората. Дорошенко должен был довольствоваться присоединением к своим владениям Лубенщины, после чего его войска с богатой добычей из разграбленных местечек вернулись в Чигирин.



Гетманские клейноды

После заключения М. Ханенко в августе 1669 года соглашения с поляками Дорошенко оказался в трудной ситуации. Ханенко вместе с татарами, Суховеем и Ю. Хмельницким напал на пограничные местечки Торговицю, Звенигородку и др.[16] Ханенко уговаривал и Многогрешного присоединиться к этому предприятию. Но тот в письмах к царю прямо заявил о своем нежелании помогать Ханенко и вмешиваться в Правобережные дела. Многогрешный считал, что если ему удастся привести «под руку царя» хотя бы Левобережье, это уже будет огромным

успехом.

Многогрешный отправил в неподвластные ему Левобережные полки компанейский полк под руководством Кияшка, который «бесчеловечне и тиранско вирубал» людей, выезжавших за припасами. Вследствие таких действий Лубенщина сдалась Многогрешному[17]. Сам гетман писал, что Лубны встречали его хлебом-солью, только жаловался на отсутствие помощи ему от русских («токмо тем утешают всегда, что тотчас пойдем»)[18]. В октябре Многогрешный пошел вместе с польским полковником Мурашко (до двадцати тысяч) против наказного гетмана Я. Коритского и Гоголя и разбил их под Лохвицей[19].

В конце 1669 года произошел неприятный инцидент. В своем обращении ко всем казакам, приглашая выслать делегатов на русско-польские мирные переговоры в Андрусове, царь умудрился назвать Дорошенко титулом гетмана «обоих берегов Днепра», чем страшно разозлил и перепугал Многогрешного[20]. Тот опасался, что если Дорошенко все-таки пойдет под «руку царя» и Украина объединиться под булавой Правобережного гетмана, то Москва может избавиться от него как от ненужной фигуры.

Осенью 1669 года Многогрешный, не вполне уверенный в личной безопасности, решился избрать себе новую резиденцию. По его просьбе царское правительство указало ему новую столицу – Батурин, и прислало отряд в сто стрельцов для охранения его особы[21]. С этого времени отряд русских телохранителей всегда находился при гетмане. Однако, как выяснилось позже, это стало трагической ошибкой Многогрешного. Именно глава стрельцов его личной охраны возглавит заговор против него.

Но пока до этого было далеко. В сентябре 1670 года гетман принимал участие в усмирении бунта С. Разина, задержал одного из его агентов и послал отряд казаков во главе с генеральным есаулом Гвинтовкой и своим братом Василием на помощь русским войскам[22].

Между тем к лету 1670 года все Левобережье переходит к Многогрешному. Последним в конце мая к нему присоединился полтавский полк.

Разумеется, такое положение вещей не могло радовать Дорошенко. Желая отомстить Демьяну, которого он считал предателем, Дорошенко исходатайствовал у Константинопольского патриарха церковное проклятие[23] Многогрешному, что сразу стало известно во всей Украине.

Сначала гетман не предал этому значение. Но затем в декабре 1670 года с ним случился апоплексический удар (инсульт). Он упал на крыльце своего дома и целый час не мог говорить. Болезнь оказалась серьезной. Многогрешный всерьез

боялся умереть и даже просил царя позаботиться о его семье в случае смерти[24] («видя себя зело в той моей болезни ближшаго к смерти, а неже к животу»). И сам Многогрешный, и все его современники расценили болезнь как последствие анафемы. Гетман обратился к царю с просьбой исходатайствовать снятие отлучения.

Татарские бунчуки

Просил за него и Баранович[25].

Алексей Михайлович отправил в Константинополь специальную миссию во главе с переводчиком Христофоровым. Но добиться снятие анафемы было непросто – и не по богословским причинам. Делом в том, что Дорошенко пользовался особым покровительством турецкого султана как его подданный. Анафему провозгласили по просьбе Дорошенко и теперь, снимая ее, можно было обидеть не только Правобережного гетмана, но и самого султана. С другой стороны,

патриарх не хотел ссориться и с московским царем. В конце концов, после тяжелых переговоров, Христофоров получил заветную бумагу для Многогрешного. Обрадованный гетман начал строить церкви в Нежине и Батурине[26].

Однако это стало лишь небольшой передышкой перед грядущими неприятностями. Многогрешный объективно находился в очень сложной политической ситуации: в Украине ему противостояли Дорошенко, Ханенко, Суховей и Сирко. Первые три имели гетманский титул и поддерживались турками, поляками и татарами соответственно. Продолжавшиеся русско-польские переговоры, нежелание Речи Посполитой отказываться от украинских земель, зыбкость границы и в связи с этим нервозное состояние украинского общества дополнялись серьезной угрозой со стороны Османской империи и Крыма.

Для того чтобы ослабить своих противников и повредить им в глазах русских властей, Многогрешный придерживался тактики доносов. В апреле 1669 года генеральный судья Самойлович, посланный гетманом в Москву, привез его донос на Дорошенко, якобы тот поддался турецкому султану и бранил русского царя. Были посланы и статьи договора Правобережного гетмана с Османской империей (историки считают их сомнительными). В начале 1670 года Многорешный доносил в Москву о неблагонадежности Ханенко и о его дружбе с крымским ханом.

Но продолжая и развивая практику доносов, и без того получившую во времена Руины порочное распространение, Многогрешный совершал фатальную ошибку. Посылаемые им старшины налаживали в Москве контакты в Посольском приказе. У них рос соблазн самим попытать счастье, формируя в царском окружении нелестное мнение о гетмане.

А поводов вскоре появилось немало. В Малороссийском приказе Многогрешного обвиняли в том, что он не высылал из Украины беглых русских крестьян, а, наоборот, разрешал им селиться. Но главной точкой напряженности стали русско-польские переговоры, точнее – споры о границе Украинского гетманства. Московское государство еще по условиям Андрусовского перемирия отказалось от Правобережной Украины. Но, как известно, Киев тоже был на Правом берегу. Спорными были и Посожские земли. Казакам не хотелось отдавать ни пяди земли полякам, тем более что по условиям Переяславского соглашения 1654 года граница Украинского гетманства проходила далеко на западе, захватывая Браилов и Шаргород.

Теперь, настаивая на уточнении границы с поляками, Многогрешный неожиданно попросил включить в Украинское

гетманство Гомель, жители которого прислали о том челобитную[27]. При этом он заявлял: «И ему де гетману не принять их нельзя, потому что войско запорожское никого не отгоняет»[28]. В Москве не собирались претендовать на белорусские земли, поэтому Боярская дума отклонила это предложение, но Многогрешный все равно принял Гомель под свое покровительство. В декабре 1671 года Многогрешный предлагал царю присоединить Мстиславское воеводство[29]. Ответ – не вмешиваться, соблюдать Андрусовское перемирие, «чтобы от того ссоры не всчинались»[30]. Таким образом, Белоруссия, как во времена Б. Хмельницкого и и. Выговского, снова становилась объектом русско-украинского конфликта.

Жесткая позиция царского правительства относительно непринятия Правобережья и Белоруссии вызывала негативную реакцию казаков, сочувственно смотревших на антипольские действия Дорошенко. Это, в свою очередь, заставляло Многогрешного более лояльно вести себя по отношению к Правобережному гетману, которого он предал. Так, когда в 1671 года польский полковник Пиво начал грабить окрестности Киева, Многогрешный разрешил своим казакам переходить к Дорошенко и воевать поляков. В феврале 1672 года он прямо заявил русским послам, что состоит в постоянной переписке с Дорошенко и навек с ним помирился. Голова стрельцов, находившихся в Батурине, позднее свидетельствовал, что на пирах со старшиной Демьян не раз поднимал тост за успех Дорошенко и с ним постоянно ссылался[31]. К тому же они с Правобережным гетманом стали кумовьями: дочь Дорошенко сосватали за родного племянника Многогрешного Михаила Зиновьева[32].

Польский гусар. XVII в.

В январе 1672 года возобновились переговоры с поляками. Польские комиссары выступали категорически против присутствия послов Многогрешного: «...выведав обо всем, станут они писать к гетману Демьяну, а тот станет ссылаться с Дорошенком». Резко восприняли поляки и сообщение бояр о том, что якобы Дорошенко, по словам Многогрешного, просится со всей старшиной под царское величество[33].

То, что на фоне разговоров об отдаче полякам Киева казацкие послы не были допущены на русско-польские переговоры (это противоречило Глуховским статьям), вызвало всевозможные панические слухи на Левобережье и волнения среди казаков. Многогрешный нервничал, пил и в нетрезвом состоянии часто высказывал русским посланникам нелицеприятные мысли.

Например, по поводу планов отдать Киев и малороссийские города полякам он сказал главе Батуринских стрельцов Г. Неелову: «…и толко де так учинилось, и они все, покиня жон своих и детей у царского величества, все пойдут головами своими против поляков боронитца, а города Киева и Печерского монастыря полякам не отдадут»[34]. В декабре 1671 года перед подьячим М. Савиным Многогрешный «сердито» говорил: он ожидал милость, а царь их в неволю отдает. И поехал в поле, заявив: «…на московских де людей оборону надеетца им нечего». Подьячему объяснили: «…как де он гетман сердит, или в каком сумнителстве, то все ездит по полям и думает про всякие дела»[35].

Несмотря на свою необразованность, Многогрешный делал и такие заявления, что «и сам московским людем отпор даст своим храбством так, как Александр Македонский; тот де был Александр, а я де Демьян, не менши того Александра учинит и опустошит Московское государство также, как Александр воевал грады»[36].

Характер у Многрешного был вспыльчивый и порой неистовый – это явно семейная черта. Можно вспомнить о его родном брате Василии, до смерти забившем свою жену. Про самого гетмана известно, что он был высок ростом и, входя однажды в низкую дверь своего дома, сильно ударился об косяк головой и ушибся до полусмерти. Рослый, сильный, отчаянно смелый в бою и слишком прямолинейный в политике, Многогрешный был любим казаками, но ненавидим старшиной. Простое происхождение и отсутствие образования делало гетмана еще более несдержанным. Получив власть, но постоянно нервничая по поводу своего шаткого положения, Многогрешный стал позволять себе оскорбительные выходки по отношению к старшине. А он, между прочим, являлся ее ставленником, и поступать так было весьма опасно.

Еще в апреле 1670 года на традиционном съезде старшины на Пасху Многогрешный вел себя еще дипломатично, согласно казацкой традиции. Он кокетничал: мол говорят, что его не любят, так пусть казаки избирают себе другого гетмана. На это Д. Райча со слезами заявил: «…полна де им уж тех гетманов обирать, а за теми гетманами крови христианской литца!»[37]

При этом именно серб Дмитрашка Райча стал ключевой

фигурой, возглавившей заговор против Многогрешного. В свое время (при и. Брюховецком) он был полковником у Дрозда, известного авантюриста и противника П. Дорошенко. Женатый на вдове Василия Золоторенко (шурина Б. Хмельницкого и претендента на гетманскую булаву времен Руины), Дмитрашка сам имел притязания на гетманскую власть[38]. За его «прорусскими» заявлениями стоял исключительно корыстный расчет, а его взгляды были обращены в другую сторону. Осенью 1671 года Дмитрашка сватал свою падчерицу за Григория Дорошенко[39].

В октябре 1671 года между Многогрешным и Дмитрашкой произошел открытый конфликт. Дмитрашка писал Киевскому воеводе Г. Козловскому, что «переясловской полковник Дмитрашка Райча, по его гетманскому писму и посылки, учинился ему гетман непослушен; и он де гетман, за то его непослушение, идет на него Дмитрашка под Барышевку». Многогрешный просил у киевских воевод ратных людей, но те дать «не смели»[40]. Между тем Дмитрашка собрал на раду своих сотников, призывая ехать к Ханенко и Сирко и обещая, что польский король пришлет им помощь. Нежинский воевода и. Ржевский дал гетману военную помощь, и он вместе с русскими войсками подступил к резиденции Дмитрашки Барышовке. Казаки биться с Многогрешным не пожелали[41] и открыли ворота. Райча заплакал с досады, но «добил челом» и приехал с женой и двумястами казаками. Гетман велел «полковника и сотников оковать», казаков «по полкам розобрать за-варту» («разослать по полкам под стражей». – *Т. Т.*), а на его место назначил полковником бунчужного Стрыеского[42].

Что было причиной конфликта Дмитрашки с Многогрешным – неизвестно. Правда, имеется свидетельство, что гетман «пьяной, полковника Дмитряшку изрубил саблею у себя в светлице»[43]. Но мы не знаем, произошло ли это до бунта Райчи или уже позже. Скорее всего, полковник просто попытал счастья, но, не будучи популярным среди казаков, проиграл. Тогда он решил добиться власти другим способом и организовал заговор против гетмана.

Впоследствии старшина обвинит Многогрешного, что тот без суда смещал с урядов (с должностей. – *Т. Т.*) и назначал на них своих родственников и друзей. Известно, что в 1671 году был отстранен от своей должности Стародубский полковник П. Рославец и посажен за караул. Черниговский полк гетман отдал своему брату Василию. В нетрезвом виде он порой бросался на старшин, рубил саблей: «А в другое время был пьян и бил по щекам и пинками, и хотел убить саблею судью Ивана Домонтова… и ныне его гетмана вся старшина боитца взгляду и

говорить ни о каких делех не смеют, что гетман стал к ним непомерно жесток»[44].

Богдан Хмельницкий тоже пару раз «рубанул саблей» старшин во время спора на советах, но то, что прощалось великому гетману, никоим образом не позволялось Многогрешному. Да и времена были уже иные.

В 1672 году по Украине прошел слух о намерении царя переменить гетмана, а на его место назначить Киевского полковника Константина Солонину. Солонина в это время находился в Москве с целью участия в русско-польских переговорах. Когда разгневанный и встревоженный Многогрешный сообщил об этом Нежинскому протопопу, тот отвечал, что, мол, это не так. «И гетман де на него осердясь, и хотел было ему протопопу своими руками отсечь голову саблею у себя в светлице, и бранил де его всячески, и говорил де ему протопопу: ты де заодно с москалями мною торгуешь».

Вообще, этот слух о назначении Солонины окончательно выбил гетмана из колеи. Он «пил непомерно, и сердит был многое время»[45]. В конце февраля 1672 года Многогрешный получил царскую грамоту, в ней говорилось, что Алексей Михайлович не собирается назначать Солонину гетманом «без челобитья и без прошения всего войска запорожского и без рады войсковой»[46]. Формулировка была явно слишком расплывчатая, чтобы снять все сомнения Многогрешного.

В марте 1672 года в Батурин приехал стрелецкий полуголова А. Танеев. Переговоры с ним стали решающими в судьбе гетмана. Он был в дурном настроении, говорил резко и не задумываясь о последствиях. В частности, Многогрешный заявил, что не может не волноваться, раз Солонину вопреки статьям не пустили на переговоры с поляками. А великий государь «преславный город Киев и все малороссийские городы не саблею взял», поддались они царю добровольно «для единые православные християнские веры и для охранения соборныя апостолския церкви и для обороны от нахождения неприятелских иноверных сил»[47].

К этому далеко не самому благоприятному первому впечатлению от гетмана добавился целый поток обвинений, высказанных главой батуринских стрельцов Нееловым. Он сказал Танееву, «что гетман, конечно, соединился с Дорошенко», а Д. Райча и П. Забела, напротив, верны царю[48]. Неелов также передал слова Нежинского протопопа, тот «велел беречься, чтоб какова дурна… не учинилось в Украйне»[49].

Спасский собор Селингерска. Изображение XIX в.

Дальше все развивалось по сценарию приключенческого романа. Восьмого марта ночью заговорщики – старшины П. Забела, и. Домонтович, и. Самойлович и Д. Райча (преимущественно «обиженные» гетманом) – собрались на дворе П. Забелы, переодевшись стрельцами. Там они встретились с Танеевым и начали причитать: «...беда де их великая и печаль неутешимая и слезы неутолимые, что, по наученью дияволскому, а по прелести Дорошенковы, гетман… великому государю изменил и соединился с Дорошенком турского салтана под державу»[50]. При этом Забела подчеркивал, что Глуховские статьи составлял он сам, поэтому и все нарушения гетмана видит хорошо. Это позволяет согласиться с мнением А. Лазаревского, что Забела сам надеялся стать гетманом и ради этого все и затеял[51].

Видимо, Танеев, не имея никакого «указа», еще колебался. Тогда старшины заявили о намерении Многогрешного на

следующий день ехать в Киев якобы на богомолье, а на самом деле для измены и присоединения к Дорошенко. После тайного совещания в ночь с 12 на 13 марта П. Забела, и. Домонтович, и. Самойлович, К. Мокриевич, Д. Райча и П. Рославец с отрядом стрельцов «в полночь, в хоромех его гетмана взяли и оковали»[52]. Чтобы сохранить все в тайне от казаков, гетмана положили в воз, накрыв шкурой[53], и повезли в Москву. Все это было совершено еще без всякого царского указа.

В Севске стрелецкий голова М. Колупаев и подьячий М. Алексеев, направленные к Многогрешному царем, встретили старшин, везших гетмана. Хотя заговорщикам и была направлена грамота с «милостивым словом» за бдительность и недопущение гетманской измены, но все же в Москве колебались. Так, Алексей Михайлович приказал вернуть арестованному стороннику гетмана, полковнику Гвинтовке, шестопер (то же, что пернач. – *Т. Т.*), отнятый в Путивле воеводой В.и. Волконским: «...то ты делаешь не гораздо, и малороссийским жителем чинишь обиды»[54].

Четырнадцатого апреля начались допросы Многогрешного и его брата в Посольском приказе, очные ставки. Гетмана обвиняли в измене царю, в сговоре с Дорошенко и в намерении принять подданство турецкому султану. Он все отрицал, объясняя свои вспыльчивые слова «пьянкой» («и те речи он говорил в безпамятстве, пьянством»)[55]. Тогда, впервые в истории Украинского гетманства, его глава был «пытан накрепко, было ему 19 ударов». Следует отметить, что когда в 1708 году пытке будут подвергнуты И. Искра и В. Кочубей, им дадут соответственно восемь и пять ударов[56]. Даже после пытки Многогрешный категорически отрицал свои контакты с Дорошенко относительно подданства султану[57]. Надо отдать должное гетману, даже при страшных мучениях он никого не оклеветал и не обвинил («и в том совете с ним никто не был»). Гетмана взяли во второй раз на пытку, но ничего нового не услышали.

Весьма любопытно и показательно, что Алексей Михайлович предлагал отправить Многогрешного в Украину для суда «по правам Войска Запорожского». Вероятно, царь и его окружение опасались повторения 1668 года. Разумеется, такой беспрецедентный поступок с действующим гетманом не мог не рассматриваться как нарушение договорных статей. Но старшина заняла жесткую позицию и категорически отказалась судить Многогрешного. Они объясняли это опасностью возможных волнений. Действительно, после тайного увоза гетмана в Москву на подвластной ему территории начались смуты[58]. И

.Самойлович, один из заговорщиков, рвавшихся к власти, от лица старшины говорил: «...чтоб ты великий государь над ними умилосердился, пожаловал их, того бывшаго гетмана Демьяшку Многогрешнаго присылать к ним не велел и указал бы ему казнь учинити в Москве… Если де он будет прислан на раду, и у них в малороссийских городех без шатости не будет, им де старшинам на раде быти не уметь»[59]. В мае началась подготовка рады, которая должна была узаконить свержение Многогрешного и избрание нового гетмана. В июне Ромодановский писал о волнениях в Батурине среди казаков: «...прежняго де гетмана они, старшина, неведомо где дели»[60].

В результате приговор Многорешному был вынесен в Москве. В нем объявлялось (вопреки данным протоколов допросов), что гетман во всем винился и признал свою «измену». Демьяна и его брата приговорили к отсечению головы. Двадцать восьмого мая они были приведены «на Болоте за кузницами» и положены на плаху. Но тут «прибежал гонец» и указал ссылку в дальние сибирские города на «вечное житье»[61]. С бывшим гетманом отправились в ссылку его брат, жена, сыновья и дочь.

Но на этом эпопея Многрешного не закончилась. Его ожидала еще длинная, нелегкая жизнь. Интересно, что первым о сибирской эпопее украинского гетмана рассказал декабрист Н. Бестужев, находившийся в ссылке в Тобольске.

Ссыльных предписано было отправить в Тобольск, а оттуда – в разные остроги: Демьяна – в Селенгичинский, Василия – в Красноярский, Гвинтовку с сыном – в Кузнецкий, Грибовича в Томский, а племянника гетмана Зиновьева – в Якутский, «в пешую казачью службу». Грибович бежал и объявился в Запорожье. После этого всех велено было «посадить скованных в тюрьме и держать с великим береженьем»[62]. В конце 1673 года ссыльных переслали из Тобольска в Енисейск для дальнейшей рассылки по острогам. В марте 1674 года воевода послал гетмана в иркутск вместо Селенгинского острога, объясняя свой поступок тем, что «Селенгинской острог стоит по краю Мунгальской земли, а из Мунгальской земли степью мочно иттить до Астахани и до Терки сухим путем, а служилые люди Селенгинского острога самовольны… и чтоб Демки селенгинские люди куды не отпустили»[63].

Летом 1681 года Многогрешный был освобожден. По этому поводу иркутский воевода и. Власов ставил вопрос, что бывшему гетману с женой, двумя сыновьями и тремя дочерьми не было обеспечения от казны[64]. В декабре 1682 года иркутскому воеводе дали распоряжение, чтобы Многогрешному «быть ему в иркутском в детях боярских»[65]. В 1684 году он получал «18

рублей, 18 чети ржи, овса и полпята пуда соли»[66]. Но Самойлович боялся своего предшественника и постоянно писал в Москву с просьбой не выпускать Многогрешного (тогда он не мог предположить, что скоро сам окажется на его месте). В 1684 году все ссыльные снова были заключены в тюрьмы «за крепкими караулы», переписываться и видеться было строго запрещено, «а корм давать велено против иных тюремных сидельцев»[67].

Только после падения Самойловича положение Многогрешного улучшилось. Бывшего гетмана включили в дипломатическую миссию Ф.и. Головина (будущего канцлера России), отправленного в Сибирь в почетную ссылку с целью вести мирные переговоры с китайцами.

По распоряжению Головина Многогрешный был освобожден из тюрьмы и вместе с сыном снова получил статус детей боярских. Сам Многогрешный в своей челобитной писал, что при этом ему было назначено жалованье в размере восемнадцати рублей денег, хлебное же – вдвое против денежного. На первых порах своей службы в миссии Ф.и. Головина он сыграл видную роль в переговорах с монгольскими тайшами.

В январе 1687 года Многогрешный, «а с ним служилых людей человек с 20» был отправлен до урочища Кривого Плеса для скрытого и осторожного поиска «воровских людей»[68]. Подобные эпизоды повторялись очень часто. Например, 6 февраля 1687 года Многогрешный вместе с капитаном Мартыном Камалем, «а с ними служилых людей 200 человек» были посланы на выручку окруженной монголами группе русских: «И нашли тех служилых людей, осажены в кустах от Селенгинска с полтары версты. И с теми мунгалы у служилых людей был бой. И милостию великого бога и зчастием великих государей тех мунгалов побили и руских людей взяв привели в Селенгинской»[69]. Далее аналогичные успешные для Многогрешного стычки проходили 21 февраля, 20 марта и 22 июля 1687 года.

В 1688 году бывший атаман и его сын Петр усмиряли вместе с Головиным табунутов (табунуты – группа монголоязычных народностей, проживавших в основном в Западном Забайкалье. – Т. Т.). Многогрешный принимал участие в переговорах с монголами. Когда в июле 1688 года «приехали к Селенгинску на усть Чикоя-реки богдыханова величества от послов гонцы», приставом к ним был назначен Многогрешный: «А велено ему тех гонцов от великого и полномочного посла спросить о здоровье и привести их к Удинску и поставить на той стороне реки Уды подле Селенгинского устья»[70]. При отпуске гонцов Демьяну было приказано «учинить промысел над мунгальскими улусы, чтоб для подлинное ведомости добитца языка»[71].

Кроме сугубо военных поручений Многогрешный исполнял и дипломатические. Например, в октябре 1687 года Головин посылал его из Удинска вслед за отбывшими монгольскими послами, чтобы «выговорить» им о вновь узнанных кражах из-под Удинска лошадей и скота «мунгальскими воровскими людьми»[72]. В октябре 1688 года Многогрешный вместе с Головиным способствовал тому, чтобы принять «многих мунгальских зайсанов и даруг и шуленг, со всеми их улусными людьми в вечное подданство под державу царского величества в ясачный платеж»[73].

Многогрешный участвовал в обустройстве и охране русско-китайских посольских съездов близ Нерчинска, завершившихся заключением 28 августа 1689 года Нерчинского мирного договора с Китаем.

После этого бывший гетман подал челобитную Головину, в которой писал, что «ныне стар и от ран болен», и просил пожаловать его с сыновьями Петром и Яковом «за службу и за раны велети их из Селенгинска и з детьми свободить куда к хлебному месту». По челобитью было решено перевести его из Селенгинска в Томск. Но узнав об этом, Многогрешный писал Головину, что «за конечною скудностью и дальностью перейти ему в Томской никакими меры невозможно». Поэтому в 1690 году Головин решил его в Томск не посылать, а перевести из Селенгинска «к хлебному месту в Ыркуцкой (иркутск. – *Т. Т.*)». При этом он был не отставлен от службы, а записан в службу по иркутску в том же окладе.

В 1690 году Многогрешный по-прежнему занимался военными делами, в частности, бил «изменников же онкоцких и братцких людей», отложившихся от великого государя[74].

В 1691–1694 годах Демьян «сидел» на приказе в Селенгинском остроге[75].

В 1691 году на престарелого Многогрешного свалились новые несчастья. В феврале на Селенгинский острог напали «воровские мунгальские люди», угнавшие царский скот. Многогрешный в качестве «начального человека» бросился в погоню, завязался бой, его «ранили многими раны», но мунгалы ушли[76]. Был организован поход «в стерь», чтобы отомстить дерзким мунгалам. К силам Многогрешного присоединились стрельцы из Удинского острога и команда «охочних людей», которую возглавил сын бывшего гетмана Петр (тоже имевшего статус сына боярского). Хотя поход был отложен иркутским воеводой во избежание конфликта с китайскими властями, Многогрешный все же выслал своего сына с охотниками, но они попали в засаду, «табунуцкие ясачные люди» изменили и «дали тыл», Петр погиб[77]. В том же

1691 году умер и второй сын бывшего гетмана, Яков.

Судьба жены Многогрешного Настасьи, бывшей с ним в ссылке, неизвестна. Их дочь Елена вышла замуж за сибирского дворянина Ивана Бейтона, сына известного полковника[78]. Сам Многогрешный в 1694–1695 годах по-прежнему служил в селенгинском приказе. В 1701 году он постригся в монахи, а в 1703 году умер.

Примечания

[1] А. Лазаревский писал, что Демьян был известен под прозвищем «Перевязка». (*Лазаревский А.* Иван Петрович Забела знатный войсковой товарищ // Киевская Старина. 1883. Июль. С. 507.)

[2] Акты ЮЗР. Т. IX. № 147. С. 776.

[3] *Антонович В.Б., Бец В.А.* Исторические деятели Юго-Западной России в биографиях и портретах. К., 1883. Вып. 1. С. 77.

[4] *Кривошия В.* Генеалогія українського козацтва. К., 2002. С. 228. Г. Гаецкий считал, что назначение произошло в 1664 г. (*Gajecky G.* The Cossack Administration of the Hetmanate. Cambridge. 1978. V. 1. P. 71.)

[5] Самовидец. С. 51.

[6] Подробнее об этом см. в главе о П. Дорошенко.

[7] *Антонович В.Б., Бец В.А.* Исторические деятели Юго-Западной России в биографиях и портретах. С. 79.

[8] Акты ЮЗР. Т. VII. № 30. С. 64–65.

[9] Там же. № 43. С. 118.

[10] *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С. 227.

[11] Самовидец. С. 53.

[12] То есть не привыкли к их нравам и обычаям.

[13] *Антонович В.Б., Бец В.А.* Исторические деятели Юго-Западной России в биографиях и портретах. С. 80.

[14] Акты ЮЗР. Т. IX. С. 23.

[15] Там же. № 6. С. 31–33.

[16] *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С. 267.

[17] *Антонович В.Б., Бец В.А.* Исторические деятели Юго-Западной России в биографиях и портретах. С. 81.

[18] Акты ЮЗР. Т. IX. № 17. С. 71–72.

[19] Там же. № 20. С. 81–82 и др.

[20] Там же. № 23. С. 102.

[21] Там же. № 28. С. 127.

[22] Там же. № 65. С. 269 и др.

[23] То есть анафему.

[24] Акты ЮЗР. Т. IX. № 80. С. 321.

[25] Там же. № 84. С. 337–339.

[26] *Антонович В.Б., Бец В.А.* Исторические деятели Юго-Западной России в биографиях и портретах. С. 81. Строительство церквей старшина потом поставила ему в упрек. (Акты ЮЗР. Т. IX. № 155. С. 834.)

[27] Акты ЮЗР. Т. IX. № 138. С. 637–638.

[28] Там же. № 146. С. 671.
[29] Там же. № 126. С. 598–599.
[30] Там же. С. 603.
[31] Там же. № 138. С. 644.
[32] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1991. Т. 12. С. 418.
[33] Там же. С. 390–394.
[34] Акты ЮЗР. Т. IX. № 138. С. 642.
[35] Там же. № 127. С. 604–605.
[36] Там же. № 147. С. 753.
[37] Там же. № 45. С. 187.
[38] *Стороженко А.* Родион Григорьевич Дмитрашко, полковник Переяславский // Киевская Старина. 1893. Апрель. С. 5.
[39] Акты ЮЗР. Т. IX. № 113. С. 458.
[40] Акты ЮЗР. Т. IX. № 116. С. 574.
[41] Там же. № 120. С. 581.
[42] Там же. № 119. С. 578–579.
[43] Там же. № 138. С. 643.
[44] Там же. № 138. С. 643.
[45] Там же. № 138. С. 643.
[46] Там же. № 144. С. 660–663.
[47] Там же. № 146. С. 667.
[48] Там же. № 146. С. 672.
[49] Там же. № 138. С. 641–642.
[50] Там же. № 146. С. 673.
[51] *Лазаревский А.* Иван Петрович Забела знатный войсковой товарищ // Киевская Старина. 1883. Июль. С. 507.
[52] Акты ЮЗР. Т. IX. № 147. С. 684.
[53] Самовидец. С. 58
[54] Акты ЮЗР. Т. IX. № 159. С. 842.
[55] Там же. № 147. С. 776.
[56] источники малороссийской истории, собранные Д. Бантыш-Каменским и изд. О. Бодянским. М., 1858. Кн. 2. С. 122–123.
[57] Акты ЮЗР. Т. IX. № 147. С. 778–779
[58] Там же. № 154. С. 831–832.
[59] Там же. № 168. С. 886.
[60] Там же. № 172. С. 898.
[61] Там же. № 147. С. 810–811.
[62] Дополнения к Актам историческим. Т. VI. С. 324–325.
[63] Там же. С. 327.
[64] *Оглоблин Н.* Служба в Сибири Демьяна Многогрешного. Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1892. С. 155–156.
[65] *Гоздаво-Голомбиевский А.А.* Из сибирских актов о Демьяне

Многогрешном. Три документа о пребывании в Сибири гетмана Д. Многогрешного. (ЧОиДР. 1888. Кн. 1. Ч. III. С. 7.)

[66] Там же. С. 6.

[67] Там же. С. 7–10.

[68] Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. М., 1972. Т. 1. С. 240.

[69] Там же. С. 251.

[70] Там же. С. 328–329.

[71] Там же. С. 341.

[72] Там же. С. 196–197.

[73] Там же. С. 351.

[74] Там же. С. 604–605.

[75] *Оглоблин Н.* Служба в Сибири Демьяна Многогрешного. С. 164.

[76] Там же. С. 165.

[77] Там же. С. 161–162.

[78] Там же. С. 165.

Глава 7
ИВАН САМОЙЛОВИЧ

Иван Самойлович в отличие от большинства украинских гетманов происходил из семьи не шляхетской и не казацкой. Отец его Самойло был священником, поэтому старшина и украинские летописи часто именовали Ивана «поповичем». Все три брата Ивана (Василий, Мартин и Тимофей), как и отец, стали священниками.

Именно происхождение дало основание Петру Дорошенко с презреньем отзываться о Самойловиче: «Козак ли он от прадедов и дедов? Знает ли он Запорожье, речки, приливы морские, реки и самое море? На многих ли войнах бывал? Где чего нагляделся? Когда с монархом дело имел или договаривался, чтобы теперь уметь начать что-нибудь для услуги царского величества?.. А то он и козаком-то недавно, случилось ли ему хотя однажды быть в войске? Долго ли был полковником? Все ли наши старшинства – от малого до великого – перешел?»[1]

На самом деле Самойлович довольно рано начал казацкую службу. Родился будущий гетман на Правобережной Украине в местечке Ходоркове в Житомирской области. Начальное образование Самойлович получил в Киево-Могилянском коллегиуме, однако полный курс он завершить не успел, так как началось восстание Б. Хмельницкого. Уже в 1649 году Иван присоединился к войскам Богдана.

Вся его «казацкая» карьера была связана с Левобережьем, куда он переселился с отцом и молодой женой Марией Голуб. У него родилось трое сыновей (Семен, Григорий и Яков) и две дочки (Параска и Настасья)[2].

Гетман и. Самойлович. Портрет XVII в.

В Красном Колядине, сотенном местечке Прилуцкого полка, Иван стал в середине 50-х годов XVII ве ка сотенным писарем. Учитывая его образованность (на которую указывает летопись Величко), это не вызывает удивления. Переезд на Левобережье, где жена Самойловича имела тесные родственные связи (ее брат женился на внучке генерального обозного П. Забелы), способствовал его дальнейшему восхождению по карьерной лестнице. В бурное время Руины и развернувшейся на Левобережье борьбы за гетманскую власть он становится сотником Красноколядинским и, видимо, поддерживает и. Брюховецкого. По крайней мере, тот, когда стал гетманом, именно Самойловичу поручил миссию в Москву.

Однако отсутствие казацкого происхождения не позволяет Ивану быстро достигнуть вершин иерархии Украинского гетманства, каждый шаг дается ему с трудом. В 1665 году во время операций под Смоленском он возглавляет охотницкий (т. е. наемный) полк. После этого он переходит с повышением в Черниговский полк. Там он становится сначала полковым есаулом, а потом судьей. Полковником в этом полку был Демьян

Многогрешный. Когда Многогрешного назначили генеральным есаулом, его место занял Самойлович[3].

Таким образом, в 1668 году он наконец стал полковником. И практически сразу же оказался участником антимосковского восстания, которое поднял Левобережный гетман Иван Брюховецкий. Самойлович как полковник Черниговский, лично принял участие в тайной старшинской раде, решившей начать восстание[4]. Двадцать девятого января он осадил в Чернигове царского воеводу Андрея Толстого. Как сообщалось в отписке последнего, «изменник черниговской казацкой полковник ивашко Самойлов собрал в Чернигове черниговской полк со всех местечек… и из сел /и/ из деревень казаков и мужиков, и с изменьником черниговским войтом с Гришкою Ивановым и с бурмистры и со всеми мещаны меня холопа твоего в малом городке с твоими великого государя ратными людми осадили накрепко, и покопали кругом шанцы, и из пушек и из мелкова ружья стреляют беспрестанно»[5].

Факт выступления Самойловича против русских и перехода его на сторону Дорошенко не должен вводить читателя в заблуждение. Нельзя назвать ни одного украинского деятеля, который в разгар Руины хотя бы пару раз не сменил политическую ориентацию. Точно так же наивно было бы представлять Самойловича «прорусским» гетманом.

«Неказацкое» происхождение в условиях смутного времени Руины не помешало Самойловичу претендовать на высший пост Украинского гетманства. Правда, непопулярность среди казаков, с одной стороны, и полная зависимость от старшины – с другой, сделали его положение весьма уязвимым. Заметим, что, несмотря на все это, Иван сумел удержать в своих руках булаву в течение почти пятнадцати лет, став безусловным рекордсменом среди своих предшественников.

После того как оставленный замещать Дорошенко Демьян Многогрешный на Глуховской раде 1669 года провозгласил себя Левобережным гетманом, Самойлович стал генеральным войсковым судьей и отправился в Москву с различными поручениями. В частности, он сумел добиться обещания выслать войско Г.Г. Ромодановского и освободить казаков, сосланных в Сибирь.

В ночь на 13 марта 1672 года старшина ворвалась в дом Многогрешного и силой привела его к голове московских стрельцов Григорию Неелову. Многогрешный пытался сопротивляться, но его ранили из пистолета и тайно вывезли в Москву. Там Многогрешного обвинили в измене (в сношениях с Дорошенко), пытали и вместе с братом приговорили к отсечению

головы. Двадцать восьмого мая Многогрешный уже взошел на плаху, когда прискакал гонец и объявил «государеву милость»: казнь заменили ему ссылкой в Сибирь[6].

Семнадцатого июля Самойлович в Конотопе был провозглашен гетманом. Все происходило по сценарию организаторов свержения Многогрешного – полковников Д. Райчи и К. Солонины. Именно они под руки подвели Самойловича и поставили, как того требовал обычай, на стол, после чего ему вручили клейноды – символы гетманской власти.

Утверждение многих историков, что Самойлович был «старшинским гетманом», во многом справедливо. Это был старшинский переворот, и результатом его стало принятие так называемых Конотопских статей, согласно которым гетман должен был советоваться во всех делах со старшиной, никого не наказывать и не отстранять от должностей без решения суда. Запрещались гетману и любые сношения с Дорошенко, контакты и сочувствие ему стали одной из главных причин падения Многогрешного. Наконец, было запрещено держать охотницкие войска, а также собирать пошлины с винокурения и мельниц. То есть гетман лишался как военной, так и экономической власти. Впрочем, очень скоро Самойлович нарушил эти запреты.

Начало гетманства Самойловича совпало с грозными европейскими событиями. После того как турецкая армия вместе с П. Дорошенко взяла в 1672 году Каменец-Подольский, многие со страхом ожидали похода Дорошенко на Киев и Левобережье. Как писал С.М. Соловьев, весть о взятии Каменца произвела в Москве «страшное впечатление»[7]. Казаки поговаривали, что скоро сам московский царь будет кланяться султану, как кланялся польский король.

Самойлович засыпал Алексея Михайловича паническими письмами с просьбой о присылке войск. Алексей Михайлович назначил чрезвычайные сборы со всех поместий и вотчин и объявил о своем намерении лично выступить к Путивлю. Не успокоившись на этом, Самойлович направил в Москву известного своими интригами Нежинского протопопа Семена Адамовича с тайной инструкцией убедить московское правительство идти на Дорошенко войной, а для начала провести диверсию в Крыму. Заверяя царя в своей верности, Самойлович выслал в Москву в качестве заложников своих сыновей – Григория и Семена[8].

Протопоп был отпущен с Москвы с большими почестями и обещаниями послать Дорошенко увещевательные грамоты, а если тот не послушается, идти на него войной. Чтобы продемонстрировать серьезность планов царя выступить в поход

против турок, гетманские сыновья (вместе со многими «иноземцами») были приглашены на церемонию перевоза пушек из Никольских ворот в Спасские ворота.

Кроме того, царь назначил нового Киевского воеводу Ю. Трубецкого, которого Самойлович в начале февраля 1673 года встретил с великой помпой в десяти верстах от Сосницы. Затем такая же церемония прошла в Киеве с участием духовенства во главе с архимандритом Киево-Печерской лавры и. Гизелем.

Алексей Михайлович официально уведомил Варшаву, что считает себя свободным от условий Андрусовского перемирия. Но план А. Матвеева использовать положения Бучачского договора Речи Посполитой с Портой для того, чтобы принять Украинское гетманство «под руку» царя, вызвал у Самойловича панику. Он боялся, что Москва пожертвует им, как недавно Многогрешным, дабы получить в свое распоряжение всю Украину. Когда к нему приехал подьячий С. Щеголев, гетман высказался категорически против каких-либо переговоров с Дорошенко. Вместо этого он советовал идти на Правобережье войной, тогда-де «и не в честь будут сдаваться». Не хотел гетман и того, чтобы по просьбе польского правительства освобождали знаменитого запорожского атамана Ивана Сирко, уже возвращенного к тому времени из Сибири[9]. В нем он тоже видел потенциального соперника.

В середине марта 1673 года у Алексея Михайловича состоялся совет, где было решено предложить Дорошенко добровольно принять «руку царя», а в случае отказа – идти на него войной. Было также решено, что в случае объединения Украины там останутся два гетмана: Самойлович – Левобережным, а Дорошенко – Правобережным. Сразу после совета был освобожден Сирко, которому внушали быть верным царю (патриарх даже пригрозил ему проклятием).

К Самойловичу и Ромодановскому был прислан тайный наказ как вести переговоры с Дорошенко и что делать, если тот не примет русское подданство[10]. Между прочим, рассматривался и вариант, чтобы Правобережная старшина выбрала гетманом Якова Лизогуба. Не будучи уверенным в том, что Левобережный гетман в точности исполнит поручение, московское правительство обратилось к Тукальскому через Черниговского архиепископа Лазаря Барановича.

Алексей Михайлович и его окружение верили, что впервые за долгие годы (с 1660 года) возникла реальная возможность без особых усилий подчинить себе Правобережье. В этом их убеждал и некий Сенкевич, перехваченный русскими посланник Дорошенко в Крым. Он советовал начать тайные переговоры с Дорошенко и Тукальским – но так, чтобы об этом не узнали

запорожцы и Левобережные казаки. Сенкевич предлагал следующий план: Дорошенко для отвода глаз пойдет походом на Ромодановского, а когда войска встретятся, он откажется от турецкого подданства и присягнет царю. Этот план вроде был принят, Сенкевича отпустили из Москвы к Дорошенко. Но по дороге он был задержан Самойловичем. Как Левобережный гетман осмелился пойти против плана царя? Неясно. Сам Самойлович членораздельно объяснить свой поступок не мог, путано ссылаясь на возможность обмена пленными[11].

На самом деле он был категорически против любых мирных переговоров с Дорошенко. Проявив своеволие, он так и не отпустил к нему Сенкевича. В Москву он посылал донесения о том, что Правобережный гетман ведет переговоры с поляками и что соответственно ему верить нельзя.

Его аргументация произвела впечатление на белгородского воеводу Г.Г. Ромодановского. В середине апреля 1673 г. встретившись в Сумах, они, вместо того чтобы посылать гетману и Тукальскому царские грамоты, решили начать поход против Дорошенко. Такое самоуправство русского воеводы было не единственным в истории отношений с Украиной[12]. И в гетманство Выговского, и позже воеводы часто действовали вопреки тайным инструкциям и наставлениям из Москвы. В конце мая Ромодановский и Самойлович уже выступили к Лубнам.

Расчеты Самойловича не оправдались. Каневский полковник Яков Лизогуб, недавно породнившийся с Дорошенко, отказался перейти на сторону царя. Пришлось срочно переправляться обратно и позорно отступать к Белгороду[13]. Самойлович оправдывался перед царем, что, дескать, Дорошенко угнал все челны и из-за широкого разлива Днепра он не смог переправить свое войско. Казаки отпускали в адрес Самойловича презрительные реплики, напоминая о его «мужицком» происхождении. От царя гетман и воевода тоже получили строгий выговор.

Через посредничество архимандрита и. Гизеля начались новые переговоры с Дорошенко. Правобережный гетман вел их весьма охотно, но главным условием успеха считал сохранение их втайне от поляков и Левобережных казаков.

Именно этот пункт Москва и нарушила, известив Самойловича о переговорах через прибывших в Батурин подьячего С. Щеголева и переводчика С. Лаврицкого. Самойлович, разумеется, не обрадовался известию и с новой силой начал настраивать русских против своего соперника. Он уверял, что Дорошенко пытается обхитрить царя, как уже не раз поступал с польским королем, а на самом деле верен турецкому султану. Он

даже послал в Москву Черниговского полковника В. Борковского, который убеждал русских, что если Дорошенко и присягнет царю, то ему все равно нельзя давать Правобережное гетманство, иначе он захочет и Левобережное. А став единым гетманом – наверняка, пожелает быть самостоятельным государем Украины. Чтобы успокоить Самойловича, Москва обещала держать его в курсе всех событий.

В октябре переговоры с Дорошенко продолжились, и была высказана идея проведения всеобщей рады для выбора гетмана. Самойлович по-прежнему утверждал, что верить Дорошенко нельзя, что тот и с поляками пытается договориться. Вместо переговоров гетман предлагал начинать войну, в том числе и против Крыма. Ситуация особенно осложнялась тем, что Правобережный гетман, в свою очередь, выступал категорически против сохранения булавы за Самойловичем. Он прямо заявлял: «Если царь будет слушаться Самойловича, то добра не будет».

Ко всем неприятностям у Самойловича добавилась головная боль в виде польского «карманного» гетмана М. Ханенко. Тот для начала написал на него донос в Москву, что якобы Левобережный гетман ведет тайные переговоры с поляками. А когда Ханенко разбили под Стебловым, он в сентябре 1673 года появился на Украине, намереваясь уйти в Запорожье.

Между тем переговоры с Дорошенко продолжались, и каждый раз русские посланцы обо всем отчитывались в Батурине Левобережному гетману. Самойлович в ответ по-прежнему твердил, что не следует верить Дорошенко.

Его усилия по дискредитации Правобережного гетмана мало-помалу делали свое дело. А когда посланцы львовского епископа Шумлянского подтвердили, что Дорошенко ведет переговоры с королем Польши Михаилом Вишневецким и выражает свое желание принять польское подданство, в Москве было принято решение начать войну. В конце октября Ромодановский и Самойлович получили указ о выступлении. Согласно наказу, если бы в ходе военной операции Дорошенко решил принять «руку царя», то предполагалось оставить его Правобережным гетманом (в случае согласия казаков) или же избрать нового, верного Москве.

Пока готовился поход, пришло известие о победе под Хотином, одержанной Яном Собеским над турками. Накануне Нового года Самойлович выступил из Батурина и в начале января встретился в Гадяче с Ромодановским. В их распоряжении было до восьмидесяти тысяч войска[14]. Запасов провианта не было, и чтобы не злить местное население, приходилось платить за продукты. Некоторые местечки сдавались добровольно, другие

брали штурмом и сжигали.

Одержав победу над генеральным обозным Дорошенко Иваном Гулаком под Черкассами, русско-украинское войско переправилось под Каневом через Днепр. Отряды Ромодановского спалили посады Чигирина. Наказной гетман Яков Лизогуб перешел на сторону Самойловича вместе с Каневским, Корсунским и Уманским полками. Одиннадцатого февраля 1674 года Лизогуб обедал у гетмана и боярина[15].

Несмотря на такие успехи, из Москвы был направлен гонец с выговором за то, что войско не стало осаждать Чигирин всеми силами. В этом случае, мол, все полки начнут сдаваться. Ромодановский с раздражением объяснял, что Чигирин хорошо укреплен, взять бы его не удалось и пришлось бы со стыдом отступать. И без того хорошо получилось.

Ввиду начинавшейся распутицы воевода и гетман решили переправиться обратно через Днепр и расположиться в Переяславле. Удача и правда были на их стороне. В начале марта высланный Самойловичем казацкий корпус разбил под Лисянкой Григория Дорошенко, самого его взяли в плен. После этого на сторону русских добровольно перешли Брацлавский полковник П. Лисица и Подольский О. Гоголь.

Самойлович разослал универсалы, призывая всех на раду в Переяславле. Он форсировал события и настаивал на проведении съезда на Левом берегу, чтобы иметь возможность контролировать ситуацию. Правобережные полковники предпочитали бы иметь раду на Росаве, но их мнение в данном случае не учитывалось. Самойлович надеялся добиться признания единого гетмана (на это до сих пор не соглашалась Москва).

Семнадцатого марта, в день именин Алексея Михайловича, состоялась рада в Переяславле, на которой присутствовала вся Правобережная старшина и многие Левобережные полковники. На раде сложил булаву Ханенко. На предложение Ромодановского избрать нового гетмана казаки закричали: «Не желаем иметь многих начальников, от них пришли мы в разоренье». Они предложили провозгласить Самойловича гетманом «обоих сторон Днепра». Самойлович, вероятно, из-за опасения гнева русских, отговаривался, но казаки схватили его (чуть ли не изорвав на нем одежду), поставили на скамью, покрыли бунчуком и вручили булаву. Так Самойлович формально стал единым гетманом Украины. Главным условием подданства царю стало обещание оборонять Правобережье от турок, татар и других врагов.

Кое-кто из полковников высказал пожелание, чтобы Самойлович жил теперь в Чигирине, в старинной гетманской резиденции. Однако гетман отвечал, что будет жить там, где ему

укажет царь.

Этот успех Самойловича был еще достаточно эфемерным. Поляки совершенно не собирались отдавать ему Правобережье. Собеский отдал приказ о начале наступления на Подолию, и Правобережные полковники вынуждены были умолять Самойловича оказать им военную помощь. После подхода орды начались кровавые бои в районе Жаботина.

Самойловичу удалось, правда, сорвать возможное соглашение Собеского с Дорошенко, подделав письмо Правобережного гетмана и вызвав гнев поляка. Сделано это было следующим образом. У плененного Григория Дорошенко он нашел восемь чистых листов с печатью, подписанных Правобережным гетманом. Они предназначались для написания воззваний к старшине. По приказу Самойловича на одном листе от имени Дорошенко написали по-польски калге-султану, сообщая ему о злобных замыслах Яна Собеского, хитростью сделавшегося королем. Эта подделка была подброшена коменданту Меджибожа, а тот переслал ее королю. Собеский поверил, был вне себя от гнева и перестал желать союза с Дорошенко (которому всегда до этого симпатизировал). Самойлович потом хвастался перед русскими, что именно «его службой» была предотвращена турецкая и крымская война.

В июле казаки Самойловича вместе с Ромодановским предприняли наступление на Чигирин и начали регулярную осаду города. Но когда в начале августа стало известно о приближении орды, Ромодановский приказал сжечь табор и отступил к Черкассам. Хан с Дорошенко последовали за ним. Тогда воевода сжег Черкассы и встал под Каневым.

На Правобережье началась кровавая турецко-татарская карательная акция, которую Дорошенко уже не мог сдержать. В этих условиях популярность Самойловича только росла. Жители Правого берега тысячами бежали на Левобережье. В октябре 1674 года хан ушел в Крым[16].

Поляки убеждали гетмана и воеводу начать совместные действия против неприятеля, но Самойлович не верил им, называл «лукавым народом». Он говорил русским, что поляки призывают к совместному походу тогда, когда неприятель отступил «и слуху об нем нет», а в остальное время только ведут тайные переговоры с султаном и ханом. Маневры польских войск, занявших некоторые города на Правобережье, давали Самойловичу дополнительные основания обвинять поляков в лукавстве.

В конце года гетман возвратился в Батурин. Но спокойно себя он не чувствовал. Ходили упорные слухи о намерении царя

вернуть Многогрешного из ссылки и поручить ему часть войск. Говорили также, что полякам отдадут Киев. Как обычно бывало в таких случаях, грамоты от Алексея Михайловича, уверявшего гетмана, чтобы тот ни о чем не волновался, не помогали.

Весной начали готовиться к очередному походу. Неугомонный Сирко договорился с польским королем о совместных действиях запорожцев против султана и Крыма. Гетман сразу же сообщил об этих планах в Москву, и русским инициатива недавно вернувшегося из Сибири атамана не понравилась. Сирко послали запрет объединяться с поляками и велели ограничиться набегами на татар.

Зато Самойловичу был прислан указ, что когда он с воеводой придет к Днепру, ему следует обсудить с поляками возможность объединения сил в борьбе с турками. Алексей Михайлович повелевал обменяться заложниками, но соединять армии предписывалось только в том случае, если турки и татары придут к Дорошенко большими силами. Посовещавшись со старшиной, Самойлович послал ответ. Он писал, что не желает другого защитника, кроме православного монарха, уверял, что полякам нельзя верить и даже посылать к ним заложников. Гетман напоминал, как прошлой зимой поляки, находясь поблизости от турок, не только не предпринимали военных действий, но, наоборот, пытались заключить с султаном мирный договор. Поэтому, по его мнению, объединение с поляками ни к чему, кроме ссор, привести не могло. Старшина вторила гетману, что «полякам верить нельзя», и Ромодановский был того же мнения.

В течение всего лета указы выступать к Днепру навстречу полякам наталкивались на резкое противодействие Самойловича. Он подозревал, что польский гетман Д. Вишневецкий мечтал только о возвращении своих владений на Левобережье, и прямо заявлял: «Мне и всему войску нужно не то, чтобы все коронные и литовские войска пришли к Днепру, нам нужно, чтобы ни один поляк в этих местах не был».

Что касается Дорошенко, то его положение было уже совершенно безнадежно, и, разумеется, Самойлович стремился как можно скорее завершить эту агонию. Но и не считаться с реальной угрозой со стороны татар и турок он тоже не мог.

В середине августа 1675 года Самойлович выступил из Батурина, соединился с Ромодановским и вместе они переправились на Правый берег. Их встретило известие, что Дорошенко в присутствии Сирко присягнул царю.

Кошевой атаман Сирко был ревностным противником Самойловича и теперь сзывал казаков на раду, на которой должен был присутствовать и Дорошенко. Невероятно популярный

запорожец сам представлял бóльшую опасность для гетмана в качестве конкурента. А еще большую опасность таила в себе «черная рада» (т. е. рада с участием рядовых казаков, «черни»), на чем настаивал Сирко. В этом случае Самойлович реально мог лишиться булавы. Поэтому гетман засыпал Москву письмами, уговаривая не верить Дорошенко. В частности, он обращался к Матвееву, уверяя, что тот просто тянет время, надеясь переждать зиму и дождаться турок[17]. В данном случае автору представляется, что Самойловичем руководили не столько «гонор» и желание, чтобы знаменитый Дорошенко лично «поклонился» ему, но искреннее неверие в то, что чигиринский затворник действительно сдался.

На Ромодановского уверения Самойловича произвели весьма благоприятное впечатление. Вероятно, сам воевода был смертельно оскорблен поступком Дорошенко, присягнувшего не ему, а Сирко.

Его усилия не пропали даром, и Алексей Михайлович поручил Самойловичу самому вести дела с Дорошенко. «Мы как прежде, так и теперь положили Дорошенково дело на вас, и вы бы поступали по своему рассмотрению, чтобы то дело до весны успокоить и к расширению не допустить». Самойлович расставил по Днепру крепкую стражу, чтобы не пропустить посланцев Дорошенко. По его приказу Переяславский полковник ходил на Черкассы.

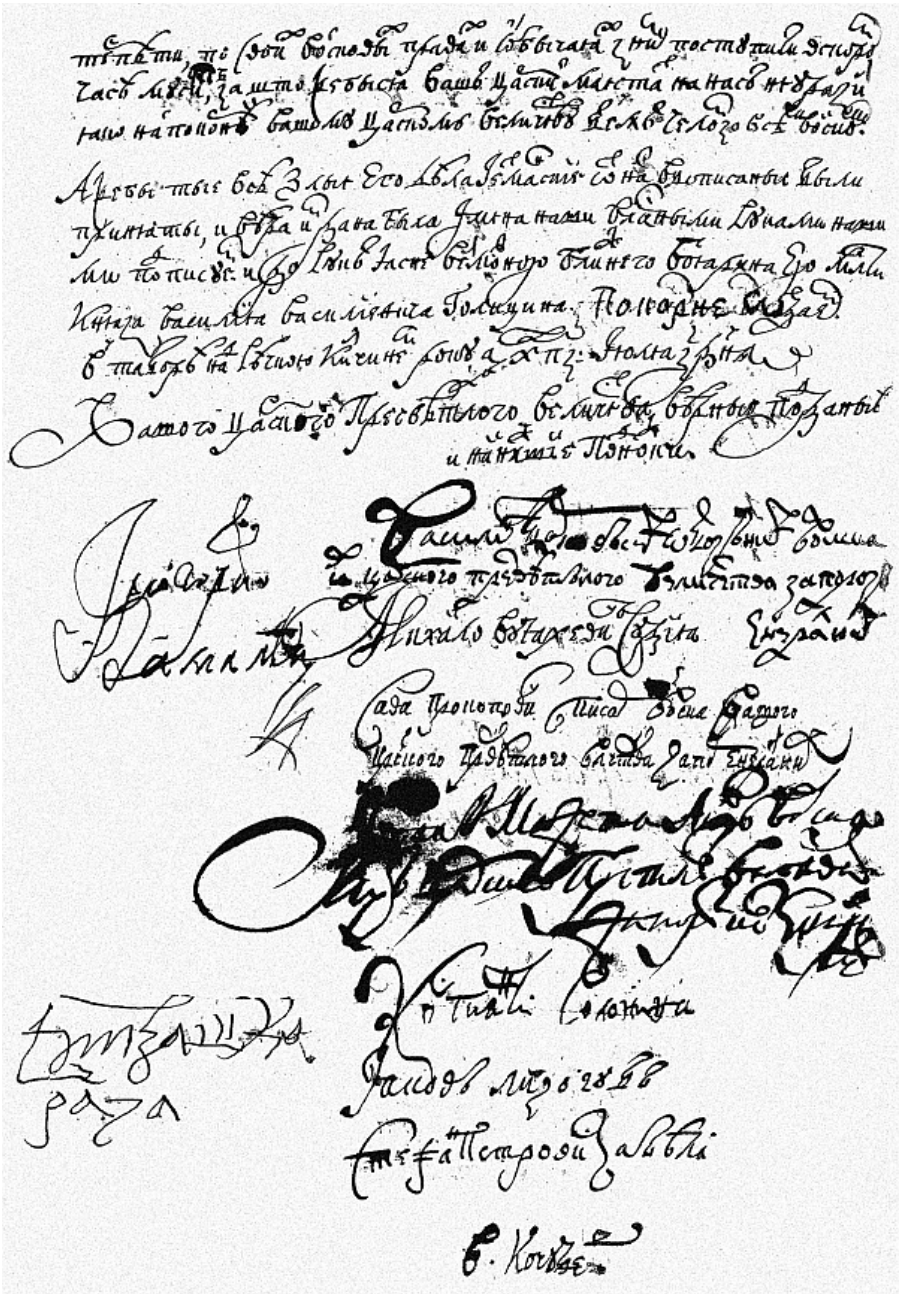
Царь Федор Алексеевич. Портрет XVII в.

Самойлович не верил, что его соперник добровольно откажется от власти, и очень боялся его интриг с Сирко. Самойлович послал в Запорожье и к Сирко грозные письма, выговаривая им за самовольство. Он напоминал им про все те горести, которые принесли Украине Руина, многогетманство и гражданская война. «И так немного не 30 лет кровавым непрестанно, по Божию смотрению, за грехи наши, обливается потом… Каждый из молодцов добрых, Бога боящийся и правду любящи, знает, что западная сторона разорена благодаря Дорошенку, который возбудил против себя беды со всех сторон, поддавшись турецкому султану, под которым и последних людей потерял. А когда увидал, что мало там осталось, то, чтобы побыть некоторое время гетманом, призвал вас к своему расколу. Извещаю вам, что не надобно в этих городах наших никаких рад собирать и ничего у царского величества добиваться. Были уже в четыре года две рады»[18].

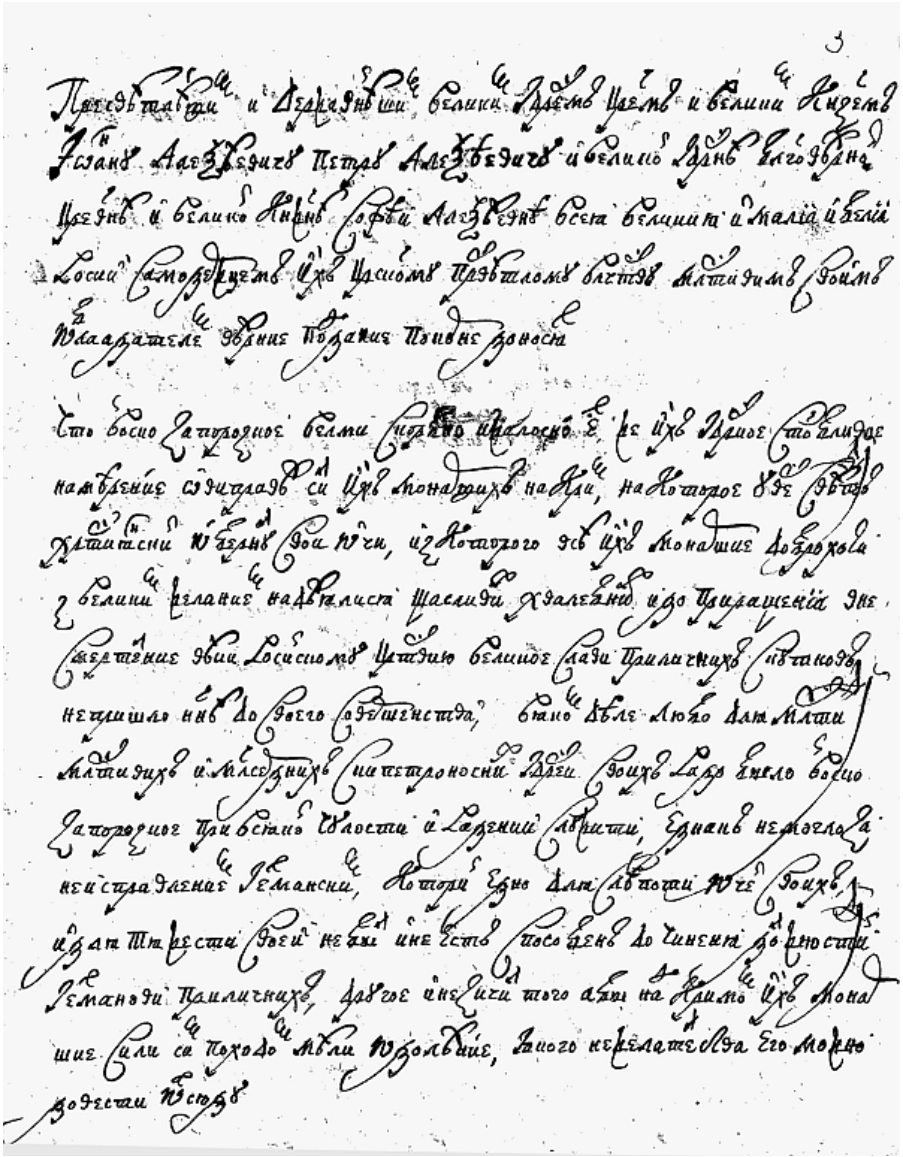
В январе 1676 года Дорошенко наконец сдал сенджуки[19], т. е. знаки своей власти, полученные от султана. Он отправил их в Москву со своим родственником Яненко-Хмельницким. Но при

этом все равно отказывался вторично присягать и ехать в Москву. Он заявлял, что хочет остаться там, где родился, – в Чигирине. Самойлович нервничал и не верил Дорошенко.

Смерть Алексея Михайловича и восшествие на трон слабого и болезненного Федора Алексеевича не улучшали ситуацию. Когда в марте новый царь отправил к Дорошенко стольника Деремонтова, Самойлович его задержал и в Чигирин не пустил. При этом он ссылался на указ Алексея Михайловича, чтобы все переговоры с чигиринским затворником велись только через него и Ромодановского. В Москве с этим соглашались, но предпринимать решительные меры против Дорошенко не позволяли. А Сирко между тем заявлял, что пока Самойлович лично не придет в Запорожье и не поклонится «низовым», он его гетманом не признает. Такая шаткость была «поповичу» невыгодна, так как и на Левобережье также раздавались враждебные голоса. Так, полковник Стародубский Петр Рославец высказал пожелание выйти из «гетманского регимента» (т. е. управления) и стать одним из слободских полков, подчиненных непосредственно царю.



Донос старшины на и. Самойловича. Подписи. Оригинал. РГАДА



Одна из страниц доноса на и. Самойловича. Оригинал. РГАДА

Наконец, в июле поступил царский указ идти на Чигирин походом. Когда передовые русско-казацкие силы в количестве двадцати тысяч человек под командой Г. Косагова и Л. Полуботка подошли к Чигирину, Дорошенко прибыл к ним в табор и капитулировал. Самойлович выслал в Москву клейноды и архив бывшего гетмана. Самого Дорошенко решили на некоторое время оставить в Украине. Самойлович возвращался домой торжествуя.

Но, как оказалось, капитуляция грозного гетмана не принесла

ему спокойствия. Против Самойловича был составлен первый старшинский заговор, его возглавили Нежинский протопоп Семен Адамович и Стародубский полковник Петр Рославец. Они самовольно отправились в Москву с доносом – разумеется, с обвинениями в измене. Кроме того, Рославец опять предлагал отделить Стародубский полк от гетманского правления, непосредственно подчинив его царю. В Москве, однако, поняли, что речь шла о простой зависти и желании выслужиться. Обоих подвергли пытке, и тогда открылось участие в заговоре полковников Дмитрашки и Горленко. На войсковом суде в Батурине их приговорили к телесному наказанию, а Рославца и протопопа – к смерти. Гетман проявил милосердие, заменив казнь ссылкой в Сибирь. Дмитрашко и Горленко попали в тюрьму[20].

Самойлович был, конечно, очень встревожен этими событиями. Чтобы его вознаградить и ободрить, царь возвратил из Москвы младшего сына Самойловича Григория.

Между тем во внешней политике новым центром противоречий становятся русско-турецкие отношения. Не оказав военной помощи Дорошенко в отчаянную для него минуту (во многом из-за угрозы со стороны польских войск), султан все же не хотел расставаться со своим влиянием в Украине.

Гетман Ю. Хмельницкий. Портрет XVIII в.

Символом противостояния стал Чигирин, древняя гетманская

столица. Турецкие войска перезимовали на Дунае, а весной начали наступление на Украину к Южному Бугу. Их силы под командой Ибрагим-паши составляли почти 65 тысяч человек – 15 тысяч янычар и пехоты, 30 тысяч кавалерии и молдаван и около 20 тысяч татар.

Турки ожидали, что русские не станут удерживать Чигирин. С собой они везли нового «назначенного» гетмана – Юрия Хмельницкого, которого расстриг Константинопольский патриарх, повинуясь приказу султана. Хмельницкого султан к тому же пожаловал титулом «князя малороссийской Украины». Именно тогда, если верить некоторым источникам, Сирко написал знаменитое письмо турецкому султану Мухаммеду IV в ответ на его предложение принять турецкое подданство. Правда, по стилистике оно было гораздо сдержаннее своего фольклорного варианта[21]. Сирко отказался дать Юрию Хмельницкому даже пятьсот запорожцев, зато обещал помощь Самойловичу.

Самойлович был очень встревожен. Он понимал, что население измучено бесконечной войной, панически боится турок и если не увидит со стороны царя реальной защиты, то добровольно поддастся султану. Причем гетман опасался не только за Правобережные, но и за Левобережные полки. Он приложил немало усилий, чтобы удалить Дорошенко в Москву, и перехватил письмо Хмельницкого к Сирко. Гетман буквально бомбардировал царя просьбами о военной помощи. Он считал удержание Чигирина ключевым и крайне символичным. «А естли де, от чего Боже сохрани, разоритца Чигирин, или неприятелю опустить завладеть, тогда де разве прежде разоренья или отдаче неприятелем, сказать всем в Украине народом, что уж они великому государю… непотребны, для того и Чигирин отдали и разорили. А у них во всем их казацком народе, всегда во устех то слово и намерение и дело: при ком Чигирин и Киев, при том и они все должни в вечном подданстве и верности и в тишине жити»[22].

Началась серьезная подготовка обороны. Чигирин был укреплен, в нем расположили русско-казацкий гарнизон. Самойлович лично направил туда часть необходимых запасов, в том числе хлебных. А к царю он послал генерального судью и. Домонтовича и генерального писаря С. Прокоповича, подробно изложив свой план обороны Чигирина[23]. Среди прочего он просил прислать опытного инженера.

В Москве начали осознавать весь масштаб надвигавшейся угрозы, равно как и необходимость защищать Чигирин. Был назначен новый воевода (по сути дела – комендант) генерал-майор Афанасий Трауэрнихт, а инженером стал другой немец –

полковник фон Фростен. Ну и главным приобретением стал знаменитый шотландский полковник (в будущем – генерал) Патрик Гордон (тот самый, что в дальнейшем прославился на службе у Петра Первого).

Сбор войск был назначен на весну. Но русская военная машины была очень неповоротлива. Войска выступили в поход только в августе, когда Чигирин был уже осажден. Турки рассчитывали взять город за три дня, но осада продолжалась около четырех недель.

Имея в своем лагере Юрия Хмельницкого («князь сарматский Малыя России Украины и вождь Войска Запоросжкого»), Ибрагим-паша полагал, что казаки сдадутся без боя и перейдут на его сторону. Поэтому первый удар был нанесен по замку, где находились московские стрельцы. Турки даже на некоторое время овладели старым городским валом, но были успешно выбиты.

Не сумев взять Чигирин с «наскока», они перешли к планомерной осаде. Рыли траншеи для подкопов, но защитники города проводили удачные вылазки, срывая эти планы. В артиллерийской дуэли преимущество было на стороне турок. Им удалось причинить серьезный ущерб Спасской башне, а московские пушкари оказались недостаточно умелыми. Зато защитники Чигирина сумели оперативно построить новую башню, а расстояние между ней и крепостной стеной забросать землей. Подкоп в сторону верхнего замка натолкнулся на гранитную стену, и надежды турок на мины не оправдались.

Турки продолжали штурмовать ночью и днем верхний город, в котором находились русские войска. Осажденные держались, ожидая скорого подхода гетмана и Ромодановского. У Самойловича было двадцать тысяч казаков, а Переяславский, Миргородский и Полтавский полки охраняли Днепр.

Гетман Ю. Хмельницкий. Гравюра из летописи С. Величко

На рассвете 30 августа сердюки Самойловича и драгуны Ромодановского (всего около двух тысяч человек) подошли к Чигирину со стороны Тясмина и, пользуясь эффектом неожиданности, прорвались в город. Осажденным это дало огромный положительный импульс. Теперь они ждали основные силы со дня на день. Вылазки предпринимались почти ежедневно. Немецкий инженер смастерил специальные зажигательные гранаты, с их помощью осажденные уничтожали арбы, под прикрытием которых турки ходили на штурм.

Однако именно там, под Чигирином, произошли события, в будущем обернувшиеся трагическими последствиями для гетмана. В украинских событиях все большую роль начинал играть Василий Васильевич Голицын. После смерти царя Алексея Михайловича и восшествия на престол Федора Алексеевича князь стал боярином и в этом новом звании прибыл на Украину. Участник Чигиринского похода Патрик Гордон писал в своем дневнике, что Голицын и Ромодановский ссорились друг с другом из-за старшинства, а потому «не видались друг с другом»[24].

Переправа через Днепр гетмана и воеводы проходила сложно, под сплошные атаки турок. Сам паша отступил от Чигирина,

посылая войска навстречу наступавшим русско-казацким войскам. При этом обстрел и штурм города тоже не прекращались. Татары заняли остров на Днепре, чтобы не допустить переправы, но их оттуда выбили, и остановить продвижения Самойловича с Ромодановским они уже не могли.

Осажденные были лишены возможности знать, что происходило на переправе. Они могли только наблюдать необычайное оживление в турецком таборе – появление там множества верблюдов, мулов, лошадей и т. д. Постепенно обстрел становился все менее интенсивным, а в ночь на 8 сентября турки зажгли свой табор. Потеряв около десяти тысяч человек, турецкая армия отступила. Путь на Чигирин был свободен[25].

Устранив повреждения крепости, уничтожив неприятельские рвы и шанцы, обновив гарнизон, Самойлович вернулся домой. Русские войска простояли под Чигирином до 9 сентября, а потом, узнав об отступлении противника к границе, ушли на всю зиму за Днепр.

Однако надежды, что, потерпев поражение, султан откажется от Правобережной Украины, не оправдались. На переговорах турки настаивали на получении Чигирина с окрестными местечками. Особенно на войне настаивал новый великий визирь Кара-Мустафа. Он хотел покончить с Чигириным одним ударом, чтобы развязать себе руки на Балканах.

Новая турецкая армия насчитывала восемьдесят тысяч человек. Поход был назначен на начало апреля. В Очаков султан прислал тридцать галер со свинцом, пушками и всем необходимым для войны.

Многих в Москве напугали приготовления турок, и в октябре 1677 года в Батурин прибыл ведущий русский дипломат В. Тяпкин, интересуясь, можно ли удержать Чигирин, или проще «его разорить». Гетман крайне резко отреагировал на такое предложение. Он так и заявил, если решат оставлять Чигирин, то надо сказать народу, что «они великому государю непотребны». Самойлович хорошо знал настроения, царившие на Украине. Мещане и крестьяне, мастеровые и художники – все брались за оружие, желая покончить наконец с измотавшей всех войной. Черниговский архиепископ Лазарь Баранович призывал свою паству поститься и молиться о победе.

В результате в начале декабря 1677 года в Рыльске состоялось совещание, на котором присутствовали Самойлович, Ромодановский и Гордон. Было решено усилить чигиринский гарнизон тысячным корпусом из украинских казаков и русских стрельцов и одновременно приступить к мирным переговорам с турками. Феодор Алексеевич приказал укрепить Чигирин и

снабдить запасами; гарнизон же должны были составить полки из войск Ромодановского и Самойловича под начальством энергичного и опытного окольничего и. Ржевского.

В начале марта в Батурине состоялось очередное совещание под руководством Самойловича и Гордона. Было решено поставить перед замком мощные внешние укрепления, а перед Крымской башней – укрепления в форме полумесяца. Гордон получил две мортиры и четыреста бомб. Самойловичу были присланы деньги для найма охотницких войск.

Однако дела обстояли далеко не лучшим образом. Ржевский, прибыв в Чигирин, обнаружил отсутствие хлебных запасов, разрушенные стены города. К тому же татары предпринимали постоянные наезды, предвещая появление основной армии противника. Что касается основных русско-украинских сил, то они двигались крайне неспешно. Отрадным явлением было лишь появление в Чигирине Гордона, который 28 апреля 1678 года дал у себя обед[26] и активно занялся укреплением крепости.

Неприятным известием стал отказ Сирко предоставить помощь Самойловичу. Кошевой, наоборот, заключил перемирие с ханом. Правда, он заявлял (и даже клялся на кресте), что делал он это исключительно для того, чтобы заманить Хмельницкого. Но кошевому никто не верил.

Ромодановский и Самойлович 6 июля подошли к Бужинской гавани (на Левом берегу Днепра), откуда начали переправлять войска на Правый берег. Но уже 8 июля 1678 года турецкая армия стояла под Чигирином. С визирем Кара-Мустафой было до восьмидесяти тысяч конницы и янычар, а также десять тысяч молдаван во главе с их господарем[27].

Когда Самойлович с Ромодановским получили от чигиринского казака известие о численности вражеских войск, они очень воодушевились и начали быстрее и охотнее переправляться через Днепр. Однако радость по поводу малочисленности турок была преждевременной. Они располагали великолепной осадной артиллерией. Две огромные пушки тащили тридцать две пары волов. Кроме того, у осаждавших имелось двадцать семь больших батарейных пушек разного калибра, сто тридцать полевых орудий и еще два десятка мортир, стрелявших стодвадцатифунтовыми бомбами. Пять тысяч верблюдов, восемь тысяч погонщиков, сто тысяч подвод с провиантом…[28]

На предложение турок сдаться, город ответил отказом. Тогда 10 июля начался обстрел. За первый день, по подсчетам Гордона, турки выпустили двести семьдесят восемь тяжелых снарядов и восемьдесят шесть больших гранат. Как и во время первой

обороны Чигирина, казацкие полки располагались в Нижнем городе, а в замке были русские войска и полки Гордона.

Турки предприняли строительство новых батарей, сжимая Чигирин в плотное кольцо. А между тем Самойлович с Ромодановским производили переправу под постоянными атаками турецких и татарских отрядов. 12 июля им удалось переправиться и соорудить оборонительные редуты на Правом берегу.

Тридцатого июля, после нескольких дней активного обстрела и множества подкопов, турки предприняли штурм. Как писал Гордон, «жаркое дело продолжалось 4 часа, в течение коих мы с равным упорством трудились и сражались». В тот день на Чигирин было выпущено девятьсот сорок пять тяжелых снарядов и триста двадцать восемь гранат[29].

Между тем к Самойловичу и Ромодановскому прибыл князь Черкасский с калмыками и татарами. Совместными усилиями после жарких боев они овладели Стрельниковой горой, захватив турецкие пушки, припасы, шатры и обоз. Осман-паша был ранен, а Эскишер-паша убит. В то же время турки, осаждавшие город, продолжали бомбардировку и устраивали подкопы. Им удалось проломить в стене большую брешь, и только усилиями казаков они были отброшены назад. Но во время штурма 3 августа был убит гранатой комендант крепости и. Ржевский. Командование принял на себя Гордон.

Четвертого августа русско-украинское войско было уже на расстоянии всего двух миль от Чигирина. Однако Самойлович и Ромодановский не воспользовались результатами своей победы. Воевода пассивно стоял, ожидая отхода вражеской армии от крепости. Полагаясь на слабость противника, Ромодановский отказался от решительных действий, упустил время и потерял контроль над событиями. Некоторые объясняют это, в частности, тем, что сын воеводы Андрей находился в турецком плену и в случае поражения султан угрожал отрубить ему голову. Поэтому-то Ромодановский и боялся предпринимать решительные шаги[30].

Одиннадцатого августа турки взорвали бомбы у реки Тясьмин. Загорелась часть Нижнего города. Увидев пожар, русские бросились в лагерь Ромодановского через горевший мост, но он обрушился, и масса людей погибла. Одновременно с этим неприятелю удалось зажечь и новый Верхний город. «Всех охватил такой ужас, что никакие команды или увещания не могли достичь цели». Оставшийся гарнизон отступил в старый Верхний город и там весь день отбивал штурмы противника.

Ночью был прислан приказ Ромодановского «выступить из замка и, если возможно, вывезти самые легкие орудия, закопать

те, что нельзя увезти, уничтожить замок и боевые припасы, а особливо поджечь порох». Уцелевшую часть Чигирина зажгли, а замок взорвали порохом. Этим взрывом убило Мустафу-пашу и множество турок, а город сгорел дотла. «Так Чигирин был обороняем и потерян, оставлен, но не взят», – писал Гордон[31].

Гетман с воеводой отступили к Днепру. Девятнадцатого августа произошло последнее сражение, после чего турки отступили. Решение Ромодановского оставить Чигирин по-разному оценивалось как современниками, так и историками. Во время Стрелецкого бунта 1682 года Г.Г. Ромодановский за сдачу Чигирина был обвинен в измене и растерзан.

Скорее всего, если учитывать двукратное преимущество армии Ромодановского над турками, имелась реальная возможность сохранить Чигирин. Можно согласиться с современными исследователями, что потеря Чигирина стала военным поражением, которое привело к неудаче в войне в целом[32].

Как мы видели выше, Самойлович считал Чигирин сакральным центром (прежде всего, для казачества), равным по значению Киеву, и полагал, что потеря его станет для населения символом отказа царя от Украины. За многие десятилетия казацких войн со времен Богдана Хмельницкого Чигирин превратился в реальную столицу нового государства, символ казацкой вольности и славы. Уничтожить его и оставить священные руины врагам было страшным позором для Самойловича, который и так не мог похвастаться «казацким» происхождением.

Теперь моральное преимущество оставалось за турками. В Москве опасались нападения турок на Киев, что могло привести к потере всей Украины. В начале сентября, несмотря на усилия Самойловича, турки захватили Канев, вырезали людей и спалили город. Оборонявшие его сердюки погибли. Последние из них вместе с обороняющимися жителями спрятались в соборной церкви Каневского монастыря. Татары обложили ее соломой и сожгли вместе с людьми, после чего разрушили монастырь[33]. Наказной гетман Юрия Хмельницкого Павел Яненко-Хмельницкий захватил Черкассы, Корсунь и Мошны, жители которых вынуждены были перейти на его сторону. Поляки в ужасе оставили Кальник, Немиров, Меджибож и другие Правобережные города, остававшиеся до этого под их контролем.

Опасаясь наступления на Киев, Самойлович расставил казацкие сотни вдоль Днепра, получая сведения о действиях турецко-татарского войска. К Переяславлю срочно перебросили отряд Неплюева, а в Киев направили генерала Ф. Ульфа с

тысячью солдат. Узнав об этих приготовлениях, визирь увел войска домой. Но на Днепре их настиг Сирко с запорожцами и «многих побил».

Правобережным гетманом оставался Ю. Хмельницкий, который обложил поборами жителей уцелевших городов и сел. Всю зиму он и Яненко предпринимали набеги на Левобережье, доходя до Золотоноши и Лубен. Вместе с белгородской ордой он опустошал окрестности Козельца. Юрий Хмельницкий попробовал напасть даже на Лубенский полк, но сильный мороз сорвал эти планы.

Для обороны от войск Хмельницкого из Сум направлен опытный русский полководец Г. Косагов вместе с ратными людьми и слободскими полками. Он соединился с частями городовых полков и компанейцами, которых возглавил сын Самойловича Семен (всего около тридцати тысяч человек) и вместе с Полтавским и Миргород ским полками они отбросили татар за Днепр. Под Кременчугом отряд Косагова настиг самого нураддин-султана и отбил награбленное.

Противодействуя стремлению Юрия Хмельницкого заселить опустошенное Правобережье, Самойлович решил уничтожить все уцелевшие крепости Правого берега, а их жителей расселить на Левобережье и Слободской Украине. В результате весной 1679 года было организовано переселение жителей приднепровских городов (Канева, Корсуни и др.) силами Левобережных полков, вошедшее в историю как «великий сгон».

Осуществлялся он Нежинским, Киевским, Переяславским и Прилуцким полками, а также сердюками и компанейцами. Операция была осуществлена за февраль-март 1679 года. Двадцать тысяч семей было переселено на Слободскую Украину, которую гетман рассчитывал включить в свое управление. Как доложил Самойлович в Москву, «все жители ржищевские, каневские, корсунские, староборские, мошенские, драбовские, белозерские, таганковские, черкасские на сю сторону согнаны и от неприятеля отстранены, а города и села и местечки и деревни их, где они прежде жили в той стороне, все без остатку выжжены»[34]. За этими скупыми словами стояла страшная трагедия тысяч людей.

Опасаясь нового появления турецкой армии, русские выставили сильную армию, оберегая Киев, белгородскую дорогу и «муравский шлях» (дорогу на Крым). Только под Киевом стояла стотысячная объединенная армия М. Черкасского и гетмана. К осени 1679 года было завершено сооружение изюмской засечной черты. На Северском Донце и Осколе были укреплены броды и переправы и построены засеки. Эти действия предотвратили

очередное вторжение крымскотатарских войск. Усилиями Сирко, который в очередной раз стал верным царю, удалось отбить нападение Мурад-Гирея на Запорожье.

В октябре 1679 года к Самойловичу был направлен дьяк Е. Украинцев, чтобы выяснить, как тот относился к идее совместного русско-польско-украинского похода против турок, на чем настаивали поляки. Турки со своей стороны выказывали «склонность к миру». Надо было принимать решение. Ответ гетмана прозвучал однозначно – союз с поляками не нужен. Он считал, что у Речи Посполитой нет сильной армии, а поляки вообще – «люди своевольные и слабые, нужды терпеть не будут». Что касается мира с Османской империей, Самойлович обещал посоветоваться об этом со старшиной.

Провожая Украинцева, гетман уже определенно заявил: «Донеси царскому величеству покорное мое и генеральной старшины и всего Войска Запорожского челобитье, чтоб великий государь изволил с турским султаном и ханом крымским становить мирный договор, потому что казакам и поспольству малороссийскому нынешняя с бусурманами война наскучила, и надобно опасаться, чтоб они от этой войны чего-нибудь дурного не вздумали». К этому мнению в Москве прислушались.

Зимой 1680 года по поручению Самойловича в Москву приехал «значный товарищ» и. Мазепа. На этот раз речь шла о распространении власти гетмана на Слободскую Украину. Связано это было с тем, что «согнанное» украинское население Правобережья размещалось именно в этом регионе. Там к этому времени существовало четыре слободских полка: Сумский, Ахтырский, Рыбинский и Харьковский, которые подчинялись Белгородскому воеводе. Следует отметить, что Слободская Украина давно заселялась беглецами с Украины. Можно вспомнить хотя бы войско Я. Остряницы – оно поселилось в Чугуеве еще в 1638 году и отстроило эту новую крепость. Мазепа вел переговоры вместе с племянником гетмана, Михайлом Самойловичем. Москва ответила категорическим отказом.

В августе 1680 года на своей пасеке в возрасте 70 лет умер Иван Сирко, доставлявший столько хлопот Самойловичу. После ухода со сцены Дорошенко (он уже смирился со своей участью и принял должность Вятского воеводы), казалось, что гетману больше не угрожала сильная оппозиция. Украина начинала потихоньку выходить из Руины. Гетманская власть становилась стабильной, прекращение гражданской войны открывало дорогу экономическому благополучию. Внешние обстоятельства тоже как нельзя более тому способствовали.

В начале 1681 года был заключен Бахчисарайский мирный

договор между Московским государством и Османской империей. Территория между Бугом и Днепром оставалась незаселенной буферной зоной, а Запорожье переходило под управление царя. Все украинское население было согнано на Левобережье, что окончательно похоронило надежды Самойловича воплотить в реальность его титул гетмана «обоих берегов» и ставило крест на завоеваниях Богдана Хмельницкого. Несмотря на это, на Украине известие о мире было встречено с восторгом. Во всех городах, через которые проезжали русские послы, возвращаясь из Бахчисарая, им оказывали торжественную встречу: духовенство с крестами и святой водой, полковники и старшина с конными казаками, со знаменами, трубами и литаврами, мещане с хлебом-солью. Радовались, плакали, благодарили Бога за мир. В Батурине Самойлович обнимал посланников, закатил огромный пир с пальбой из пушек и музыкой. И снова высказывался за передачу Слободских полков под свой контроль.

Впрочем, вскоре гетмана ждало разочарование. Турки не включили в окончательный вариант грамоты положение о Запорожье. А на дальнейших переговорах весной 1682 года не удалось отстоять территории по Днепру от Киева до Чигирина (за исключением самого Киева). В этом районе запрещалось строить новые города, а гетман не мог препятствовать переходу жителей с одного берега на другой.

В апреле 1682 года после недолгого царствования умер Федор Алексеевич, и в Москве начался период резкого ослабления власти на фоне стрелецких бунтов. Стрелецкие бунты не остались вдалеке от Украины. Как мы уже отмечали, во время расправы был растерзан стрельцами и воевода Григорий Григорьевич Ромодановский, друг и соратник Самойловича. Старший гетманский сын Семен, полковник Стародубский, в сентябре 1682 года находился в селе Воздвиженском во время знаменитого Троицкого похода, в разгар Хованщины[35]. Его приезд был использован Софьей как предлог для вызова Хованских и расправы с ними[36]. Семен воочию видел весь хаос, царивший в Москве, и неспособность власти контролировать события. Когда в октябре 1682 года подьячий Малороссийского приказа В. Баутин привез в Киев грамоту с известием о казни Хованского, это вызвало возмущение стрельцов, многие из которых вместе с князем участвовали в Русско-польской войне. Подьячего таскали за волосы, «били смертным боем» и на время посадили в тюрьму[37]. В Переяславле стрельцы перестали слушаться воеводу, отставили своих пятисотенных и десятников, а в приказную избу посадили простого стрельца. Появлялись в Украине и русские, советовавшие казакам действовать как стрельцы, убившие

важнейших бояр.

Самойлович с «непрестанной печалью» доносил об этом «царям»[38]. Понимая, что смутное время может подтолкнуть Порту и Речь Посполитую к решительным шагам, он предпринял ряд мер для усиления границ[39].

Не единожды в эти дни Самойлович высказывал неодобрение тому, что на московское царство взошли «дети молодые, ума несовершенного, нечого не знают». И от царевны-правительницы он не ждал ничего хорошего в условиях, когда в Москве были убиты многие знатные и влиятельные бояре. В такие времена «горшого и тяжшого упадку» правление мальчиков, советующихся «с невестой», по мнению гетмана, могло привести только к «шатости и упадку».

Отдадим должное, Самойлович приложил немало усилий, чтобы сохранить на подвластных ему территориях мир и порядок. Сделать это было непросто. Постоянно появлявшиеся в Батурине делегации, которые приводили казаков то к присяге Петру, то Петру и иоанну, то правительнице Софье, не могли не вызывать различных толков и сомнений.

Активно пытались использовать сложившуюся ситуацию и поляки. Действуя через Львовского епископа Шумлянского, они пытались представить Стрелецкий бунт как Божью кару Москве за неоказание военной помощи Польше против турецкой агрессии. Поляки советовали казакам воспользоваться ситуацией и избавиться от Самойловича – «человека ни к чему не годного и не воинственного». Играя на национальной гордости, они в «подметных письмах» напоминали о позорной отдаче Чигирина, «сгоне» населения и т. д. Польские власти финансировали целый заговор с целью отторжения Левобережной Украины от Москвы и заключения польско-украинского договора, направленного против Порты. На Левобережье был отправлен В. Искрицкий, тесть Миргородского полковника Апостола, который вез тайную инструкцию Белоцерковскому протопопу С. Заремба, предписывавшую выяснять настроение украинского духовенства, а также недовольных Самойловичем старшин.

Миссия завершилась провалом: с поляками никто объединяться не захотел, всем слишком хорошо были известны реалии жизни на Правобережье, а «тайные инструкции» передали самому Самойловичу[40].

Внешняя ситуация была напряженной. Кара-Мустафа начал военные действия, двинулся к Вене и осадил императорскую столицу. Осажденных спасло лишь появление польских отрядов Яна Собеского – он, имея в своем распоряжении и запорожцев, разгромил турок в знаменитой битве под Веной 12 сентября 1683

года.

Пользуясь усилением своего влияния и авторитета в Европе, Собеский начал по-своему решать вопрос с Правобережной Украиной. Он назначал различных гетманов, которые вместе с небольшими отрядами казаков участвовали в военных действиях против татар и Молдавии. Он согласился восстановить казачество на Правобережье (семь полков) с наказным гетманом Самусем в Немирове. Самойлович активно поддерживал антипольские настроения на другом берегу Днепра. Его казаки заняли все Поросье, а мятежные крестьяне – Посожье[41].

Пятого марта 1684 года под патронатом папы иннокентия была образована Священная лига, в нее вошли Речь Посполитая, Габсбурги и Венеция. Своей целью Лига ставила изгнание турок с захваченных ими земель и заключение общего мира. Несмотря на то что Лига декларировала задачу привлечения к союзу Москвы, она также добивалась возвращения Речи Посполитой Подолии и Правобережной Украины.

Безвластие в Москве, объективная необходимость противостоять внутренней и внешней угрозе позволяют Самойловичу коренным образом изменить свое поведение. Сохранилась дума, написанная «кем-то из ближних подручных» Самойловича после его падения[42]. В ней весьма ярко описывается, как гетман вначале был «хорошим всем паном», но потом противопоставил себя всем сословиям, стал ломать давнюю вольность войска, игнорируя раду, хотел всех перессорить. Людей он начал считать «за ничто», называл «подножками» и попирал, сыновья его стали несносно гордые, от них пошли невыносимые притеснения[43].

Конечно, такая метаморфоза произошла не сразу. Но вскоре, как писала в своем доносе старшина в 1687 года, сыновья Самойловича дошли до того, что разъезжали по Украине в золоченой карете, купленной гетманом в Гданьске[44]. Это было неслыханным делом в Украинском гетманстве, противоречило казацким традициям и обычаям, поощрявшим скромность и демократию.

Уже в феврале 1684 года на встрече со стольником Одинцовым гетман заявил о своих весьма далеко идущих притязаниях. Дочь Самойловича была замужем за Федором Петровичем Шереметевым, сыном Киевского воеводы Петра Васильевича Большого (и братом будущего фельдмаршала Б.П. Шереметева). Скупой Шереметев-старший содержания сыну не давал и к тому же находился в плохих отношениях с всесильным фаворитом В.В. Голицыным. В результате, гетманская дочь терпела нужду, что очень расстраивало и отца, и мать.

Самойлович жаловался Одинцову: «Я бедную дочь свою выдал за человека высокой породы, за боярина Федора Петровича Шереметева, но утехи мне от этого никакой: что было у дочери моей платья, все в закладе и проедено». Используя это как предлог, гетман сделал неожиданное предложение: чтобы его зятя Федора Шереметева назначили Киевским воеводой, «а в товарищах послали бы окольничего Леонтия Романовича Неплюева: он человек добрый, в этих краях жить умеет, зять мой при нем учился бы. Ко мне была бы царская милость, а в здешнем малороссийском народе страх, что я гетман, а зять мой в Киеве воевода»[45].

Трудно ожидать, чтобы Голицын увидел в этой просьбе гетмана нечто иное, кроме притязания на неограниченную власть на территории Украинского гетманства. Между тем Самойлович настаивал на своем, и в июне 1684 года повторил эту просьбу стольнику С. Алмазову. Причем гетман был уже осведомлен, что Ф. Шереметеву готовили другую должность (не воеводой в Киев): «И я должен сильно сокрушаться об этой перемене, потому что жалость мне великая и стыд пред всеми учинится, если после таких слухов зять мой в Киеве не окажется»[46]. В конце 1684 года боярина Федора Петровича Шереметева назначили Киевским воеводой[47].

Многих раздражала и экономическая политика гетмана. Еще летом 1675 года Самойлович совместно с царским правительством предпринял денежную реформу в Украине. Она осуществлялась с целью вытеснения из оборота иностранных, в том числе польских, монет. Было решено чеканить в Украинском гетманстве «чехи», по подобию польских полуторагрошовых, но с царским гербом. Чеканить их стали в Севске, отчего они получили название «севских чехов». Хождение они имели исключительно на территории Украины[48]. Затея не удалась. Население не хотело брать новую монету, предпочитая ей по-прежнему иностранные.

На раде 1684 года старшина обсуждала, что делать с компанейскими полками и сердюками, доставшимися от Дорошенко. Конные охотники назывались компанейцами, а пешие – сердюками[49]. Охотницкие полки – это была новая и наиболее прогрессивная часть вооруженных сил гетманства, сформированная при П. Дорошенко как альтернатива старым реестровым полкам. Комплектовались они из добровольцев от 17 до 50 лет, которые набирались вне зависимости от их социального положения, за исключением крестьян. Принимались туда и иностранцы (немцы, поляки, валахи, сербы, хорваты и т. д.). Полки содержались на деньги, собираемые гетманом. Он сам

назначал полковников и имел полный контроль над «охотниками». Дорошенко содержал полки, собирая налог с населения. Самойлович решил, что это слишком хлопотно, и в 1678 году восстановил систему «аренд», по которой винокурение, питейные заведения, а также дегтярная и табачная продажи отдавались на откуп арендаторам, а деньги от нее шли на содержание охотницких полков[50]. По сути дела, аренда давала гетману огромные финансовые возможности, а соответственно – реальную власть.

Разумеется, по старой привычке на гетмана посыпались доносы, якобы «корыстуется деньгами». Самойлович относился к этому довольно легкомысленно: «Удивляюсь и скорблю, что такая ложь залетела в высокий слух пресветлых монархов». Уверял, что содержание охотницких войск было необходимо (они себя хорошо зарекомендовали во время стрелецких бунтов). Тем не менее ему пришлось уступить в вопросе аренды. Ее заменили сбором с шинков и продажи горилки[51]. Система эта нужного дохода не приносила, и впоследствии и. Мазепа был вынужден вести долгую борьбу за новое введение аренды.

Помимо аренды у Самойловича появилась и новая проблема. Набиравший власть В.В. Голицын начал мирные переговоры с Польшей. Уже в мае 1683 года совещания по этому поводу прошли с участием Самойловича. Гетман подчеркивал, что союз христианских государей – дело хорошее, но соглашение с Польшей не может быть надежным, так как король – католик, а цари – православные. Отделавшись подобными фразами, Самойлович своих представителей на комиссию не послал.

Голицын, самый «европеизированный» русский политический деятель допетровской эпохи, видел будущее Москвы в Священной лиге, стать союзником которой он стремился. К тому же московское правительство во главе с Голицыным надеялось использовать тяжелое положение Яна Собеского, чтобы окончательно сохранить за собой Киев и получить полный контроль над Запорожьем (по договору 1667 года оно находилось в совместном правлении Москвы и Варшавы).

В наказ русским послам на переговорах с поляками вошли пожелания Самойловича, чтобы Запорожье было под властью царя, чтобы за Москвой оставались местечки вокруг Киева, а также территория Стародубского полка (полковником которого состоял старший сын Самойловича Семен) от города Гомеля до реки Сож[52]. «Статьи», присланные от гетмана в Москву, содержали категорическое требование, чтобы Речь Посполитая отказалась от Украинского гетманства и Запорожья.

В целом Самойлович и многие его старшины выступали

против мира с поляками. В феврале 1684 года гетман отказался отправить своих представителей на переговоры с поляками, заявив: «Послать мне худых людей – ничего по них не будет; а послать добрых – и им непригоже за хребтом стоять»[53].

Главная причина заключалась в опасении навсегда лишиться Правого берега Днепра. Трудно сказать, чем именно руководствовался Самойлович. Казалось, он был политическим противником Дорошенко, который действительно всю жизнь сражался за идею единого гетманства. Но, видимо, Самойлович, неожиданно для себя став гетманом «обоих берегов», теперь очень не хотел лишаться этого титула и его, если не физического, то реального приложения. Кроме того, он не мог не считаться с мнением своей старшины и казаков. Если верить данным доноса, Самойлович даже посылал к польскому королю гадяцкого судью Стефана Гречаного «без ведомости и позволеня государского» и просил, «абы ему позволил по тые места владети, городы осадивши, пока места Хмелницкий владел»[54].

Позиция поляков, которые поддерживали на Правобережье самозваного гетмана Могилу и призывали на военную службу запорожцев, донцев и калмыков (без согласования с царями и гетманом), не могла не вызывать сомнения в их искреннем стремлении к миру. Беспокоили гетмана и слухи о том, что русские ради создания антитурецкой коалиции с Речью Посполитой собираются отдать ей Киев.

Конфликт перешел в открытое столкновение в феврале 1684 года, когда после смерти настоятеля Киево-Печерской лавры и. Гизеля польский король Ян Собеский поспешил назначить его преемником Львовского епископа и. Шумлянского, тем самым заявляя свои права на Киев. В ответ Самойлович предпринял захват посожских сел. Летом-осенью 1684 года казаки разместили там отряд в семьсот человек, взбунтовав местных крестьян и назначив местную администрацию в лице сотников и атаманов. По сообщению поляков, местная православная шляхта тоже с радостью примкнула к казачеству[55]. В руках Самойловича, таким образом, оказалась значительная часть Мстиславского воеводства Литвы. Оправдываясь перед Голицыным, Самойлович так и писал: «Тамошние жители посполитые люди… тому заезду зело были ради»[56]. Гетман во всеуслышание заявлял, что эти села он не уступит, какие бы к нему указы о том не приходили[57].

В конечном счете от Самойловича потребовали найти документы, доказывающие, что Посожье принадлежало Украинскому гетманству с давних пор, а пока велели тянуть время с поляками, списывая все на пограничные споры из-за не произведенного размежевания.

В ноябре того же 1684 года при встрече с думным дьяком Е.и. Украинцевым Самойлович высказался категорически против войны с Портой. На рассуждения о защите православия гетман заявил, что молдаване «люди непостоянные, всякому поддаются». «Может случиться, ежели король польский возьмет их себе – что ж, из-за них с ним ссориться?.. А Крыма никакими мерами не завоюешь и не удержишь»[58]. Так же скептически относился он и к идее союза с цесарем и «христианскими государями».

Неприятие мира с Польшей совпало по времени с другим, не менее значимым для населения Украины событием: реформой Украинской православной церкви, точнее – подчинением Киевской митрополии Московскому патриарху. Впервые эта идея была высказана московскими властями еще в 1654 году, сразу после принятия Украины «под высокую руку» царя. Тогда высшее украинское духовенство выступило категорически против и вопрос замяли. В 1659 году Москва попыталась силой навязать свою волю, но Украина в ответ разорвала договор с царем. В 1665 году гетман и. Брюховецкий выступил с инициативой провести переподчинение митрополита, но встретил резкое неприятие этой идеи со стороны даже прорусски настроенного украинского духовенства.

Теперь Голицын решил воспользоваться смертью Киевского митрополита, чтобы решить вопрос о подчинении украинской церкви Москве. В этом деле Самойлович оказался его союзником, так как кандидатом на пост митрополита гетман выдвинул своего род ственника, Гедеона Святополк-Четвертинского. Видимо, Самойлович хотел создать некую модель удельного княжества, где он был бы гетманом, его зять – воеводой Киевским, а другой родственник – Киевским митрополитом.

Еще в июне 1684 года думный дьяк Е. Украинцев встретился в батуринском Крупецком монастыре с епископом Луцким Гедеоном Четвертинским (он был посвящен в этот сан Киевским митрополитом Дионисием Балабаном), который был вынужден бежать из своей епархии из-за католического гнета. Тот заранее согласился принять благословление от Московского, а не Константинопольского патриарха. Видимо, беседа произвела на думного дьяка хорошее впечатление. После этого Украинцев затронул щекотливый вопрос перевода Киевской митрополии под юрисдикцию Московского патриарха на встрече с Самойловичем. Тот выразил готовность быть активным участником этого дела, но предупредил, что среди украинских духовных особ может найтись много противников. Одним из таких он назвал Черниговского епископа Лазаря Барановича. О Гедеоне же отозвался как о «человеке добром и смирном, никакой власти не желающем».

Начинать гетман советовал с получения от Константинопольского патриарха отказа от Киевской митрополии[59].

В январе 1685 года в Москву был отправлен генеральный писарь В. Кочубей с прошением удержать реку Сожь и получить Запорожье в исключительное владение царей. Предлагал он также сохранить за царями Правобережную Украину («всей тамошней стороны Днепра, Подолии, Волыни, Подгорья, Подляшья и всей Красной Руси»). На это было сухо заявлено, что перемирие с Польшей нарушать нельзя.

Кочубей привез и грамоту гетмана, в которой сообщалось о предпринятых шагах по переподчинению Киевской митрополии. Он уже получил письменные заявления о поддержке этой идеи со стороны Лазаря Барановича и архимандрита Киево-Печерской лавры Варлаама Ясинского. Кочубей упорно напоминал о епископе Гедеоне. Говорил, что тот болел, расстроившись из-за того, что в царской грамоте не был назван князем, и решив, что это знак немилости. Москве кандидатура Гедеона явно не нравилась. Гетману было указано немедленно приступить к избранию митрополита и выбрать «мужа в Божественном Писании искусного, тихого и разумного, из тамошних природных обывателей, а не из приезжих». Это явно был намек против Гедеона.

В разгар подготовки такого важного для украинской церкви события у гетмана произошла личная трагедия. В марте 1685 года умерла его дочь, боярыня Прасковья Шереметева, только что разрешившаяся от бремени. А летом умер старший сын гетмана Семен, полковник Стародубский, с которым он связывал надежды на передачу булавы («Сын любимый, первородный, надежда старости»). Прибывший в Батурин окольничий Л.Р. Неплюев провожал безутешного гетмана из Батурина в Макошинский монастырь, где состоялось прощание с С. Самойловичем.

Смерть дочери еще раз проявила самовластный и склочный характер Самойловича. Он потребовал, чтобы вдовец, Федор Шереметев, вернул приданое своей умершей жены. По требованию гетмана было возвращено не только приданое, но и все свадебные подарки, полученные новобрачным от старшины. Самойлович объяснил это тем, что эти подарки были сделаны, чтобы угодить ему, гетману. В 1686 году Ф.П. Шереметева на должности Киевского воеводы сменил боярин Ю.С. Урусов[60].

На фоне траурных мероприятий готовилось назначение нового митрополита. В украинском православии имелась традиция свободного избрания главы церкви с обязательным активным участием светских особ. Выборы были назначены на День апостолов Петра и Павла в Софийском соборе. Гетман

отправил туда генерального есаула и. Мазепу, генерального обозного В. Дунина-Борковского, Киевского полковника Карповича и Переяславского полковника Л. Полуботка[61]. При этом он продолжал настаивать, чтобы Москва поскорее согласовала свои действия с Константинопольским патриархом. Гетман боялся, как бы патриарх не проклял его вместе с другими участниками избрания, заявив: «Известно, что греческие духовные власти по малой вине склонны бывают к недаче благословения»[62].

Другим кандидатом на должность митрополита наряду с Гедеоном Четвертинским был Лазарь Баранович, у которого с Самойловичем имелись сложности во взаимоотношениях. Баранович и сам не поехал в Киев, и не послал никого из Черниговской епархии[63].

Несмотря на противодействие ряда духовных иерархов, 8 июля 1685 года митрополитом избрали Четвертинского. После этого он отправился в Москву, где был посвящен в сан Московским патриархом. В награду гетману и. Самойловичу было послано царское «жалованье» – золотая цепь и два алмазных «клейнота» с коронами – «за радетельную службу в приведении Киевской митрополии под благословление Московского патриарха»[64].

Далеко не так счастливо для гетмана завершились мирные переговоры с поляками. Двадцатого февраля 1686 года в Москву прибыл Мазепа вместе с гетманским сыном Григорием[65]. В наставлениях своим послам Самойлович высказывался не столько против самого Вечного мира, но против предполагаемой войны с Крымом и закрепления за Польшей Правобережья. Главной его идеей и заботой являлся мир с турками и татарами, а вовсе не с поляками. Это было совершенно естественно, так как гетману требовалось остановить постоянные набеги на его территории.

Миссия была тайной. В официальной инструкции гетмана говорилось, что про Вечный мир посланцы должны устно говорить при царском дворе «кому належит»[66]. В частности, во время встречи с Московским патриархом иоакимом посланцы ничего ему о цели своего визита не сказали[67]. Самойлович позднее уверял патриарха, что его сын приезжал исключительно с целью выразить благодарность царям и якобы ничего не утаивал[68].

Оппозиция Вечному миру, а равно и Голицыну, имелась и в Боярской думе. В частности, против договора с Речью Посполитой высказывался Петр Иванович Прозоровский[69], сторонник Петра. Нарышкины тоже были на стороне Самойловича. Противником мира с поляками был и патриарх.

На личной встрече с Севским воеводой Л.Р. Неплюевым гетман опять настаивал на сохранении за ним посожских сел. Он доказывал стратегическое значение этого района, который в случае войны мог стать плацдармом для нападения поляков на Черниговский и Стародубский полки. По его мнению, границу по Сожи было проводить гораздо легче, а местное население с воодушевлением «показачивалось».

Но Голицын всей душой рвался в Священную лигу и приказал Самойловичу очистить Посожье. Окончательные переговоры с поляками начались в марте 1686 года. С русской стороны их возглавляли В.В. Голицын и Б.П. Шереметев. Сын гетмана Григорий прибыл в Москву, пытаясь оказать давление на принятие окончательных условий. Но уже 2 апреля была направлена царская грамота к Самойловичу о передаче посожских сел.

Во время переговоров правительница София Алексеевна (видимо, отражая настроения В.В. Голицына) использовала яркую антиукраинскую риторику. В планируемой войне с Османской империей она собиралась всю тяжесть военных действий, равно как и обороны пограничья, переложить на казачество. А в случае возникновения антипольских бунтов на Правобережье выразила готовность сотрудничать с Речью Посполитой для их подавления[70] (как во времена Екатерины II и Колиивщины (гайдамацкого восстания. – *Т. Т.*)).

Шестого (16) мая 1686 года договор был подписан. Левобережье, Киев с округом и Межигорским монастырем, а также Запорожье остались за Москвой. Приднепровщина от Стаек до Чигирина превращалась в нейтральную незаселенную зону (включая Трехтемиров, Канев, Черкассы и Чигирин – старинные казацкие местечки), Волынь и Галиция отходили Польше, Подолье попадало под власть Османской империи. Договоры с Портой аннулировались, и Москва вступала в Священную лигу.

Самойлович был в ярости и даже запретил служить в церквях благодарственные молебны по случаю мира[71]. В таком настроении он оставался несколько дней. Возможно, после смерти старшего сына и дочери, на которых он возлагал огромные династические надежды, характер его вконец испортился.

В Москве опасались реакции гетмана и прислали к нему Неплюева, чтобы он лично рассказал тому об условиях Вечного мира. Воевода должен был убедить Самойловича, что все его требования по возможности были учтены. Гетману поручалось разослать во все города и на Запорожье универсалы с известием о мире, а также принять меры по усилению контроля над

запорожскими казаками, переходившими теперь в подчинение России. Неплюев должен был также сообщить о готовившемся в 1687 году походе на Крым, попросить у гетмана соответствующих рекомендаций и представить эту военную операцию не столько союзным долгом по отношению к Священной лиге, сколько мерами по защите Украины от татарских набегов.

Но все это не успокоило Самойловича. Он в сердцах предупреждал Неплюева, что далеко не все бояре будут довольны разрывом мира с Османской империей и Крымом «чрез хитрость лядзкую». После отъезда воеводы он говорил своей старшине, намекая на выкуп, заплаченный Польше за Киев: «Купили москали теперь себе лихо за свои гроши, ляхам данные». Он предсказывал, что заключенный мир добра не принесет, равно как и война против Крыма. Русские, мол, не хотели малые деньги татарам платить, так в результате «большую казну» им будут давать. Кому-то из жен старшин супруга Самойловича даже передавала слова мужа: «Сердит теперь и великие похвалки чинит Иван мой на Москву. Троха того не учинит, як учинил Брюховецкий». Под этим гетманша имела в виду восстание, поднятое Левобережным гетманом Брюховецким против русских воевод[72].

Разумеется, Голицын затаил еще большую злобу на Самойловича за противодействие своим планам. Вечный мир преподносился правительницей Софьей как великая услуга Отечеству, оказанная ее фаворитом. Ему были вручены богатые подарки и пожалования. И вдруг – такое пренебрежительное мнение гетмана.

А Самойлович, видимо, не осознавал опасности, которую мог представлять для него гнев боярина. Он продолжал вслух рассуждать о внешней политике, совершенно забыв о порочной практике времен Руины – доносительстве. Например, когда до Батурина дошло известие, что татары набрали полон на Волыни, доброжелатели сразу донесли, мол, гетман был этому обстоятельству «велми весел».

Он пошел и дальше, направив в июне 1686 года своего посланца Стефана Гречаного к польскому королю. В письме гетмана, наряду с готовностью участвовать в походе на Крым, декларировалась давняя принадлежность Правобережья (по реки Рось, Соба, Каменка и Южный Буг) Украинскому гетманству. Самойлович открыто просил короля передать эти земли под его власть, а то, что это значительно превышало территориальные уступки Речи Посполитой по Вечному миру, его не волновало. В августе обширные послания с доказательствами принадлежности Правобережной Украины казакам Самойлович направил

коменданту Белой Церкви и польскому коронному гетману С. Яблоновскому. В этих посланиях он также выступал против выделения части Правобережных земель польскому ставленнику А. Могиле (самозваному гетману), так как считал это расколом казачества[73].

Переговоры Самойловича с поляками велись при посредничестве его ставленника Киевского митрополита Гедеона, и хотя официального осуждения со стороны Москвы они не вызвали, но должны были сильно разозлить Голицына и Софью. В конечном счете Неплюев в сентябре 1686 года получил приказ сделать Самойловичу выговор. Гетман испугался и просил прощения, которое было ему официально дано.

Видя в лице гетмана серьезного врага, польские послы стремились как можно больше навредить ему в глазах Москвы. Самойловича обвинили в том, что он не воспрепятствовал выходу татарской орды из Крыма и даже якобы вел переговоры с ханом о принятии протектората, в результате чего Ян Собеский оказался в тяжелой ситуации в Молдавии. Упорно и настойчиво поляки и литовцы на протяжении ноября-декабря 1686 года настаивали на «наказании» и даже «казни без милосердия» гетмана, дерзнувшего нарушить Вечный мир сразу после его подписания.

Во время переговоров поляки требовали прекратить использование титула «гетман обоих сторон Днепра». Но на это русские отвечали, что Киев находится на Правом берегу и соответственно титул может использоваться.

Подводя итог, следует отметить, что внешнеполитическая позиция Самойловича была в русле стремлений его славных предшественников, начиная с Б. Хмельницкого. Желание добиться освобождения Правобережья от поляков, объединить Украинское гетманство и иметь мирные отношения с Крымом и Портой – диктовалось геополитическими реалиями и (не побоюсь громкого слова) интересами жителей Украины. Перемирие с Портой после тяжелых, изматывающих и опустошительных войн было глотком чистого воздуха для гетманства. Оставление Правобережья ставило под удар казачество и православную церковь, да и вообще сводило на нет достижения восстания Б. Хмельницкого, включая освобождение крестьян. Наконец, возобновление враждебных действий против турок развязывало руки татарам, которые станут совершать опустошительные набеги на Левобережье вплоть до Азовских походов Петра и Константинопольского мирного договора. Но внешнеполитическая доктрина Московского государства не желала считаться с интересами православного населения Украины.

Согласно условиям Вечного мира, Москве надлежало предпринять военные действия против Порты. Был объявлен первый Крымский поход. Возглавил его лично князь Василий, дабы «сокрушить свирепую татарского и оттоманского народа гордость»[74]. Амбиции правительницы Софьи были неслыханными: она требовала от Османской империи уступить Крым с Очаковым, переселить крымских татар в Анталию, освободить всех невольников и уплатить два миллиона контрибуции.

Главный удар по Крыму предполагалось нанести объединенными силами Голицына и Самойловича. Их удар от Азова должны были поддержать донские казаки, а от Казикирмена – запорожцы с русскими войсками Г. Косагова. Одновременно Ян Собеский должен был начать военные действия в Подолии.

Самойлович не скрывал своего отрицательного мнения о походе. Однако он выполнял указания. Посылал универсалы в полковые города, извещая о подготовке операции, и настойчиво советовал Голицыну не медлить с выступлением, а начать его ранней весной. Этот аспект для опытных украинских казаков, столетия проводивших в военных конфликтах с татарами, был очевиден. Только весной в степи имеются трава и вода. А потом яркое солнце уничтожит весь подножный корм для лошадей и создаст непреодолимые трудности для людей.

Старшина позднее обвиняла гетмана в том, что он советовал идти в поход ранней весной, тогда как следовало отложить его на осень. На самом деле беда заключалась в том, что поход, как уже не раз бывало во время обороны Чигирина, страшно затянули. Поляки позже насмешливо говорили: «Идя на войну, надо Богу молиться, а не хвалиться»[75]. Только в мае, в начале самого жаркого в степях времени года, армия выступила в поход.

Главнокомандующим русской армии был назначен сам В.В. Голицын. Правительница, уверенная в успехе, хотела, чтобы все лавры победителя достались ее возлюбленному. У Голицына было 100 тысяч человек, включая слободские полки. Самойлович с генеральной старшиной и полковниками присоединился к нему с пятьюдесятью тысячами казаков[76]. В их числе была большая часть гражданского населения, переведенного в казаки[77].

В начале мая войско Голицына располагалось на реке Мерло. Выступив в поход, князь миновал реку Коломак и в конце мая достиг Орели. В это же время Самойлович выступил из Полтавы. В начале июня обе армии объединились и выдвинулись вдоль Днепра.

Русская армия шла походной колонной. В середине располагалась пехота, прикрытая с обеих сторон обозами. За

обозами шла артиллерия, а фланги закрывала конница. Впереди огромным прямоугольником шел авангард из стрелецких полков. Слева находился солдатский полк шотландского генерала П. Гордона, а справа – А. Шеина. Войско Самойловича походным табором двигалось следом.

Обоз из двадцати тысяч (!) повозок представлял собой огромную обузу. В результате за два месяца было пройдено только около двухсот пятидесяти километров. В начале июня, соорудив двенадцать мостов, войска переправились через реку Самару и вошли в степь. В пыли, без воды, при страшной жаре войско столкнулось с необыкновенными трудностями[78]. Самойловича в походе мучила болезнь глаз. Он ругал «Москву», лишившую его «здоровя остатнего». Не проще ли было «Москве дома в покою сидети и своих границ боронити, нежели з Кримом войну сюю непотребную заводити»? – вопрошал он.

Когда в середине июня войска достигли реки Олбы, они столкнулись с новой опасностью. Начался страшный пожар, отчего было невозможно дышать. Горели степи, подожженные татарами. Не было воды и травы для лошадей.

Голицын, посовещавшись с воеводами, решил идти дальше: не может же вся степь до Перекопа выгореть. На некоторое время ситуацию исправил прошедший ливень. Но после очередной переправы снова открылся вид выжженной степи. На совещании прикинули, что армия не сможет подойти к Перекопу раньше чем к концу августа. Таким образом, в Крым она придет обессиленная и, потеряв от голода половину людей, просто попадет татарам в рабство. Было решено возвращаться, пока не поздно.

Часть войска, включая двадцать тысяч под командованием Григория Самойловича и двадцать тысяч Л. Неплюева, Г. Косагова и фон Грагана, была направлена к нижнеднепровской крепости Казикермен.

Остальные двинулись в обратный путь. Патрик Гордон писал, что они «терпели великую нужду от смрада и пыли… лошади становились у нас от часу хуже, а в войске явилось много больных… лошади так измучились, что пушек и амуниции везти не могли… померло от нездоровой воды много людей и лошадей»[79].

Старшина ставила в вину гетману, что он не высылал за языками казаков, не выставлял караулов в поле, не проведал заранее, насколько далеко все выгорело, но двинулся в поля за Конскими Водами, где все было уничтожено огнем. Голицын, мол, пошел за ним следом, думая, что впереди будет вдоволь конских кормов, а там было лишь «все поле згорелое».

Оценивая поход, Самойлович в своем отчете прямо писал о

неудаче, а старшине говорил о «безрассудной войне московской»[80] и не без злорадства заключал: «Разве я не говорил, что Москва ничего Криму не докажет, вот так теперь и есть».

Голицын же, наоборот, пытался представить поход как победу русского оружия. Другого выхода в и без того напряженной ситуации у него не было. В Москве многие бояре выражали явное недовольство непомерным возвышением Голицына. Софья, по выражению Соловьева, была «сильно напугана» и искала пути «прикрыть» своего фаворита, чтобы тот не возвращался с «позором» в Москву.

Главным пунктом в выработанном Софьей и Голицыным плане стала попытка обвинить казаков и лично Самойловича в саботаже похода. Гордон писал: «Распространился слух, что казаки сами приказали или, по крайней мере, с допущения гетманского сами зажгли степи с целью помешать вторжению русских в Крым»[81]. То же самое говорилось и в наказе Софьи, с которым навстречу возвращавшимся войскам был отправлен ее главный поверенный, возглавлявший Стрелецкий приказ Ф. Шакловитый. Шведский резидент в Москве фон Кохен прямо писал, что Голицын решил свалить вину за собственные ошибки на Самойловича[82]. Поэтому, скорее всего, первостепенная роль в последующих событиях принадлежала именно князю Василию.

Конечно, старшина действительно была недовольна поведением Самойловича и его сыновей, желанием гетмана утвердить наследственную власть, нарушением «казацких вольностей». Об этом старшины писали в своем доносе, об этом говорят казацкие летописи и, что еще более важно, об этом свидетельствует Гордон[83].

Не вызывает сомнения и желание Самойловича в условиях ослабления центральной российской власти усилить автономию Украинского гетманства. Старшина доносила: «И тое пресветлейшим великим государем да будет ведомо, что он же, гетман, самовластно владеет, и хочет владети Малою Россиею, грамоты монаршие в кого хочет отбирает», запрещает самовольно ездить в Москву светским и духовным лицам «и городы государские малороссийские не государскими, але своими именует, и людем войсковым приказует, жебы ему, а не монархом верне служили». Это противопоставление гетманства Московскому государству ярко оформляется к концу правления Самойловича. Если верить старшине, то гетман прямо заявлял: «Когда возвратимся з крымского походу, постараемся лепшей Малую Россию утвердити, и не так, як стоит в прежных статиях»[84].

Но стремление к сильному Украинскому гетманству и

автономии диктовалось, прежде всего, желанием безраздельно править страной. «Все сам решает, никого для совета не приглашая. Должности по своему гневу отнимает, а не из-за справедливих причин и карает… кого хочет без суда и следствия напрасно».

Обвиняли Самойловича и в коррупции, ибо берет большие взятки за назначение на должность полковника[85], чем нарушает казацкие вольности, «чего при других гетманах не бувало». Старшина упоминала и такой случай, что Самойлович четыре года не назначал никого на судейскую должность, ожидая, «чтобы большой суммой та судейская должность была у него куплена, и жалование царское соболинное и оберное на двох судей присланное себе удержал и до сего часу».

Таким образом, совпали три фактора: желание Голицына свергнуть своевольного гетмана, желание правительства Софьи найти «козла отпущения» за неудачу в Крыму и недовольство старшины зарвавшимся «поповичем».

События переворота развивались молниеносно. Седьмого июля в казацком обозе возвращавшихся войск над речкой Килчинем составляется «доношение», которое отдают «в руки» Голицыну[86]. Он на следующий день отсылает его с нарочным («скорым гонцом») в Москву (можно не сомневаться, что вместе с сопроводительным письмом). Шестнадцатого июля табор встает над рекой Коломака. Туда 21 июля прибывает гонец с указом от Софьи арестовать Самойловича и избрать нового гетмана, «кого войско казацкое похочет». Исполнение поручалось Голицыну, «как Господь Бог вразумит и наставит».

Получив указ, князь вызвал к себе русских полковников и приказал им окружить гетманский походный двор и охранять его всю ночь, «чтоб и еден дух з двору гетманского неуйшол на сторону»[87].

Самойлович догадался, что происходит, провел ночь в молитвах, ожидая своей гибели. Утром (была суббота), когда зазвонили к заутрени, одевшись, по выражению Величко, как положено перед смертью, он перешел в походную церковь. Именно туда явилась генеральная старшина с полковниками, не спавшая всю ночь и заседавшая на совете. Вуйца Волошин[88] вошел в церковь и произнес знаменитую фразу: «Пан гетман, тебя требует войско». После этого взял его за руку и вывел из церкви.

Самойлович удара не держал. Боялся, что его, как в свое время Брюховецкого, прямо на месте и убьют. Возможно, понимал, что своим заносчивым и несвойственным казацкой среде поведением сильно настроил старшину против себя. Он плакал, показывал свои больные глаза и умолял отпустить его в

монастырь на покаяние. Мольбы не подействовали. Киевский полковник Константин Солонина даже замахнулся на Самойловича обухом, но другие ударить его не дали и, посадив на деревянную телегу, повезли сначала к русским полковникам, а потом в обоз к князю Голицыну[89].

Самойлович оставался гетманом пятнадцать лет и тридцать пять дней (как подсчитал Величко). И закончил свою карьеру так же, как и его предшественник. Самойлович сам был активным участником заговора против Многогрешного и своими руками написал старшине сценарий, по которому она затем свергла его самого. Софья и Голицын боялись везти Самойловича в Москву, где у него было много сторонников. Вместе с сыном Яковом его без суда и следствия сослали в Тобольск. Все его имущество было конфисковано. Другой сын опального гетмана Григорий был по приказу Л. Неплюева четвертован в Севске за поднятый бунт в защиту отца[90].

Самойлович умер в Тобольске через год после ссылки, а через несколько месяцев скончался и его сын. Вдова Якова долго упрашивала «великих государей» разрешить ей вернуться из Сибири к своим братьям. В конце концов ей это позволили, и по возвращении она даже вышла замуж за Стародубского полковника М. Миклашевского[91].

Его имущество, равно как и имущество детей, было конфисковано в войсковую казну. По подсчетам старшины, речь шла о миллионах[92]. Помимо имений и богатого хозяйства, конфискации подлежало множество драгоценных вещей, оружия, посуды, одежды и прочего[93]. Лишь толика из этих денег досталась опальным наследникам Самойловича. Когда его дочь выходила замуж за князя Четвертинского, ей была дана тысяча империалов в виде приданого. А когда настала пора венчаться его внучке – та получила от Мазепы тысячу золотых, серебряную посуду и драгоценности. И наконец, когда зять Самойловича Четвертинский попал в татарский плен, Мазепа заплатил за него три тысячи золотых. Когда Мазепа занимался перестройкой Киево-Печерской лавры, он соорудил там надбрамную церковь Во имя святого Ивана Кущника, небесного покровителя тогда уже покойного Ивана Самойловича.

Обычно фигура Самойловича меркнет на фоне яркого, хотя, на мой взгляд, весьма спорного образа Петро Дорошенко. Потеря Чигирина и Правобережья, трагический «сгон» населения, переподчинение церкви, личные амбиции и заносчивое поведение «поповича» создали ему на долгие века недобрую славу[94]. Между тем именно его гетманство стало началом выхода Украины из страшного периода Руины. Причем как политической, так и

экономической.

Долгие годы не было «многогетманства», затихли гражданские войны, наступило время возрождения. Именно при Самойловиче начинается бум церковного и монастырского строительства. То, что вошло в историю искусства как «мазепинское украинское барокко», зарождалось как раз при Самойловиче. На его деньги строили храмы в Киеве, Нежине, Чернигове и других городах Украины. Именно его пример восстановил традицию меценатства старшины. Покровительствовал он и своей alma mater Киево-Могилянской академии. Он создал охотницкие войска и гетманскую гвардию, состоявшую из бунчуковых товарищей. При нем созданная система «аренд» начинает приносить огромные доходы в гетманскую казну. Разрастались старшинские и казацкие хозяйства, которые больше не подвергались нападениям татар и через которые не ходили враждующие армии. Левобережье все больше превращалось в цветущий край.

Примечания

[1] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1991. Т. 12. С. 447.

[2] *Кривошия В.* Генеалогія українського козацтва. К., 2002. С. 236–237.

[3] *Лукомский В.К., Модзалевский В.Л.* Малороссийский гербовник. К., 1993. С. 160; *Кривошия В.* Генеалогія українського козацтва. К., 2002. С. 235–237.

[4] Акты ЮЗР. Т. VII. № 34. С. 89–90.

[5] Там же. № 15. С. 42.

[6] О судьбе Д. Многогрешного см. в соответствующей главе.

[7] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 12. С. 432.

[8] Акты ЮЗР. Т. XI. № 49. С. 1321–1339.

[9] Там же. № 50. С. 139–140.

[10] Там же. № 56. С. 196–203.

[11] Там же. № 86. С. 285.

[12] *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С. 456; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 12. С. 438.

[13] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 12. С. 438.

[14] *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С. 482.

[15] Акты ЮЗР. Т. XI. № 113. С. 375.

[16] Там же. № 202. С. 666–668.

[17] Там же. Т. XII. № 68. С. 196–199.

[18] Там же. № 126. С. 394–396.

[19] Сенджуки – в русском написании встречается еще «санджаки».

[20] Акты ЮЗР. № 224. С. 849–874.

[21] Мифическое «письмо к султану», как известно, стало сюжетом для гениальной картины и. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Это наиболее достоверное и исторически точное художественное изображение запорожцев, для работы над которым Репин использовал знания лучших специалистов – Д. Эварницкого и В. Тарновского.

[22] Акты ЮЗР. Т. XIII. № 83. С. 323.

[23] Там же. № 16. С. 68–75.

[24] *Гордон П.* Дневник 1677–1678. М., 2005. С. 28. В историографии бытует легенда, что во время одного жаркого спора между боярами Самойлович открыто встал на сторону Ромодановского. Высокомерный и злопамятный Голицын этого не забыл, и с этого момента у него устанавливаются неприязненные

отношения с гетманом. Этот рассказ воспроизводится по С.М. Соловьеву, использовавшему немецкий текст перевода дневника Гордона (Tagebuch des Generals Patrick Gordon. Moskau, 1849. Bd. I; St. Petersburg, 1851 – 1853. Bd. II – III). Однако современное академическое издание дневника не содержит этого рассказа.

[25] *Гордон П.* Дневник. С. 15–26; *Мицик Ю.* Чигирин – гетьманська столиця. К., 2007. С. 237–248.

[26] *Гордон П.* Дневник. С. 36.

[27] Там же. С. 54.

[28] Там же.

[29] Там же. С. 66.

[30] *Седов П.В.* Закат московского царства. СПб., 2006. С. 317; *Мицик Ю.* Чигирин гетьманська столиця. С. 284.

[31] *Гордон П.* Дневник. С. 86–88.

[32] *Седов П.В.* Закат московского царства. С. 318.

[33] *Заруба В.Н.* Украинское казацкое войско в борьбе с турецко-татарской агрессией (последняя четверть XVII века). Харьков, 1993. С. 75.

[34] Там же. С. 78.

[35] Восстание в Москве 1682 г. М., 1976. № 63. С. 85.

[36] Там же. № 75, 76, 83, 84.

[37] *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 104.

[38] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 13. С. 289.

[39] *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. С. 104–105.

[40] Там же. С. 108–109 и др.

[41] *Артамонов В.А.* Страны Восточной Европы в войне с Османской империей // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. С. 299–301.

[42] В историографии преобладает мнение, что дума эта «Эй Иване, поповичу гетмане» была написана Мазепой, т. к. только про него из «ближайшего окружения» гетмана известно, что он писал стихи. Да и по стилю дума весьма схожа с произведениями, которые достоверно принадлежат Мазепе.

[43] *Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Т. III. К., 1864. С. 16–17.

[44] Там же. С. 21.

[45] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. С. 365–366.

[46] Там же. С. 368.

[47] *Щербина В.* Киевские воеводы, губернаторы и генерал-

губернаторы от 1654 по 1775 г. // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. К., 1892. Кн. 6. С. 143.

[48] Там же. С. 168–172.

[49] Подробнее см.: *Сокирко О.* Лицарі другого сорту. Наймане військо Лівобережної Гетьманщини 1669–1726 рр. К., 2006.

[50] Акты ЮЗР. СПб., 1878. Т. XIII. № 163. С. 717–718.

[51] *Сокирко О.* Лицарі другого сорту. С. 93.

[52] *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. С. 181.

[53] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 14. С. 366.

[54] РГАДА. Ф. 124. Оп. 2. № 11. Л. 7.

[55] *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. С. 206.

[56] Там же. С. 208.

[57] РГАДА. У 124. Оп. 2. № 11. Л. 4.

[58] *Сольвьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 14. С. 370

[59] Там же. С. 372.

[60] *Щербина В.* Киевские воеводы, губернаторы и генерал-губернаторы от 1654 по 1775 г. // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. К. 6. К., 1892. С. 143.

[61] Архив ЮЗР. Ч. I. Т. I. № XIV. С. 65–66.

[62] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 14. С. 375.

[63] Там же.

[64] РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. № 162. Л. 285–291.

[65] Архив ЮЗР. Ч. 1. Т. V. N XXX. С. 133.

[66] источники малороссийской истории, собранные Д. Бантыш-Каменским и изд. О. Бодянским. М., 1858. Кн. 1–2. С. 289–296.

[67] Архив ЮЗР. Ч. I. Т. V. № XXXI. С. 135.

[68] Там же. № XXXIII. С. 141.

[69] Архив Куракина. Т. I. С. 51–52. По его словам, в Думе против мира с Польшей были П. Прозоровский, Ф.П. Салтыков и другие бояре. Во время переворота Нарышкиных П.и. Прозоровский был среди получивших награды за поддержку Петра.

[70] *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. С. 360.

[71] РГАДА. У 124. Оп. 2. № 11. Л. 4.

[72] Там же. Л. 3 об.–4.

[73] *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. С. 425– 427.

[74] *Артамонов В.А.* Страны Восточной Европы в войне с Османской империей. С. 303.

[75] Там же.

[76] Реестр казаков включал 30 тысяч человек, а в поход Самойлович вывел 60 тысяч.

[77] *Заруба В.Н.* Украинское казацкое войско в борьбе с турецко-татарской агрессией. С. 91–92.

[78] Там же. С. 92–93.

[79] Там же. С. 94.

[80] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 14. С. 384.

[81] *Гордон П.* Дневник 1684 – 1690. Рукопись. 1687. Июня 20. С. 131.

[82] Опубликовано: *Bushkovitch P.* Peter the Great. The Struggle for Power, 1671–1725. Cambridge, 2001. P. 153.

[83] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 14. С. 383.

[84] РГАДА. У 124. Оп. 2. № 11. Л. 6.

[85] Наиболее близкое – басуринки, в смысле откуп. Словник українськоі мови XVI – першоі половини XVII ст. Вип. 2: Б – Богуславець. Львів, 1994. С. 25. Встречается в львовском тексте начала XVII века. В данном контексте речь идет о взятке.

[86] Подлинник доноса: РГАДА. Ф. 124. Оп. 2. № 11. Л. 3–9 об. Копия в современном переводе на русский язык с допущением ряда ошибок была опубликована Д. Бантыш-Каменским.

[87] *Величко.* Т. III. С. 14.

[88] *Величко*. С. 15. У Невиля эту фразу сказал Д. Райча: *Невиль.* С. 494.

[89] Там же.

[90] Самовидец пишет, что Григория Неплюев в Севске «по многих спитках голову оттяли, рубаючи разов три задля болшой муки, и так безчесно загребено без похорону, бо не дано и священника, жеби его висповідати». Літопис Самовидця. К., 1971. С. 147.

[91] РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. № 41. Ч. 2. Л. 582.

[92] Только денежные средства, переданные в гетманскую казну, составляли: 2458 червонных золотых, 23716 талеров, 1143 левка, 1907 рублей 6 алтын серебряных копеек, 2 рубля 25 алтын турецких денег русским счетом, 2 полуталяра с четвертью таляра, 4 полулевка, 34 четвертки с получетверткою 3 орлянки, 15 404 рубля 4 алтын чехов // РиБ. Т. 8. С. 965–966.

[93] Серебряные миски с гербом Самойловича оставались у Мазепы вплоть до бегства в Бендеры: *Оглоблин О.* Гетьман Іван

Мазепа та його доба. Нью-Йорк-Київ-Львів-Париж-Торонто. 2001. С. 84.

[94] Это относится и к народной памяти, и к казацким летописям, и к украинской историографии.

Глава 8
ОСТАФИЙ ГОГОЛЬ

Фигура Остафия (Остапа) Гоголя выбивается из череды гетманов, представленных автором в данной книге. Собственно, гетманом он был на очень ограниченной территории и в течение короткого временного промежутка. Но Остафий, безусловно, являлся яркой и характерной фигурой эпохи Украинского гетманства. К тому же он был прямым предком великого писателя[1].

Остафий имел сына Прокопа и внука Яна. Последний переселился на Левобережье, и его сын Демьян учился в Киево-Могилянской академии, где стал именоваться Яновским (по отцу). Затем он принял сан священника, но служил в семейном селе Конноновке. Сын Демьяна Афанасий (Панас) тоже окончил Киевскую академию, а затем служил в войсковой канцелярии. Афанасий был женат на дочери бунчужного товарища Семена Лизогуба, внука героя Азова (по матери – Танской, от компанейского полковника и. Мазепы). В 1811 году у их сына Василия родился сын Николай Гоголь-Яновский[2].

Гоголи происходили из волынской шляхты. Документы донесли до нас имя мелкого шляхтича Гоголя, погибшего в польско-шведской войне в 1605 году. Известен был также Гоголь – Пинский и Туровский епископ в конце XVI века.

Остафий Гоголь родился, скорее всего, в двадцатых годах XVII ве ка и прожил долгую, полную невероятных приключений жизнь. Получив хорошее образование (об этом свидетельствует его почерк), он поступил на службу Речи Посполитой. После начала восстания Б. Хмельницкого в августе 1648 года Гоголь вместе со всеми панцирными казаками (часть реестровых казаков, пехота, носившая панцирные доспехи. – *Т. Т.*) из Умани присоединился к восставшим[3].

Панцирная пехота

Именуясь уже полковником, Остап в августе 1648 года участвовал во взятии Бара, оплота польской шляхты[4]. Там он действовал вместе с «Кушкой, шляхтичем брацлавским»[5]. Зимой 1648–1649 годов Гоголь возглавил борьбу против карательного похода С. Лянцкоронского, разгромил шляхетские отряды в селе Лютом, близь Кацмазова. Две тысячи повстанцев были разгромлены во время обороны местечка Лучинец. Гоголь собрал из них пятнадцать казаков и создал ядро будущего Подольского полка. Весной 1649 года в районе Бара Остап вел бои с поляками вместе с и. Богуном и Брацлавским полковником и. Нечаем[6]. Они стояли в Константинове и Гоще, а их силы достигали тридцати

тысяч человек[7].

В конце мая 1649 года сотник Гоголя захватил Литин[8]. В июне Гоголь, Нечай и Богун соединились с татарами на Подолии[9]. Летом он принял участие в битве под Збаражем, имея до восьми тысяч казаков[10].

Однако в реестре казаков 1649 года Гоголь не числится, в то время как его соратники и. Богун и и. Нечай сохраняют должности полковников. Уманским полковником становится Иосиф Глух[11]. С чем это было связано? Возможно, Гоголь не был удовлетворен условиями соглашения, возможно, причиной стало то, что Могилев-Подольский не вошел в Украинское гетманство. Остафий вообще отличался независимым и, вероятно, сложным характером[12]. Он еще неоднократно будет «исчезать» на некоторое время со страниц украинской истории, словно теряя интерес к происходившим событиям, а потом появляться с новой энергией и идеями. Хотя он и был весьма влиятельной фигурой, но особой любовью и популярностью среди казаков не пользовался.

Такое исчезновение известного полковника в конце 1649 года не прошло незамеченным. По Украине прошел слух, что в начале 1650 года Гоголя убили во время стычки между оппозиционными Хмельницкому старшинами[13].

Вероятно, к 1651 году относятся события, которые описывает польская «Рифмованная хроника», когда Гоголь становится «стражником подольским» и действует вместе со своим «кумом» Кияшко между Брацлавом и Шаргородом. Затем оба образовали свою «колонию» в Могилев-Подольском и взимали пошлины с купцов. В активных действиях Гоголя принимали участие левенцы из Могилев-Подольского и опришки (на Подолии восставшие казаки звались левенцами и дейнеками, а в Галиции – опришками. – *Т. Т.*). После разгрома польских войск под Батогом Хмельницкий поручил Гоголю очистить Подолию, а тот отправил сорвиголову левенца Корпана[14].

Следующие два года Гоголь опять был в тени. Никакого участия в переговорах с Москвой он не принимал. Нет также сведений, чтобы он приносил присягу русскому царю. Есть мнение, что в 1654 году Остафий возглавлял Поднестрянский полк[15], официально не входивший в Украинское гетманство.

Во всяком случае, в январе 1655 года «поднестрянский полковник Гоголь» вместе с Брацлавским полковником М. Зеленским и Винницким полковником и. Богуном успешно защищал от поляков Умань[16]. В апреле 1655 года от эпидемии умер Уманский полковник Иосиф Глух[17]. После этого Гоголь становится полковником Уманским, а затем Могилево-

Поднестрянским (Подольским), но снова исчезает со станиц документов, видимо, в основном занимаясь защитой границ. По крайней мере, в марте 1656 года Б. Хмельницкий отправил его под Каменец-Подольский[18]. Ситуация была там крайне тяжелая, Гоголь находился между наступающими поляками и татарами. Именно об этом он писал к Б. Хмельницкому в июле 1657 года, прося о «помощи и поученье, как имеем на том пограничье пребывать»[19].

В годы правления Ивана Выговского Гоголь становится активным членом старшинской группировки, выступавшей за широкую автономию Украинского гетманства. В августе 1658 года Подольский полковник Гоголь вместе с Белоцерковским и. Кравченко, Брацлавским и. Сербиным и Паволоцким и. Богуном пришел под Киев. Они объявили Киевскому воеводе В.Б. Шереметеву, что ждут Данилу Выговского и татар, а «под Киев де они пришли… для договору всяких дел»[20]. Переговоры были сорваны начавшимися военными действиями.

В. Тарновский в одежде казацкого старшины. Рисунок и. Репина

Хотя Гоголь и поддерживал Выговского, но он не мог поддерживать заключение Гадячского договора, так как поляки категорически отказывались включить Подольский полк в территорию, подвластную гетману[21]. Возможно, именно настояния Гоголя привели к тому, что казацкая делегация на сейме требовала расширить границы Украинского гетманства путем включения Подолии и Волыни.

Однако поляки на уступки не шли, и в ноябре 1658 года к Шереметеву приехали полковники: Подольский О. Гоголь, Кальницкий А. Бештанка, Корсунский наказной О. Привицкий с другой старшиной. Они присягнули в Софии в присутствии архимандрита Киево-Печерской лавры и. Гизеля, что больше на русских не пойдут. Они объявили, что Выговский тоже хотел ехать, «да заболел, лежит добре болен»[22].

Гоголь принял активное участие и в попытке предотвратить кровопролитие накануне Конотопской битвы, когда группа Правобережных старшин написала ставленнику Ромодановского наказному гетману и. Беспалому (среди них были и. Богун, П. Дорошенко, М. Ханенко и др.). Там были, между прочим, следующие слова: «Дивуемся тому не по малу, что ваша милость, уродився с нами вместе волным народом и скормився заодно в Малой Росии, отчине нашей, а проливаючи через немалой час кровь свою за вольность всего войска запорожского, теперь сами доброволне в неволю поддаетесь и с нами, братьею своею, с которыми вместе хлеб ели есте и против всякого неприятеля стояли, войну ведете…»[23].

Затем Гоголь участвовал в составлении Жердовских статей, по которым, на условиях широкой автономии, старшины предлагали Алексею Михайловичу вернуться «под высокую руку»[24].

Но в Переяслав, где проходили переговоры с русским воеводами в октябре 1659 года, О. Гоголь и ряд его соратников не приехали, а в их отсутствие гетман Юрий Хмельницкий пошел на серьезные уступки[25]. Тем не менее в декабре 1659 года Подольский полк присягнул царю[26].

В начале 1660 года Гоголь в качестве полковника Поднестрянского, вместе с и. Богуном, и. Сирко и М. Зеленским под командой наказного гетмана М. Ханенко участвовал в военных действиях против и. Выговского и поляков[27]. В конце февраля 1660 года после многочисленных настояний Ивана Выговского коронный гетман с польским войском подступил под Могилев-Подольский. Город, служивший Гоголю резиденцией, помимо него защищали полковники Кирилл Андреев и Иван Богун. Ханенко сообщал Шереметеву: «…пришли де под Могилев гетман корунной Станислав, да обозной Андрей Потоцкие, да писарь Ян Сапега, да изменник ивашко Выговской и Биневской, а с ними де войска конных и пеших людей 18 000, да 11 пушек… да с ними ж де Кайбей мурза с татары, и город Могилев осадили, и под Бряславль, и под иные… городы ходят, и поветы тех городов воюют и жгут»[28]. В результате осады Могилева «полковники де с казаками на приступе поляков побили с 2000 ч. (человек. – *Т. Т.*)»[29], «служили верно, на приступех и на вылазках полских людей и татар побивали много»[30]. После отступления поляков Гоголь с Андреевым приехали к воеводе Г. Козловскому в Кублич. Поляк, современник событий, писал: «…гетман великий Станислав Потоцкий воевода краковский под Могилев поднестрянский с войском подступил, в котором был Гоголь, некий полковник козацкий, желая его взять; когда на штурм было

приказано идти людям как чужоземных, так и польских полков, его (штурм. – *Т. Т.*) отбили с прибылью, ибо около пяти или шести тысяч людей в штурме было убито; и так с большим ущербом и позором наши были вынуждены отступить»[31].

В июне 1660 года[32] в Могилев прибыл Валашский господарь Константин Шербан с намерением перейти в царское подданство. Полковник сообщил об этом Г.А. Козловскому[33].

Однако опыт общения Гоголя с воеводами не стал для него положительным. Это доказали трагические события Чудновского похода 1660 года. Остафий принял в нем участие вместе со многими другими заслуженными полковниками – и. Богуном, М. Зеленским, М. Ханенко и П. Дорошенко[34]. После первых успешных сражений с поляками Ю. Хмельницкий начал с ними мирные переговоры на условиях Гадячского договора и выдачи русских воевод туркам. Гоголь входил в состав казацкого посольства, посланного гетманом полякам[35]. Правда, когда поляки настояли на гораздо менее выгодной редакции договора, Гоголь его не подписал.

После заключения Чудновского договора Украинское гетманство раскололось. Большая часть Левобережных полковников не поддержали Юрия Хмельницкого, и среди них началась борьба за власть. «Поднестровский полковник Остафий Гоголь» был среди тех, кто оставался с Хмельницким[36].

Однако поведение польской шляхты, почувствовавшей вседозволенность после разгрома русской армии и Чудновского договора, вызывало возмущение Гоголя. В начале февраля 1661 года он (в качестве «могилевского[37] полковника») вместе с Кальницким полковником Вертелецким приехал в Умань к Юрию Хмельницкому «для того, что де ляхи черкаские городы разоряют, людей мучат и скарбы и скотину всякую грабят и посылают в Польшу»[38]. Однако Хмельницкого там не было. «И с Безпалым де они о том говорили, что им делать с лехами, биться ли или нет; и Безпалой де им отказал (так! – *Т. Т.*)». Тогда полковники поехали в Чигирин к Юрию Хмельницкому и тот сказал: «…пусть де их городы ляхи разоряют и хлеб и скотину всякую грабят за то, что де их полков казаки ленились служить великому государю…».

Полковники поехали в Смелу, где состоялась рада с другими полковниками и «…все приговорили… ляхов, призвав на сю сторону Днепра к Переясловлю, побить; а наказным де гетманом обрали Вертелецкого и хотели идти к Переясловлю с ляхи и с козаками вскоре, как станет Днепр…»[39]. При этом Юрий Хмельницкий послал гонца «к Дорошенко, чтоб он с войском своим государевых украинных городов и слобод не пустошил и не воевал, а шол бы к Переясловлю с татары и с казаками…»[40].

Об этих же событиях имеется и другое известие: «…февраля в последних числех, у черкас была рада… Да на той же раде говорили полковники: уманской Михайло, да Гоголь, да Зеленецкой и корсунские и белоцерковские и иных городов многие черкасы, что лутчие черкасы, покиня жен своих и детей, многие пошли в Запороги»[41]. Поляков на раде обвиняли в том, что они «на договорных статьях не устояли: будучи в Заднепрских городех, старинных казаков в мещанское (крестьянское. – *Т. Т.*) тягло написали и емлют с них подати болшие, талерей по 100 и по 200 и болши»[42].

По ходатайству гетмана и Войска Запорожского Остафий Гоголь был нобилитирован[43], т. е. признан шляхтичем. Тут надо понимать, что вся шляхта, принимавшая участие в казацком восстании, была предана «инфамии», т. е. лишена дворянского статуса.

Нобилитация, однако, не улучшила отношения Гоголя к полякам. В январе 1663 года он принимает участие в раде, избравшей Правобережным гетманом Павла Тетерю[44]. А уже в мае Тетеря писал польскому королю Яну Казимиру: «Что касается предостережений вашей королевской милости относительно Гоголя, то оно совершенно оправдывается. И все это происходит из-за Бара, он виною того, что Гоголь не только запятнал себя, но и ко мне у всех внушил такое отвращение, что от меня совершенно стали отворачиваться сердца, и все из-за смятений, оттуда происходящих»[45]. Видимо, Гоголь категорически отказывался уступать польской администрации Бар.

Неудивительно, что в 1664 году он принимает участие в старшинском заговоре, направленном на срыв польского похода на Левобережье и на объединение Украинского гетманства[46]. С призывом принять участие в этом предприятии к Гоголю обратился Юрий Хмельницкий (находившийся в монастыре). Характерно, что поляк-современник, описывая эти события, называет Гоголя «разбойником или полковником брацлавским»[47].

Маховский, назначенный польским королем главой инквизиции, предупреждал Правобережного гетмана П. Тетерю: «И вашей милости, п.м.м., нужно быть в этом случае весьма осторожным… Услышишь также… что сказал в Каневе пан Гоголь в глаза моему товарищу, пану Болесту; кроме того, Гоголь поступает очень странно»[48]. Поляки раскрыли заговор и казнили его руководителей, других участников арестовали. Дорошенко и Гоголь были практически единственными, кто остался в живых из всей «государственной группировки».

Огонь восстания, однако, не был задушен на Правобережье. «Поднестрской полковник Гоголь со всеми Поднестрскими

Черкасы учинились под государскою рукою в подданстве со всеми Поднестрскими городами и с полками…»[49]. Так, в конце мая папский нунций в Варшаве писал: «…полковник Гоголь, Казак, последователь Московитов, войска которого находятся в Могилеве на Днестре, вернулся в подданство Его Величества и надеется, что его пример повлияет также на многих других»[50]. Для подавления восстания и возвращения полков в повиновение полякам Правобережный гетман «Тетеря пошол к Умани и ко Днестру, для того, чтобы ему тех городов жителем в Уманских и в Браславском полках» не дать убрать хлеб. Тетеря также «писал в Умань к Сацку Туровцу и к браславскому полковнику к Гоголю и по иным местам и местечкам прелестные листы», но те «по се время не склоняютца и не сдаютца»[51].

Однако ни Левобережный гетман и. Брюховецкий, ни русские войска не помогли Правобережью. Поляки же предприняли очень действенный ход: по приказу великого коронного гетмана Станислава Реверы Потоцкого сыновья Гоголя, которые учились в Львове, были взяты в плен. После этого, как писал поляк-современник, тот отказался от бунтов[52]. В сентябре 1664 года, по сведениям Тетери, «Гоголь, полковник брацлавский, оставил мятеж с Брацлавьем и Побужьем, дал присягу в верности королю… ти получил повеление ускорить с своим полком поход против общаго неприятеля, для того, чтобы на деле показать свое усердие»[53]. В сентябре о том, что «полковник Гоголь раскаялся и помогает воеводе Брацлавскому…», писал и папский нунций из Варшавы[54].

Имеется письмо самого О. Гоголя гетману великому коронному С. Потоцкому от 21 сентября 1664 года (н. ст.). В нем он вообще отрицал всякое свое участие в восстании. «Хотя я и поехал было в Брацлав, но Бог мне свидетель, что не для каких-нибудь бунтов и своеволий, как донесли на меня вельможности вашей, а, напротив, для того, чтобы других приводить снова к повиновению и верности е.к.м. ...и Республике, и унимать те своеволия, которые было появились между Днестром и Бугом, преимущественно в полку моем Брацлавском, где дошло до того, что каждый казак был полковник, а каждый сотник – гетман. Но теперь, после благополучного приезда его милости, пана Михайла Ханенка, наказного гетмана, присланного от… //…пана Павла Тетери… мы… погасили это пламя, и обратили к повиновению решительно все Поднестровье и Побужье, и утвердили вечною клятвою верность нашу е.к.м.…»[55]. Гоголь просил «оставить без внимания все, чтобы там ни наговорили на меня. Соизволь… хранить в милостивом расположении своем меня… и сыновей моих, и ежели будет такое снисхождение и соизволение вашей

гетманской милости, то позволь им на короткое время приехать домой…»[56], а если нет – «то пусть они остаются там, при добром расположении вашей гетманской милости, я же остаюсь покорнейшим и нижайшем вашей вельможности слугою…»[57].

Русский военачальник Г. Косагов в своем донесении давал полную картину ситуации: «…Брясловльской полковник Остап Гоголь тебе великому государю изменил, ушел за Днестр, и Бряславльской полк сдался Тетери; а как де… Брясловль сдался, и Гоголь де приехал к наказному гетману (Ханенко. – *Т. Т.*). Уманцы, государь, также учинят, что и Гоголь…»[58].

В условиях разгара Руины Гоголь, как и большинство старых старшин, бывших соратников Богдана Хмельницкого (П. Дорошенко, Ф. Коробка, М. Ханенко, Т. Носач, С. Зарудный, П.Я. Хмельницкий), занимает позицию компромисса и лавирования. Тридцатого ноября 1664 года в обозе под Лисянкой он вместе с другими старшинами подписал два документа: «Челобитную к инструкции на сейм от Войска Запорожского» и «Наказ на сейм». Несмотря на то что все они еще недавно были активными участниками старшинского заговора и восстания на Правобережье, теперь старшины во всем обвиняли «небожчика Выговского», утверждая, что его усилиями «возникли бунты…»[59]. При этом старшина заявляла, что Маховский арестовал, судил и казнил Выговского «без ведома нашего», «к чему мы не причастны…» и отказывалась судить «хорошо или плохо он сделал, что не судом войска е.к.м. Запорожского умер» Выговский[60].

Правда, Гоголь и старшина обвиняли Маховского в том, что тот требовал денег у Тетери для сохранения его гетманства (когда узнал о поползновениях Выговского). Этим самым они мстили палачу Выговского.

В наказе на сейм поднимались вопросы, касавшиеся дальнейшей судьбы Украинского гетманства. Тринадцать (!) пунктов касались положения православной религии, возвращения имений и церквей, забранных униатами, о православном статусе академии и школ в Киеве, подчинении Киевского митрополита Константинопольскому патриарху и т. д.[61] Сами по себе эти пункты были весьма прогрессивны и явно служили продолжением идей, которые высказывались старшиной, начиная от Гадячского договора.

Документ также требовал, «чтобы Войско Запорожское всегда оставалось в правах и вольностях, дарованных королями»[62]. В нескольких других пунктах содержалась весьма интересная попытка приблизить положение казаков к шляхетскому: чтобы дома и хутора казацкие были сравнены с шляхтянскими, убийство

шляхтичем казака должно было караться смертью, а в казацкие суды не должна была вмешиваться никакая власть[63]. Во всем остальном остатки Правобережного гетманства сводились до минимальных размеров. Резиденция гетмана переносилась из Чигирина в Белую Церковь (чтобы быть в «середине Украины»), число Войска Запорожского не должно было превышать 12 тысяч, и все войско делилось на два полка[64].

Однако большинство требований старшины не было удовлетворено сеймом. Разочарованный Гоголь (скорее всего, добившись освобождения сыновей) снова уходит в глухую оппозицию. Южные рубежи Речи Посполитой, как и в предыдущие годы, оставались самыми независимыми районами. И. Сербин докладывал и. Брюховецкому, что там действовали верные царю Гоголь, его «кум» Кияшко, Дрозд, Овдеенко[65]. Вот и в марте 1665 года ни один из них особенной активности не проявлял, в частности про Гоголя сообщали, что он «с конными стоит в Кучмани, стерегучи дорог отовсюду»[66].

В 1666 году на раде в Лисянке, собранной П. Дорошенко, Гоголь подписал как полковник Подольский инструкцию послам на сейм[67]. В 1667 году он действовал в Уманщине совместно с татарами. В январе 1667 года Дорошенко выслал Гоголя для взятия Канева[68].

Остафий не присутствовал на раде, когда старшина Дорошенко согласилась признать подданство султана, по слухам, он в это время склонялся к Суховею[69]. Летом 1669 года чауш вез клейноды Дорошенко. Для обеспечения их безопасности в Яссы были высланы заложники, в том числе сыновья Гоголя[70].

Осенью 1669 года Дорошенко посылает наказного гетмана Я. Корицкого и Гоголя на Левобережье. К ним присоединились Лубенский, Миргородский и Полтавский полки и три тысячи белгородских татар. Двенадцатого октября 1669 года произошла битва под Лохвицей, в ходе которой Многогрешный их разбил, а Гоголь бежал за Днепр.

В начале марта 1670 года Гоголь выразил протест против Острожской комиссии и избрания Ханенко, точнее против назначения поляками последнего гетманом. В марте 1671 года Гоголь в качестве наказного гетмана вместе с ордой отбивал Бар и Меджибож от поляков. Он также сжег все села Ковецкого, убившего казацких послов, ехавших из Польши.

В сентябре 1671 года в Подолию вступает коронный гетман Ян Собеский. Долгая осада Могилева завершилась для казаков неудачей. Поляки заняли любимую резиденцию Остафия, а во время обороны погиб один из его сыновей. Гоголь ушел, переправившись через Днестр в Молдавию к господарю Юрию

Дуке.

После занятия турками Каменца-Подольского и Могилева он вернулся к командованию своим полком (март-апрель 1672 года). Попытка Мартина Богуша в июле того же склонить Гоголя к Речи Посполитой завершилась неудачей. Скорее всего, Гоголь в это время был полковником на турецкой территории и даже намеревался оказать поддержку султану в битве под Хотином.

Поражение турецкой армии стало причиной того, что в марте 1674 года Гоголь присягнул с другими Правобережными полковниками царю в Переяславле, признав гетманом Ивана Самойловича[71]. Девятого апреля ему была послана царская грамота «с милостивым словом, за отворчетою печатью, на красном воску, под гладкою кустодиею»[72]. Но уже в мае 1674 года Самойлович писал царю, что «Гоголь, полковник бывшей могилевской, отставя к вашему царскому величеству свои склонности и замучив насмерть мучителски невинно посланного нашего Самойла Завицкого, радича, за имя ваше государское против его стоящего, на тех днях вдался и ввел к себе в Могилев на заставу некоторого Александру Ловецкого, городничего киевского»[73]. После присяги царю полк распался на Могилевский (во главе с М. Зеленским) и Подольский. В июне 1674 года Гоголь был выбит Зеленским из Могилева, а полк присоединен к владениям и. Самойловича.

Не желая мириться с таким положением дел, Остафий обратился за помощью к туркам и татарам. Получив татар от калги-султана, Гоголь предпринял попытки завладеть Черновцами и Шаргородом, но они завершились неудачей. Тогда он был послан П. Дорошенко, с которым возобновил отношения, с дипломатической миссией в Османскую империю[74].

Изгнание М. Зеленского из Подолии татарами позволило Гоголю в июле 1674 года снова осесть в Могилеве и вернуть себе звание полковника. В середине августа он при помощи турок захватил Лодыжин, остававшийся в подчинении Самойловича. Защищавший город ротмистр Анастас Дмитриев впоследствии рассказывал, что «салтан с визирем, призвав могилевского полковника Гоголя, велели ему написать лист к нему Анастасу в город». Остафий такое письмо написал и забросил его в Лодыжин. Дмитриев ответил Гоголю, что тот «поддался бусурману, дияволскому угоднику»[75].

Осенью 1674 году Ян Собеский, уже как король, начал поход на Правобережье, возвращая его под власть Речи Посполитой и одновременно очищая от турок и татар. В условиях отсутствия какой-либо помощи Гоголь был вынужден прибыть в Бар и присягнуть на верность Речи Посполитой. Он был назначен Яном

Собеским «пожизненно» Подольским полковником, а в подвластную ему территорию были включены Могилев, Шаргород, Лучинец, Мурафа, Буша, Рашков, Ямполь, Черновцы и пр. Поляки придавали большое значение обращению Гоголя. Сам король считал его вторым после Дорошенко по влиятельности в казацком Правобережье[76]. С его помощью поляки выбили турок из Рашкова, а затем предприняли поход на Молдавию, склоняя ее к пропольской политике. За эти действия Гоголь получил от короля грамоту на село Ольховец[77].

В начале 1675 года Ян Собеский задумал восстановить на Правобережье гетманскую власть. Он посылал послов к знаменитому кошевому атаману Ивану Сирко, но тот не согласился[78]. Тогда в марте 1675 года Ян Собеский принял решение о назначении Гоголя наказным гетманом[79]. В Брацлаве король лично именовал его наказным гетманом, вручил булаву, деньги и сукно казакам. Под властью Гоголя теперь находились Брацлавский, Кальницкий и Уманский полки. Новый гетман с энтузиазмом принялся исполнять свои обязанности. Летом он вместе с Кияшко громил чамбулы (отряды (загоны татар. – *Т. Т.*)) на своей территории, а осенью освобождал от турок Умань и Лодыжин.

В 1676 году Гоголь был снова «нобилитирован» сеймом[80] и участвовал в церемонии коронации Яна Собеского. Но вернулся он из Кракова, жалуясь на «ляшскую неправду», и даже замышлял перейти к Самойловичу. В марте 1676 года источники из Правобережья сообщали: «Гоголь стоит в Виннице с своим полком, и там, оставив на свое место наместника, ездил в Полшу на коронацыю. И оттуда возвратився, съехались к нему все сотники… и он им сказал, что поляки недобре о нас приятствуют, гдеб нам хлеб дать, знатно приговаривают, чтоб так и нас извели, как и Гуляницкого… вижу ляцкую неправду против нас, и там советую, что надобно нам господину заднепрскому поклонитись, толко бы нас простил и гневу на нас не держал…»[81].

Возможно, Гоголь узнал о близившемся заключении Речью Посполитой мира с Османской империей. По его условиям Подолия, а соответственно и территории «гетманства» Гоголя, отходила туркам. В виде компенсации Ян Собеский дал гоголевским казакам право занять замки Димир, Черногородец и Коростышев.

Гоголь и на новом месте проявил огромную энергию. Он начал колонизировать (т. е. осваивать) окрестные «пустоши», вызывая огромное недовольство шляхты. В Киевском Полесье засылал письма на Левобережье, угрожая наездами и призывая переселяться на Правый берег. Одновременно в 1677 году его

посланец обсуждал в Батурине план совместной атаки на Белую Церковь. Затем Гоголь вел переговоры с Юрием Хмельницким, когда тот появился вместе с турками в Украине в качестве «князя Сарматского».

Такие политические меандры не принесли удачи. Успехи Самойловича и русских под Чигирином привели к тому, что все больше казаков уходило от Гоголя. Когда в декабре 1677 года от него уехала старшина с тремя тысячами казаков, Остафий ушел в Межигордский монастырь. Там и умер, и был похоронен. В январе 1679 года В. Кочубей писал и. Новицкому, что Гоголь «скончил живот свой»[82].

В отличие от своих коллег и. Богуна и Д. Нечая, с которыми Гоголь начинал карьеру во время восстания Богдана Хмельницкого, он не пользовался огромной популярностью среди казаков. Его авторитета не хватило и для того, чтобы воплотить свою гетманскую власть в реальность. Гоголь прожил длинную и сложную жизнь, оставаясь верным своей малой родине. Он явно недолюбливал поляков и постоянно искал им альтернативу. Но в сложившейся геополитической обстановке все возможности оказались для него неприемлемыми.

Примечания

[1] Которого одни называют «великим русским писателем», а другие – «великим украинским». Мы склонны считать термин «российский» наиболее приемлемым для Николая Васильевича.

[2] *Лазаревский А.М.* Очерки малороссийских фамилий // Русский архив. 1875. Кн. I. С. 451–452.

[3] *Lipinski W.* Z dziejów Ukrainy. Kijow – Krakow, 1912. S. 296.

[4] Ю.А. Мыцык, видимо, ошибочно считает «полковника Остапа», действовавшего в 1648 году, другим человеком. Это опровергается сведениями, что казаков из Умани в 1648 году привел именно «Гоголь». *Мицик Ю.* Умань козацька і гайдамацька. К, 2002. С. 13–15.

[5] Возможно, речь идет о его приятеле и будущем соратнике М. Кияшко.

[6] Акты ЮЗР. Т. III. С. 54. Документы Б. Хмельницкого. № 54. С. 110. Исследователь биографии О. Гоголя Н. Крикун почему-то не комментирует эти сведения об «Остапе». Мы полагаем, что речь идет именно о Гоголе, так как именно с Брацлавским и Кальницким полками он будет действовать и в дальнейшем.

[7] ВУсР. М., 1953. Т. II. № 60. С. 159.

[8] *Мыцык Ю.А.* Анализ архивных источников по истории освободительной войны украинского народа (1648–1654). Днепропетровск, 1988. С. 33–34.

[9] Ojczyste Spominki w pismach do dziejów dawnej Polski. Diaryusze, Relacye, Pamiętniki i t p. Zeb. A Grabowski. Kraków, 1845. T. II. ą 33. S. 52

[10] *Kubala L.* Szkice historyczne. Lwow, 1888. T. I. S. 110.

[11] Реєстр Війська Запорозького 1649 року. К, 1995. С. 203.

[12] Может не случайно, родовая фамилия была «Гоголь» – от утки, ходящей с гордо задранной головой.

[13] *Мыцык Ю.А.* Анализ архивных источников по истории освободительной войны украинского народа (1648–1654). С. 30.

[14] *Мыцык Ю.А.* Записки иностранцев как источник по истории Украины (вторая пол. XVI – сер. XVII вв.). Днепропетровск, 1981. С. 58.

[15] *Чухліб Т.* Євстахій Гоголь // Історія України в особах. Козаччина. К., 2000. С. 143.

[16] [Грабянка Г.] история о действиях презельной и от начала поляков-кровавшей небывалой брани Богдана Хмельницкого с поляки. К., 1854. С. 133.

[17] *Мыцык Ю.А.* Анализ архивных источников по истории освободительной войны украинского народа (1648–1654).

Приложение № 14. С. 69.

[18] *Крикун М.* Між війною і радою. Козацтво Правобережної України в другій половині XVII – на початку XVIII століття. К, 2006. С. 22.

[19] Акты ЮЗР. Т. XI. Приложения. № 2. С. 739.

[20] Там же. Т. XV № 6. С. 255; Т. VII. № 86. С. 253.

[21] *Кулаковський П.* Козацьке посольство на сейм 1659 року // Гадяцька унія 1658 року. К., 2008. С. 114.

[22] Акты ЮЗР. Т. XV. № 6. С. 287–288.

[23] Там же. № 9. С. 405.

[24] *Яковлева (Таирова) Т.Г.* Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття. Причини і початок руїни. К., 1998. С. 341–343.

[25] Акты ЮЗР. Т. IV. № 115. С. 273.

[26] *Крикун М.* Між війною і радою. С. 26.

[27] Czartor. № 402, 369–371. Письмо и. Выговского – Яну Казимиру, 25 января 1660 г. н. ст.

[28] Акты ЮЗР. Т. VII. № 104. С. 318.

[29] Акты Моск. гос. Т. III. № 33. С. 36.

[30] Акты ЮЗР. Т. VII. № 104. С. 319.

[31] *Los J.* Pamietnik. S. 41.

[32] Мнение Н. Крикуна, что рада у Ю. Хмельницкого, на которой якобы был и Гоголь, состоялась в феврале 1660 года, ошибочно. На самом деле эта рада была в 1661 году.

[33] *Крикун М.* Між війною і радою. С. 29–30.

[34] Kochowski, Hist. Do pan. J. Kaz., II. S. 97; Wojna polsk. mosk. S. 92.

[35] Wojna pols. – mosk. S. 92.

[36] ПКК. 1-е. Т. IV. № XIV. С. 71.

[37] То есть Могилев-Подольского.

[38] Акты Московского государста. Т. III. № 340. С. 319.

[39] Там же.

[40] Там же.

[41] Акты ЮЗР. Т. VII. № 105. С. 320.

[42] Там же.

[43] Volumina legum. T. IV. S. 359–360.

[44] *Kochowski W.* Pamiętniki do panowania Jana Kazimierza. T. II. Poznan, 1859. S. 198. У Н. Крикуна неверно указаны страницы.

[45] ПКК. Т. IV. № LXIX. С. 317.

[46] Подробнее об этом см. в главе об и. Выговском.

[47] Jerlicz. Latop. II. S. 85–86.

[48] Там же. С. 396.

[49] Акты ЮЗР. № 87. С. 203.

[50] Litterae Nuntiorum. T. XI. № 5315. P. 38.

[51] Акты ЮЗР. Т. V. № 87. С. 199.

[52] Kochowski. HPJK. T. II. S. 299.

[53] ПКК. 2-е. Т. IV. № CII. С. 458–459.

[54] Litterae Nuntiorum. T. XI. № 5345. P. 59.

[55] ПКК. № CIII. С. 461–462. Письмо О. Гоголя – С. Потоцкому, 21 сентября 1664 г. н. ст.

[56] Там же. С. 462.

[57] Там же. С. 463.

[58] Акты ЮЗР. Т. V. С. 162. Отписка Г. Косагова. 20 сентября 1664 г. н. ст.

[59] Челобитная к инструкции на сейм Войска Запорожского опубликована: Lipinski, Z dz. Ukr. S. 304–305.

[60] Ibid.

[61] Ibid. С. 23–24.

[62] Ibid. С. 24.

[63] Ibid.

[64] Ibid.

[65] Акты ЮЗР. Т. V. № 120. С. 264.

[66] Там же.

[67] Hetmani zaporoscy w służbie króla i Ryeczypospolitej. Warszawa, 2010. S. 377.

[68] Акты ЮЗР. Т. VII. № 10. С. 29–30.

[69] *Крикун М.* Між війною і радою. С. 41.

[70] Hetmani zaporoscy w służbie króla i Ryeczypospolitej. S. 378.

[71] Акты ЮЗР. Т. XI. № 120. С. 411.

[72] Там же. С. 421.

[73] Там же. № 143. С. 469.

[74] *Крикун М.* Між війною і радою. С. 53–55.

[75] Акты ЮЗР. Т. XII. № 1. С. 8–9.

[76] *Крикун М.* Між війною і радою. С. 57–60.

[77] *Лазаревский А.М.* Очерки малороссийских фамилий // Русский архив. 1875. Кн. I. С. 451.

[78] *Мицик Ю.* Іван Сірко. К., 2010. С. 92.

[79] Hetmani zaporoscy w służbie króla i Ryeczypospolitej. S. 382.

[80] Volumina legum. T. V. S. 202.

[81] Акты ЮЗР. Т. XII. № 154. С. 533.

[82] Там же. Т. V. № 122. С. 155.

Глава 9
ФИЛИПП ОРЛИК

Орлик[1] – гетман, никогда не правивший Украиной, гетман в эмиграции или первый украинский политический эмигрант. Автор включила его в книгу прежде всего потому, что он представлял собой интеллектуальную элиту Украинского гетманства, менее всего известную российскому читателю.

Орлик происходил из чешского баронского рода, жившего в Чехии и Моравии. В годы гуситского движения представители этой семьи переселились в Польшу и Пруссию, а та ветвь, из которой происходил будущий гетман, прибавила к своей родовой фамилии приставку «de Laziska». Впоследствии они переселились из Польши в Белоруссию и имели герб «Новина»[2]. Однако уже в середине XVI ве ка предок Орлика был «командиром запорожцев» («zupparum Rossia») – «священно нес службу на границе»[3].

Все эти подробности мы знаем от самого Орлика, он во время скитаний по Европе навестил могилу своего предка Станислава Орлика из Лазиска, похороненного в Кракове в костеле Святой Троицы в отдельной часовне, называвшейся Орликовой.

Отец Орлика – Степан (скорее всего, католик) был убит в знаменитой битве Яна Собеского с турецкой армией под Хотином в 1673 году. Его мать ирина происходила из украинского православного рода Малаховских, жившего в Ошмянском повете. Именно там, в селе Косути, 21 октября 1672 года (н. ст.) и родился Филипп (Пилип) Орлик. Крещен он был согласно воле матери по православному обряду.

Начальное образование юноша получил в Литве. Православный бедный юноша имел не слишком блестящие перспективы в Речи Посполитой. Другое дело – в Украинском гетманстве. На Правобережье многие считали, что именно в гетманстве можно было сделать удачную карьеру. Орлик поступает в Киево-Могилянскую академию. Там он учился риторике и философии у самого Стефана Яворского, будущего Местоблюстителя Патриаршего престола и главы Синода. В академии Орлик в совершенстве овладел церковнославянским, латынью и польским. Впоследствии он добавил к этим знаниям болгарский, арабский, немецкий и шведский языки. Он увлекался философией и богословием и великолепно владел стилем стихосложения эпохи барокко[4].

Прекрасные фундаментальные знания в сочетании с ярким талантом писателя и поэта, энергия и острый ум, огромное

честолюбие позволили двадцатилетнему юноше быстро сделать блестящую карьеру. В 1692 году, не без помощи Яворского, ставшего его духовником, он, даже не имея духовного звания, попадает консисторским писарем в Киевскую митрополию. Почти сразу после этого его отбирают в Генеральную войсковую канцелярию, которая представляла собой при Мазепе высший административный орган Украинского гетманства. Там сосредоточивалось все административное управление Украиной, равно как и ее внешнеполитические контакты.

Поддержка Яворского, а позднее и Мазепы, была очень важна Орлику. В те времена Левобережьем управляла плотно сплетенная родственными связями старшина, и чужаку карьера давалась с трудом. Любопытно, что, как писал сам Орлик, он, «будучи иноземцем и пришельцем на Украину», никогда не присягал царю.

В самом этом осознании себя «пришельцем» (несмотря на то, что его мать была украинкой) кроется огромное внутреннее противоречие. Ведь бóльшую часть своей жизни Орлик будет отстаивать идею освобождения Украины «из московского ярма»[5]. Между прочим, некоторые историки вообще считают его космополитом[6].

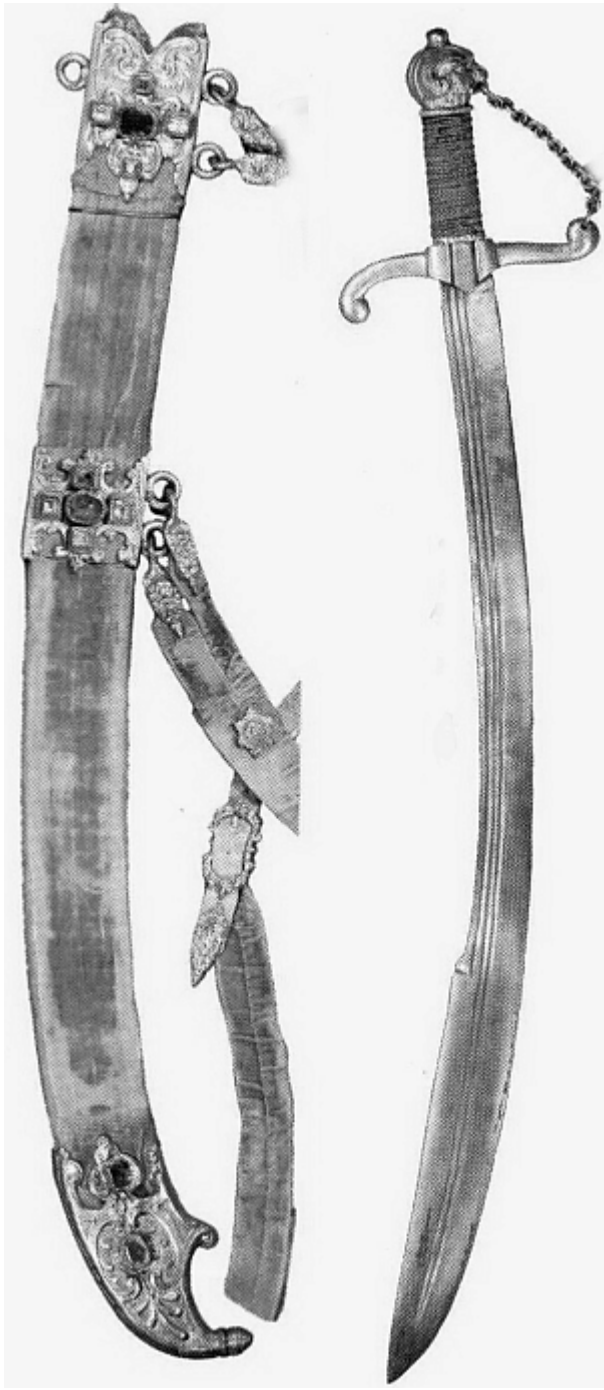
Очень скоро молодой Орлик становится признанным и модным поэтом. Ему заказывают панегирики (оды) в честь самых влиятельных людей украинского общества – самого гетмана Мазепы и его племянника Ивана Обидовского. Первый панегирик «Алцид российский» был издан в 1695 году и приурочен к взятию Мазепой турецкой крепости Казикермен[7]. Второй – «Гиппомен сарматский» – был заказан к свадьбе Обидовского и Ганны Кочубей, состоявшейся в 1698 году (венчал их в Батурине сам Стефан Яворский, учитель Орлика). Стихи были на польском языке, в стиле барокко, полные аллегорий и метафор. В них в полной мере проявлялись познания автора в области античной и христианской культуры. Украинское барокко, достигшее своего апогея во время гетманства и. Мазепы, вообще отличалось широким использованием сентенций, крылатых выражений и поговорок, заимствованных из античных авторов. Как и западная эпоха Возрождения, украинское барокко представляло собой удивительное и яркое сочетание античности и христианства. Фигуры святых соседствовали с античными богами, а симпатичные амуры украшали дом Киевского митрополита…

Толчком к дальнейшей карьере становится женитьба Орлика на Ганне, дочери полтавского полковника Павла Герцика в ноябре 1698 года. Этот брак сразу ввел его в элиту Левобережной старшины. Герцики были в родстве с влиятельным семейством

Забел и многими другими старшинскими фамилиями Левобережья[8]. Молодая жена принесла Орлику владения в Стародубском, Черниговском и Полтавском полках.

Знаменитый поэт и родственник Герциков обращает на себя внимание гетмана Мазепы, который сам любил литературу и знал в ней толк, а также прекрасно владел множеством иностранных языков. Ему были нужны талантливые, образованные люди, к тому же верные и зависящие от него.

В то время назревал конфликт между гетманом и Василием Кочубеем, занимавшим должность генерального писаря. Кочубей много лет интриговал, мечтая получить гетманскую власть. Во время празднования Пасхи 1702 года на старшинской раде Кочубей подал в отставку. Старшина съехалась к гетману в его имение Гончаривку, и во время праздничного обеда Василий сдал войсковую печать и кратко поблагодарил за должность. Старшина «возшумели были», чтобы вернуть его, но тот сразу уехал. Хитрый Мазепа во время продолжившегося обеда предложил, чтобы Кочубею «не быть без уряду», назначить его генеральным судьей. Эта идея с восторгом была поддержана подгулявшей старшиной. Через день все опять приехали в Гончаривку на Божественную литургию и вручили клейноды Кочубею. Так враг Мазепы лишился влиятельного поста генерального писаря (который являлся практически канцлером Украины и вел всю иностранную переписку) и получил хлопотную должность судьи (который должен был решать все земельные и другие споры старшины и духовенства и, соответственно, всегда быть источником недовольства). А на место писаря гетман назначил Орлика, что не всеми было встречено с пониманием, ибо «хочай и мудрий был человек», но еще неопытный[9]. По казацким меркам тридцатилетний Орлик был юнцом, и такое назначение стало уникальным случаем в истории Украинского гетманства.



Казацкие сабли XVIII в.

Но Орлик снискал от Мазепы и другую милость. В 1702 году гетман стал крестным отцом его старшего сына Григория – будущего генерала Франции. Получил Орлик и значительные

пожалования в Гадяцкой сотне. Одним словом, Орлик стал весьма состоятельным и влиятельным человеком. Это обстоятельство особенно важно для понимания дальнейших событий, так как ему было что терять.

С Мазепой генеральный писарь был весьма близок. Гетман был уже немолод, часто мучился приступами подагры, и по воспоминаниям Орлика, он нередко оставался у Мазепы допоздна, писал универсалы и письма. Читал гетману корреспонденцию, когда тот, отдыхая, лежал в постели.

Про участие Орлика в подготовке перехода Ивана Мазепы к шведам мы знаем только из его собственного письма-исповеди, написанного Стефану Яворскому через тринадцать лет после этих событий, во время эмиграции. С одной стороны, Орлик всегда очень любил и уважал Яворского как своего духовного учителя, а жанр исповеди не предполагает лукавства. Но Орлик писал это письмо, надеясь на амнистию со стороны Петра, и, возможно, отредактировал некоторые моменты. Да и прошедшие тринадцать лет не могли не внести коррективы в его воспоминания.

Например, по словам Орлика, гетман ни единым намеком, ни словом, ни делом «никому не являл» своих откровенных мыслей и намерений, и он не догадывался о его планах, пока не увидел среди почты, полученной Мазепой, письма шведского ставленника польского короля Станислава Лещинского. В своей «исповеди» Орлик описывал следующую сцену: Мазепа якобы колебался, что делать с письмом Лещинского (оставить или послать царю), а он советовал: «Сам, ваша вельможность, изволишь рассудить высоким своим разумом, что нужно посылать. Этим самым и верность свою непоколебимую объявишь, и большую милость у царского величества получишь»[10]. В конечном счете гетман отложил решение до утра и отправил Орлика домой молиться Богу. На прощание Мазепа произнес весьма примечательную фразу: «Может, твоя молитва будет более привлекательная, чем моя, ибо ты по-христиански живешь. Бог знает, что я это не для себя делаю, но для вас всех, и жен и детей ваших». Потрясенный Орлик ушел и, взяв дома два рубля, отправился по богадельням раздавать милостыню, «чтоб Бог Всемогущий освободил меня от возможных бед и отвратил сердце мазепино от того лукавого предприятия». Дело было ночью. Старцы и старицы ругали его, за то что он их будил: «...не милостыни от мене надеясь, но скорее опасаясь воровства». Орлик упомянул в «исповеди» этот эпизод «не в похвалу себе», но желая показать, как он боялся «той измены», «дабы в ней з жоною и с детми не пропасть и не хотелем к ней сердца моего прокланять». Как уже отмечалось, ему действительно было что

терять, и такой решительный шаг, как переход к шведам, не мог даться с легкостью.

Утром 17 сентября, придя к Мазепе, Орлик застал его сидящим за длинным столом. Перед ним лежал крест. Гетман признался, что не хотел раньше времени открывать своих намерений. И не из-за опасения, что Орлик отплатит предательством за проявленные к нему любовь, милость и благодеяния, а потому, что считал его человеком молодым и в подобных вещах неопытным и поэтому способным неосторожным словом выдать замысел старшине или россиянам, что погубило бы его, Мазепу.

Затем, взяв крест, гетман присягнул на следующем: «Что я не для приватной моей пользы, не для высших гоноров, не для большего обогащения и ни для иных каких-нибудь прихотей, но для вас всех, под властью и рейментом[11] моим находящихся, для жен и детей ваших, для общего блага матери моей отчизны бедной Украины, всего Войска Запорожского и народа Малороссийского, и для поднятия и расширения прав и вольностей войсковых хочу я это при помощи Божей сделать, чтобы вы, с женами и детьми, и отчизна с войском Запорожским как от московской, так и от шведской стороны не погибли. А если бы я для каких-нибудь личных моих прихотей это дерзал делать, побей меня, Боже, в Троице святой единый, и невинная страсть Христова, на душе и на теле»[12].

Хотя гетман и надеялся, что «ни совесть твоя, ни честь, ни учтивость, ни врожденная кровь шляхетская не допустят, чтобы меня, пана и благодетеля своего предал», он потребовал от Орлика встречной клятвы, что тот не выдаст его замысел.

Несмотря на все потрясение, которое должен был испытать Орлик, узнав такую новость, он все же нашел силы спросить (если верить его воспоминаниям), что будет, если удача отвернется от шведов – тогда ведь «и мы пропадем, и народ погубим». В ответ он услышал знаменитую фразу: «А без крайней и последней нужды не изменю я верности моей к царскому величеству»[13].

Орлик очень боялся, что царь узнает о тайной корреспонденции с Лещинским. В своем письме к Яворскому он рисовал картину, как «снедаемый внутренней боязнью» смотрел он на жену и детей, часто тяжело вздыхая. Жена спрашивала, почему он вздыхает. Он отвечал, что из-за грехов, которыми прогневил Бога. Жена не верила, а он не открывался. И только когда уже они вместе уезжали из Батурина к шведам, сказал о Мазепе: «...и сам згинет, и нас погубит».

По признанию Орлика, он задумывался о том, чтобы написать донос подобно кочубеевскому. Но никаких писем, доказывающих

вину гетману, у него не было. Скорее всего, к нему применили бы российский закон «доносителю первый кнут». К тому же Мазепа, видимо, догадывался, какие мысли бродили в голове его писаря, и многократно повторял: «Смотри, Орлик, чтобы сохранил мне верность: знаешь, в какой я у царского величества милости; не променяют там меня на тебя: я богат, а ты нищий, а Москва деньги любит. Мне ничего не будет, а ты погибнешь».

Оправдываясь перед Яворским, почему он не донес, Орлик ссылался на «совесть христианскую», не позволявшую нарушить присягу, данную Мазепе, «гетману и пану своему». Да и не хотел он быть предателем «пана и добродетеля своего». Кроме того, он вспоминал пример генерального писаря[14], в результате доноса которого был свергнут и отправлен в Сибирь гетман Многогрешный. Этот писарь в результате стал на Украине изгоем, архиепископ Черниговский Лазарь Баранович открыто именовал его в церкви иудой. Такая судьба тоже страшила набожного Орлика.

В результате утром 24 октября 1708 года он вместе с Мазепой ушел к Карлу XII. Орлик еще не предполагал, что в последний раз видит Батурин и начинает долгий путь в изгнание. Мазепа, видимо, уже после первой личной встречи со шведским королем понял бесперспективность этого союза[15]. Но ни он, ни его писарь не сдавались. Орлик составляет письма в Османскую империю, Крым, к Станиславу Лещинскому. Пишет и манифесты от лица гетмана.

Вместе с Мазепой он прошел путь до Полтавы, и вместе с ним и Карлом XII бежал в Османскую империю. Тридцать возов с серебром и деньгами Орлика погибли при переправе через Днепр. Его жена «в одном платье» с детьми сумела сохранить только шкатулку с драгоценностями и тысячью червонцев[16]. Орлик – поэт, панегирист и образец учености своего времени – метался в отчаянии и обещал казакам триста талеров за переправу его возов[17].

В Бендерах, где укрылись беглецы, с Орликом были его жена Анна, сыновья Григорий и Михайло, дочери Анастасия и Варвара. Во время первого этапа эмиграции у него родились Яков (его крестным стал Карл XII) и Марта (ее крестил Станислав Лещинский). Перед смертью Мазепы между ними произошел некий конфликт (о нем Орлик упоминает лишь в общих чертах), из-за чего писарю пришлось уехать в Яссы.

После смерти Мазепы его сторонники («мазепинцы») решают избрать нового гетмана в противовес ставленнику Петра I Ивану Скоропадскому[18]. Кандидатов было два: племянник Мазепы Андрей Войнаровский и Орлик. Но Войнаровского привлекали

только легендарные сокровища Мазепы. В борьбе за них он перессорился со старшиной. Спорный вопрос дележа имущества покойного Мазепы пришлось решать с помощью шведов, которые выступили третейскими судьями. Шведы в своих дневниках отмечали, что после того, как деньги были отданы Войнаровскому, отношения казаков с королем ухудшились[19].

Во время дележа имущества проявилось недовольство старшины, и в том числе Орлика, волюнтаристскими методами управления Мазепы. В этих условиях Войнаровский предпочел забрать деньги и отказаться от гетманства. Орлик же, наоборот, остался без денег, но гетманство принял. При этом он потребовал от шведского короля обещания не складывать оружия, пока Украина не получит свободу. Десятого мая 1710 года он получил от Карла XII «объявительный диплом». После этого состоялась рада, на которой Орлик был официально избран гетманом. Впоследствии он писал, что гетманство стало для него и его семьи материальной катастрофой.

После официального избрания нового гетмана признали шведский король и турецкий султан. При этом была составлена так называемая Конституция[20], т. е. свод основных положений и законов Украинского гетманства (на украинском и латыни).

Этот документ, по сути представлявший собой соглашение между гетманом и Войском Запорожским (в государственном смысле этого термина), стал значительным достижением украинской политической мысли раннего Нового времени. Были обозначены границы Украинского гетманства – в пределах границ, которых оно достигало в период Богдана Хмельницкого.

В первом пункте подчеркивалась верность «вере святой Православной Восточного исповедания», в нее «народ козацкий» однажды был посвящен «в столице Апостольской Константинопольской», и теперь «нерушимо в оной (вере) остается, никаким иноверием никогда не колебался». При этом объявлялось, что Киевский митрополит должен подчиняться Константинопольскому патриарху, а не Московскому.

Для того чтобы гетманская власть не превращалась в самодержавную, Конституция ограничивала единоличную власть гетмана генеральной радой, в нее помимо старшин должны были входить выборные представители от всех полков и Запорожья. Рада должна была собираться трижды в год: на Рождество, Пасху и Покров Богородицы. Все важнейшие решения отдавались на утверждение генеральной раде, и гетман не имел права действовать без ее одобрения. Текущие дела должны были решаться в совете со старшиной, которой теперь мог выносить приговор только войсковой суд (раньше гетман мог лишать

постов старшину и даже казнить).

Разделялись личные и общественные доходы гетмана. Казной должен был заведовать генеральный подскарбий. Запрещалась секретная переписка, значительно повышался статус генерального суда.

Большое внимание Конституция уделяла нижайшим слоям. Возможно, это стало следствием осмысления Орликом непопулярности Мазепы, а может быть, он пришел к такому заключению, анализируя причины Руины. Жестко запрещалось старшинам и администрации нарушать права и вольности казаков, забирать их имущество или использовать их для собственных нужд. Гетманским слугам и военным не позволялось требовать от мещан и крестьян подвод и кормов.

После «освобождения» Украинского гетманства планировалось провести ревизию законности владения землею старшины, а также пересмотр всех повинностей и поборов. Купцы освобождались от публичных повинностей и предусматривались дополнительные меры по развитию торговли. Отменялись аренда и другие поборы для содержания охотницких полков.

На самом деле при всей внешней привлекательности этот пункт серьезно подрывал экономическое и военное состояние гетманства. И трудно понять, было ли это популизмом Орлика, либо непониманием экономической основы государства.

Делались также реверансы по отношению к Запорожью. Для содержания запорожских казаков им возвращались Трехтемиров (восстановленный Мазепой), а также Келеберда, Переволочная и земли с мельницами над Ворксло́й. Правда, это все было чисто политическим демаршем. Само Запорожье было уничтожено Петром I в 1709 году и на время прекратило свое существование, а «обещанные земли» оставались за русскими[21].

Безусловно, многие положения Конституции для своего времени были революционными. Идеи разделения исполнительной, законодательной и судебной властей, отделения церкви от государства и другие заставляют изумляться просвещенностью Орлика, глубиной его осмысления основ государственности. При этом в документе много популизма. Гетманская власть по сути полностью ограничивалась и на самом деле замещалась старшинской. В этом смысле Конституция копировала многие положения, навязанные ранее русскими воеводами и имевшие целью ослабление гетманской власти.

Став гетманом в крайней тяжелой ситуации, Орлик не пал духом. Весной 1710 года в Бендерах он провел переговоры с французским послом Дезаером. У казаков не было денег, многие запорожцы продавали свое оружие, чтобы как-то выжить. В конце

ноября 1710 года турки объявили войну России, что приободрило и шведского короля. Карл, все еще находившийся в плену своих фантазий, мечтал дать Петру генеральное сражение под Киевом, захватив прежде Польшу и Правобережье.

Гетман отправил своего шурина, генерального есаула Григория Герцика, в кубанскую орду. Речь шла о соглашении казаков Орлика со сторонниками Кондратия Булавина (с мятежным донским атаманом пытался установить контакт еще и. Мазепа), которые после подавления восстания скрывались на территории Кубанской орды. А сын крымского хана ислам-Гирей вступил в переговоры с башкирами и казанскими татарами о союзе.

Орлик предпринял активные дипломатические контакты и с Крымом. С ханом Девлет-Гиреем он познакомился еще в Бендерах. Осенью 1710 года началась активная переписка между ними, а в декабре в Крым выехала украинская делегация, включавшая Прилуцкого полковника Горленко, генерального судью Долгополого и генерального писаря Максимовича. Переговоры удались. Второго февраля 1711 года Орлик заключил союзный договор с Крымом, в котором декларировалась независимость Украины. Без согласия Орлика татары не могли заключать мир с Россией, а во время войны должны были обеспечивать покой и безопасность населению Украины. Особый пункт оговаривал судьбу Слободской Украины, она также бралась под охрану. Договор затронул и донских казаков, которые получали равные с украинскими казаками привилегии. В Крыму теперь находился постоянный резидент гетмана.

Намерение Орлика отправиться в Стамбул (куда его через Бендерского сераскера пригласил султан) натолкнулось на противодействие Карла XII, который в своем слепом безумстве не желал покидать Бендеры и идти на любые разумные компромиссы с турками. Между тем в Стамбуле переговоры могли быть успешными, ибо там готовил почву Станислав Лещинский, союзник «мазепинцев». Правда, с поляками тоже имелись сложности. Камнем преткновения была судьба Правобережной Украины, поляки не желали ее отдавать.

В феврале 1711 года Орлик вступил в Правобережье, имея под своим началом казаков и запорожцев Кости Гордиенко. В составе объединенного войска (достигавшего восемь тысяч человек) находились и поляки – сторонники Станислава Лещинского во главе с Иосифом Потоцким. К ним также была присоединена буджацкая и белгородская орда Мегмет-Гирея (тридцать тысяч). Одновременно армия самого крымского хана должна была ударить на Воронеж и уничтожить верфи, а

кубанский султан ислам-Гирей – напасть на Азов.

Орлик разослал по Украине универсалы, распространялись они (как во времена Богдана Хмельницкого) посредством бандуристов. Он даже обратился к Ивану Скоропадскому с предложением передать ему титул единого гетмана. Скоропадский на это не пошел, хотя во многом разделял взгляды «мазепинцев». Показательно, что в своих документах Скоропадский тщательно избегал называть Мазепу «изменником», а использовал нейтральные выражения «антецессор» (предшественник. – *Т. Т.*) или «бывший гетман»[22]. В его положении (в то время как в грамотах Петра I сохранялись проклятия в адрес Мазепы) это было очень смелым поступком[23]. Догадываясь об этих настроениях, Петр приказал привезти жен Левобережной (т. е. «верной») старшины, включая гетманшу, в Глухов и держать их там заложницами. То же самое сделал с женами Правобережных полковников генерал-губернатор Киева Д. Голицын.

В ответ на поход Орлика русское войско вступило на Левый берег, а в Правобережье по приказу Петра Скоропадский направил генерального есаула Ивана Бутовича.

Население встречало Орлика дружественно. Правобережные полки за исключением Белоцерковского, перешли на его сторону. Мещане Черкасс, Мошны и Канева были за него. На Левобережье тоже было неспокойно. Силы Орлика теперь достигали шестнадцати тысяч человек. А вот к Потоцкому никто из поляков не присоединился, и выполнить главную задачу – взять Каменец-Подольский – ему не удалось.

Между Потоцким и Орликом нарастали противоречия. Они были и личного, и стратегического характера. Потоцкий постоянно подчеркивал, что Правобережье должно оставаться за Польшей. К тому же Орлик не разрешал солдатам обременять поборами население, что также злило поляков.

В битве под Лисянкой в марте 1711 года генеральный есаул Скоропадского и. Бутович был разбит и сдался в плен. Орлику удалось подойти под Белую Церковь и осадить ее. Но крепость была очень хорошо защищена и имела сильную артиллерию. Три дня штурмов ничего не дали. В распоряжении Орлика имелось всего четыре пушки, что делало осаду напрасной затеей.

Слухи о приближении царских войск и надвигавшийся паводок привели к тому, что союзные татары буджацкой и белгородской орды начали отступление. Они не реагировали на уговоры Орлика и в конечном счете распустили свои загоны, предавшись своим обычным грабежам. Никакие требования выполнять условия договора, запрещавшего наносить ущерб

местному населению, не помогали.

Как писал сам гетман, татары обдирали и опустошали церкви, превращая некоторые из них в конюшни, полностью сжигая другие. Многие соборы осквернялись: там переворачивали алтари, топтали Святые Дары, глумились над иконами. Ордынцы насиловали девушек, убивали людей обоего пола, грабили все имущество. Весь край от Роси и Тетерева до Днепра был опустошен. В ясыр было набрано несколько тысяч духовных и светских людей, казаков, крестьян, женщин и детей. Турецкий султан после многочисленных обращений Орлика и Карла XII дал указ отпустить пленных, но вернулось их не более половины. Правобережье подверглось полному разорению, а население стало ненавидеть гетмана.

Крымский хан с пятидесятитысячной армией вступил на Слободскую Украину. Ему удалось захватить приграничную крепость Новосергиевск. Жители встречали татар хлебом-солью, но, не дойдя до Харькова, хан повернул назад, по своему обычаю начав набирать ясыр. Это был провал обширных замыслов. Не то что Воронеж, но и Новогородицкая крепость[24] не была взята. Сын хана ислам-Гирей даже не стал пробовать (как планировалось) осаждать Азов и ушел на изюмский шлях. В оправдание татары ссылались на глубокий снег и начало паводка в реках.

Многие жители Слободской Украины добровольно пошли вместе с татарами, желая обосноваться на незаселенных территориях Дикого поля. Однако их захватили российские войска и учинили над ними расправу, казнив по жребию каждого десятого. Остальные вместе с женщинами и детьми были отправлены в Москву, а затем на поселение.

Орлик был вынужден отступить от Белой Церкви к Хвастову. Его силы таяли, так как местные казаки уходили, чтобы защитить свои семьи от татар. Из шестнадцати тысяч человек у него оставалось не более двух тысяч. К апрелю гетман с запорожцами вернулся в Бендеры. Между тем великий визирь с основной армией только в конце марта выступил из Стамбула. К концу июня турецкая армия была в среднем течении Дуная, куда подошла и артиллерия, отправленная морем.

Навстречу туркам по следам Орлика стремительно шел Петр I, приближаясь к Молдавии. Победа под Полтавой еще кружила ему голову, и теперь он со своими фельдмаршалами рассчитывал голыми руками захватить Карла, а заодно покорить Порту.

У Карла XII открывалась реальная возможность реванша. Великий визирь пригласил его прибыть в армию в качестве почетного гостя. Но взбалмошный король отказался и упустил свой последний шанс. Не пустил он и Орлика. Окажись король

(или хотя бы гетман) на месте событий, все могло пойти совсем по другому сценарию, а звезда военного счастья вновь бы засияла на небосводе Карла. Современные шведские историки считают эту ошибку самой крупной в жизни Карла XII[25].

Прутский поход, как известно, закончился для русских кошмаром. Чудо и деньги спасли Петра I от позорной капитуляции. Великий визирь махнул рукой на настояния поляка Понятовского и хана Девлет-Гирея и предпочел быстрый и выгодный мир. Все происходило в каких-то девяноста километрах от Бендер. Получив уведомление об окружении Петра, Карл всю ночь скакал из Бендер, но опоздал. Мир был уже заключен. Шведский король только увидел удаляющуюся русскую армию. Этот эпизод решил дальнейшую судьбу Орлика.

По условиям Прутского мира Петр отказался от Правобережья, и туманная фраза (за большие деньги, данные визирю) оговаривала судьбу Левого берега Украины. Россия теряла контроль над Запорожьем, лишалась Таганрога, Каменки и самарских крепостей. Все достижения Азовских походов, таким образом, перечеркивались.

Размахивая руками после драки, Карл XII возненавидел турецкого визиря, желавшего закончить войну с Россией, получить на вассальных условиях Украину и подчинить Крыму Запорожье.

Несмотря на острое противодействие Карла, Орлик отправил в Стамбул посольство, куда вошли все его ведущие старшины – Д. Горленко, К. Долгополый, и. Максимович, Г. Герцик и К. Гордиенко. Данная им инструкция включала требование добиться от Москвы отказа от Украины и освобождения всех «мазепинцев». Украинское гетманство должно было получить независимость под протекторатом султана. Турки должны были признать союзный трактат, заключенный Орликом с Крымом, не вмешиваться во внутренние дела гетманства, обеспечивать свободное избрание гетманов и т. д.

В конце декабря 1711 года султан действительно выдал диплом Орлику, в котором на основе переговоров с его делегацией гарантировал ему владение «всей Украиной». Но переговоры с казаками велись параллельно с русской делегацией. Султан настаивал на выводе российских войск из Польши и Правобережья (согласно Вечному миру 1686 года тоже принадлежавшего Польше), отдаче Таганрога и Азова и на отказе от Украины. Под давлением турок Петр приказал оставить крепости и вывести войска с польских территорий. Во всем остальном царь не собирался уступать и применил испытанное средство: подкуп великого визиря и муфтия. По слухам, было

потрачено до ста тысяч червонцев.

В результате 16 марта 1712 года турецкий султан Агмет III выдал Орлику привилей («privilegium») – редкий и крайне почетный тип султанской грамоты с тугрой (символика, вмещавшая весь титул). Теперь речь шла уже только о владении Правобережной Украиной без Киева, причем был использован текст договора турецкого протектората Д. Дорошенко[26]. А 15 апреля был подписан мирный договор с Россией. За Петром I осталась Левобережная Украина и Киев.

Подписание мирного договора Порты с Россией стало ударом для Орлика. Его гетманская власть была иллюзорной, так как поляки, в свою очередь, не собирались отказываться от Правобережья.

В апреле 1712 года Орлик пишет «Свод прав Украины» и «Манифест к иностранным государствам». В манифесте он обращался к «королям, князьям, республикам и другим христианским государствам», объясняя причины, вынудившие его принять протекцию Оттоманской империи и обратить оружие против русского царя. Он объявлял себя наследником дела своего предшественника, «славной памяти казацкого гетмана Ивана Мазепы, чьи выдающиеся заслуги и христианское благочестие до сих пор известны в мире».

Орлик ссылался на «природное право» освобождаться от «угнетения и трудиться, чтобы вернуть то, что несправедливо и превосходящей силой было от нас забрано». Он объяснял, что Богдан Хмельницкий по доброй воле, без всякого принуждения, присоединил «руський народ и казацкую нацию» к Московской империи. Между тем Петр I пожелал превратить свободных казаков в регулярную армию, нарушил законы и вольности Украинского гетманства, и поэтому, стремясь защитить права своей отчизны, Мазепа принял протекцию Карла XII.

Орлик объявлял, что не может «неподвижно смотреть на страдания нашей любимой отчизны», нарушение ее прав в стольких пунктах. «Мы не будем действовать, руководствуясь чувством мести. А наоборот – согласно справедливости и права, которое позволяет каждому защищать свое личное дело и свою личную цель»[27].

Обращаясь к христианским государям, Орлик пытался организовать международную коалицию для освобождения Украины, но ему это не удалось.

Тем временем Петр продолжил репрессии на Правобережье. С Украины были вывезены семьи всех мазепинцев: Мировичей – старуха-мать и пятеро сыновей, братья Максимовичи, жены Герциков и Горленко и многие другие[28]. Часть из них

содержались под стражей в Москве, других отослали в Сибирь. Племянник Мазепы А. Войнаровский был арестован в Гамбурге в октябре 1716 года. Русский резидент заплатил (по указу Петра) за его поимку 889 золотых червонцев[29]. В Петербурге серьезно опасались украинской оппозиции.

И на то были причины. В ноябре 1712 года новый визирь, недовольный выполнением договора со стороны России, объявил ей войну. Во второй половине февраля 1713 года казаки Орлика еще раз попытались захватить Правобережье. Делал гетман это неохотно, понимая, что турецкий протекторат не находил поддержки у населения. К тому же его основной союзник Карл XII окончательно потерял чувство реальности и устроил бессмысленный бой с турецкими янычарами, наотрез отказываясь покинуть Бендеры.

Казаки во главе с Д. Горленко пробыли на Правобережье. Отказавшись от личных амбиций, гетман предлагал полякам пойти на признание казачества и выдвигал план объединения всей Украины под эгидой Речи Посполитой. Однако все эти планы стали бессмысленными, так как по договору от 2 мая 1714 года Порта уступила Правобережье Польше.

Начинается второй эмигрантский период жизни Орлика. Вместе с Карлом XII и генеральной старшиной он направляется в Швецию. Большая часть старшины последовала за ним. Д. Горленко, и. Ломиковский-младший и и. Максимович воспользовались амнистией, объявленной Петром, и вернулись в Украину.

Этот новый, заключительный, этап жизни Орлика весьма противоречив. Некоторые оценивают его как бескомпромиссную борьбу за освобождение и объединение Украины – т. е. следование мазепинскому пути. Но одновременно он не расстается с навязчивой идеей о власти[30]. Где пролегала грань между личными и народными интересами? Жил ли Орлик в своем выдуманном и оторванном от реальности мире, или стал озлобленным и мстительным самозванцем-авантюристом, который заявлял о возможностях, которых у него на самом деле не было?

Некоторое время эмигранты находились на острове Рюген, где у Орлика родилась дочь Мария. Ее крестной матерью стала королева Ульриха Элеонора. После этого он уехал в Швецию.

Его титул гетмана уже не имел никакого реального значения. Правда, Орлик так не думал или, по крайней мере, старался не думать. Он свято верил, что в его распоряжении имелось шестьдесят тысяч казаков, готовых по первому зову встать под его знамена. Это был миф, но самое удивительное, что Орлик убедил

в нем не только себя, но и все крупнейшие европейские державы.

Его главной целью по-прежнему оставалось объединение Украины. Сделать это он планировал с помощью европейской коалиции. Помимо традиционного для гетманов обращения к Польше, Османской империи, Крыму и Швеции Орлик апеллировал также к донскому казачеству, казанским и астраханским татарам. Но, помня печальный опыт политики Дорошенко, гетман искал и новых союзников – таковыми стали Англия и Франция. Судьба Украины вряд ли могла заинтересовать европейских монархов, и поэтому он использовал в качестве аргумента их страх перед усилением России.

Неожиданные возможности открылись для Орлика в связи с обращением за помощью к шведскому королю царевича Алексея Петровича. Карл XII охотно откликнулся на просьбу сына Петра и предложил ему шведскую армию, во главе которой Алексей мог бы вторгнуться в Россию и занять престол. Учитывая, что Алексей рассчитывал на поддержку украинского духовенства, во главе с другом Мазепы, Местоблюстителем Патриаршего престола Стефаном Яворским, и даже просил Киевского митрополита иосафа поднять восстание на Украине, такой союз царевича с Карлом XII мог быть для Орлика очень заманчивым[31]. Однако промедление шведских дипломатов и арест Алексея не позволили этим надеждам осуществиться. Но после смерти Карла в декабре 1718 года Орлик возобновил дипломатические усилия.

У него созревает план приехать к запорожцам, находившимся после уничтожения Запорожья в Олешках в Крыму, и на их базе организовать широкую коалицию. В 1719 году Орлик отправил делегацию казацкой старшины в составе Г. Герцика (брата его жены), Ф. Нахимовского и Ф. Мировича к крымскому хану Саадет Гирею. Но во время остановки в Варшаве Герцик был арестован русским резидентом Г. Долгоруким и, несмотря на протесты польской стороны, тайно вывезен в Санкт-Петербург[32].

Еще не зная об этом, Орлик активно обсуждал с магнатами и с Августом II идею польского протектората. Получив финансовую поддержку, а также рекомендательные письма от шведских вельмож к английскому и польскому королю, 21 октября 1720 года он вместе с семьей выехал из Швеции. Именно с этого времени Орлик начинает вести свой знаменитый дневник – единственный дневник украинского гетмана, дошедший до наших дней.

Однако ему не удалось встретиться с английским королем Георгом, на союз с которым он так рассчитывал, – они разминулись в дороге. Пока он добирался до Вроцлава, ведя оживленную дипломатическую переписку, внешняя ситуация

изменилась. Англия, Австрия и Польша отказались от антироссийских акций. Швеция и Орлик оказались в изоляции.

После ареста Герцика за Орликом с семьей была организована охота. Петр приказал поймать его во что бы то ни стало. Родственные связи с цесарским подданным, бароном Орликом, спасли гетмана. Барон взял его под свою защиту и препроводил в безопасное место. Жена и дети Орлика прятались по монастырям.

Между прочим, этот барон познакомил гетмана с Голштинским герцогом Карлом Фридрихом. Знакомство это в будущем Орлик использовал в своих дипломатических комбинациях. За адъютанта герцога, генерала графа Штенфлихта, в 1723 году вышла замуж старшая дочь гетмана Настя.

Но преследования со стороны Петра не прекращались. Посол в Вене Ягужинский добился от цесаря запрета Орлику и его семье жить во владениях императора. Тогда он бежал в Польшу, но и там не чувствовал себя в безопасности.

Постоянно не хватало денег. Шведский король выплачивал ему ежегодную пенсию в тринадцать тысяч серебряных таляров. Но вскоре они были заменены на девальвированные бумажные ассигнации. Орлику временами приходилось даже закладывать свою булаву. Не на что было даже платить за образование сыновей. Это при том, что Мазепа в свое время одолжил Карлу XII шестьдесят тысяч таляров.

В начале 1721 года в финском городе Савонлинна был заключен Ништадтский мир между Россией и Швецией. Украинские вопросы не были в него включены.

Год был неудачным для Орлика. В мае умер его младший сын Яков. Именно в это время в июле 1721 года[33], пытаясь с помощью голштинского герцога помириться с царем, гетман написал свое знаменитое письмо к Яворскому. От имени Петра ему предлагали амнистию с условием проживания в Украине. Но Орлик заявил, что не является подданным, а потому не нуждается в царском прощении. Его, несомненно, пугала судьба других «мазепинцев», и он не без основания опасался закончить свою жизнь в Сибири.

В конечном счете он решает покинуть негостеприимную Европу и уехать в Порту. У него еще были смутные надежды, связанные с находившимися на турецкой территории запорожцами, которых при благоприятном стечении обстоятельств когда-нибудь можно будет поднять на восстание. Жену и детей гетман оставил в Кракове и выехал с сыном Михаилом в Порту. Султан разрешил ему жить только в Салониках – подальше от Константинополя и российской границы – ввиду постоянных требований Петра о его выдаче.

Двенадцать лет, проведенных в Салониках, были непростыми для Орлика. Гетмана и его спутников не обошли стороной эпидемии (от одной из них умер его сын Михаил). Тем не менее он продолжал активную переписку с запорожцами, великим визирем, крымским ханом, молдавским господарем, английскими послами в Вене и Стамбуле. Его часто посещали украинские странники – монахи, купцы, невольники, он им по возможности помогал.

Дневник Орлика (который писался не для публикации) – это уникальная возможность узнать сокровенные чувства автора, в частности его отношение к церкви.

Во время путешествия из Швеции в Салоники Орлик долгое время проводил на территориях, где отсутствовали православные храмы. В Польше он регулярно посещал католические костелы, где «слушал службы» и проповеди. Весьма примечательный эпизод, случившийся с ним, описывает Орлик во время посещения знаменитого польского монастыря в Ченстохове. «На римский праздник в Великую пятницу я был у отца Дефинитора, хотел перед ним вылечить душу святой исповедью и открылся перед ним первым, кто я такой и какого веро исповедания. Когда он про это услышал, то не хотел меня исповедовать без ревокации[34]. После длительных дискуссий он обещал спросить про это отца настоятеля и принять его решения»[35]. Исповедоваться Орлику в Ченстохове так и не удалось.

Такая двойственность по отношению к католической церкви остается на протяжении всего дальнейшего путешествия. Четырнадцатого октября Орлик пишет: «четверг на день святого Христа по старому календарю… я не соблюдал надлежащий пост, что было плохим делом». И оправдывается: «Я это сделал не для нарушения завета, а потому что хотел скрыть себя и свое вероисповедание»[36]. Однако в День Успения Богородицы по старому календарю (!) Орлик исповедался и причастился в Краковском кафедральном соборе[37]. То же самое он делает и в день Рождества, уже по католическому календарю. При этом, как бы оправдываясь, записывает в дневнике: «Пусть это будет в честь Бога, рожденного в человеческом теле!»[38].

Когда в апреле 1722 года он достиг Молдавии, то в первом же монастыре (как с радостью он отмечал в своем дневнике), встав в четыре утра, «исповедовался за мои грехи перед отцом игуменом, а потом был на утрене и службе Божей, приняв святейшее причастие тела и крови иисуса Христа»[39].

Будучи выпускником Киево-Могилянской академии, Орлик, безусловно, великолепно разбирался в богословских вопросах. В своем дневнике он раскритиковал некоего ксендза, читавшего

проповедь: «…он неуместно наполнил ее и испортил мешаниной разных фабул и историй». В Греции, в Серези, после богослужения были принесены мясо, кутья и горилка, и священник их благословил. Орлик удивился и сказал «одному священнику по-болгарски, что шестой Синод запрещает под клятвой приносить в церковь мясо и горилку на пожертвование, а только вино, ароматические благоухания, просвирки и свечи». Далее Орлик комментировал этот эпизод в своем дневнике: «…тут люди не принимают во внимание не только Синоды, но и веру христианскую не всегда сохраняют. Священники и сами пастыри митрополиты, архиепископы и епископы большие простаки и идиоты, которые не знают греческого языка, не знают перевода службы народным языком, что читают на слух и не понимают, что читают. Простые люди способны только перекреститься (и то не все). Когда мы спросили их, знают ли они молитву „Отче наш“, они ответили, что ее знать должны священники, а не они». Из этого Орлик сделал вывод: «Теперь я вижу и признаю, что из-за амбиций греческих иерархов, а именно патриархов, возникла схизма, из-за которой потом начались все несчастья в Греции. А хуже всего то, что греки так недоброжелательно относятся к римлянам (т. е. к римскому обряду. – *Т. Т.*), не считая их христианами, хотя сами слабо придерживаются христианства»[40].

При этом Орлик продолжал исповедоваться у православных священников, но часто вступал с ними в богословские дискуссии. В частности, он спорил о таинстве евхаристии и о непорочном зачатии Богородицы: «так как греки про неземную жизнь придерживаются другого мнения», а «про Пресвятую Богородицу считают, что она зачата в первородном грехе»[41]). По поводу таинства евхаристии – теме, до сих пор весьма острой в православии – Орлик оставил в своем дневнике запись, в которой не соглашался с мнением священника, что «не словами Христа, а через действия священника, когда тот говорит: „Хлеб этот стань телом Твоим. Что в чаше, пусть станет кровью Твоей“» происходит таинство[42]. Таким образом, Орлик к концу жизни встал на позиции униатской церкви.

В самом этом выводе кроется страшный парадокс всей жизни гетмана, положившего себя на алтарь служению идеалу освобождения Украинского гетманства. Нарушение верности православию, стоявшее первым пунктом в им самим написанной Конституции, нарушение веры, ради которой боролись с поляками многие поколения украинских казаков! По-человечески такая метаморфоза, видимо, объясняется просто: проведя двенадцать тоскливых лет в Салониках, в изгнании, нужде и отчаянии, Орлик возненавидел окружавших его греков, а заодно и

исповедуемую ими религию. Хотя и не известно, отдавал ли он сам себе в этом отчет.

После смерти Петра I в январе 1725 года Орлик опять стал надеяться на примирение с Россией. Но сведения, приходившие к нему из Петербурга, были очень обрывочными и неточными.

Затем Орлика несколько воодушевила женитьба в августе 1725 года французского короля Людовика XV на дочери шведского ставленника Станислава Лещинского. Взошедший на престол после смерти Екатерины I Петр II разрешил восстановить гетманство. В октябре 1727 года гетманом был единогласно избран Данило Апостол. Орлик встретил это известие с гневом и отчаянием, назвав Апостола «волохом-размазней»[43].

Не опуская рук, во время Европейского конгресса 1728 года он добился обещания поддержки со стороны Англии, Франции и Швеции. Кардинал Флери даже выступил с публичным обращением к представителю России графу А. Головину, пытаясь добиться от него уступок в пользу гетмана. Но позиция России оставалась неизменной. Обращался гетман и к члену Верховного тайного совета Голштинскому герцогу Карлу Фридриху, женатому на Анне Петровне.

Разномасштабность обращений Орлика, разнообразие его союзников не могут не удивлять. Для осуществления своей идеи Орлик даже выдвинул план окатоличивания Украины, надеясь таким образом получить поддержку Ватикана. План этот возник не на пустом месте. Гетман имел контакты с представителями Товарищества иисуса. Вероятно, по их совету в августе 1727 года он написал письмо папе Римскому, напоминая о деятельности Мазепы и позиционируя себя продолжателем его дела. Свои действия он объяснял «ревностью к религии». Он предлагал, что если станет гетманом Правобережной Украины («эта достаточно обширная провинция вся отдана схизме»), то «не насилием, преследованиями и своеволием, как поляки ревностно неосмотрительно это делают, но представлением ошибок и ересей нынешней греческой церкви я смог бы тот край к унии с римской церковью привести»[44].

В связи с Орликом Д. Бовуа вспоминает выражение Александра I, сказавшего однажды, что поляки готовы продать душу дьяволу, лишь бы тот возродил их отечество. Поведение Орлика вполне соответствует этой формуле. Хотя нельзя не удивиться парадоксу, как человек, желавший быть лидером Украинского гетманства, созданного под лозунгом защиты православия, пришел к необходимости искать защиты от православных императоров у Римского папы…

С 1729 года активным помощником Орлика становится его

сын Григорий (Грегор). Вопрос о преемнике польского короля Августа II еще раз расколол Европу. Среди ярых сторонников кандидатуры Станислава Лещинского (кроме Франции и Швеции), разумеется, был и Орлик. В Варшаве даже состоялось тайное совещание французского посла де Монти со сторонниками Лещинского, в результате которого Григория Орлика отправили в Париж. Там ему удалось привлечь интерес французских верхов к украинским делам, и его послали со специальной миссией на Восток. Приехав в Порту, он инкогнито встретился с отцом в Салониках.

Реалии были весьма далеки от лучезарных планов Орлика. В этом он лишний раз убедился, когда некий православный епископ (видимо, грек) отправился к запорожцам, все еще проживавшим в эмиграции, для сбора пожертвований. Епископ привез к ним и личное обращение «гетмана Орлика». Позднее он рассказывал, что письмо это смогли прочитать только на следующий день, ибо выжидали, пока запорожцы «протрезвеют». Когда же все-таки казаки собрались в «круг», то лишь немногие из них выслушали орликовское письмо с уважением, сняв шапки и выражая благодарность, что «пан гетман» их не забыл. Другие же («пьяницы», по выражению епископа) напали на священника и его служащих и прогнали их прочь. Епископу пришлось бежать на «чайке»[45]. И хотя потом атаман казнил заводил (за что получил похвалу от крымского хана), этот эпизод ярко характеризует настроения запорожцев-изгнанников, на которых Орлик возлагал такие большие надежды.

Вероятно, сам гетман-изгнанник уже осознал тщетность своих планов. По крайней мере, в июне 1732 года он под великим секретом сообщает в своем письме к сыну Григорию, что запорожцы склоняются к России[46]. Но, как известно, надежда умирает последней, и Орлик с радостью воспринимает сообщение Григория о наличии почти сорока тысяч запорожцев в Бессарабии, Молдавии и Крыму. Правда, они ведут жизнь бродяг и «уже не помнят ни своего прошлого, ни своей славы», но, по мнению Григория, из них можно создать хороший полк[47].

В феврале 1733 года умер Август II. Орлик и его сторонники надеялись использовать это событие в свою пользу, тем более что Станислав Лещинский стал новым польским королем. В его поддержку была образована конфедерация, в нее вошли многие магнаты и шляхтичи. Началась активная борьба за власть.

В этих условиях в 1733 году Анна иоанновна разрешила восстановить Запорожье, и в начале 1734 года запорожцы вернулись на старые пепелища, основав Новую Сечь. Это был еще один удар для Орлика, который через Францию пытался добиться

от султана разрешения выехать к запорожцам. Он смог отбыть из Салоников только в феврале 1734 года, но было уже поздно. Запорожцы ушли, а посланное им вдогонку письмо не могло изменить ситуацию.

Обращаясь к запорожцам, Орлик ссылался на присягу, данную «вольным рыцарством» Мазепе и Карлу XII в том, чтобы бороться за независимость Украины. Предупреждал он их и о том, что после окончания войны с Османской империей они будут больше не нужны российскому правительству (так, в принципе и получилось при Екатерине II, после походов Потемкина): «...как только закончится война, что будет с вашими милостями добрыми молодцами, какое несчастье и погибель с вами случится (чего вам не желаю) – сами на себе испытаете и пожалеете, что сейчас так бездумно и глупо поступили, не оглядываясь на задние колеса»[48].

Ответ запорожцев (а письмо Орлика, согласно традиции, читали на общем собрании – коло) был однозначен. Они описывали свою тяжкую жизнь под властью хана и справедливо указывали на совершенную несостоятельность татар в качестве союзников в войне. Штурмовать крепости они не умеют, а только набирают полон и грабят население.

Это был окончательный разрыв запорожцев с Орликом, ставший для него тяжелым ударом. Крайне негативно к переходу запорожцев на службу к русской императрице отнеслись во Франции, в Османской империи и Крыму. Гетманское звание теперь уже полностью теряло свое значение.

Тем не менее нельзя согласиться с мнением французского историка Д. Бовуа, что все надежды и планы Орлика были сплошной химерой. Украинское население Правобережья не оставалось безучастным свидетелем происходящего, хотя имя Орлика и не было там популярно.

Жители этого остававшегося под властью Польши, региона Украины были крайне враждебно настроены к полякам. Практически вся ситуация вернулась там к положению, которое имело место еще до восстания Богдана Хмельницкого: доминирование польской шляхты, террор католиков и униатов по отношению к православной церкви, запрещение казачества (оно было уничтожено на Правобережье после окончания Северной войны). Правда, и Речь Посполитая была уже далеко не та, что раньше.

Когда русские и украинские войска для борьбы с партией Лещинского вошли в Правобережную Украину, это послужило сигналом для массового восстания под предводительством Верлана, сотника надворных казаков князей Любомирских. Приняв звание наказного казацкого полковника, он поднял восстание в Шаргороде (Винницкая область), охватившее в 1734

году Киевское и Подольское воеводства.

Восстание это стало первым в череде так называемых гайдамацких выступлений, проходивших под национальными и религиозными лозунгами. В них принимали участие крестьяне, мещане, бывшие казаки. Активную поддержку гайдамакам оказывали запорожцы. Причем казацкая идея была очень популярна на Правобережье. Восставшие верили в грамоту императрицы Анны иоанновны, якобы призывавшую крестьян истреблять ляхов и евреев и формироваться в казацкие полки. Гайдамаки взяли Броды, их отряды проникали в окрестности Каменск-Подольска и Львова.

Между тем Россия и Австрия выставили на польский престол кандидатуру Августа, сына покойного короля Фридриха. Лещинскому пришлось бежать в Гданьск. Украинское население считало приход русских войск предвестием освобождения от ненавистных поляков. Но после утверждения на троне Августа III русские войска сами занялись усмирением восставших. Верлан с полковниками сформированных им полков ушел в Молдавию, другие гайдамаки укрылись в запорожских владениях.

Это восстание гайдамаков (как и все последующие) показало, насколько на самом деле Орлик был далек от реалий Украины 30-х годов XVIII века.

Его попытка собрать собственное войско объединила всего около двух тысяч казаков. Тут были все те же старшины – Мировичи, Иван Герцик, Федор Нахимовский, пехоту возглавлял Савва Чалый. Орлик базировался в Бендерах и ждал начала войны. Но деньги заканчивались. В результате пехота ушла в Россию, а конница – в Польшу. К 1735 году у Орлика оставалось всего сто пятьдесят человек.

Наконец, в 1737 году началась Русско-турецкая война. В феврале 1738 года Орлик по поручению султана прибыл в Вену, где стал советником бывшего трансильванского князя Франца Ракочи. Когда туда же для переговоров приехал великий визирь, он стал уговаривать его помириться с Австрией, чтобы сосредоточиться на войне с Россией. Орлику это удалось, и он отправляется в Яссы, чтобы оттуда выступать в роли эксперта. Он обратился с очередным послание к запорожцам, призывая отказаться от подданства России.

Однако в 1740 году Порта заключила мир с Россией, это очень расстроило Орлика, настаивавшего на продолжении войны.

В 1741 году у него снова появилась было надежда на успех после начала Русско-шведской войны. Григорий Орлик обратился с меморандумом к шведам, агитировал в Польше, подталкивал Францию. Но вскоре Швеция проиграла. Орлик тяжело переживал

это. К тому же его принуждали переехать из Бухареста в Андрианополь. Умер он 24 мая 1742 года в Яссах в одиночестве, так и не увидев своей семьи.

Его сын Григорий стал генерал-поручиком на французской службе, принимал участие в Семилетней войне и умер в 1759 году. Его род так и жил во Франции и пресекся только в конце XX века. Поместье Григория недалеко от Парижа дало название современному аэропорту Орли.

Примечания

[1] Совершенно непонятно, почему А.С. Пушкин в своей поэме «Полтава» представил Орлика как сурового палача. Образ, никак не соответствующий реальности.

[2] Дневник Ф. Орлика // Пилип Орлик. Конституція, маніфести та літературна спадщина. К., 2006. С. 242, 246.

[3] The Diariusz podrożny of Pylyp Orlyk (1720 – 1726) // Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: Volume V. 1989. P. 89.

[4] Дневник Ф. Орлика. С. 364.

[5] Дословное выражение Орлика.

[6] *Бовуа Д.* «Щоденник» Пилипа Орлика: від міражу вигнанця до українського міфу // Український археографічний щорічник. Київ; Нью-Йорк, 2004. Вип. 8/9. С. 322–345.

[7] Этот панегирик Орлик подписал следующим образом: «От нижайшего слуги Филипа Орлика, который услышал из почты из-за руських границ (Rossiacos) громкую славу и публично миру провозгласил неумелым пером». (Пилип Орлик. Конституція, маніфести та літературна спадщина. С. 449.)

[8] *Гуржій О.* З історії родів України та Росії // Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин. К., 2003. С. 566–572.

[9] *Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке К., 1864 Т. III. С. 553 – 554.

[10] Письмо Орлика С. Яворскому // *Субтельний О.* Мазепинці. Український сепаратизм на початку XVIII ст. Кшв, 1994. С. 168.

[11] Управлением.

[12] Письмо Орлика С. Яворскому. С. 169 – 170.

[13] Там же. С. 171.

[14] Видимо, К. Мокреева.

[15] *Таирова-Яковлева Т.Г.* Мазепа. М., 2007. С. 221 – 222.

[16] Письмо Орлика С. Яворскому. С. 172.

[17] *Крман Д.* Подорожній щоденник (Itinerarium 1708–1709). К., 1999. С. 107.

[18] Иван Скоропадский был избран гетманом по указу Петра на «раде» в Глухове 6 ноября 1708 г.

[19] *Возняк М.* Бендерська комісія по смерті Мазепи // Мазепа. Збірник. Т. 1. Варшава, 1939. С. 121 – 122.

[20] В том смысле, который вкладывали в это название в раннее Новое время, а не сейчас.

[21] Конституция Ф. Орлика // Пилип Орлик. Конституція, маніфести та літературна спадщина. С. 74–89.

[22] Доба гетьмана Івана Мазепи в документах. К., 2007. № 385.

С. 345; Генеральна слідство про маєтності Полтавського полку 1729–1730. Полтава, 2007. С. 84, 86, 92, 110 и др.

[23] Очень любопытно воспоминание Павло Скоропадского об отношении, которое сохранялось к Мазепе в их семье. У них в доме «висел между гетманами портрет Мазепы… в доме ему не поклонялись… а молчаливо относились с симпатиями, причем только возмущались, что до сих пор в соборах Великим постом Мазепу предавали анафеме, и смеялись над нелогичностью, что в Киеве одновременно в Софийском соборе Мазепу предают анафеме, а в Михайловском монастыре за него, как за создателя храма, возносят молитвы об упокоении его души». (*Скоропадський П.* Спогади. Київ; Філадельфія, 1995. С. 387–388.)

[24] Новобогородицкая крепость была построена в урочище Сорок Байраков на Правом берегу Самары при ее впадении в Днепр в 1688 г. по инициативе и. Мазепы для защиты от татар.

[25] *Григорьев Б.Н.* Карл XII. М., 2006. С. 402.

[26] *Пріцак О.* Один чи два договори Пилипа Орлика з Туреччиною на початку другого десятиліття вісімнадцятого століття? // Український археографічний щорічник. К., 1992. Вип. 1. С. 307–320.

[27] Пилип Орлик. Конституція, маніфести та літературна спадщина. С. 123– 124.

[28] *Костомаров Н.И.* Мазепинцы // Актуальная история России. М., 1995. С. 768–769. По правде говоря, Войнаровский (который до этого отсиживался в Вене) поплатился за свою жадность: в дорогу его позвало желание добиться возврата от шведского короля денег, данных ему в долг Мазепой. Сборник статей и материалов по истории ЮЗР, издаваемых комиссиею для разбора древних актов, состоящей при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе. К., 1916. Т. II. Ч. III. С. 42–43.

[29] Там же.

[30] *Бовуа Д.* «Щоденник» Пилипа Орлика: від міражу вигнанця до українського міфу. С. 325.

[31] *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть. СПб., 2008. С. 370, 425 и др.

[32] Г. Герцик долгое время содержался в Петропавловской крепости и только в 1727 г. был выслан в Москву, где проживал под надсмотром до 1735 г., занимаясь врачебной практикой.

[33] Дневник Ф. Орлика. С. 265.

[34] В данном случае – без обращения в веру.

[35] Дневник Ф. Орлика. С. 252.

[36] Там же. С. 272–273.

[37] Там же. С. 269.

[38] Там же. С. 280.

[39] Там же. С. 299.

[40] Там же. С. 332–333.

[41] Там же. С. 367.

[42] Там же.

[43] *Бовуа Д.* «Щоденник» Пилипа Орлика: від міражу вигнанця до українського міфу. С. 327.

[44] Пилип Орлик. Конституція, маніфести та літературна спадщина. С. 202–203.

[45] *Бовуа Д.* «Щоденник» Пилипа Орлика: від міражу вигнанця до українського міфу. С. 328.

[46] Там же. С. 329.

[47] Там же. С. 329–330.

[48] Дословное выражение Орлика.

Глава 10
ДАНИЛО АПОСТОЛ

Данило Апостол был гетманом-антиподом Орлика. К нему часто незаслуженно относятся с пренебреженьем, увлекаясь яркой фигурой гетмана-эмигранта. Судьба Апостола заставляет задуматься над извечным вопросом о том, какой путь верен: эмигрировать и вести борьбу на чужбине или остаться жить в условиях террора и идти на компромисс, пытаясь сохранить то, что тебе дорого.

Мало кто пережил такие взлеты и падения, как Данило Апостол. Может показаться – ему покровительствовал ангел и вытаскивал его из безнадежных ситуаций.

Род Апостолов-Катаржи (Apostel-Catarreu) происходил из Молдавии. Именно оттуда отец будущего гетмана Павел Апостол переселился в 1648 году в Речь Посполитую и поступил там на службу. В первый раз он участвовал в операциях против трансильванского князя Ракочи, а потом перешел к князю иеремию Вишневецкому (ярому врагу казаков). На его службе Павел стал сотником и получил в награду село Хомутец (недалеко от Миргорода). Затем он женился на Марии, дочери миргородского полковника Григория Лесницкого, и после него сам возглавил этот полк.

На Переяславской раде 1659 года Павел Апостол выступал уже как Миргородский полковник[1]. В конце декабря 1659 года он в составе депутации старшины приезжал в Москву, пытаясь добиться от Алексея Михайловича уступок по условиям присоединения Украины к России[2]. Во время битвы с поляками под Чудновым осенью 1660 года П. Апостол со своим полком был в составе Левобережных войск, находившихся вместе с русским воеводой В.Б. Шереметевым[3]. В решающий момент он вместе с некоторыми другими полковниками бросил Шереметева и присоединился к полякам[4]. Однако те не сразу приняли Павла Апостола, и некоторое время он находился у них в плену[5]. Турецкий визирь Сефераза Аги даже требовал от поляков: «Касательно Цецуры и Апостола, именем всех наших просим их истребить, ибо дело не хорошее жаловать таких изменников и награждать имениями[6].

Гетман Д. Апостол. Портрет XVIII в

Однако их все-таки не казнили, а, наоборот, наградили. Современник события поляк и. Ерлич сообщал, что «Король его милость, освободив Цицуру с другим изменником полковником Апостолом, и подарив им по 2000 злотых, пустил их из Варшавы домой». Узнав об этом, воевода Черниговский С. Арнецкий, опасаясь, что они поднимут новые бунты за Днепром, просил, чтобы их не пускали, а казнили. Их действительно держали в Дубенском замке более года в тюрьме. «Потом один за другим бежали из него и, бежав на Украину, не избежали позорной смерти и наказания»[7]. Так полагал поляк-современник.

На самом деле Павел Апостол опять избежал смерти, и в 1665 году был среди доверенных лиц ставленника татар, новоявленного Правобережного гетмана Опары[8].

Сын Павла Апостола Данило родился 4 декабря 1654 года. Сложные перипетии Руины с раннего детства затронули его жизнь. Отец, оставшийся после Чуднова на Правобережье, не мог соединиться со своей семьей. По крайней мере, еще в августе 1667 года гетман Дорошенко просил киевского воеводу П. Шереметева добиться от гетмана Брюховецкого разрешения супруге Апостола пани Марии переехать к мужу на Правобережье[9].

Неизвестно, где учился молодой Апостол. Возможно, в Киево-

Могилянской академии. Но его всегда отличали налет «польской», т.е. западной культуры, преданность «государственной идее» и широкий кругозор.

В конце 60-х гг. Апостол-старший возвратился на Левобережье, и в 1672 году при гетмане Самойловиче во второй раз возглавил Миргородский полк, в котором во время его отсутствия полковниками были, скорее всего, его братья Демьян и Григорий. Видимо, располагая значительными средствами, Павел скупает обширные владения в Миргородчине[10].

Предположительно в 1677 году Данило Апостол женился на Ульяне искрицкой, дочери шляхтича Василия искрицкого. От этого брака у него было трое сыновей и пять дочерей. Его сын Петр женился на смоленской панне из рода Храповицких, а младший Павел (вторым браком) на другой смоленской панне – Федоре Энгельгард (Феодоре Энгельгардт. – *Т. Т.*). Дочери Данилы вышли замуж за представителей самых влиятельных старшинских родов Левобережья – Жураковских, Дуниных-Борковских, Скоропадских, Кулябко, Горленков и Кочубеев[11]. При росте влияния родственных связей в Украинском гетманстве такие браки приобретали особый смысл.

Свою должность полковника Миргородского Данило Апостол получил «в наследство» от отца. В двадцать восемь лет в 1683 году он занял при и. Самойловиче пост полковника, сменив своего престарелого отца. Это был уникальный случай в гетманстве, и многие недолюбливали богатого юнца, вдобавок женатого на польской панне[12].

Данило не подписывал донос на Самойловича, и, скорее всего, не из-за преданности гетману, а потому что лично не участвовал во втором Крымском походе. Соответственно, он не был на Коломаке, где состоялся заговор. В Украине он был оставлен в качестве наказного гетмана.

После переворота и избрания Мазепы гетманом Данило Апостол столкнулся с многочисленными выступлениями недовольных. Он прямо писал, что не в силах сдержать ситуацию. Послали за помощью к Севскому воеводе Леонтию Неплюеву. Тот окружил бунтовщиков, и мятеж был подавлен.

Новый гетман стремился сделать Апостола своим сторонником. Когда Василия искрицкого обвинили в недружественных действиях и шпионаже в пользу поляков, Мазепа вступился за него, так как дочь искрицкого была замужем за Данилой Апостолом. Он намеренно создавал в Москве благоприятное мнение об Апостоле и передавал воеводам важные сведения, полученные якобы от Апостола, относительно тайных замыслов Л. Полуботка.

В свою очередь Апостол проявил себя преданным сторонником Мазепы в непростых противостояниях с оппозицией. Во время восстания Петрика[13], когда тот предпринял попытку прорваться на Левобережье со стороны Чигирина, Апостол был во главе войск, отбивших наступление. В боях ноября 1692 года союзные с Петриком татары были остановлены и отброшены назад.

Самое активное участие принимал Апостол и во время Азовских походов, будучи в числе особо отличившейся старшины.

С 1701 года он – Миргородский полковник, активный участник Северной войны. Апостол был назначен Мазепой наказным полковником, под его командой находилось пять полков, всего около семнадцати тысяч казаков. Вместе с Б.П. Шереметевым полки Апостола вступили в Лифляндию, Даниле даже удалось разбить шведский авангард Шлиппенбаха.

Поход проходил в очень тяжелых условиях и только в январе 1702 года последние полки Апостола вернулись в Украину.

В 1704 году Миргородский полковник снова участвовал с несколькими тысячами казаков в походе, на этот раз в качестве союзника Августа II. Бои велись на территории Польши. Им удалось выбить из Варшавы шведского генерала Горна. Однако наступление Карла XII вынудило русско-казацкие войска срочно отступить в Силезию.

Там казаки попали под начало генерала Паткуля, который относился к ним с презрением, муштровал на привычный ему манер и, в конечном счете, отобрал у них лошадей. Во время драматичного возвращения отряда Апостола в Украину множество казаков погибло. Полковник не понаслышке знал настроения своих казаков, растущий ропот и возмущение, вызванные непривычным для них обхождением.

С началом строительства Печерской крепости, куда были брошены тысячи казаков, возмущение еще больше возросло. Ряд полковников, в том числе Миргородский и Прилуцкий, как наиболее влиятельные и «большое до Мазепа дерзновение имевшие», непосредственно обратились к гетману, высказывая свое недовольство. Как писал Орлик, Апостол прямо заявил Мазепе: «Глаза всех на тебя смотрят, и не дай Бог тебе умереть, мы все останемся в такой неволе, что и куры нас заклюют»[14].

Ко всему прочему прибавился еще и указ Петра о переустройстве полков, нарушавший всю систему административно-государственного деления Украинского гетманства. Теперь старшина часто собиралась «на квартире» у Апостола, «у которого и о способах обороны своей советовались, и пакты Гадяцкие читали[15], якіе тот же полковник Миргородскій с

библиотеки Печерской принес»[16].

На очередной встрече с Мазепой Данило Апостол и Прилуцкий полковник Дмитрий Горленко прямо заявили: «Как мы всегда Богу молимся за душу Хмельницкого и имя его благословляем за то, что он Украину от ига лядского освободил, так наоборот мы и дети наши в вечные времена душу и кости твои проклинать будем, если за гетманство свое после своей смерти в такой неволе нас оставишь».

То, насколько окружение Петра совершенно не ориентировалось (или не хотело ориентироваться) в настроениях гетмана и окружавшей его старшины, ярко свидетельствует следующий факт. Петр не только не знал о тайных разговорах Апостола и его чтениях Гадячского договора, но наоборот считал его противником Мазепы и одним из зачинщиков доноса Василия Кочубея[17], слепо поверив тому, о чем под пытками рассказал генеральный судья. Со стороны Кочубея то, что он назвал Апостола своим сообщником, возможно, было местью Мазепе. Уж кто-кто, а Василий не мог не знать, что Апостол был на самом деле единомышленником гетмана.

Поговаривали, правда, якобы Апостол предупредил Кочубея о грозящем ему аресте, и только по стечению обстоятельств Василию не удалось бежать. Доказательств этому нет, так что бесконечные рассуждения о значении родственных чувств (Апостол был сватом Кочубея) можно считать беспочвенными.

Надо сказать, после наговора Кочубея Мазепа стал отчаянно защищать Апостола. Несмотря на полученный от царя приказ арестовать Миргородского полковника, он пишет Г.и. Головкину, что взять его «прежде времяни без обличения и уличения его воровства очною ставкою опасно». По словам Мазепы, Апостол «человек есть от отца своего заслуженный, воинский, знатный и от всех полковников нынешних древнейший и старейший», и арест его может вызвать в войске «великое смущение и мятеж»[18]. Учитывая только что состоявшийся арест Кочубея, после которого никаких бунтов не последовало, можно сказать, что аргументы Мазепы не были убедительными. Да кстати и «самому старейшему» полковнику Апостолу было всего пятьдесят лет. Поэтому Головкин опять писал, что если «вящей опасности нет», Апостола следует взять под караул и отослать в Киев. Мазепа, понимая, чем завершаются «допросы», стоял на своем. Он отправил длинное послание «министрам» Петра и в нем опять объяснял невозможность ареста опасением бунтов. Долго и подробно Мазепа описывал, почему Апостол «случайно» предупредил Кочубея (настоящая «комедия ошибок») и т. д.[19]

В связи с этим Головкин писал Петру, что многократно

посылал гетману грамоты и письма об Апостоле, и «ежели, государь, своим писмом к нему о нем определить не изволишь, то он по нашим писмам делать ничего не будет»[20]. Это продолжалось в течение всего мая.

С одной стороны, Мазепа всегда защищал своих, а Миргородский полковник входил в число «старшин-государственников», близких ему по духу и идеалам, недовольных политикой Петра и готовых искать альтернативу. С другой стороны, выдача Апостола русским властям угрожала раскрытием тайных переговоров и планов гетмана, а соответственно – была угрозой его собственной жизни. В общем, Мазепа спас Апостола. А Петр настолько не ориентировался в ситуации, что после ухода Мазепы к Карлу XII предлагал Меншикову срочно провести выборы нового гетмана и выдвинуть кандидатуру Миргородского полковника Данилы Апостола. Он считал его врагом гетмана, в то время как Апостол уже находился у шведов[21].

Орлик приводит яркие свидетельства настроения старшины накануне трагического решения о переходе к Карлу XII. Старшина, бывшая при гетмане в Белой Церкви – прежде всего Апостол, а также генеральный обозный и. Ломиковский, полковники Д. Горленко и Д. Зеленский – «видя Мазепу в боязни и небезпеченстве», уговаривала его, чтобы «о своей и о общой всех целости промышлял». При этом они обещали «стоять до крови» за него, гетмана, как своего вождя, за права и вольности. В этом смысле была ими составлена клятва, после чего в доме у гетмана Мазепа и полковники присягнули на кресте.

Когда Мазепа вышел из Батурина на соединение со шведским королем, Апостол сопровождал его со своим полком.

Дальнейшая судьба Данилы таит в себе много тайн. Обычно считалось, что через некоторое время он передумал и отстал от гетмана. Однако документы позволяют предположить совсем иное развитие событий.

После первой же встречи с Карлом XII Мазепа убеждается в иллюзорности своих планов. Уничтожение Батурина, ставшее преддверием и символом рухнувших надежд автономистов, сделало невозможным «мирный развод». Гетман – трезвый и дальновидный политик – не мог не понимать, что гибнет. И он решает спасти одного из наиболее близких ему людей – Миргородского полковника Данилу Апостола. Почему его, а не других? Ведь с Мазепой ушла вся генеральная старшина и многие полковники. Правда, Галагана – лучшего из охотницких полковников – Мазепа тоже «спасет» вслед за Апостолом. Почему не Орлика? Возможно, просто надо было с кого-то начинать.

Дальнейшее показало, что спасая Апостола, Мазепа дал шанс Украинскому гетманству сохранить хотя бы частичную автономию. Хотя бы на время.

16 ноября Апостол писал своим сотникам и обозному, что шведские войска встают «для защищения отчизны нашой от наступления московского», информировал, что сам с Мазепой и Карлом находятся в Ромне и направляются в Гадяч, куда должны были ехать и вся старшина[22].

20 ноября его родовое имение, местечко Сорочинцы, было занято Г. Волконским, а на следующий день туда приехал сам Апостол[23]. Волконский сообщал: «полковник миргородцкой к нам из Гадича в Сорочинец прибыл по прибытии моему на другой день и сказывал, что он был при Мазепе поневоле, а ныне как де поехал Мазепа до Ромен и он ехал за ним и от него отъехал»[24]. В своих официальных заявлениях Миргородский полковник декларировал, что был с Мазепой «по неволе» и выражал верность Петру. В том же духе в тех же Сорочинцах он составил и письмо к Скоропадскому.

Примерно неделю Волконский колебался, как поступить с Апостолом и, наконец, 28 ноября отправил его к Петру и Меншикову[25].

И только там полковник открыл тайный наказ Мазепы, согласно которому гетман предлагал возобновить союз с царем и выдать Карла. Апостол в письме к Мазепе лично объяснял ситуацию: «мне сначала и веры не няли, и за караулом держали, и описывались к двору царского величества, но оттуда получа указ, отпустили мене за караулом к его царскому величеству». Петр выслушал Апостола лично, «зело секретно; и хотя то изволил принять зело желательно и весело, однакож о том сумневался, правду ли я то от вашего сиятельства поведал, понеже мне от вас на письме ничего не выражено. И по многому моему предложению и утвержению верою и присягою, повелел его величество со мною трактовать секретнейшим своим министрам»[26]. Согласились и на условия, которые выставлял Мазепа, «однако ж о гарантии не малая трудность явилась». В результате написать Мазепе Апостолу позволили только после приезда Шишкевича (цирюльника племянника Мазепы Войнаровского) и охотницкого полковника Г. Галагана, подтвердивших намерения Мазепы[27].

Тогда же, 22 декабря 1708 года, ему написал и Г.и. Головкин, он «крепчайшее обнадеживал» Ивана Степановича, обещая «прежний уряд» и еще большие награды. Головкин особенно настаивал, чтобы Мазепа «постарался» выдать или самого Карла, или хотя бы «прочих знатнейших»[28].

1 января 1709 года Апостол извещал Головкина из Белоцерковки «о посылке к Мазепе известных писем с Андреем Борисенком, и о возвратном его оттуда приезде и отправлении к князю Меншикову для донесения своей комиссии»[29]. Апостол писал следующее: согласно инструкциям, полученным от царя, он послал Андрея Борисенко с письмами к Мазепе: одно было написано самим Г.и. Головкиным, другое – Апостолом. Борисенко успешно исполнил миссию, вернулся и был отправлен Апостолом к Головкину для дальнейших расспросов[30]. Больше никаких следов этого Борисенко в документах нет.

Трудно сказать, насколько сам Мазепа считал возможным примирение. Хочется верить, что Апостол и Галаган всерьез надеялись на это, а не просто бежали с тонущего корабля. Но военная ситуация складывалась таким образом, что петровскому окружению тайные сношения с Мазепой были уже не нужны. Карл теперь и не думал о походе на Москву, а его генералы все чаще обсуждали необходимость «уходить за Днепр». К тому же начался активный процесс дележа имущества опального гетмана. Меншиков и Голицын с руганью делили сокровища, захваченные в Белой Церкви[31]. Александр Данилович потребовал за взятие Батурина все имения Мазепы.

В январе 1709 года Петр принимает окончательное решение и прекращает все переговоры с Мазепой.

«Мазепинец» Апостол остается с русскими, а затем принимает участие в битве под Полтавой. Никто никогда не узнает, какие чувства владели Апостолом и другими друзьями опального гетмана, вынужденными оказаться на другой стороне баррикад. Некоторое представление об этом дают только проповеди Стефана Яворского, которые он так и не решился опубликовать[32].

Гетман и. Скоропадский. Портрет XVIII в.

В 1711 году Апостол участвовал и в трагическом для России Прутском походе, завершившемся для Петра позорной катастрофой. Хотя некоторые источники отмечают храбрые действия полковника, отбивавшего турок во время осады русского лагеря, но напрашивается другой вопрос. Апостол имел огромный опыт Крымского и Азовского походов, знал особенности войны на юге. Так почему Данило позволил Петру так бездарно попасть в руки турок?

Впоследствии Апостол продолжал свою военную службу и в 1722 году в качестве наказного гетмана десятитысячного казацкого корпуса участвовал в Персидском походе Петра. Именно его оперативные действия спасли русский отряд под командой бригадира Ветерани, занявшего резиденцию черкасского султана Махмута и оказавшегося в тяжелейшей ситуации. В награду Апостол получил от Петра портрет, украшенный бриллиантами[33].

Несмотря на такие внешние милости, положение Украинского гетманства было крайне тяжелым. Гетман Скоропадский, получивший эту должность по указу Петра и таким образом сменивший Мазепу, находился под постоянным строгим надзором двух специально приставленных резидентов. Он стал первым гетманом, при избрании (совершенно

формальном, без всякого соблюдения «кворума») не получившем «статьи», то есть собственно условия, на которых Украина в лице гетмана подтверждала свое присоединение к России.

Петр и его окружение не доверяли Скоропадскому, а тот был человеком мягким, порядочным и, между прочим, в свое время находившимся в очень тесных отношениях с Мазепой.

Эта двойственность положения была в тот период очень характерна для Украины. Часть «мазепинцев» находилась в Сибири, другая – в эмиграции, во главе с собственным гетманом Орликом. А те, кто остался с Петром и Россией, испытывали на себе все последствия политики царя. В условиях Северной войны реальная власть перешла к офицерам петровской гвардии. Они распоряжались в гетманстве по своему усмотрению.

Еще после Полтавской битвы Скоропадский под давлением старшины обратился к царю с просьбой подтвердить старые «вольности». Гетман также предложил новые статьи (из четырнадцати пунктов). В ответ Петр указом от 31 июля 1709 года подтвердил старые права и вольности, но никаких новых статей утверждать не стал.

Практика использования казаков при строительных работах, впервые введенная Петром в 1707 году во время сооружения Печерской крепости Киева, теперь приобрела массовый характер. Если Мазепа успешно протестовал против «тяжестей», которые испытывали казаки, а на строительство Петербурга посылал только мятежных запорожцев, то при Скоропадском старшина уже не решалась выступать против. В 1716 году десять тысяч казаков были направлены копать Волго-Донской канал. В 1718 году казаки строили укрепления вдоль Терека на Кавказе. В 1721 – 1722 годах 20 тысяч казаков участвовали в сооружении Ладожского канала. Все эти работы казаки должны были осуществлять за свой счет, без поддержки со стороны государства. В условиях тяжелого и непривычного климата до тридцати процентов из них умирало.

Петр не без причины видел корни украинского вольнодумства в западном образовании. Поэтому репрессии обрушились в первую очередь на Киево-Могилянскую академию, развитию которой уделял такое внимание Мазепа. Все студенты с Правобережья были высланы за пределы страны. В результате число обучающихся снизилось с одной тысячи до ста шестидесяти одного человека. Было запрещено печатать в гетманстве любые книги кроме церковных, согласованных с Духовной академией. Для Украины, где книгопечатание являлось одним из главных направлений деятельности братств еще с середины XVI века, это был страшный удар. Неслучайно Дмитрий Туптало Ростовский

умер в октябре 1709 года, не пережив страшную трагедию своей страны.

В 1718 году Скоропадский лично ездил в Москву, а затем, по указу царя – в Петербург[34], но никаких послаблений эта поездка гетманству не принесла. Наоборот, в том году на украинское духовенство обрушилась немилость Петра I. Киевский митрополит Иосиф Краковский и архимандрит Киево-Печерской Лавры Ионикий Сенютовский были арестованы и отравлены в Москву. Краковский по дороге скончался. Словно грозное предупреждение властям вскоре после этого сгорела Лавра «со всеми скарбами»[35].

Серьезным нарушением старых традиций и «вольностей» стало назначение на полковничьи должности инородцев. Первым стал серб Михайло Милорадович, его вопреки желанию Скоропадского Петр назначил Гадяцким полковником. Затем в 1718 году по царскому приказу гетман вынужден был отдать свою дочь Ульяну за Петра Толстого (сына сенатора Петра Толстого), вскоре после женитьбы он был пожалован «от самого государя» в Нежинские полковники[36].

Наконец, Петр начал невиданную доселе практику массовых пожалований украинских имений русским. Так А.Д. Меншиков получил все владения Мазепы. Украинские имения получил и Г.Ф. Долгорукий, а также другие сановники, в том числе киевский генерал-губернатор Д. Голицын. Стремление ряда «петровских птенцов» оторвать лакомый кусочек от цветущего Левобережья теперь успешно осуществлялось. Только Мазепе удавалось сдерживать их натиск.

Беспрерывно вводились новые налоги: на пчельники и табачное производство, мед, воск и прочее. Тут уместно вспомнить, как в манифестах Петра I Мазепу обвиняли в тягостях в связи с введением аренды, которая собственно населения и не касалась. Но, как известно, популизм всегда работает на сильного.

В Украинском гетманстве правящая элита имела тесные родственные связи. И теперь почти не было такой старшинской семьи, которую бы не затронули репрессии, обрушившиеся на «мазепинцев». Петровская администрация с особой неумолимостью и упорством преследовала их. Целыми семьями, с младенцами, старухами, монахинями их ссылали в Сибирь[37].

Апостол был в сложной ситуации. Один его зять (муж дочери Татьяны Иван[38]) был сыном Ивана Ломиковского, генерального обозного, находившегося с Орликом. Апостолу чудом удалось взять зятя на поруки и спасти от ссылки. Второй зять Андрей Горленко (муж дочери Марьи) вместе с отцом, известным

«мазепинцем» Прилуцким полковником Дмитрием Горленко, содержался под стражей в Москве.

Анастасия Скоропадская (жена и. Скоропадского). Портрет XVIII в.

К тому же у Миргородского полковника была вражда с гетманшей, Настей Скоропадской, отнявшей все имения Андрея Горленко[39]. Настя (урожденная Маркович) – вторая жена Скоропадского, вдова К. Голуба – имела огромное влияние на мужа, человека спокойного и покладистого. Казаки шутили, что Иван носит юбку, а Настя – булаву. Советниками Скоропадской были ее родные братья Марковичи, прежде всего – Лубенский полковник Андрей Маркович. Эта семья была крайне непопулярна на Украине, и их вражда с Апостолом только добавляла ему популярности[40]. Вообще, Марковичи вместе с рядом других старшин, сделавших свою карьеру на трагедии Мазепы (Кочубеи, Галаганы, Танские), стали ярким примером беспринципности,

стяжательства и предательства интересов гетманства и украинской автономии.

В начале 1722 года Скоропадский был вызван в Москву (он отправился туда с женой – впервые в истории Украинского гетманства)[41]. Там он подал петицию с просьбой рассмотреть различные потребности Украины. В ответ была объявлена реформа, в соответствии с ней создавалась Малороссийская коллегия во главе с бригадиром С.Вельяминовым. Она получала права высшего апелляционного суда, а также должна была осуществлять контроль над гетманской администрацией и финансами.

Реформа эта, разумеется, объяснялась желанием российского правительства «улучшить положение простого народа», который подвергался несправедливому обращению со стороны гетманской администрации. Кроме того, Украинское гетманство (в лице Малороссийской коллегии) переводилось из ведомства Коллегии иностранных дел (до этого – Посольского приказа[42]) непосредственно в ведомство Сената, управлявшего всеми российскими территориями. Таким образом, свой автономный статус Украина теряла.

Скоропадский тяжело переживал те репрессии и ограничения, обрушившиеся на Украинское гетманство. Не дождавшись приезда бригадира Вельяминова, он умер вскоре после своего возвращения из Москвы 3 июля 1722 года.

Полковник П. Полуботок. Портрет XVIII в.

После смерти Скоропадского Петр I решил запретить избрание нового гетмана. Его заявление было резким и безапелляционным: «Всем ведомо, что с Богдана Хмельницкого до Скоропадского все гетманы являлись изменниками, от чего много потерпело государство Русское, особенно Малороссия, и потому надобно приискать в гетманы верного и надежного человека, а пока такой найдется, определено правительство, которому надлежит повиноваться и не докучать насчет гетманского выбора»[43].

Тех, кто не согласился с таким решением, возглавил Черниговский полковник Павел Полуботок. Несмотря на то, что Апостол был главным соперником Полуботка в борьбе за гетманский титул, они отбросили личные амбиции и объединились в своих действиях. Не такой награды, как ликвидация автономии, ожидали они за свою верную службу царю!

С Вельяминовым, который действовал в Малороссийской коллегии, как медведь в посудной лавке, у старшины происходили постоянные конфликты. Например, он запрещал Полуботку без ведома коллегии посылать какие-либо универсалы к народу. Когда тот сослался на свое звание наказного гетмана,

Вельяминов заорал: «Я бригадир и президент, а ты что такое передо мною? Ничто! Вот я вас согну так, что и другие треснут. Государь указал переменить ваши давнины и поступать с вами по-новому!»[44].

Видимо, опасаясь возмущения, правительство старалось постоянно держать Апостола и его казаков в военных походах. На протяжении всего 1723 года он – то в Астрахани, то в других местах. Несмотря на это, он пишет в марте письмо Петру, прося назначить выборы нового гетмана и между прочим предлагая собственную кандидатуру.

Доля «автономистов» между тем была решена. Полуботок по приказу Петра должен был срочно прибыть в Петербург, но вначале по его просьбе Апостол подписал «челобитье» от Миргородского полка относительно избрания нового гетмана.

Находясь с войсками в Коломаке (в то время как Полуботок был уже в Петербурге) Апостол встретился с самыми влиятельными представителями казацкой старшины – Василием Жураковским и Яковом Лизогубом. Они совместно составили новое «челобитье», настаивая на избрании гетмана и прося отменить сборы, введенные Малороссийской коллегией. Такое «своеволие» вывело Петра из себя. Сначала он приказал арестовать в Петербурге Полуботка и бывших с ним генерального судью Черныша и генерального писаря Савича. Затем в Украине были схвачены Апостол, Жураковский и Лизогуб. Всех их бросили в Петропавловскую крепость. В декабре 1724 года Полуботок умер от воспаления легких, не вынеся гиблого климата новой столицы.

Следует отметить, что для Апостола, как ранее для Мазепы, борьба за сохранение автономного статуса Украинского гетманства никак не может объясняться поиском материальной выгоды. Апостол был к 1724 году одним из богатейших людей Российской империи. Он владел четырьмя местечками, девятнадцатью селами, одной слободкой и десятью хуторами – всего две тысячи шестьсот семьдесят восемь дворов. Кроме того, у него имелся замок в Сорочинцах, пасеки, мельницы, плантации табака, ковровая мануфактура, винокуренные, пивоварные и солодовые заводы, шинки, стада и т. д. Он спокойно мог следовать примеру Марковичей – дружить с Малороссийской коллегией и тихо богатеть, не задаваясь болезненными вопросами «казацкой воли» и «стародавних привилегий».

Теперь всех старшин, остававшихся в Петропавловской крепости, ждала ссылка в Сибирь и конфискация имущества. Но добрый гений Апостола вновь властно вмешался в его судьбу.

В январе 1725 года умирает Петр I. Отношение в Украине к

императору ярко характеризует дневник Якова Марковича, племянника вдовы Скоропадского и одного из самых богатых и высокопоставленных людей гетманства. Получив известие о смерти Петра, он отправился не молиться или горевать, но… ловить рыбу[45].

Провозглашенная императрицей супруга Петра I Екатерина значительно смягчила приговор узникам. Их обвинили в злоупотреблениях по отношению к казакам и крестьянам (красивый предлог!), освободили из крепости и оставили в Петербурге вместе с семьями, без права выезда. Кроме того Апостолу вернули все движимое и недвижимое имущество, а через некоторое время разрешили одному из его сыновей уехать в Украину «присматривать за хозяйством»[46].

Малороссийская коллегия продолжала управлять краем, чиня невероятные злоупотребления. Взяточничество и произвол стали нормой. Впоследствии во время проведенной ревизии выяснилось, что почти половина всех доходов с Украины оседала в карманах чиновников коллегии[47].

Между тем внешняя ситуация складывалась для России не лучшим образом. Это, прежде всего, брак французского короля Людовика XV с дочерью изгнанного польского короля Станислава Лещинского (дочь Петра Елизавета была отвергнута), враждебная позиция Порты, подогреваемой Орликом. Наконец, формирование антироссийской европейской коалиции (Франция, Пруссия, Голландия и Дания). Все это подтолкнуло членов Верховного тайного совета и прежде всего А.Д. Меншикова пойти на ряд уступок украинской автономии. Было предложено избрать гетмана, отменить все налоги кроме тех, которые собирались на войско, а также передать все судебные тяжбы в украинские суды.

Этот проект вызвал резкий протест некоторых членов совета, главным образом, врага Меншикова П. Толстого. Надо сказать, что конкретно украинские интересы заботили сенаторов меньше всего. Они играли в собственные политические игры. В частности, член Тайного Совета герцог Гольштинский (Карл Фридрих Шлезвиг-Гольштейн-Готторпский) вообще держал в уме кандидатуру Орлика на роль гетмана.

Находясь в Петербурге без права выезда, Апостол использовал время для усиления своих позиций. Он постоянно наносил визиты А.Д. Меншикову и другим влиятельным вельможам. Его сын Павел был в приятельских отношениях с сыном Меншикова, они даже учились в одной школе при императорской Академии наук. Кроме того, Апостол пользовался покровительством Феофана Прокоповича, украинского духовного деятеля, епископа и вице-президента Синода.

Наконец, в мае 1726 года Екатерина согласилась отпустить Апостола на Украину. Его сын Павел остался в Петербурге заложником, а сам он был вынужден принести присягу верности в Троицком соборе.

Но серьезные перемены в его положении произошли только при новом императоре Петре II. Вначале в июне 1727 года вышел указ о перенесении управления украинскими делами из Сената обратно в министерство иностранных дел. Затем в это же министерство перевели и дела украинского духовенства. Кроме того были отменены все налоги, введенные Малороссийской коллегией. Теперь все должно было происходить «по пунктам Богдана Хмельницкого». Интересно, что в Глухов это известие пришло одновременно с новостью о смерти Екатерины I и о вступлении на престол императора Петра II. Все новости были встречены с восторгом. Состоялся благодарственный молебен, стреляли из пушек[48].

Вскоре последовали новые «милости». Вышел запрет русским вельможам приобретать землю в Украине. Кроме того П. Толстой был снят с должности Нежинского полковника[49].

Судьба Украинского гетманства сделала причудливый поворот, и А.Д. Меншиков, преданный сторонник политики Петра и столь трагичная фигура в жизни Мазепы и Украины, теперь выступал яростным сторонником возобновления гетманского правления. Секрет этой метаморфозы был прост. Всемогущий правитель ненавидел бригадира С. Вельяминова, а заодно и Малороссийскую коллегию. Его личным врагом был и отец П. Толстого, чья жена (дочь покойного гетмана Скоропадского) и теща вместе со своими родственниками Марковичами поддерживали коллегию и дружили с Вельяминовым. Добиваясь абсолютной власти, Меншиков расправлялся со своими личными врагами. Помимо П. Толстого он отстранил от должности и Лубенского полковника А. Марковича.

Теперь Меншиков подготавливал возобновление гетманского управления. Члену Верховного совета Ф. Наумову предстояло выехать в Украину для участия в выборах гетмана. Была подготовлена серебряная булава, инструкция, императорская грамота и форма присяги. Как в свое время В.В. Голицын подобрал кандидатом в гетманы человека, который должен был, по его мнению, полностью от него зависеть (и. Мазепа), так и Меншиков считал Апостола идеальным, устраивающим его правителем гетманства.

В инструкции Наумову ситуация объяснялась без обиняков. «Что Его императорское Величество указал в Малой России выбрать гетмана по-прежнему обыкновению, однако сие от того

Малороссийского народа избрание написано от лица (т. е. для вида). А в самом деле Его императорского Величества соизволение быть гетманом миргородскому полковнику Данилу Апостолу, и чаем, что от народу не иной кто, но он Апостол по старшинству и по заслугам и ради имеющего у них кредиту избран будет… Ежели ж бы некоторые из того народа о ином ком намерение имели в гетманы обирать, в током случае ему Наумову того предостерегать, и путь к тому предуготовить, чтоб конечно его Данила Апостола, а не иного кого в гетманы народ избрал»[50].

Самым ярким образом характеризует бесправие украинской старшины в условиях правления Малороссийской коллегии следующий эпизод. Яков Маркович, как уже говорилось, племянник Скоропадского, генеральный подскарбий (то есть управляющий финансами) и один из самых влиятельных старшин эпохи «безгетманства», узнал о восстановлении гетманского управления из полученных им петербургских газет! В опубликованном там указе говорилось, что все теперь будет по пунктам, «на которых сей народ от начала в подданство российской империи пришел»[51]. Затем 22 августа 1727 года в Глухов прискакал некий канцелярист и сообщил старшине, что в дороге из Москвы он обогнал кортеж Наумова, от коего узнал: «гетманом устроен будет в Глухове пан полковник миргородский»[52]. Эта дословная фраза прекрасно отражает тогдашнюю действительность.

Но этот раз судьба уже не благоприятствовала Меншикову. 9 сентября, когда Наумов был уже на пути в Глухов, на заседании Верховного тайного совета князь был лишен всех своих должностей и вскоре сослан в Сибирь.

Однако остановить запущенный маховик было уже невозможно. 11 сентября под Глухов прибыл Апостол и встал в «шатрах» под городом. 29 сентября 1727 года была ликвидирована ненавистная всем Малороссийская коллегия, а на следующий день в Глухове прибывший Ф.В. Наумов провел совещание с представителями старшины и духовенства. Был объявлен указ императора о проведении выборов гетмана. Собравшиеся единогласно высказались за кандидатуру Апостола[53].

Церемонию избрания назначили на воскресенье, 1 октября 1727 го да. Офицер с трубачом и литаврами объявлял о месте и времени выборов. Сигналом к началу должны были стать три выстрела из пушки.

На центральной площади Глухова соорудили трибуну, которую окружали войска русского гарнизона города. Туда же пришли казацкие полки под командой полковников и высшее

духовенство.

Процессию открывал секретарь Наумова, он ехал в карете, запряженной шестеркой лошадей, держа в руках серебряное блюдо, на котором лежала царская грамота об избрании гетмана. Перед каретой скакали казацкие трубачи и литаврщики. Следом ехала казацкая старшина, она везла гетманские клейноды – булаву на подушке, покрытой красной тафтой, бунчук, знамя и войсковую печать. Шествие замыкала карета, в которой ехали сам Наумов и Данило Апостол.

Была зачитана императорская грамота, разрешавшая избрание гетмана, а потом прозвучал вопрос: кого казаки избирают себе гетманом? Трижды задавался этот вопрос, и трижды толпа называла Данилу Апостола. Согласно традиции, тот отказывался от этой должности, говоря, что он слишком стар и не сможет потянуть столь нелегкую ношу.

Разумеется, эти ритуальные отговорки никто всерьез не воспринимал. Наумов объявил избрание Апостола совершенным, полковники взяли его под руки и возвели на трибуну. Раздались приветственные крики, в воздух взлетели шапки. После вручения новому гетману клейнодов состоялся торжественный молебен в церкви святого Николая, во время которого гетман принес присягу на верность императору.

Завершилась церемония торжественным обедом в покоях гетмана до глубокой ночи с постоянными салютами из двадцати четырех пушек. На следующий день были визиты с поздравлениями и парадный обед у Наумова[54].

Таким образом, дело, задуманное Меншиковым с далеко идущими личными целями, осуществилось уже без всякого его участия. При этом выдвинутый им кандидат на гетманство – Апостол – оказался далеко не самым плохим для Украины. Правда, ему уже исполнилось 73 года (напомним, что Мазепа умер в 70), зато он был опытным, образованным, пользовавшимся большим авторитетом среди старшины. И что самое важное – искренним сторонником украинской автономии, одним из последних «мазепинцев», понимавших и помнивших какими, собственно, должны быть «казацкие вольности».

Судьба, безусловно, играла любопытную игру с людьми, считавшими себя ферзями на шахматной доске истории Украины. Меншиков, скорее всего так и умер, не догадываясь об истинных идеалах и отношении к делу Мазепы Апостола, собственными руками сделав его гетманом. Апостол же, в свою очередь, становясь гетманом, лишал всякой надежды на реванш Филиппа Орлика, считавшего себя истинным «мазепинцем» и продолжавшего искать военной и политической поддержки во

всех уголках Европы. К чести Апостола можно отметить, что его сын искренне дружил с сыном Меншикова, и когда тот попал в опалу, он даже обратился с просьбой разделить судьбу изгнанника, в чем ему Верховный тайный совет отказал.

Выбор Меншиковым Апостола стал большой удачей для Украинского гетманства и на несколько десятилетий оттянул его ликвидацию. Выборы гетмана (хотя, по сути, и носившие формальный характер) вызвали большую радость в Украине. Ликвидация Малороссийской коллегии и восстановление гетманского правления воспринимались всеми как возврат к принципам, заложенным еще при Богдане Хмельницком. Украинский поэт Яков Галяховский написал поэму «Эхо радости и приветствия и благодарствия».

Уже 5 октября гетман провел назначение генеральных старшин (их, правда, должен был еще утвердить император), а 9 октября в Петербург выехала делегация гетмана, которая сообщила императору о подробностях избрания и получила богатые подарки. Но, как оказалось, Апостол не собирался на этом останавливаться. Он понимал, что само восстановление гетманства даже в условиях ликвидации Малороссийской коллегии не создавало основ для новой ситуации в Украине. Ведь договорных статей, как происходило раньше при избрании гетманов, составлено не было. Также было неясно, на каких условиях будет управлять гетман.

В начале февраля Апостол лично отправился в Москву, чтобы присутствовать на коронации Петра II. Вместе с ним поехали все кандидаты на посты генеральной старшины и полковников. Вскоре они были уже в старой столице.

Апостол пробыл в Москве семь месяцев, проводя время в визитах к высшим российским сановникам. Многие были давними знакомыми гетмана – президент Коллегии иностранных дел Г.и. Головкин, князь Д.М. Голицын и др. Постоянные встречи и тайные совещания Апостол имел с Феофаном Прокоповичем. Он действовал настойчиво, энергично и твердо знал, к какой цели надо стремиться. Уже в марте Апостол вручил Головкину пункты «о нуждах малороссийских». Рассмотрение этих просьб и согласование формулировок заняло немало времени.

Между тем гетман со старшиной присутствовал на коронации Петра II, на ассамблее в Грановитой Палате. Он удостаивался аудиенции императора, затем сам принимал его у себя на обеде. Интересно, как в это время меняется и отношение старшин к Апостолу. В нем впервые увидели реального лидера и правителя. Яков Маркович в эти дни записывает у себя в дневнике: «были мы у гетмана и имели честь видеть его очи»[55].

Наконец 22 августа 1728 года были получены так называемые «Решительные пункты», состоявшие из двадцати двух параграфов и утвержденные Верховным тайным советом. В целом они представляли собой крайне урезанный вариант тех требований, которые выдвигал Апостол, хотя все же сохраняли за Украинским гетманством видимость автономии.

Судебная система хотя и сохранялась обособленной для Украины, но Генеральный суд превращался в коллегию, состоявшую из русских и украинских судей, и подчинялся Коллегии иностранных дел. Избирать гетмана разрешалось хотя и «вольными голосами», но лишь по указу императора (равно как и свергать). Что касается остальной старшины (генеральной, полковников и сотников), то теперь позволялось только избирать кандидатов (два-три на каждую должность), из которых проводил назначение император. Сохранялось расквартирование русских войск в Украине, а общая численность охотницких войск не должна была превышать одной тысячи пятисот человек. Отменялись подати, введенные Малороссийской коллегией, и все доходы должны были теперь снова идти в гетманскую казну. Но для контроля расходования этих средств вводилась должность двух подскарбиев – русского и украинца. Наконец, право раздачи имений на территории Украинского гетманства, еще во времена Мазепы находившееся полностью в ведении гетмана, теперь переходило в руки императора.

Короче говоря, все вернулось к положению дел, каким оно было при Скоропадском, до начала петровских реформ 1722 года. Наверное, одним из самых неприятных неожиданностей для Апостола стал указ о подчинении его в военных делах генерал-фельдмаршалу князю М.М. Голицыну. К тому же теперь к особе гетмана назначался министр-резидент, без совета с которым не позволялось принимать ни одного из важнейших решений.

В начале сентября Апостол получил жалованную грамоту на гетманство и соболью шубу, крытую аксамитом. Вскоре после этого он вернулся в Украину.

Надо отметить, что к этому времени гетман уже успел поссориться с назначенным к нему министром-резидентом Наумовым. Он открыто обвинил его во взятках (видимо, не без основания). В конечном счете Верховный тайный совет пошел навстречу Апостолу и назначил на место резидента князя А. Шаховского. Фигура эта была далеко не номинальная. В частности, он должен был контролировать всю зарубежную (даже личную) переписку гетмана.

Перед Апостолом стояла очень непростая задача, если он действительно хотел сделать свою должность неформальной, и

снова, вопреки судьбе, вернуть Украинскому гетманству неформальную автономию. Одной из первых забот гетмана было назначение людей на должности генеральных старшин. Дело в том, что во время правления Малороссийской коллегии многие должности оставались вакантными, и это еще больше ущемляло автономию Украинского гетманства. Практически отсутствовал государственный аппарат управления. Хаос творился на местах, в финансах, торговле и судопроизводстве. Процветало взяточничество и злоупотребления чиновников[56].

Почти год ушел на согласование кандидатов с Верховным советом и только в июле 1728 года список генеральной старшины был утвержден.

Апостол начал военную реформу, в том числе унифицированный мушкет сменил различное ручное огнестрельное оружие, бывшее на вооружении у казацкой пехоты. В Туле было заказано пять тысяч мушкетов, что стало основой современного перевооружения казаков, столь пригодившееся во время русско-турецких войн XVIII века, в которых они приняли самое деятельное и успешное участие[57].

Серьезную проблему представляло собой частное земельное владение в Украинском гетманстве. За время «безгетманства» большая часть владений, дававшихся на «уряд» (т. е. на должность), так называемых «ранговых», была роздана частным лицам. Многие старшины, оставляя свои посты, сохраняли «ранговые» земли в своем личном пользовании. Так, например, поступила вдова Скоропадского и многие другие.

Надо было реанимировать всю систему. В результате реформы, проведенной Апостолом в 1732 году, за генеральным писарем закрепляли четыреста пятьдесят три двора, за генеральным обозным – четыреста, генеральные судьи и генеральный подскарбий получали по триста дворов, а генеральные хорунжий и бунчужный – по двести.

Чтобы навести порядок с расхищенными «ранговыми» владениями, Апостол распорядился провести так называемое «генеральное следствие» на территории всех полков гетманства. Канцеляристы объезжали полки и опрашивали старожилов: когда было основано то или иное село, кто, когда и на каких правах им владел и владеет. Полковая старшина должна была систематизировать всю эту информацию и отослать эти книги в Глухов. Генеральное следствие было завершено в 1731 году и позволило возвратить незаконно присвоенные ранговые земли. Между прочим, эти опубликованные материалы по сей день являются ценнейшим источником по истории Украины.

Все владения были разделены на шесть категорий: ранговые,

пожалованные за заслуги, ратушные, свободные, монастырские и спорные. Незаконно захваченные старшиной, шляхтой, монастырями, городами и российскими чиновниками села и хутора возвращались к своему первоначальному статусу.

По материалам следствий стало ясно, что наметился процесс увеличения числа зависимых крестьян. Напомним – после восстания Б.Хмельницкого они практически все стали свободными. При Апостоле особенно много зависимых крестьян было в Полтавском полку (81%), а менее всего – в Черниговском (7%). Правда, речь пока не шла о крепостной зависимости, так как все крестьяне могли уйти от одного пана к другому[58]. К тому же в результате изменений, проведенных после окончания следствия, значительная часть крестьян улучшила свое положение.

Апостол стремился уничтожить практику (начатую Петром I) раздачи украинских земель российским чиновникам. Он выдал ряд универсалов, предписывавших старшине вынуждать российских землевладельцев продавать свои украинские имения. Согласно его указанию, все россияне, не «имевшие паспортов» должны быть высланы с Украины.

Приведение податной системы в порядок и отмена отчислений в Петербург привели к тому, что гетманская казна теперь имела бюджет до 144 тысяч рублей годовых.

По указу Апостола в 1728 году в Глухове состоялось совещание украинских купцов, на котором обговаривались вопросы торговой политики Украинского гетманства. Купцы обратились к российскому правительству с просьбой снять запрет на вывоз за границу таких товаров, как сало, воск, пряжа, кожа и селитра. Купцы также просили Коллегию иностранных дел уменьшить налог и разрешить им торговать за границей по украинским паспортам, а не по российским. Со своей стороны Апостол выпустил ряд универсалов, охранявших украинских купцов от конкуренции со стороны купцов иностранных, в том числе и русских. Было организовано кредитование купцов, отсрочена выплата по векселям[59].

Апостол добивался передачи судебных дел в веденье местных судов и возвращения Генеральному суду функций высшей судебной инстанции. Гетманская инструкция 1730 года четко определяла компетенцию различных судебных учреждений и их численный состав.

Одним из важнейших шагов правления Апостола было создание «Свода» украинских законов. Гетман создал комиссию, которая должна была перевести юридические книги на русский язык и скомпоновать в Кодекс. В основу были положены

Литовский Статут и Магдебургское право, что должно было подчеркнуть особый статус Украинского гетманства в составе Российской империи.

Сам Апостол был образованным человеком, интересовался искусством и европейской политикой (генеральный подскарбий Яков Маркович в своем дневнике отмечал, что присылал ему французские газеты). Этим во многом объясняются усилия, предпринятые Апостолом для развития культурной жизни Украины. Прежде всего, они были направлены на восстановление Киево-Могилянской академии, претерпевшей страшные гонения в конце правления Петра I. В годы его гетманства число студентов возросло почти до четырехсот (со ста шестидесяти одного в 1709 г.). Способствовал он и улучшению ее материального положения, в частности, академии были возвращены все ее земельные владения.

Союзником гетмана в деле возрождения академии выступал Михайло Заборовский, ученик Киево-Могилянки, ставший в 1731 го ду архиепископом Киевским, Галицким и всея Малой России. При нем началась реставрация Мазепинского корпуса академии. Для проведения строительных работ Заборовский выписал из Петербурга архитектора Й.Г. Шеделя[60]. Архиепископ выхлопотал у Синода звание архимандрита для ректора академии. Заборовский часто давал профессорам и преподавателям денежные премии из личных средств, а многие студенты получали стипендию.

Во времена Апостола в честь восстановления гетманского правления в академии была поставлена пьеса «Милость Божья, Украину от обид польских с помощью Богдана Зиновия Хмельницкого освободившая». В этой типичной драме в стиле барокко Хмельницкий представал в образе идеального рыцаря, доброго гения Украины. При этом в негативном свете в пьесе представал Петр I, и, в свою очередь, воспевался Петр II, восстановивший гетманское правление.

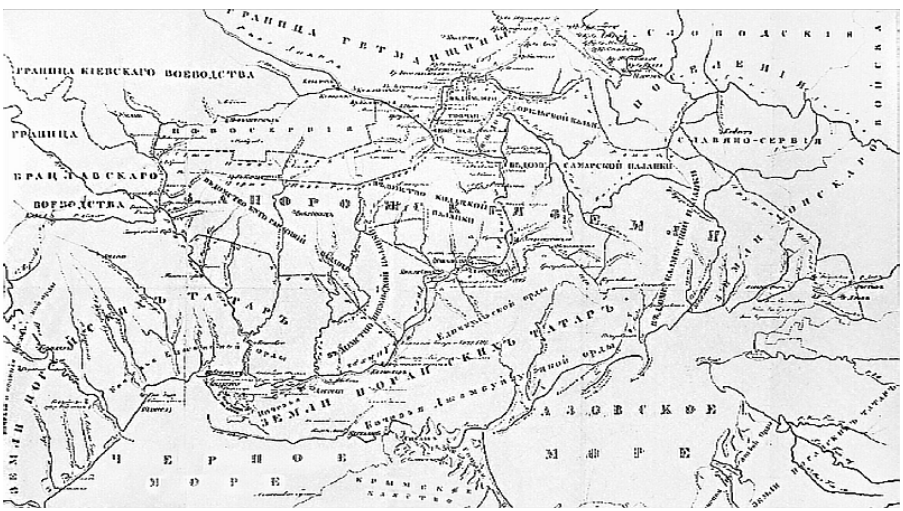
Император Петр II скоропостижно скончался накануне своей свадьбы в совсем еще юном возрасте (ему не исполнилось и пятнадцати), и 25 января 1730 года императрицей была провозглашена Анна иоанновна. Апостол в то время был в Москве и стал свидетелем этих событий.

Начало ее правления не предвещало тех неприятностей, которые в скором времени обрушились на Украинское гетманство. Апостол был снова приглашен в Москву и в феврале 1731 года получил от Анны иоанновны орден Александра Невского и одну тысячу пятьсот новых дворов на «гетманский уряд». Его младшему сыну (находившемуся в роли заложника)

было разрешено вернуться в Украину и занять должность Лубенского полковника. Из заточения был освобожден «мазепинец» полковник Дмитрий Горленко.

Большой радостью для украинцев стал и указ, согласно которому расквартирование российских полков в Украине сократилось до шести драгунских. Это известие было встречено пушечной пальбой и молебном во всех церквях[61].

Первым неприятным сигналом стал указ об участии казаков в фортификационных сооружениях на линии от Днепра до Орели. В апреле 1731 года Украинское гетманство должно было выставить для этих работ семь тысяч казаков, а уже летом того же года – еще восемь тысяч. Кроме того, требовались войска для похода против татар. А в 1733 году украинские казаки под командованием наказного гетмана Якова Лизогуба и полковника игнатия Галагана участвовали в военных операциях в Польше, в поддержку русского кандидата на польский престол. В частности, им удалось разбить сторонников Лещинского под Каменцом-Подольским.



Карта земель Войска Запорожского Низового. XVIII в.

Воспользовавшись усилением турецкой угрозы и активизацией антироссийской европейской лиги, подстрекаемой Орликом (особенно после женитьбы Людовика XV на дочери Станислава Лещинского), Апостол активно ходатайствовал перед императрицей Анной о «прощении» запорожцев. После уничтожения Запорожской Сечи по указу Петра I запорожцы находились на территориях, подвластных крымскому хану и неоднократно обращались к России с просьбой вернуться в родные места. В 1733 года такое решение, наконец, было

принято. К запорожцам прислали клейноды, и в Белой Церкви состоялась процедура присяги. После этого запорожцы поселились на своей исторической территории, основав Новую Сечь.

Весной 1733 года Апостол перенес инсульт. Резидент князь А.Шаховской поспешил донести императрице, что состояние гетмана безнадежно. В правительстве болезнь Апостола использовали как благовидный предлог для новых реформ. Императрица не позволила гетману отдать управление генеральной старшине, а поручило его своему резиденту с Коллегией, составленной поровну из русских и украинцев.

Апостол в очередной раз переборол судьбу, выздоровел и в июле 1733 года приступил к выполнению своих обязанностей. Но это уже был последний рывок. 17 января 1734 года на восьмидесятом году жизни он умер от очередного удара.

Данило Апостол был похоронен в Спасской церкви его любимого имения Сорочинцы Миргородского района Полтавской области. Отпевал его архимандрит Михайло Заборовский.

Как писал об Апостоле Д.Н. Бантыш-Каменский, «он возвратил соотечественникам древние права, Скоропадским утраченные, и водворил спокойствие в вверенной ему стране»[62].

После смерти Апостола избрание гетманов снова было отменено, а управление Украиной было поручено Коллегии иностранных дел из шести членов во главе с правительственным резидентом Шаховским.

Фигура Апостола, безусловно, полна противоречий и до сих пор не раскрытых сторон. Во многом он был заложником судьбы и обстоятельств. Но если смотреть объективно на заслуги Апостола-гетмана, то, безусловно, он принес много облегчения и пользы Украинскому гетманству и те реальные (хотя и не всегда достаточные) уступки, которых он добился от российского правительства, были более весомыми, чем все красивые, но эфемерные проекты Орлика.

Примечания

[1] Акты ЮЗР. Т. № 115. С. 272–273.(в предыдущих главах сначала давалось полное название).

[2] Дневальные записки приказа тайных дел 1765–1783 гг., с предисл. С.А. Белокурова // ЧОиДР. 1908. Кн. 1. Ч. 1. С. 48.

[3] Wojna polso-moskiewska pod Cudnowem // Tłum. A. Hnilko // Biblioteka historiczno-wojskowa. Warszawa. 1922. T. III. S. 38.

[4] ПКК. 2-е. Т. IV. № XXII. С. 106–107; Акты московского государства. Т. III. № 212. С. 193.

[5] ПКК. 2-е. Т. IV. № XII. С. 60.

[6] Там же. № XVIII. С. 86.

[7] *Jerlicz J.* Latopisiec albo kroniczka. Warszawa, 1853. T. II. S. 62.

[8] Акты ЮЗР. Т. VI, № 2. С. 26. Письмо Д. Ермоленко и. Брюховецкому 8 сентября 1665 г. н. ст.

[9] *Крупницький Б.* Гетьман Данило Апостол і його доба. Авгсбург, 1948. С. 4.

[10] *Лазаревский А.М.* Очерки малороссийских фамилий // Русский архив. 1875. № I. С. 92.

[11] Там же. С. 91.

[12] *Горобець В.* Данило Апостол // Історія України в особах. К., 2000. С. 226–227.

[13] Петрик – канцелярист, который с подачи В. Кочубея поднял восстание, направленное против и. Мазепы и русского царя. Петрик заключил союз с татарами и искал поддержки среди запорожцев.

[14] Письмо Орлика. С. 165.

[15] То есть договор с Речью Посполитой, заключенный во времена и. Выговского.

[16] Письмо Орлика. С. 167.

[17] *Бантыш-Каменский Д.Н.* Источники. Кн. 2. С. 71.

[18] Письма и бумаги Петра Великого. Т. VII. Ч. 2. С. 774.

[19] Там же. С. 782–783.

[20] Там же. С. 780.

[21] Там же. Т. VIII. Ч. I. С. 237, 2759.

[22] иР Вернадского. Ф. VIII. № 2677. Л. 1–2.

[23] Архив СПбии РАН. Ф. 83. № 2714. Л. 1 об.

[24] Там же.

[25] *Георгиевский Г.П.* Мазепа и Меншиков // исторический журнал. 1940. № 12. С. 82–83.

[26] *Бантыш-Каменский Д.Н.* Источники. Кн. 2. С. 213; РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708. № 120.

[27] *Бантыш-Каменский Д. Н.* Источники. Кн. 2. С. 213.

[28] Там же. С. 212–213.

[29] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1709. № 7.

[30] «Подлуг информации и науки от его царского величества мне данной, з листом которий велможность ваша по монаршом его царского величества указу до Мазепи писалем, и з моим до него ж так же по монаршому указу писанным, ку неприятелской стороне посилалем сего человека Андрея Борисенка, которий свое дело за которим был посилан, зорудовавши, як скоро оттоль повернулся, так зараз оного для совершенного в том деле роспросу до светлейшего князя его милости и до велможности вашей отсилаю» (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1709. № 7).

[31] Архив СПбии РАН. Ф. 83. № 2919. Л. 1–1 об.

[32] *Таирова-Яковлева Т.Г.* Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». М., 2011. С. 249–253.

[33] *Крупницький Б.* Гетьман Данило Апостол і його доба. С. 12.

[34] *Маркович Я.* Дневник (1717–1767) / Под ред. А. Лазаревского. К., 1893. Ч. I. С. 6.

[35] Там же. С. 7.

[36] Там же. С. 9.

[37] *Костомаров Н.И.* Мазепинцы // Руина. Мазепа. Мазепинцы. М., 1995. С. 768–769.

[38] *Лазаревский А.М.* Очерки малороссийских фамилий. С. 91.

[39] Там же.

[40] *Крупницький Б.* Гетьман Данило Апостол і його доба. С. 13.

[41] *Маркович Я.* Дневник. Ч. I. С. 11.

[42] Малороссийский приказ был фактически частью Посольского и управлялся теми же лицами. *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. М, 2007. Т. 4. С. 279.

[43] *Костомаров Н.И.* Павел Полуботок // Казаки. М, 1995. С. 347.

[44] Там же. С. 348.

[45] *Маркович Я.* Дневник. С. 201.

[46] Там же. С. 208, 217.

[47] *Крупницький Б.* Гетьман Данило Апостол і його доба. С. 39.

[48] *Маркович Я.* Дневник. Ч. П. С. 149.

[49] Впоследствии он спился и умер *(Маркович Я.* Дневник. Ч. П. С. 155).

[50] *Крупницький Б.* Гетьман Данило Апостол і його доба. С. 53.

[51] *Маркович Я.* Дневник (1717 – 1767). Ч. П. С. 166.

[52] Там же. С. 167.

[53] Интересно, что только после прибытия Наумова вдова Скоропадского съехала из гетманского дворца.

[54] *Маркович Я.* Дневник. Ч. П. С. 179 – 180.

[55] «...былисмо у гетьмана и имели честь очи его видети»

(Маркович Я. Дневник. Ч. П. С. 218).

[56] *Борисенко В.* Курс української історії. К., 1998. С. 305.

[57] Історія українського козацтва. К., 2006. Т. 1. С. 519–520.

[58] *Полонська-Василенко Н.* Історія України. К., 1995. Т. 2. С. 89.

[59] *Борисенко В.Й.* Курс української історії. С. 305.

[60] Києво-Могилянська академія в іменах. К., 2001. С. 213.

[61] *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России. К., 1993. С. 442.

[62] Там же. С. 443.

Глава 11
КИРИЛЛ РАЗУМОВСКИЙ

Блестящие аристократы Разумовские происходили из семьи обедневшего пьяницы, украинского реестрового казака Григория по прозвищу Розум из села Лемеши, что на территории Черниговского полка. Подлинной фамилии Григория никто не знает.

Времена эти были для казачества тяжелые, смутные. Раскол, вызванный переходом и. Мазепы к шведам, преследования со стороны царского правительства и, наконец, запрет на избрание гетмана и арест старшины в Петербурге в 1724 году, – все это рождало смятение в казацких умах. Возможно, именно раздумья о нелегкой казацкой доле и толкнули Григория к горилке. А, может, он просто был бездельником. Но собственный ум (по-украински – «розум») он ценил высоко и часто в пьяном виде любил повторять: «Що то за голова, що то за розум»! Вот и получил прозвище Розум, которое впоследствии у его сыновей превратилось в русифицированное Разумовский.

Происхождение Алексея и его семьи не скрывалось ими и не являлось секретом для современников, однако по указу императрицы Елизаветы Петровны была составлена «шляхетская» генеалогия, в ней их выводили от польского рода Рожинских. Все это сильно смахивает на историю с «польско-шляхетским» происхождением другого царского фаворита – Александра Меншикова.

Старший из сыновей Григория, Алексей, родился в 1709 году и соответственно был ровесником Полтавской битвы. В отроческие годы он пас общественное стадо, но тянуло его совсем к другому. У дьячка соседнего села Чемер он выучился грамоте. По народному преданию, однажды казак Григорий увидел старшего сына Алексея с книжкой в руках. Будучи пьян, он схватил топор и начал гоняться за ним вокруг хаты. Опасаясь отцовского гнева, Алексей бежал из дома и поселился в Чемере. Имея великолепный голос и прекрасный музыкальный слух, он жил тем, что пел в местном церковном хоре. А еще, как говорят, Алексей отличался удивительной, яркой красотой.

Гетман К. Разумовский. Портрет XVIII в.

На Рождество 1731 года через Чемер (почтовая станция на дороге Киев – Чернигов) проезжал полковник Федор Вишневский. Он вез из Венгрии токайское вино к императорскому двору в Петербург. Вишневский зашел на праздничное богослужение в церковь и был восхищен голосом молодого певчего. Зная, как при дворе ценились украинские музыканты, он пригласил Алексея с собой в Петербург. В двадцать два года юноша попадает в столицу. Обер-гофмаршал двора императрицы Анны иоанновны граф Левенвольд принял Алексея Розума прямо в придворный хор, где служили одни выходцы с Украины. Уже через несколько дней во время богослужения в придворной церкви Алексей обратил на себя внимание царевны Елизаветы. Высокий, красивый, с проникновенным и сильным голосом он быстро покорил сердце капризной красавицы, в которую были влюблены все, начиная от ее племянника, императора Петра II. А тут еще в ссылку попал любимец цесаревны Шубин, и Алексей Разумовский занимает его место, становится фаворитом, другом и советником Елизаветы, которая при д+воре Анны иоанновны вела далеко не легкую жизнь опальной царевны.

Через некоторое время Алексей потерял голос, но не лишился

расположения царевны. Она назначила его придворным бандуристом. Позже, уже как Разумовский, он стал управляющим одного из имений Елизаветы, затем – всех ее имений и ее небольшого двора. Анна Леопольдовна пожаловала его званием камер-юнкера.

Уже в этот период Алексей стал заботиться о своей семье. На получаемые от него деньги его мать Наталья Розумиха (Наталья Демьяновна Разумовская) открыла в Лемешах корчму (Григорий к тому времени уже спился и помер).

«Разумиха», мать К. Разумовского. Портрет XVIII в.

Самое активное участие принял Разумовский и в перевороте 1741 года, за что был пожалован в поручики лейб-кампании, с генеральским чином. Став императрицей, Елизавета сполна наградила верного фаворита. Он получил многочисленные села на Украине, а во время коронации Алексей нес шлейф императрицы.

К матери Разумовских Елизавета проявила особое внимание. В село Лемеши был отправлен особый нарочный, он доставил Розумиху в столицу, где ее поместили со всем семейством в императорском дворце. Сохранилось предание, как Розумиху

одели в придворную одежду, фижмы, нарумянили, сделали высокую прическу и велели упасть на колени при появлении императрицы. Не успела Розумиха оглянуться, как увидела идущую ей навстречу Елизавету Петровну. Не долго думая, она бухнулась на колени. Опомнилась она от громкого смеха. Оказалось, что за императрицу она приняла собственное отражение в огромном зеркале… Не узнала Розумиха и сына в блестящем царедворце. По рассказам, ему пришлось раздеться, и только родимые пятна убедили мать, что перед ней действительно ее сын.

Однако казацкое семейство, волей случая попавшее на такую вершину влияния и почета, оказалось далеко не простаками. Алексей приблизил к себе таких ученых и талантливых людей, как асессор академии Г. Теплов, адъюнкт Академии наук В. Ададуров, поэт и писатель А. Сумароков, ставший его генерал-адъютантом, и. Елагин – сенатор, первый директор «придворных театра и музыки», поэт, драматург и переводчик. Сам он подчеркнуто стоял вне политики. Не лез и в дворцовые интриги, присущие двору дочери Петра. Розумиха, которую поселили в придворные покои, отказалась носить фижмы и модные прически, вела подчеркнуто скромный образ жизни и при первой возможности отпросилась домой.

Осенью 1742 года Елизавета обвенчалась тайным браком с Алексеем в подмосковном селе Перове[1]. Положение Разумовского после этого стало при дворе особым: на него смотрели как на супруга императрицы. Когда он болел, она обедала в его комнатах, смежных с ее собственными апартаментами. Разумовский везде сопровождал императрицу, а она публично оказывала ему знаки внимания: застегивала шубу и поправляла шапку[2]. Он получил звание генерал-фельдмаршала, орден Андрея Первозванного, а затем и титул графа Священной Римской империи, купленный для него императрицей. Графский титул получили также мать фаворита Розумиха, сестра и младший брат Кирилл.

Исподволь, деликатно, но настойчиво Алексей Разумовский рассказывал Елизавете Петровне о красоте и богатстве своего родного края. Видимо, великолепная рассказчица Розумиха тоже сыграла не последнюю роль. Вскоре при дворе появилась мода на все украинское: бандуристы, «малороссиянка-воспевальница». Слепой бандурист Г. Любисток получил дворянство и звание полковника. Украинцы участвовали не только в церковном хоре, но и в театральном – наряду с итальянцами. Разумовский сохранил свое увлечение музыкой, и благодаря его усилиям при дворе была устроена постоянная итальянская опера.

Императрица Елизавета Петровна. Портрет XVIII в.

Уже при восшествии на престол Елизаветы было решено сделать послабления «малороссийскому народу», чтобы он оправился от убытков, ставших следствием войны с Османской империей[3]. Благодаря заступничеству Разумовского еще при жизни Анны иоанновны была облегчена участь Варлаама Ванатовича, архиепископа Киевского, Галицкого и всея Малой России. Благодетель Киево-Могилянской академии, который во времена «слова и дела» был несправедливо обвинен, лишен архиерейского сана и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, в 1740 году был помилован, ему вернули архиерейский сан и в феврале 1741 года он прибыл в Петербург[4].

Вскоре после восшествия на престол Елизаветы Петровны в Петербург прибыла депутация старшин во главе с сыном покойного гетмана Апостола Петром: Я. Маркович, Г. Лизогуб и юношеский приятель Елизаветы Андрей Горленко. Они были самым теплым образом приняты Разумовским и подключились к веселой и беззаботной придворной жизни. Однако, участвуя в череде карнавалов, пирушек, банкетов, они добились разрешения перехода крестьян, запрета принимать украинцев в кабалу, а также строжайшего запрета русским чиновникам, служившим в Украине или проезжающим через нее, «чинить обиды, забирать даром провиант, дрова и т. д.»[5].

Граф Алексей Разумовский. Портрет XVIII в.

По ходатайству Разумовского из Сибири была возвращена опальная старшина, сосланная в годы «слова и дела», – В. Танский (его дочь была бабушкой Гоголя), Костош и многие другие.

Разумовский, будучи набожным человеком, покровительствовал представителям украинского духовенства. Одним из них был Арсений Мациевич, выпускник Киево-Могилянской академии, ставший в 1742 году митрополитом Ростовским и Ярославским. Приехав в Ростов и пользуясь влиянием Разумовских в Петербурге, митрополит начал процесс канонизации Дмитрия Тупталы (Ростовского), друга и. Мазепы, умершего в 1709 году и похороненного в Ростове. Осенью 1752 года по указу Мациевича была вскрыта могила Тупталы и обнаружены его нетленные останки. По Петербургу пошли слухи о чудесах, происходящих в Ростове вокруг останков Туптало.

Сам фаворит и теперь оставался таким же, каким был в Лемешах, – простым, добродушным, хитроватым и насмешливым «хохлом», любящим свою родину и своих земляков. Екатериныа II в своих мемуарах писала: «Эти два брата составляли семью фаворитов, самую любимую всеми, какую я когда-либо видела»[6].

Согласитесь, явление уникальное для императорских фаворитов.

В конечном счете Алексею удалось уговорить императрицу посетить Киев. На Украине ей был оказан чрезвычайно торжественный и вместе с тем сердечный прием. Довольно долгое время она прожила в доме Разумовского, в Козельце, и познакомилась там со всею родней бывшего лемешевского пастуха. Но особенно очаровал ее Киев. Там специально к этому визиту был построен Мариинский дворец по проекту любимого архитектора Елизаветы Б. Растрелли. Студенты Киево-Могилянской академии развлекали императрицу спектаклями и декламацией. В Киеве Елизавета произнесла следующую фразу: «Возлюби меня, Боже, в царствии небесном Твоем, как я люблю народ сей благонравный и незлобивый».

Во время ее путешествия, действуя по заранее разработанному Разумовским плану, генеральная старшина и полковники подали императрице петицию о назначении выборов нового гетмана. Елизавета, для которой такой поворот событий тоже не был неожиданностью, благосклонно приняла просьбу и посоветовала направить по этому вопросу специальную депутацию старшины в Петербург на празднование бракосочетания наследника престола Петра Федоровича с Екатериной Алексеевной. Так причудливо переплелась история Украинского гетманства с дворцовыми интригами российского двора. Петр Великий в конце своей жизни (после смерти гетмана Ивана Скоропадского) запретил избрание нового гетмана и практически ликвидировал украинскую автономию, передав управление гетманством в ведение Малороссийской коллегии. Его дочь практически во всем продолжала политику своего отца, но любовь к красивому казаку сделала для Украины счастливое исключение. Решение об избрании нового гетмана было принято во время бракосочетания Петра Федоровича, чей отец, Голштинский герцог Карл Фридрих, оказывал поддержку Филиппу Орлику, и Екатерины Алексеевны, которой было суждено в дальнейшем покончить с украинской автономией.

Подавая прошение, старшина, разумеется, имела готового кандидата в гетманы. Им стал младший брат фаворита, Кирилл Разумовский.

Кирилл достиг вершин социальной лестницы Российской империи исключительно благодаря Алексею. Но вся семья Разумовских не вписывалась в традиционную картину обычных, избалованных и испорченных фаворитов, каких в истории Российской империи было немало. Не был таковым и Кирилл.

Родился он 29 марта 1728 года в том же селе Лемеши, что и брат, и также начал свою карьеру пастухом овец. Начальное

образование он получил дома, у местного дьячка, о чем позаботилась хитрая Розумиха. Став императрицей, Елизавета в 1743 года отправила Кирилла инкогнито учиться в Европу в сопровождении академика графа Г. Теплова, ученика Феофана Прокоповича. По странному совпадению (или оно таковым не было?), поехал он туда под псевдонимом дворянина Ивана Обидовского[7]. Именно так звали родного племянника Ивана Мазепы, погибшего в начале Северной войны…

Разумовский слушал лекции знаменитого математика Эйлера в Берлине, учился в университетах Геттингера, Кенигсберга и Страсбурга, объехал италию и Францию. Существует рассказ, что Эйлер, который был не только математиком, но и астрологом, показал Кириллу подлинный гороскоп, составленный по приказанию Анны иоанновны для новорожденного иоанна Антоновича. Получившееся ужаснуло астролога, и он решил представить императрице другой гороскоп, предсказывавший младенцу всяческое благополучие. Кстати, свою трагическую жизнь иоанн Антонович окончил не без участия представителя казацкой старшины Мировича, о чем пойдет речь дальше.

Получив блестящее образование, Кирилл вернулся в Петербург и получил звание действительного камергера и подполковника гвардии измайловского полка. Заграничное путешествие его совершенно изменило. Как писала Екатерина II в своих записках: «Это был красивый мужчина своеобразного нрава, очень приятный и несравненно умнее своего брата, который в свою очередь равнялся с ним по красоте, но превосходил его щедростью и благотворительностью»[8]. Кирилла очень любили при дворе. Особенным успехом он пользовался у женщин. По меткому выражению Екатерины, «все самые хорошенькие придворные и городские дамы разрывали его на части». В 1746 года в возрасте восемнадцати лет он был назначен президентом императорской Академии наук «в рассуждение усмотренной в нем особливой способности и приобретенного в науках искусства». Этот пост он сохранял почти двадцать лет.

Хотя назначение юнца главой Академии наук могло показаться знаком неуважения к ученым мужам, но на самом деле влияние Разумовского много способствовало становлению этого института в России.

Сама императрица высватала Разумовскому свою родственницу и фрейлину Екатерину Ивановну Нарышкину. Правда, как писала Екатерина, «немного против его воли», зато Кирилл получил за невесту приданое в сорок четыре тысячи душ. По отцу Нарышкина была внучкой любимого дяди Петра Великого, боярина Льва Кирилловича.

Как и обещала Елизавета в Киеве, в 1747 году была объявлена императорская грамота о возобновлении гетманского звания. Двадцать второго февраля 1750 года на генеральной раде в Глухове (который был тогда столицей Украинского гетманства) Разумовского избрали гетманом. По этому поводу Ломоносов сочинил героическую идиллию «Полидор».

Церемония была обставлена со странным смешением казацких традиций и современного придворного этикета. Императрица прислала на раду графа и.С. Гендрикова На утреней заре был дан трехкратный пушечный сигнал, и на главной площади между Николаевской и Троицкой церквями начали собираться казацкие полки. В центре было устроено возвышение о трех ступенях, покрытое красным штофом и обнесенное перилами. Народ стекался к этому месту со всех сторон.

В восемь утра по второму пушечному сигналу явились генеральные старшины, бунчуковое товарищество, шляхта, Киевский митрополит Тимофей Щербицкий с тремя епископами и архимандритом Киево-Печерской лавры. В девять часов пушечная пальба возвестила о начале церемонии. Со двора графа Гендрикова выехало шестнадцать вооруженных компанейцев, за ними следовали гетманские войсковые музыканты с литаврщиками. Степан Писарев, секретарь Коллегии иностранных дел, сидел в богатой карете, запряженной шестеркой лошадей и окруженной двенадцатью гренадерами. Он вез высочайшую грамоту, которую держал на большом серебряном с позолотой блюде. Все полки склоняли перед этой грамотой свои знамена. За каретой с необыкновенной пышностью несли гетманские клейноды. Бунчуковый товарищ Иван Гамалея нес белое знамя с российским гербом. Генеральный хорунжий Николай Ханенко в сопровождении двенадцати старшин держал на бархатной красной подушке с золотым позументом и кистями гетманскую булаву. Затем шли генеральные судья, подскарбий, писарь и двадцать четыре старшины. Потом на подушках несли бунчук, гетманскую печать и, наконец, прапор Войска Запорожского. В конце процессии в карете, окруженной гренадерами и придворными лакеями, ехал граф Гендриков. Шестнадцать пеших компанейцев замыкали церемониальное шествие.

Императорская грамота и гетманские клейноды были внесены на постамент и положены на два стола. В грамоте подтверждались «малороссийские права и вольности, с какими гетман Богдан Хмельницкий со всей Малороссией пришел под Всероссийскую державу». Гендриков от имени императрицы провозгласил право войска и народа вольными голосами избрать гетмана «по стародавним правам их». Трижды был задан вопрос:

«Кого желают они иметь гетманом?» Отовсюду послышалось имя Разумовского, трижды подтвержденное. Гендриков поздравил всех с избранием гетмана. Начали стрелять из пушек, и под несмолкаемую пальбу в церкви Святителя Николая состоялся торжественный молебен[9].

После этой церемонии новоизбранный гетман со старшиной прибыл в Петербург, где были выданы юридические документы, определявшие полномочия Разумовского.

Одним из первых шагов нового гетмана стало возвращение резиденции на батуринские руины. Батурин, столица гетманов Самойловича и Мазепы, был полностью уничтожен и сожжен войсками А.Д. Меншикова в ноябре 1708 году. После этого селиться в Батурине было запрещено. Обращение гетмана Апостола в 1734 году с просьбой восстановить город было резко отклонено Анной иоанновной[10].

Тридцать первого июля 1750 года Елизавета Петровна дала гетману Кириллу Разумовскому грамоту «о возобновлении города Батурина, где по-прежнему должна быть гетманская резиденция». В грамоте, между прочим, говорилось: «Всемилостивейше повелели мы вам нашему гетману резиденцию свою иметь в Батурине, так как и прежния гетманы оную там же имели, и бывшей там город возобновив. А при заложении онаго учинить освящение по церковному обыкновению о чем вам чрез сие знать дается. А о том же в наши синод и сенат из нашей коллегии иностранных дел сообщено»[11].

Была создана специальная «экспедиция по Батуринскому строительству», ее возглавил Г. Теплов. Гетман хотел создать настоящую столицу Украины, в ней должны были находиться каменные здания Генеральной канцелярии и Генерального суда, гетманской резиденции, больницы, школы, церкви и т. д.[12]

В 1751 года Кириллу разрешили уехать в Украину. При этом ему была дана жалованная грамота по образцу данной в свое время Скоропадскому. Учреждения Украинского гетманства были восстановлены более или менее в том виде, в каком они существовали до реформы 1722 года. Украина снова (как и при Д. Апостоле) была переведена из управления Сената в ведомство Коллегии иностранных дел, т. е. становилась автономной. Министерская канцелярия и другие учреждения, созданные для контроля над старшиной, упразднялись. Всем российским чиновникам было предложено выехать с Украины. Особой грамотой власти гетмана подчинялась Запорожская Сечь. Помимо новых имений, гетман получил, как когда-то Мазепа, и орден Святого апостола Андрея Первозванного.

Четырнадцатого июля 1751 года Кирилл торжественно въехал

в Глухов. Церемония, не менее пышная, чем во время избрания, закончилась роскошным банкетом «при громе пушек, музыке и радостных восклицаниях» и иллюминации всего города[13].

В первый год своего правления гетман потратил два месяца, чтобы объехать города и местечки Украины. Под его пристальным контролем строительство в Глухове и Батурине шло полным ходом.

Кирилл увлекался архитектурой и музыкой, он окружил себя художниками, садовниками, музыкантами, певцами, архитекторами. Имея огромные средства, он строил дворцы, парки, отдаваясь этому всей душой. Например, для устройства садов он распорядился завезти в Батурин белую акацию, которая потом распространилась по всему региону. Он даже открыл в городе специальную школу садовников. Им был устроен рассадник «Лозовцы», где выращивались все сорта крымского винограда.

Сам Батурин часто называли «Малым Петербургом», а центральная его улица была «Петербургским проспектом»[14].

Разумовский коренным образом отличался от предыдущих гетманов. В своей резиденции он скучал и больше времени проводил в Петербурге. Елизавета постоянно вызывала Кирилла ко двору и подолгу удерживала его там. В его распоряжении было имение Знаменка в окрестностях Петергофа, где архитектор Б. Растрелли выстроил ему каменный дворец.

Кирилл слыл самым утонченным гастрономом своего времени. Его балы, обеды и вечера славились во всем Петербурге. Поваров он выписывал прямо из Парижа. В частности, он переманил к себе некоего Бариота, шеф-повара французского посланника маркиза де ла Шатарди[15]. Правда, Разумовский не пировал взаперти. В его дом на обед всегда могли явиться и незваные гости. Несмотря на простое происхождение, он не был грубым и неотесанным мужланом. При дворе Елизаветы Кирилла считали непревзойденным по тонкому врожденному умению держать себя.

Рассказывали, что, обустраивая свое имение под Москвой в Петровском, Кирилл привез туда украинских землекопов с единственной целью – иметь удовольствие посидеть с ними и поговорить на родном языке[16]. Собственные капелла и оркестр гетмана выступали даже в Москве и Петербурге. Возглавлял их дирижер и композитор А. Рачинский. Певчие Кирилла принимали участие в постановке первой российской оперы по либретто А. Сумарокова.

Для библиотеки Разумовского Г. Теплов высылал из Академии наук книги Горация, Вергилия, Овидия, Ювеналия[17].

Увлечение античными авторами, как известно, характерно для представителей украинского барокко. Главной библиотекой в Батурине заведовал француз Адам, проработавший в качестве гетманского библиотекаря пятнадцать лет. В 1774 году библиотека насчитывала уже более двух тысяч томов, в основном на французском языке. Кстати, Разумовский планировал даже поселить в одном из своих имений Жан-Жака Руссо, назначив ему определенное жалование…[18]

После отъезда Разумовского в Петербург летом 1753 года (императрица удерживала его там около года) управление краем было поручено украинской старшине. Именно при Разумовском вошли в обычай так называемые «съезды старшины», проходившие в Глухове. Постепенно они превращались, по сути, в постоянный украинский шляхетский сейм.

Учитывая то влияние, какое имел новый гетман в правящих кругах, вмешательства в украинские дела каких-либо посторонних лиц на время прекратились.

Находясь в Петербурге, Кирилл занимался делами академии. Хотя многие современники и историки полагали, что он был недостаточно ученым, чтобы возглавить российский центр науки, это не помешало ему очень многое для нее сделать. При нем был составлен и утвержден «Регламент императорской Академии наук и художеств», подписанный Елизаветой Петровной 24 июля 1747 года[19]. Это был первый официальный документ о статусе академии, так как Петр I не успел его составить.

Помимо академии был учрежден и университет, ставший основой Санкт-Петербургского университета. В академии появилось немало земляков Разумовского – студенты и академические стипендиаты, ставшие в будущем известными учеными и просветителями. Благодаря Разумовскому после его избрания гетманом академический университет приобрел большой авторитет среди воспитанников Киево-Могилянской академии, лучшего и старейшего высшего учебного заведения на территории Российской империи.

В Петербурге по приглашению Разумовского работал известный политический и литературный деятель Г. Полетика. Другой украинец, Г. Козицкий, стал одним из авторов знаменитого наказа Екатерины II в Комиссию по подготовке нового Уложения (самая «демократическая» реформа, предпринятая императрицей на заре ее правления).

Кроме забот об императорской академии Кирилл также работал над проектом учреждения в Батурине Малороссийского университета. В нем предполагалось иметь девять кафедр: латинского красноречия; логики; натурального права и

юриспруденции; истории и геральдики; экспериментальной физики и математики; теоретической и практической физики; анатомии; химии; ботаники и натуральной истории. Обучаться там полагалось три года. Предусматривалось строительство собственной типографии, ботанического сада, анатомического корпуса, библиотеки и т. д. Ректор Батуринского университета по примеру европейских должен был являться президентом «директориума», состоящего из « первостатейных» профессоров. Внутренний распорядок регламентировался правилами, составленными ректором и утвержденными гетманом. Прием в университет предполагалось осуществлять на основе экзаменов, но выпускники класса риторики Киево-Могилянской академии имели право поступать без экзаменов. Предусматривалось и создание семинарии для детей бедной шляхты, в которой они могли получить подготовку для поступления в университет, выучить латынь, французский и греческий языки[20].

К сожалению, этот блестящий проект так и остался проектом. Зато было введено обязательное начальное образование для казацких детей. Кроме общего образования оно предусматривало специальный курс «военной экзерсиции».

Однако, несмотря на огромное влияние Разумовских при дворе, в 1754 году появился ряд указов, ограничивавших гетманское правление. Гетману было запрещено назначать полковников, можно было лишь предлагать кандидатов на эти должности. Была также введена система отчетов перед правительством о доходах и расходах гетманской казны. И, несмотря на все энергичные протесты Разумовского и ссылки на времена Богдана Хмельницкого, это решение не отменили.

Также Правительствующий сенат постановил отобрать у гетмана индуктный сбор (импортная пошлина) – один из главных доходов в Украине. Однако по убедительной просьбе гетмана императрица оставила этот сбор за ним[21].

За время правления Разумовского казаки не раз принимали участие в военных действиях Российской империи. Запорожцы направлялись для усиления гарнизона крепости Св. Елизаветы (ныне – Кировоград), построенной по указу Елизаветы Петровны для защиты от турок.

Казаки приняли участие и в Семилетней войне. В 1757 году Кирилл предоставил восемь тысяч погонщиков, большая часть которых погибла в походе. Около тысячи компанейцев приняло участие в битве при Егерсдорфе. В 1760 году на войну было отправлено еще две тысячи казаков под командованием Прилуцкого полковника Григория Галагана[22].

Многие из старшин надеялись использовать положение

Кирилла для дальнейшего усиления автономии Украины. В марте 1760 года гетман снова вернулся в Украину, и к этому времени относятся его реформы, касавшиеся суда. Судебная реформа была инициирована еще при Даниле Апостоле, когда начали создавать единый свод всех законов. В его основе лежали Литовский статус и Магдебургское право. В 1743 году был подготовлен кодекс «Права, по которым судится малороссийский народ». Но российское правительство его не утвердило, а в 1756 году его передали гетману.

По указу Разумовского была создана новая комиссия для разработки кодекса. Между тем один из образованнейших украинских юристов, представитель казацкой старшины бунчуковый товарищ Федор Чуйкевич, в 1750 году написал научное исследование «Суд и расправа в правах малороссийских». В нем он проводил идею создания на Украине сословных шляхетских судов на основе Литовского статуса.

Именно работа Чуйкевича легла в основу судебной реформы, проведенной при Разумовском. Вместо казацких судов – сельского, сотенного, полкового и генерального – в 1760 году вводились новые. Украина делилась на двадцать поветов, в каждом из которых создавались суды подкоморские (для земельных тяжб), земские (для гражданских дел) и городские (для уголовных дел). Высшей инстанцией становился Генеральный суд. Окончательная его реорганизация состоялась после смерти генерального хорунжия Ханенко. В Генеральном суде теперь должны были присутствовать два генеральных судьи и десять депутатов от полков. Депутаты избирались из полковых старшин. Причем каждому из них полагалось выходить из зала заседания, когда слушалось дело, касавшееся его полка[23].

Была проведена и военная реформа. Казаки получили единообразные мундир и вооружение, в полки стал вводиться регулярный строй. Вводилась муштра по подобию западноевропейской. Значительно обновилась артиллерия.

Начал Разумовский и борьбу с пьянством, столь актуальную для славянских народов. Согласно его универсалу винокурение отдавалось на откуп исключительно казакам и землевладельцам. Инородцы (не украинцы) лишались права заниматься винокурением. Реформа эта, по замыслу ее автора, должна была стимулировать развитие земледелия и скотоводства.

Казалось, гетман, наконец, решил заняться Украиной, реформируя устаревшее гетманство под реалии второй половины XVIII века. Но реформам этим не суждено было воплотиться в жизнь. Модернизации административно-судебной системы Украинского гетманства противилась сильная оппозиция. В 1761

году издается указ, выводивший Киев из подчинения гетману. А затем Разумовского снова вызвали ко двору. Его приезд в Петербург совпал со смертью Елизаветы Петровны. При новом императоре Петре III ему удалось добиться возвращения Киева в гетманское управление.

Тем не менее в отличие от брата гетман принял самое активное участие в перевороте, устроенном Екатериной против своего мужа. Именно в расположение измайловского гвардейского полка, которым командовал Кирилл, явилась она в ночь на 28 июня 1762 года, и именно этот полк первым принес ей присягу. По распоряжению гетмана в подвластной ему типографии Академии наук напечатали манифест о восхождении на престол Екатерины II. Кстати, текст манифеста составил близкий гетману Г. Теплов. Находился Кирилл и в свите новой императрицы, когда она во главе войск выступила из Петербурга в Петергоф.

Во время коронации Екатерины в Москве гетман подносил ей на золотой подушке корону. А когда в Грановитой палате давался бал в честь этого торжества, Кирилл с супругой стал одной из двух пар, которым было доверено открыть полонез. К его многочисленным титулам добавилась должность сенатора[24].

Первые действия Екатерины тоже оставляли надежду на благосклонность к гетманству. Был разрешен беспошлинный ввоз леса из Польши, запрещено пропускать оттуда вино в Запорожскую Сечь и т. д. Осенью 1763 года состоялась старшинская рада в Глухове. На ней были подготовлены и одобрены статьи «Прошения малороссийского шляхетства и старшины о восстановлении разных старинных прав Малороссии». В составлении этих положений принял участие украинский культурный и политический деятель Г. Полетика, собиратель документов и материалов по истории Украины. Прошение, базируясь на традиции, заложенной в 1654 году при Б. Хмельницком, предусматривало восстановление практики заключения договорных статей между Украинским гетманством и Россией (они составлялись при избрании каждого нового гетмана).

В своей зажигательной речи Полетика призывал «спасти отечество, которое любит больше жизни». Он говорил: «…чрез собственную вашу честь и пользу соберите все силы ума вашего, подкрепите оные патриотическим усердием и, отложив все пристрастия и партикулярные пользы, подумайте о восстановлении прежних отечества вашего порядков и благосостояния». Речь шла о признании Россией особых судебной и законодательной систем гетманства, привилегий казачества,

духовенства и мещан, возвращении прав на экспорт продуктов, распространении образования и т. д. При этом говорилось также о запрете перехода крестьян от одного владельца к другому (по сути, о введении крепостного права) и о наследственной передаче гетманского звания для Разумовских[25].

В кругах старшины был разработан «герб национальный» Украинского гетманства.

Однако, как оказалось, императрица имела твердое намерение покончить с автономными областями Российской империи, и гетманской администрации это касалось в первую очередь. Вначале Киев снова исключили из гетманского правления. Затем Кирилла вызвали в Петербург. Там его встретил с распростертыми объятиями Теплов, особенно против него интриговавший. Присутствовавший при этом граф Григорий Орлов заметил: «…и лобза, его же предаде».

В 1763 году Разумовский подал прошение о создании двух университетов на Украине: реформированной Киево-Могилянской академии и второго – в Батурине или в Чернигове[26]. Время для этого было выбрано не лучшее. Екатерина раздраженно реагировала на украинское духовенство в лице епископа А. Мациевича, который отважился выступить против проводимой ею секуляризации церковных владений[27].

Летом 1764 года Кирилл оказался косвенно замешан в «заговоре Мировича», попытавшегося освободить и возвести на престол содержавшегося в Шлиссельбурге свергнутого императора иоанна Антоновича. Василий Мирович, подпоручик Смоленского пехотного полка, представлял украинский старшинский род. Дед его был сторонником и. Мазепы, а затем и Ф. Орлика. Мирович пытался добиться возвращения своих родовых имений, конфискованных Петром I. Встречая постоянные отказы, он обратился к гетману Украины. Тот якобы сказал ему: «Мертвых из гроба не возвращают. Ты – молодой человек: сам себе прокладывай дорогу. Пытайся подражать другим, пытайся схватить фортуну на чуб и будешь таким же паном, как и другие»[28]. Мирович попытался – и проиграл. Пятнадцатого сентября 1664 года он был казнен на площади в Петербурге. Говорили, что непривычный к такого рода зрелищам народ[29] до последней минуты ожидал появления гонца с помилованием. Дворцовые перевороты в России XVIII века стали делом обыденным и никогда прежде казнями не заканчивались.

Государыня потребовала от гетмана прошения об отставке. Разумовский долго колебался, но в конце концов ему пришлось повиноваться. Десятого ноября 1764 года был опубликован «Манифест малороссийскому народу», извещавший об

увольнении Разумовского от гетманских обязанностей и учреждавший правление Малороссийской коллегии во главе с ее президентом и генерал-губернатором графом П. Румянцевым.

Разумовскому в награду за покорность пожаловали пожизненную пенсию в 60 тысяч рублей и огромные имения в Украине: Гадяч, со времен Хмельницкого предназначенный для содержания гетмана, и Быковскую волость, пожалованную на гетманское содержание при Малороссийской коллегии. Разумовский получил также чин генерал-фельдмаршала.

В принципе, Разумовский оказался в такой же ситуации, как и Иван Мазепа в 1707 году. Перед лицом проводимой императорами реформы по ликвидации автономии гетманства они могли выбрать либо жизнь частного лица с безмерными материальными возможностями, либо не подчиниться. Мазепа восстал и потерял все. Разумовский уступил. Одному Богу известно, кто из них поступил верно.

Разумовский пережил тяжелые для Украины времена: уничтожение Запорожской Сечи и Украинского гетманства, преследование украинского духовенства[30]. Ему самому было запрещено проживать в Украине, и в апреле 1765 года он уехал за границу. Он путешествовал по Франции, италии и Швейцарии и возвратился в Россию с согласия Екатерины только в 1768 году.

В 1771 году после смерти брата Алексея Разумовского Кирилл потерял и жену. От нее он имел шесть сыновей и пять дочерей, но его семейная жизнь была далеко не безоблачной, так как Кирилл отличался любвеобилием[31]. Последние годы полновластной хозяйкой в его доме являлась графиня С.О. Апраксина, к которой Разумовского ревновали все его дети.

Некоторое время Кирилл жил в Петербурге, в Украину его по-прежнему не отпускали, опасаясь возможного влияния или вмешательства в процесс ликвидации Украинского гетманства. Свое положение при дворе он образно обрисовал сам, и это вошло в анекдоты[32] той эпохи. Как-то на вопрос «Что нового в свете?», – Кирилл ответил: «Все по-старому. Один Панин думает, другой кричит, один Чернышев предлагает, другой трусит. Я молчу, а прочие, хотя и говорят, да того хуже»[33].

Кирилл очень скучал по Украине, но только в 1777 году ему удалось отпроситься в родные места. После этого он еще несколько раз бывал в Петербурге. К его последнему пребыванию в Северной столице относится еще один замечательный анекдот. После Чесменской победы в Петропавловском соборе в присутствии императрицы и всего двора архиепископ Тверской Платон сошел с амвона, подошел к могиле Петра I и, ударив по памятнику посохом, воскликнул: «Восстань теперь, великий

монарх, отечества нашего отец! Восстань и воззри на любезное изобретение твое!» Посреди общего восторга и умиления Кирилл тихонько шепнул окружающим: «Чего он кличет? Если он восстанет, нам всем достанется!»[34].

Только в 1794 году Разумовский окончательно возвращается в Батурин, где проводит последние девять лет своей жизни.

Там по его распоряжению началось строительство огромного дворца по проекту архитектора Ч. Камерона. Этот роскошный дворец был всегда открыт для гостей, живших в нем месяцами. За стол гетмана садились ежедневно по пятьдесят человек. Играл домашний оркестр, а за десертом пели певчие. Разумовский особенно любил родные украинские мотивы. Часто, когда певчие что-нибудь запевали, Разумовский замечал: «Вот эту песню певал я, будучи хлопцем».

В 1799 году по указу Кирилла началось строительство Воскресенской батуринской церкви. С самого начала она планировалась им как собственная усыпальница. Как говорил о нем князь и.М. Долгорукий, Разумовский умер «по-философски». За несколько месяцев до смерти он приказал своему управляющему выкопать для себя могилу – устроить склеп в подвале церкви. Через некоторое время он спросил: «Сделал мне хату?» Узнав, что склеп готов, Кирилл поехал его осмотреть и остался доволен[35]. Известный украинский историк О. Бодянский посетил в 1832 году Воскресенскую церковь и написал:

> Постій, козаче, не біжи,
> Ось глянь на хрест, читай, чия могила.
> Останнього це гетьмана Кирила!
> Присядь же, брате, потужи…[36]

Умер Разумовский в Батурине 9 января 1803 года на семьдесят пятом году жизни, пережив всех своих врагов и друзей. Его необыкновенно торжественно похоронили в Воскресенской церкви. На его могиле установили памятник из белого каррарского мрамора работы известного скульптора Ивана Мартоса.

Но эта могила просуществовала недолго. В годы большевистского вандализма, когда повсюду искали ценности, склеп вскрыли (в 1927 году), ордена и другие драгоценности изъяли, надгробие демонтировали и вынесли на кладбище возле церкви. К настоящему времени от него уцелели лишь фрагменты.

Правление Разумовского было весьма противоречивым. При нем произошло ограничение права перехода крестьян от одного помещика к другому (после указа это можно было сделать только

с письменного согласия помещика). То есть был сделан значительный шаг к «закрепощению», в котором обвиняют Екатерину. Он освободил жителей от пошлин, введенных и. Самойловичем и и. Мазепой, но лишил гетманскую казну реальных доходов. Для развития торговли Кирилл добился ликвидации таможни между Украиной и Российской империей. Но, по сути, это стало еще одним шагом к ликвидации автономии. Он реформировал суд, но практически тем самым уничтожил основы полкового административного деления и управления гетманством, созданные еще Богданом Хмельницким.

Он и его старшины пытались предпринять меры, чтобы сделать Украинское гетманство отвечающим реалиям своего времени. Кирилл трогательно любил Украину и пытался защищать ее своеобразие. Но при этом и сам гетман, и его окружение восхищались блеском Российской империи и невольно стремились стать ее первыми вельможами.

Кирилл был доступен, со всеми ласков, полон остроумия и легкой иронии. Интересно, что он, в отличие от большинства других «князей», выбившихся из «грязи», никогда не забывал своего прошлого. В его дворце, в роскошном шкафу из розового дерева, хранились пастушья свирель и простонародное платье «кобеняк», в котором в юности будущий гетман пас овец[37].

Известный украинский исследователь А. Лазаревский писал о нем: «Гетманство его было для малороссиян тягостнее всех его предшественников, хотя, быть может, последний гетман был лучшим человеком из всего ряда ее правителей XVIII века».

Примечания

[1] Правда, существует версия, что венчались они в Козелецком соборе, в Черниговской области, где их якобы обвенчал знаменитый «дикий поп».

[2] *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 1. С. 20 – 21.

[3] Там же. С. 41.

[4] Кієво-Могилянська академія в іменах. К., 2001. С. 99–100.

[5] Там же. С. 44.

[5] Сочинения Екатерины П. М., 1990. С. 92.

[7] Батурин: історія в пам'яткам. Ніжин, 2008. С. 68.

[8] Сочинения Екатерины П. С. 92.

[9] *Герасименко Н.* Обрання Кирила Розумовського гетьманом Лівобережної України // ЗНТШ. Т. CCXXXVIII. Праці Історично-філософської секції. Львів, 1999. С. 554–561.

[10] Архив СПбИИ РАН. Ф. 150. № П/22.

[11] Там же. № I/ 581. Л. 1.

[12] Батурин: історія в пам'яткам. Ніжин, 2008. С. 69.

[13] Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России. К., 1993. С. 456–457.

[14] Батурин: історія в пам'яткам. С. 70.

[15] *Пыляев М.И.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 2006. С. 242.

[16] *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 1. С. 397.

[17] *Путро О.* Двірцеві інтриги уряду Катерини II // Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин. К., 2003. С. 470.

[18] Батурин: історія в пам'яткам. С. 72.

[19] *Путро О.* Двірцеві інтриги уряду Катерини II. С. 467.

[20] Батурин: історія в пам'яткам. Ніжин, 2008. С. 71–72.

[21] *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России. С. 457.

[22] *Полонська-Василенко Н.* Історія України. К., 1995. Т. 2. С. 97.

[23] *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России. С. 459.

[24] *Путро О.* Двірцеві інтриги уряду Катерини II. С. 352 – 353.

[25] Там же. С. 473–474.

[26] *Хижняк З.І., Маньківський В.К.* Історія Києво-Могилянської академії. К, 2003. С. 169.

[27] *Путро О.* Двірцеві інтриги уряду Катерини II. С. 363–367.

[28] Там же. С. 356.

[29] При Елизавете Петровне смертная казнь была отменена.

[30] Екатерина II видела в украинском духовенстве противника своих реформ и жестоко преследовала его. Митрополит Арсений Мациевич после жестоких допросов был приговорен к смертной казни, которая была заменена заточением в Ревельский равелин. В конечном счете его замуровали в маленькой камере, имевшей лишь крошечную маленькую «кормушку», и он умер от голода.

[31] Внебрачная внучка К. Разумовского Анна Перовская была матерью русского писателя А.К. Толстого.

[32] В XVIII веке под «анекдотами» понимали рассказ о замечательном или забавном случае, байку.

[33] *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 1. С. 336.

[34] Там же. С. 393.

[35] Батурин: історія в пам'яткам. С. 73–74.

[36] Постой, казак мой, не беги,
Взгляни на крест, читай, чья то могила.
Последнего то гетмана Кирилла!
Присядь же, брат мой, потужи…

[37] *Пыляев М.И.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга. С. 244–245.

НАИБОЛЕЕ ЧАСТО УПОМИНАЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИХ СОКРАЩЕНИЯ:

Акты Московского государства – Акты Московского государства, изданные императорской Академией наук. Разрядный приказ. Московский стол

Акты ЮЗР – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссиею

Архив СП6ИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук

Архив ЮЗР – Архив Юго-Западной России, изданный Временной комиссиею для разбора древних актов

ВУсР – Воссоединение Украины с Россией. М., 1953

Док. Б. Х. – Документы Богдана Хмельницкого

Док. ОВУН – Документы об Освободительной войне Украинского народа

Жерела – Жерела до історіі України – Руси. Львів, 1898

ЗНТШ – Записки Наукового товариства імені Шевченка

Кривошия В. Генеалопя українського козацтва. – *Кривошия В.* Генеалогія українського козацтва. Нариси історії козацьких полків. К., 2002

ПКК – Памятники, изданные Временною Комиссиею для разбора древних актов, высочайше утвержденною при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе

1-е – изд. 1-е

2-е – изд. 2-е

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

УІЖ – Український історичний журнал

ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов (ныне РГАДА)

ЦГиА во Львове – Центральный государственный исторический архив Украины во Львове

AGAD – Archiwum Glowne Akt Dawnych (Warszawa)